

Л. А. БОРОВКОВА

ЦАРСТВА
«ЗАПАДНОГО КРАЯ»

A stylized illustration of a mountain range, consisting of three wavy, horizontal lines. The top line represents the highest peaks, with a prominent central peak and smaller ones to the left and right. The middle and bottom lines represent lower ridges or valleys, following the general contour of the peaks above them.

西域

Рецензенты

Т. В. Степугина

О. В. Зотов

Редактор А.З.Алмазова

- Б83** **Боровкова Л.А.**
Царства «западного края» во II–I веках до н. в. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001, – 368 с.

ISBN 5-89282-153-6

В книге исследуются почти все материалы древнекитайских историй «Ши цзи» и «Хань шу», касающиеся царств «западного края» (Восточного Туркестана и Средней Азии) во II–I веках до н. в., отражаются переипетии борьбы за гегемонию над ними империи Ранняя Хань с державой северных кочевников Сюнну. Несторонне рассмотрены многие, часто спорные вопросы политической истории и исторической географии региона в целом и его отдельных народов – сюннов, юэчжей, усуней, канцзюев, даваньцев и других – устанавливается или уточняется датировка многих событий и их географическая привязка.

ББК 63.3(5)

ISBN 5-89282-153-6

© Л. А. Боровкова, 2001

© Институт востоковедения
РАН, 2001

© Крафт+, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Специфика источников. История изучения	8
Глава 1. Возникновение державы Сюнну и ее гегемония в Центральной Азии (конец III – середина II века до н. э.)	35
Глава 2. Победа Хань в пятнадцатилетней войне с Сюнну (133–119 годы до н.э.) и овладение ею Ордосом и Ганьсуским коридором	67
Глава 3. Миссия Чжан Цяня. Царства Средней Азии в 129–128 годы до н. э. по его сведениям	90
Глава 4. Установление посольских связей Хань с царствами Средней Азии в 119–104 гг. до н. э. . .	118
Глава 5. Ханьско-даваньская война 104–101 гг. до н. э.	136
Глава 6. Поглощение Дася (Бактрии) Большим Юэцжи на рубеже II–I веков до н. э.	157
Глава 7. Десятилетняя война Хань с Сюнну (99–89 гг. до н. э.)	181
Глава 8. Крушение державы Сюнну и переход Западного края (Восточного Туркестана) под контроль Хань	205
Глава 9. Гегемония Хань над Западным краем (60 г. до н. э. – 15 г. н. э.)	225
Глава 10. Царство Усунь. Борьба Хань и Сюнну за влияние на него в 100–60 гг. до н. э.	245
Глава 11. Победа Хань и раскол в Усунь (60 г. до н. э. – 25 г. н. э.)	269
Глава 12. Царство Канцзюй в I в. до н. э.	292

Приложения

1. Ранняя Хань. Годы и эры правлений императоров .	314
2. Сюнну. Правления шаньюев периода Ранней Хань .	315
3. Усунь. Правления кунми периода Ранней Хань . . .	316

крас	319
5. Ханьские сиюй-духу	319
6. Ранги чиновников Ранней Хань	320
Библиография	322
Именной указатель	340
Указатель географических названий	346
Summary	354
Карты и схемы	357

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период с конца III в. до н. э. до начала I в. н. э. был эпохой великих исторических событий в Центральной Азии¹. То было время создания и расцвета могущественной державы кочевников — Сюнну, простиравшейся от востока Монголии до Средней Азии, а затем упадка и крушения ее в борьбе с другим колоссом того времени — китайской империей Ранняя Хань² (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.). То было время падения Греко-Бактрийского царства в Средней Азии, переселения сюда из Восточного Туркестана разгромленных сюннами юэчжей, создавших царство Большое Юэчжи, переселения из Восточного Туркестана в долину Или усуней, создавших царство Усунь.

Это была эпоха установления и развития связей на государственном уровне империи Ранняя Хань с Сюнну и царствами Средней Азии и Восточного Туркестана, благодаря чему императорский двор получил о них немало сведений, записанных придворными историографами, т.е. современниками. А на рубеже II—I вв. до н. э. великий придворный историограф Сыма Цянь написал первую общую историю Китая с глубокой древности до конца II в. до н. э., знаменитые «Исторические записки» («Ши цзи»), в которых систематизированно изложил материалы о взаимоотношениях Ранней Хань с Сюнну и с царствами Средней Азии и сведения о них до начала I в. до н. э. Историограф же империи Поздняя Хань (25–220) Бань Гу в конце I в. н. э. написал общую ис-

¹ В данной работе под этим названием имеется в виду регион Монголии, Восточного Туркестана и Средней Азии.

² Существовали две империи Хань: одна — в 206 г. до н. э. — 25 г. н. э., другая — в 25–220 гг. н. э. Древнекитайские историки последующих веков стали называть первую Ранней, или Западной Хань, так как столица ее Чанъань лежала в западных землях, а вторую — Поздней, или Восточной Хань, поскольку столица ее г. Лоян находилась в восточных землях.

такого рода сведения за весь период ее существования.

Богатство сведений в «Ши цзи» и «Хань шу» по истории Центральной Азии раннеханьского времени особенно заметно на фоне редких, отрывочных, часто поздних и неясных сообщений античных и древнеиндийских источников. Поэтому понятен неугасающий уже более двух веков интерес ученых к столь бурному этапу истории огромного региона, обращение к нему все новых поколений исследователей.

С того времени, как в середине XVIII в. в Европе были изданы первые пересказы и переводы материалов из древнекитайских историй, изучение их и по ним истории Центральной Азии быстро развивалось. Но с конца XIX в. стало выявляться все больше разнообразных археологических материалов, включая письменные на разных древних, иногда ранее неизвестных языках. Они позволили поставить и исследовать более широкий круг проблем этнокультурной и экономической истории Центральной Азии, дополнить и подвергнуть сомнению отдельные сведения древнекитайских историй. В результате изучение последних отодвинулось на задний план.

Но самые разнообразные археологические материалы и другие источники не могли заменить ни данные древнекитайских историй по таким основополагающим вопросам, как местонахождение царств и абсолютная хронология, ни сведения о конкретных событиях и деятелях, без чего решение других проблем, особенно политической истории, вряд ли возможно. Поэтому и в XX в. при рассмотрении тех или иных аспектов истории Центральной Азии II—I вв. до н. э. и даже более поздней синологии и несинологии все же обращались к материалам «Ши цзи» и «Хань шу». Но подробное синологическое исследование по ним политической истории всего региона так и не было проведено.

Между тем держава Сюнну во II — начале I в. до н. э. была гегемоном в Центральной Азии, и установление и развитие связей Хань с царствами Средней Азии и Восточного Туркестана и соответственно получение сведений о них зависело от успехов в борьбе с этой державой. Следовательно, понимание политической истории региона возможно только в контексте развития ханьско-сюннского противостояния.

Все сказанное выше и объясняет в основном выбор темы предлагаемой работы.

смотрим в этой работе этнокультурные и социально-экономические аспекты (несомненно, заслуживающие внимания специалистов). А из историко-географических данных «Ши цзи» и «Хань шу» и последующих династийных историй, исследованных нами ранее [см. *Боровкова, 1989, 1992*], здесь анализируем только те, что важны для выяснения конкретных политических вопросов изучаемой эпохи.

Не преследует работа и историографической цели, так как обширность имеющейся литературы, основанной на разнообразных источниках, требует специального исследования.

СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКОВ

Специфика и характер сведений в «Ши цзи» и «Хань шу» о Центральной Азии раннеханьского периода определяют в основном структуру и содержание работы, методы исследования. Изучению «Ши цзи» и «Хань шу» в целом и отдельных глав их посвящено уже много работ [библиографию см. Сыма Цянь, 1972–1975; Сыма Цянь, 1984–1987; Синицын, 1975]. Здесь же остановимся на тех главных особенностях их, которые необходимо учитывать при определении степени достоверности используемых материалов.

Сыма Цянь (145–87 гг. до н. э.) и Бань Гу (32–92 гг. н. э.) были придворными историографами. По сформировавшейся еще в древнекитайских царствах традиции при дворе Ранней Хань, а потом и всех последующих китайских империй, существовал отдел историографов, в круг обязанностей которых входил, в частности, сбор документов и материалов государственного управления, их обработка и подготовка как бы макета истории правления императоров данной династии. Главным образом по такого рода заготовкам предшествующих историографов и архивам двора Сыма Цянь и Бань Гу писали историю Хань.

Следовательно, это были официальные истории, написанные по официальным же материалам, собранным и хранившимся при дворе. Очевидно, что те из них, что были основаны на документах двора, заслуживают высокой степени доверия. Но есть и исключения. Так, сведения о событиях, происходивших вне пределов империи, в иноземных царствах, записывались в основном со слов тех высших сановников, которые либо сами участвовали в них (военачальники), либо получали при дворах иноземных царств. Как правило, это были знающие свое дело люди. И с этой точки зрения их сведения заслуживают доверия. Но собранные ими данные об отдаленных землях и странах были не всегда точными в основном из-за общей скудости знаний об этих регионах в то время. Сведения же о событиях, в которых они непосредственно участвовали, в ряде случаев искажались ими ради преувеличения собственных заслуг, особенно в описаниях военных походов. И императорские указы о наградах и пожалованиях за заслуги составлялись

на основании их же отчетов, потому Повторяли те же искажения. По этой причине такого рода материалы требуют тщательного критического анализа.

Вторая особенность «Ши цзи» и «Хань шу» состоит в тематическом распределении материалов. Сыма Цянь первым построил свой труд по такому принципу, изложив материалы по четырем разделам. Характер и названия трех из них — *бэньцзи* (основные записи, анналы, хроники), *бяо*, (хронологические таблицы) и *лечжуань* (биографии, жизнеописания, повествования) — были заимствованы Бань Гу. Четвертый же раздел Сыма Цяня — *шу* (трактаты, истории) он преобразовал в раздел *чжи* (описания), дав в нем впервые и описание административного устройства империи — «Ди ли чжи»).

Именно в раздел *лечжуань* Сыма Цянь включил ряд глав, посвященных описаниям как сопредельных с Хань, так и дальних стран, в частности «Повествование о Сюнну» и «Повествование о Давань». Это нововведение воспринял Бань Гу (а за ним и авторы большинства последующих династийных историй), написав свое «Повествование о Сюнну», «Повествование о западном крае»³. Они-то и оказались

³ Так как словосочетание «западный край» (*си-юй*) в названии этой главы постоянно встречается в рассматриваемых материалах «Хань шу», необходимо сразу же определить, что оно означает. В «Ши цзи» его еще нет, оно впервые появляется в материалах «Хань шу» за I в. до н. э. Судя по тому, что в «Повествовании о западном крае» описаны 66 царств к западу от Хань на пространстве от Восточного Туркестана до Малой Азии, от северной Индии до южного Казахстана, «западный край» в данном случае является нарицательным названием вообще всех земель к западу от Хань. Но в своем введении к этой главе Бань Гу назвал Западным краем и конкретный регион, включавший, по его мнению, 36 царств, и дал довольно подробное географическое описание его, весьма точно совпадающее с географией Восточного Туркестана. Очевидно, что в данном случае «Западный край» — собственное название конкретного региона. Так что Фан Хао прав, кратко отметив, что название *си-юй* имело широкое и узкое значение [Фан Хао, 1974, с.85].

Поскольку в «Хань шу», как и во всех старых китайских текстах, собственные имена и названия никак не выделялись, — задача исследователя определять по контексту, идет ли в сообщении речь о всех вообще землях к западу от Хань или конкретно о Западном крае (Восточном Туркестане). Пока же принято, к сожалению, во всех случаях писать Западный край как собственное название.

основными письменными источниками по истории Центральной Азии II – I вв. до н. э.

Но отдельные сведения содержатся и в ряде других глав как раздела *лечжуань* (в биографиях военачальников и высших сановников), так и прочих разделов. Как правило, они дополняют материалы «Повествований», позволяют составить более полное представление о каком-то событии, уточнить обстоятельства. Но нередко в результате оказывается, что сведения об одном и том же событии в разных главах противоречивы, и тогда требуется дополнительное исследование.

Другая особенность «Ши цзи» и «Хань шу» – хронологический принцип изложения материалов. В «Ши цзи» сведения приведены до рубежа II – I вв. до н. э., а в «Хань шу» – от начала до конца существования Ранней Хань. Однако в них точно датированы лишь события, непосредственно связанные с деятельностью императора и его двора, т.е. главным образом внутриимперские. В описаниях же иноземных царств, например, в ранней истории сюннов, юэчжей, усуней и прочих народов, все, происходившее в них до установления связей с Хань, не датировано совсем, да и после начала контактов датированы лишь единичные события даже из тех, что были прямо связаны с внешнеполитическими акциями ханьских императоров по отношению к этим народам.

Например, в «Ши цзи» в «Повествовании о Давань», в котором изложена история установления и развития связей Хань с царствами Средней Азии во второй половине II в. до н. э., приводится всего две абсолютные даты, да и те – год пожалования титула Чжан Цяню и год начала ханьско-даваньской войны; а в «Повествовании о Сюнну», отношения с которой у Хань были регулярными на протяжении почти всего II в. до н. э., точных дат всего семь. В «Хань шу», в «Повествовании о западном крае», в котором описаны 55 царств к западу от Хань, таких дат 14, причем 9 из них в описаниях Усунь и Чэши, с которыми у Хань были самые развитые после Сюнну отношения, а в двух главах «Повествовании о Сюнну» за два века – около 28.

Но в этих главах, особенно в «Повествовании о Сюнну», есть немало относительных дат типа «через год с лишним после...», «на четвертом году правления» и т.п., которые по материалам других глав нередко можно перевести в

абсолютные. Чаще, однако, нет ни относительных дат, ни дат предшествующих событий. И тогда в случае особой важности события для его хотя бы примерной хронологизации приходится проводить специальное сложное исследование широкого круга разнообразных сведений, вплоть до географических.

Поскольку сведения об иноземных царствах получали при дворе Хань в основном от своих послов и послов из этих царств — определение времени их отравления и прибытия, которое также обычно не датировано, составляет одну из важных задач исследования, так как позволяет примерно хронологизировать сообщенные послами сведения об этих царствах.

Следует отметить, что перевод на европейское летоисчисление дат, обозначенных годами правления того или иного императора Ранней Хань, затруднен тем, что пока нет подробной, по месяцам и дням, сравнительной таблицы китайского лунного и европейского календарей за II — I вв. до н. э. Особенно сложно это сделать по периоду с 221 г. по 104 г. до н. э., когда год правления императора начинался не с первой, а с десятой луны (месяца) календарного года. Поэтому, если не указано, что событие произошло в такую-то луну, возможно расхождение в датировке по европейскому летоисчислению на год.

Особого внимания заслуживает традиция древнекитайских авторов в знак уважения к своим предшественникам цитировать или излагать в своих сочинениях не только отдельные фразы, но и в некоторых случаях целые главы из их работ без всяких ссылок. Если это исторический материал и он не датирован, то сведения за ранний период, будучи воспроизведены в более позднем сочинении, могут быть отнесены к другому веку.

Особенно много таких заимствований из «Ши цзи» в труде Бань Гу. Он писал историю Ранней Хань за весь период ее существования (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.). Но часть ее до рубежа II — I вв. до н. э. была уже написана Сыма Цянем. И Бань Гу, следуя традиции, эту часть истории Хань изложил в той или иной форме по «Ши цзи». В одних случаях он почти дословно повторял целые главы, в других — частично использовал материалы Сыма Цяня. Так, 110-ю главу «Ши цзи» «Повествование о Сюнну» Бань Гу воспроизвел в первой части 94-й главы «Хань шу» также

под названием «Повествование о Сюнну»; 109-ю главу с биографиями военачальников Ли Гуана и его племянника Ли Лина включил в 54-ю главу «Хань шу», дополнив данные о последнем сведениями за начало I в. до н.э.; главу 111 «Ши цзи» с жизнеописаниями знаменитых военачальников Вэй Цина и Хо Цюйбина и очень краткими биографиями других военачальников того времени автор «Хань шу» поместил в 55-ю главу своего сочинения, но исключил из нее краткую биографию Чжан Цяня, так как написал о нем подробно в 61-й главе.

Материалы же такой комплексной главы, как «Повествование о Давань», в которой Сыма Цянь привел самые разные сведения и о царствах Средней Азии, и о политике У-ди, направленной на установление и развитие связей с ними, Бань Гу использовал в нескольких главах. Так, сведения из описаний царств Средней Азии, сообщенные Чжан Цянем, Бань Гу включил наряду с новыми данными в 96-ю главу «Хань шу», «Повествование о западном крае», и в свое введение к ней. Материалы же о походе Чжан Цяня в эти царства полностью вошли в его биографию, а описание ханьско-даваньской войны – в биографию Ли Гуанли, написанные Бань Гу включенные в 61-ю главу «Хань шу».

Но в 10–20-е годы XX в. некоторые китайские ученые высказали предположение, что 123-я глава «Ши цзи» «Повествование о Давань» не аутентична, что это – позднейшая реконструкция текста по материалам глав 61 и 96 «Хань шу». Тем самым они признавали факт утраты 123-й главы, хотя свидетельств древних авторов об утрате именно ее нет. Позднее эта гипотеза была поддержана отдельными западными учеными, но пока большинством синологов не принята. [О методах обоснования ее, сторонниках и противниках см. Егер, 1933, с. 21-37; Пуллиблэнк 1966, с. 36-39; Хулсве, 1975, с. 83-132; Крюков, 1988, с. 224-225, 229-231].

Эта особенность материалов «Хань шу» требует от исследователя прежде всего текстологического анализа их, выявления тех, что взяты из «Ши цзи» и, следовательно, относятся ко II в. до н. э., и тех, что являются новыми в ней и повествуют о событиях I в. до н. э. Иначе факты, имевшие место во II в. до н. э., могут быть отнесены к I в. до н. э., и тогда неизбежны ошибки в понимании этнополитической ситуации в регионе, которая в те времена нередко менялась по причине завоеваний или переселений народов.

Поэтому в предлагаемой работе исследование велось строго в хронологической последовательности сначала по материалам «Ши цзи» за II в., а затем по материалам «Хань шу» за I в. до н. э. Особо анализировались те случаи, когда в «Хань шу» оказывались новые сведения за II в. до н. э., отсутствующие в «Ши цзи», или выявлялись изменения при изложении материалов Сыма Цяня.

Даже из сказанного о главных особенностях материалов «Ши цзи» и «Хань шу» очевидно, что изучение по ним истории Центральной Азии раннеханьского времени требует одновременного исторического и источниковедческого исследования их синологами, так как сделать это по весьма разнящимся переводам отдельных глав и сообщений невозможно. Однако наличие переводов очень важно и для синологов. Чем больше переводов, тем легче уточнять смысл спорных фраз и ориентироваться в широком круге сведений.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Ученые Запада обратились к истории Центральной Азии вообще и древней в частности в середине XVIII в., когда в результате расширившихся связей европейских держав и России со странами Востока резко возрос интерес к ним, были составлены первые карты Азии, появились переводы подлинных исторических источников.

Непосредственным толчком к изучению древней истории этого региона послужил приток с начала века в страны Европы греко-бактрийских и кушанских монет, найденных в долине р. Джейхун (Амударья). Это доказывало нахождение здесь владений древней Греко-Бактрии, упоминаемой в античных источниках. Уже в 1738 г. в Петербурге академик Б. З. Байер публикует «Историю царства греков в Бактрии», написанную на латинском языке по сведениям античных источников и нумизматическим данным. Исследования по этим источникам так и остались одним из главных направлений в изучении древней истории Центральной Азии.

А в 1756–1758 гг. в Париже выходит пятитомная «Общая история гуянов, тюрок, монголов и прочих западных татар» Ж.Дегиня. Это был перевод-пересказ в авторской интерпретации материалов по древней и средневековой истории народов Центральной Азии из средневековой китайской исторической энциклопедии. И одними из ранних

сказались сведения о народе юэчжи, который, как понял Дегинь, переселился из района Ганьчжоу – Сучжоу, в Маверранахр и, по данным одних авторов, расположился к западу от Давань и к северу от Дася и от р. Гуйшуй, а по данным других, – завоевал Дася и обосновался к югу от р. Гуйшуй [Дегинь, 1958, т. 1, ч. 2, с. 88]. Все это очень напоминало известную ему историю завоевания тохарами и другими кочевниками Греко-Бактрии, локализованной по нумизматическим данным в долине р. Джейхун – древнего Окса (Амударья). И Дегинь без сомнений и обоснований отождествил юэчжей с тохарами и индоскифами, Дася с Греко-Бактрией, Давань с Ферганой, р. Гуйшуй с Оксом, т. е. с Амударьей. Таким же образом он идентифицировал и многие другие древние царства и географические объекты с современными, и часть его идентификаций осталась общепринятой до сих пор. Труд Дегиня стал большим научным событием. Он открыл научному миру Запада огромное богатство сведений о ранее неизвестных страницах древней и средневековой истории Центральной Азии, почерпнутых из древних китайских источников.

И вскоре стали выходить друг за другом написанные миссионерами или с их помощью работы, также представлявшие собой перевод или изложение материалов средневековых китайских энциклопедий⁴. Наибольшую известность получили 12-томная «Общая история Китая» Ж. Майя [Майя 1777–1785], «История Татарии» К. Висделу [Висделу, 1777] и другие. По своему характеру они не отличались особенно от труда Дегиня. Благодаря им научный мир Запада познакомился с главными субъектами и событиями древней истории Китая и Центральной Азии в их взаимосвязи.

⁴ Так принято называть написанные в средние века в Китае сводные труды по истории страны и соседних народов с древности, содержащие компилятивное изложение материалов в основном из истории династий и из других ранних сочинений. Наиболее знамениты из них: 1) «Цзы чжи тун цзянь» («Всепроникающее зеркало, управлению помогающее») Сыма Гуана (1019–1086), содержащее сведения с 400 г. до н. э. по 960 г. н. э., а также «Тун цзянь ганму» («Конспект "Тун цзянь"»), составленный Чжу Си (1130–1200); 2) «Тун чжи» («Общее описание») Чжэн Цяо (1104–1162) с древности до 500 г.; 3) «Вэнь сянь тун као» («Общее обозрение по сочинениям образованных и мудрых») Ма Дуаньлиня (ок. 1250–1325) с древности до 1196 г.

С начала XIX в. заявляют о себе уже профессиональные синологи, среди которых наиболее известны А. Ремюза (1788–1832) и Ю. Клапрот (1783–1835), публиковавшие свои труды в 20-е годы XIX в. Хотя они все еще в основном использовали компилятивные материалы энциклопедий, но уже перешли от написания по ним общих историй к рассмотрению отдельных аспектов не только истории, но и исторической географии и этнологии Центральной Азии. Более того, они предприняли первую попытку перевода древних первоисточников.

А. Ремюза, занимаясь в основном вопросом о владениях Китая в Центральной Азии с древности до эпохи Цин [Ремюза, 1825, 1825а, 1829], впервые обратился к истории отдельного царства, Хотана [Ремюза, 1820], а также к переводу древних первоисточников: материалов о Чжан Цяне из «Ши цзи», опубликованных в 1826 г. [об этом см. Бернштам, 1950, с. XXVII], и записок Фа Сяня, китайского буддийского священника, совершившего паломничество в Индию в 399–414 гг., работу над записками А. Ремюза не успел завершить. После его смерти их дорабатывал сначала Клапрот, а после и его смерти – Ландерс, опубликовавший этот труд в 1836 г. [Ремюза, 1836].

Ю. Клапрот впервые написал о языке уйгуров, отнеся его к тюркским [Клапрот, 1820], и вообще о языках народов Центральной Азии [Клапрот, 1823]. Но наибольшее признание получили тогда его историко-географические изыскания по этому региону с древности до эпохи Цин [Клапрот, 1824, 1826, 1826а], которые использовали в своих трудах по Азии знаменитые географы XIX в. К. Риттер, Ф. Рихтгофен и А. Гумбольдт. Свои познания, однако, Клапрот черпал из материалов составленного во второй половине XVIII в. сочинения цинских ученых «Да Цин итун чжи» («Полное описание Великой Цин»), а не из оригинальных древних источников.

Намеченные А. Ремюза и Ю. Клапротом новые направления в изучении истории Центральной Азии по древним китайским историям – перевод первоисточников, выяснение отдельных фактов и аспектов, изучение географии и этнологии в соответствующие эпохи – стали затем определяющими благодаря трудам знаменитого русского синоведа Н. Я. Бичурина, в монашестве Иакинфа (1777–1853). Начиная с 1828 г., когда вышли его первые книги «Записки о

Монголии» и «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», он опубликовал около 15 книг и множество статей по истории Китая и Центральной Азии с древности до современности [см. Малькевич, 1953], написанных по материалам оригинальных китайских источников разных эпох⁵.

Древнюю историю западного края Н. Я. Бичурин написал впервые по материалах древнекитайских историй в первой части вышедшего в 1829 г. «Описания Чжунгарии и Восточного Туркестана», представлявшего собой общую историю региона с древности до современности. Однако наиболее значимым для последующего развития исследований по древней и раннесредневековой истории Центральной Азии стал его последний великий труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [Иакинф, 1851], опубликованный в 1851 г. В нем он впервые представил научному миру полные переводы глав («Повествований») о народах не только Центральной, но и Восточной Азии из «Ши цзи» и династических историй от «Хань шу» до «Синь Тан шу», т. е. главных древних первоисточников по истории этих регионов со II в. до н. э. по VIII в. н. э.

Позже одни из переведенных Н. Я. Бичуриным «Повествований» снова переводились разными авторами, другие же существуют только в его переводе. Так что труд его по широте охвата источников не имеет себе равных до сих пор и сохраняет свое значение, почему так необходимо было переиздание его, предпринятое в 1950–1953 гг. [Бичурин, 1950–1953].

К своим переводам Н. Я. Бичурин дал кроме кратких примечаний еще и более пространные «пояснения», «исторические пополнения», а также мини-исследования об этническом происхождении ряда народов. Он считал сюннов монгольским народом, население западного края тюркским,

⁵ Представляется поэтому неточным утверждение А. Н. Бернштама, что «Ю. Клапрот опирался также на переводы и сводки, давая в своих трудах главным образом пересказы и рефераты или переводы трудов других ученых, например, того же Вичурина» [Бернштам, 1950, с. XLII], повторенное Л. И. Думаном и со ссылкой на него В. А. Литвинским [Литвинский, 1988, с. 63]. Клапрот издал свои последние исследования в 1826 г., когда первые книги Вичурина еще не вышли. А к 1828–1831 гг. относятся лишь полемические заметки Клапрота, опубликованные в ходе его дискуссии с Вичуриным [об их полемике см. Бернштам, 1950, с. XXI–XXII].

а усуней потомками саков [т. 1, с. 32, 57; т. 3, с. 53]. Кроме того, он составил «Карту к Истории народов, обитавших в Средней Азии в древние времена» и «Географический указатель мест на карте к истории среднеазиатских народов». В указателе он кратко обосновывал свое мнение о местонахождении многих историко-географических объектов, а на карте, которая свидетельствует о том, что в его время представления о географии региона были довольно неточными, наглядно показал локализацию части объектов. Например, он полагал, что царство Усунь в III в. до н. э. – VI в. н. э., «занимало земли на северной стороне Небесных гор от Темурту-нора на восток до Суй-лай-хянь» [т. 3, с. 53], т. е. от Иссык-куля до района Манаса, в «стране Или» [т. 3, с. 29]. Юэчжи же до переселения занимали земли в Ганьсу, где находились горы Цияньшань [т. 3, с. 67], от Лянчжоу до Аньсичжоу [т. 2, с. 151, прим. 3], а сразу после переселения – земли между Сырдарьей, Амударьей и Кокандом, столица же их лежала «от Коканда прямо на запад на правом берегу Чжейгуни» (Амударья) в Хиве [т. 2, с. 152]. В вопросах идентификации древних объектов с современными Н. Я. Бичурин, как и Клапрот, но в меньшей степени, оказался под влиянием суждений цинских ученых XVIII в., составивших «Да Цин итун чжи» (географическое описание империи Цин), значительную часть исторических разделов которого он перевел, но не опубликовал. Только в 1960 г. этот труд его увидел свет [Бичурин, 1960].

Конечно, и его многие предположения по столь разнообразным вопросам, сделанные на том раннем этапе развития синологии, этнолингвистики, истории и географии региона сейчас отвергнуты, но, полагаем, не устарел его метод изучения истории и исторической географии в комплексе по древнекитайским историям.

Во второй половине XIX в. все больше синологов обращалось к изучению истории Центральной Азии, но в основном средневековой. Крупнейшие ученые продолжили традицию перевода первоисточников, относящихся к этому периоду. Например, С. Бил, Х. Джайльс и Дж. Легге предложили свои варианты перевода записок Фа Сяня [Бил, 1869; Джайльс, 1877; Легге, 1886], а С. Жюльен и тот же С. Бил перевели записки Сюань-цзана, еще одного китайского буддиста, совершившего в 629–645 гг. паломничество в Индию и описавшего, как и Фа Сянь, но много подробнее,

ОРЕНБУРГ

БИБЛИОТЕКА

ЕКА

301620

пройденные им страны [Жюльен, 1853, 1857; Бил, 1884, переизд. в 1906 и 1969]. Кроме того, С. Жюльен перевел материалы о тюрках [Жюльен, 1846, 1846а, переизд. в 1977] и уйгурах [Жюльен, 1847]. По позднему средневековью пишут работы такие известные синологи, как В. П. Васильев (1859), В. Шотт (1865), Габлентц (1877), Е. Бретшнейдер (1888), Д. М. Позднеев (1899) и другие.

Синологических же работ по древней истории региона появилось значительно меньше. Наибольшее влияние на ее дальнейшее изучение оказали переводы А. Уайли на английский язык 96-й главы «Хань шу» «Повествование о западном крае» [Уайли, 1881, 1882] и материалов о сюнвах [Уайли, 1874]. К. Юар (специализировавшийся по истории Восточного Туркестана и Джунгарии VII – XVIII вв.) перевел материалы за ханьский период из исторических глав сочинения цинских ученых «Сиюй ту чжи» («Описание и карты западного края»), составленного в 1757–1782 гг. по приказу императора Цяньлуна после завоевания Джунгарского ханства. Компилятивный свод основных материалов из древних историй и сделанная по ним цинскими учеными локализация древних царств, воспроизведенные в переводе Юара, потом использовались многими исследователями исторической географии западного края. Следует отметить еще статью У. Кингсмилла об отношениях Китая с Восточным Туркестаном и соседними с ним странами во II в. до н. э. [Кингсмилл, 1882], работу Ф. Хирта о связях Поздней Хань с Римом (1885) и его статью «О волжских хуннах и сюнну» (1900), в которой фактически он подошел к постановке проблемы о соотношении сюннов, обитавших у стен древнего Китая, с гуннами, вторгшимися в Европу.

Появился и ряд работ по древней истории и исторической географии, написанных несинологами на основании разноязыких древних источников, преимущественно китайских, в основном по имеющимся переводам их. Из них наибольшее признание получили работы Г. Юля, В. В. Григорьева и Н. А. Аристова.

Г. Юль сделал попытку проследить, где пролегал путь в Китай, описанный Птолемеем, и соответственно локализовать по нему древние царства, описанные в ханьских историях [Юль, 1866, 1872, переизд. в 1915]. В. В. Григорьев написал общую историю Восточного Туркестана, изложив древнюю ее часть по древнекитайским, античным и древне-

индийским источникам, ставшую надолго главным пособием по истории этого края.

Работа Н. А. Аристова «Этнические отношения на Памире и в припамирских странах по древним, преимущественно китайским, источникам» представляла собой серьезное исследование, правда, не столько проблем этнической принадлежности народов, которые он решал более декларативно, чем доказательно, сколько вопросов исторической географии региона. Их он исследовал скрупулезно, критически сопоставляя данные «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу» по переводам Бичурина, Уайли и других, с подробными сведениями современных авторов географических обзоров региона. Немало его наблюдений и частных выводов сохраняют свое значение и до сих пор.

Таким образом, в XIX в. синологи западных стран и России ввели в научный оборот огромное количество материалов по древней и раннесредневековой истории Центральной Азии из древнекитайских первоисточников. Исследований же по ним появилось не много, да и те в значительной части были сделаны не синологами. Тем не менее в комментариях переводчиков и этих исследованиях было поставлено множество вопросов о датировке событий, местонахождении древних царств и географических объектов, переселении народов, их этнической принадлежности и т. д. Естественно, что на том уровне изученности источников, исторических и географических знаний о регионе ответы на вопросы у разных авторов часто не совпадали. Предстояла огромная трудоемкая работа по изучению самих источников и их материалов. Но с начала XX в. изучение древней истории Центральной Азии пошло во многом по другому направлению из-за появления качественно отличных исторических источников — археологических.

Все возрастающий интерес западных стран к разным регионам Центральной Азии стимулировал в последней трети XIX в. широкое научно-экспедиционное изучение географии их. Особенно значительны были достижения в этом направлении российских ученых и путешественников. В ходе экспедиций они, решая географические задачи, попутно фиксировали обнаруженные развалины древних поселений, собирали и привозили древние предметы, монеты и памятники письменности, вызывавшие большой интерес историков. И на рубеже веков научные сообщества запад-

ных стран начали экспедиционное археологическое изучение Центральной Азии, все более плодотворно продолжающееся до сих пор. Уже в первое десятилетие был собран большой фонд разнообразных археологических материалов, в том числе памятников письменности на древних, иногда дотоле неизвестных языках. Изучение их и на их основе истории этнокультурных и торговых связей стало определяющим направлением исследований по Центральной Азии. А столь плодотворное в XIX в. изучение этнополитической истории и исторической географии ее по богатейшим материалам древнекитайских источников отступило на задний план. Более того, к настоящему времени у некоторых специалистов по Центральной Азии сложилось даже пренебрежительное отношение к ним при явно завышенной оценке значимости археологических материалов.

Так, Б. А. Литвинский в своей статье «История изучения» в сборнике «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье», давая подробный историографический обзор ее за XX в., пишет: «Прежде сведения по истории Восточного Туркестана основывались на отрывочных сообщениях китайских хронистов и путешественников, которые отличались неполнотой и ярко выраженной тенденциозностью, очень часто необъективностью. Местные же документы позволяют не только заново критически оценить китайские источники, но и наполнить недавно еще прерывистые силуэты восточно-туркестанской истории конкретным содержанием, не только восстановить во всех деталях внешнеполитические связи региона на протяжении веков, но и воссоздать политическую историю многих государственных образований и владений». Однако тут же, говоря о реальных результатах исследований по «местным», т. е. археологическим материалам почти за сто лет, он констатирует: «Конечно, сложности анализа этих источников и сопоставления их между собой, а также с китайскими данными необычайно велики; еще большие трудности возникают при попытках использовать для широкой панорамы истории народов Восточного Туркестана археологические, нумизматические, иконографические, архитектурные и антропологические материалы. В основном, вероятно, именно вследствие этого до сих пор не существует обобщающей работы по раннесредневековой и древней истории Восточного Туркестана, выполненной на современном научном уровне,

хотя имеются добротные исследования истории отдельных народов и владений, например Кучи, уйгурского Турфанского княжества, а также по многим частным проблемам» [Литвинский, 1988, с. 4–5].

Поскольку Б. А. Литвинский рассмотрел историографию этого направления в изучении Центральной Азии, здесь мы на ней не будем останавливаться.

Конечно, изучение древней истории региона по материалам древнекитайских историй продолжалось и в XX в., хотя и с меньшей интенсивностью, чем по источникам археологическим. В первые три десятилетия синологи, начавшие свою научную деятельность еще в конце XIX в., понесли дальше эстафету своих учителей по переводу древних первоисточников. Э. Шаванн помимо целого ряда переводов и исследований по раннесредневековой истории перевел (на французский язык) вообще впервые описание западного края за первую половину III в. н. э. из «Вэй люэ», приведенное в «Сань го чжи» [Шаванн, 1905] и впервые после Бичурина «Повествование о западном крае» из «Хоу Хань шу» [Шаванн, 1907]. Ф. Хирт в 1917 г. перевел на английский материалы о Чжан Цяне [Хирт, 1917]. В 1921–1926 гг. вышли две работы Де Гроота с переводами на немецкий материалов из древнекитайских историй о народах западного края [Де Гроот, 1921–1926] и о сюннах до начала нашей эры [Де Гроот, 1921–1926]. А. О. Франке в 1904 г. опубликовал перевод и исследование материалов о тюркских народах и скифах [Франке, 1904], высказав, в частности, свои суждения по вопросам этнической принадлежности народа сз (саков), юэчжей и усуней и определил 160 г. до н. э. дату смерти Лаошан-шаньюя, столь важную для установления времени переселения юэчжей из Ганьсу в долину Или.

До конца первой половины XX в. еще только Х. Дабс опубликовал в 1938 и 1944 гг. два тома переводов первых десяти глав хроники правлений императоров Ранней Хань из «Хань шу» [Дабс, 1938, 1944, третий том вышел в 1955 г.]

Специальных синологических исследований именно по истории западного края II – I вв. до н. э. на Западе в первые три десятилетия не появилось. Угасла с начала века и надолго знаменитая в XIX в. школа российских синологов.

Но в начале столетия на научную арену мира выходит и быстро развивается японская школа синологов, часть которых специализируется по древней истории западного края.

Ее основатель Сиратори Куракити опубликовал первую специальную статью «О племени Усунь» [*Сиратори*, 1900–1901], в которой склонялся к признанию его тюркоязычным и обосновывал местонахождение родины юэчжей на востоке Ганьсу, в районе Ганьчжоу (Чжанье)-Сучжоу (Цаюцюань), а усуней — к западу от них до оз. Лобнор [см. *Халоун*, 1937, с. 294, прим. 5]. Он связал время переселения юэчжей из Ганьсу в долину Или со смертью Лаошан-шаньюя, впервые датировав ее 158 г. до н. э. Статья тут же была переведена сокращенно на немецкий язык и издана в Венгрии [*Сиратори*, 1902]. В 1907 г. в статье о происхождении монголов Сиратори на основании анализа лингвистических данных заключил, что сюнны — их предки. В 1939 г. статья была переведена и издана в Китае [*Сиратори*, 1939]. А в другой статье о западном крае, изданной в 1912 г., он привел новые сведения в обоснование своей точки зрения о местонахождении родины усуней и юэчжей и их размежевании [см. *Халоун*, 1937, с. 294, прим. 5]. Позже он написал еще несколько работ по истории и исторической географии западного края. В 1944 г. посмертно было издано двухтомное собрание трудов Сиратори, переизданное в 1981-м [*Сиратори*, 1981].

А в 1915–1916 гг. его ученики Кувахара и Фудзита Тоёхати публикуют уже серию статей, в которых, частично соглашаясь и частично полемизируя с Сиратори и друг с другом, рассматривают вопросы о родине усуней и юэчжей и времени переселения последних на запад [*Кувахара*, 1915, 1916, 1916а, 1916б; *Фудзита*, 1916, 1916а]. Кувахара в статье 1915 г., сопоставив отдельные сведения из «Ши цзи» и «Хань шу», пришел к выводу, что усунь изначально жили в землях Ганьсу, известных позже как «земли Хуньевана», с центром в Чжанье (Ганьчжоу), а юэчжи — западнее их вокруг Дуньхуана. Фудзита же в статье 1916 г. «Древние земли юэчжей и датировка их переселений на запад», а в 1930 г. и Сиратори в статье «О землях сюннуского Сючувана» [*Сиратори*, 1930], возражая ему, отстаивали нахождение родины юэчжей на востоке Ганьсу, а усуней — западнее их [см. *Халоун*, 1937, с. 294–295].

Переселение юэчжей, разгромленных сюннами, с их родины в Ганьсу в долину Или Кувахара и Фудзита отнесли к периоду правления Лаошан-шаньюя: первый — к 172–160, второй — к 174–160 гг. до н. э., согласившись в том, что он умер в 161/160 г. Взгляды же их на время второго пересе-

ления юэчжей теперь уже из долины Или в долину Амударьи разошлись. Кувахара полагал, что оно произошло между 139 и 129 гг. до н. э., а Фудзита — в 161/160 г. [см. об этом *Халоун*, 1937, с. 247].

Като Сигэру в статье 1931 г. «О местонахождении усуней» [*Като*, 1931], используя те же сведения, что и Кувахара, о бывших землях Хунье или куньмо, заключил, что усунь в Ганьсу вообще не жили и с востока в долину Или не переселялись [см. *Крюков*, 1988, с. 235]. А Ханеда Тору в статье 1930 г., переведенной на французский и изданной в 1933 г. [*Ханеда*, 1930, 1933], и Ясума Яихиро в статье 1932 г. «О переселении юэчжей на запад» поддерживали датировку, предложенную Кувахара [см. *Халоун*, 1937, с. 248; *Рерих*, 1963, с. 120].

В 1935 г. все работы Кувахара и Фудзита были переизданы, а статья Фудзита о древних землях юэчжей и датировке их переселений на запад была в 1935 г. переведена и издана в Китае [*Фудзита*, 1935].

Тот факт, что эта группа японских синологов впервые не просто высказала свои соображения, но и предприняла специальные исследования ряда основополагающих проблем истории юэчжей и усуней, в какой-то степени определил направление и характер последующего изучения их истории.

В Китае после революции 1911 г., когда была свергнута власть маньчжурских завоевателей, в провозглашенной республике стали формироваться научные учреждения и издания современного типа, внимание специалистов по древней истории привлекла прежде всего очень созвучная настроениям того времени многовековая борьба Китая с суннами, которые не только не победили древний Китай, но сами были разгромлены и исчезли как особая этническая общность. С тех пор и поныне сунны и их взаимоотношения с Китаем стали одним из приоритетных направлений в изучении истории Центральной Азии в древности. По данным Линь Ганя, написавшего в 1986 г. «Общую историю суннов» и давшего в ней подробный обзор китайской историографии [*Линь Гань*, 1986, с. 266–297], с 1911 по 1983 г. в Китае было опубликовано около 160 работ, из них около 100 — после создания КНР в 1949 г. [с. 7]. Следовательно, за первую половину века вышло около 60 работ, причем они публиковались и в период антияпонской войны.

По истории же западного края первой серьезной заявкой стал опубликованный в 1930 г. Чжан Синланом шеститомный сборник материалов о связях Китая со странами к западу от него с древности до Мин [Чжан Синлан, 1930; переиздан в Тайбэе в 1962 г.]. Это было как бы возрождением в модернизированном виде жанра исторических энциклопедий. Облегчая поиск сведений в объемных династийных историях, эти материалы, вырванные из контекста событий, недостаточны для исследования.

По сути таким же сборником материалов из древнекитайских историй была и изданная в 1936 г. большая статья Ван Живэя «История народа динлин» [Ван Живэй, 1936], хотя и содержала краткие умозаключения автора. И все же это было большим достижением, поскольку до того времени этот народ представлялся более загадкой истории, нежели реальным субъектом. Но и после выхода труда Ван Живэя до сих пор появились лишь две статьи синологов о динлинах, О. Маенхен-Хелфена в 1939 г. [Маенхен-Хелфен, 1939] и Чжоу Лянькуаня в 1957 г. [Чжоу Лянькуань, 1957], хотя мимоходом о них упоминали многие авторы. Так что труд Ван Живэя сохраняет свое значение для будущих исследователей запутанной истории этого народа.

В 30-е и особенно в 40-е годы на Западе вышло мало синологических работ по древней истории западного края. О. Маенхен-Хелфен, кроме упомянутой статьи о динлинах, в 1945 г. опубликовал по статье о гуннах и сюннах и о юэчжах [Маенхен-Хелфен, 1945, 1945а]. А в 1937 г. Г. Халоун издал большую статью «К вопросу о юэчжи», посвященную в основном тохарской проблеме. Но в ней он коснулся и проблем местонахождения родины усуней и юэчжей и датировки переселений последних на запад. Отталкиваясь от работ японских ученых, он, истолковав сообщение Маодунь-шаньюя о завоевании его войсками в 177 г. до н. э. западных царств «Лоулань, Усунь, Хуцзе и соседствовавших с ними 26 владений» как указание на местонахождение Усунь между Лоулань и оз. Лобнор и Хуцзе, находившегося, по его мнению, на Великом Алтае, сделал вывод: усунь на рубеже III – II вв. до н. э. обитали в районе оз. Баркуль и западнее его до Манаса, откуда потом и переселились в Джунгарию, а юэчжи – в землях Ганьсу, известных после 121 г. до н. э. как земли сюннуских ванов Хуньне и Сючу [Халоун, 1937, с. 295-296].

Так появилась еще одна точка зрения о местонахождении родины усуней — у оз. Баркуль, к которой позже присоединились другие синологи [Пуллибланк, 1966, 1970; Даффина, 1969; Крюков, 1988 и др.]. Кроме того, Халоун, согласившись в целом с датировкой переселений юэчжей, предложенной Кувахара, сузил прежде указанный период их перехода из долины Или в долину Амударьи с 139–129 гг. до н. э. до 183–129 гг. [Халоун, 1937, с. 248–249].

Но в 30-е годы на Западе вышел ряд общих работ по древней истории и исторической географии Центральной Азии и сопредельных регионов, написанных маститыми учеными — И. Марквартом (1938), В. Тарном (1938), Р. Груссе (1939) и Мак-Говерном (1939), которые также высказали немало оригинальных мнений о периоде II — I вв. до н. э. А. Геррманн в опубликованном в 1935 г. «Историческом и коммерческом атласе Китая» подвел итог всему предшествовавшему периоду изучения исторической географии Центральной Азии с глубокой древности до современности. В 1966 г. частично дополненный и исправленный по новым исследованиям он был переиздан [Геррманн, 1935, 1966].

Как уже отмечалось, в начале XX в. российская синологическая школа угасла, и в первой половине века в России и потом в СССР не выходило синологических работ по древней истории Центральной Азии. Но в первые три десятилетия появилось несколько работ несинологов, использовавших по переводам материалы древнекитайских историй. Это работы Н. А. Бронникова «К исторической географии тохаров» [Бронников, 1913], К. Иностранцева о соотношении сюннов древнекитайских историй и гуннов, вторгшихся в Европу [Иностранцев, 1926], В. А. Панова о тюркском происхождении сюннов [Панов, 1916]. Но резонанс в последующее время вызвал только вышедший в 1926 г. труд известного с конца XIX в. этнографа Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», точнее, его второй том с историческим очерком [Грумм-Гржимайло, 1926]. Автор, сопоставляя современные этнографические данные со сведениями древнекитайских историков о древних народах динлин, цзянькунь, усунь и бома по переводам, обосновывал, в частности, принятую им еще в 1909 г. [Грум-Гржимайло, 1909] гипотезу о существовании в этом регионе белокурой европеоидной расы. Позже ею занялись уже палеоантропологи [см. Дебец, 1931, 1934а, 1948] и историки, обратившиеся к дин-

линской проблеме [Гумилев, 1959; Крюков и др., 1983, с. 62–63]. А с конца 30-х годов на поприще изучения древней истории Центральной Азии впервые заявили о себе советские археологи, в той или иной мере сопоставлявшие свои данные со сведениями древнекитайских историков. В 1938 г. вышла статья М. В. Воеводского и М. П. Грязнова «Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней» [Воеводский, Грязнов, 1938]. После окончания войны появились фундаментальные работы С. П. Толстова о древнем Хорезме [Толстов, 1948, 1948а]. А археолог и тюрколог А. Н. Бернштам выступил с проблемными статьями по истории усуней, кушан, тохаров и в целом Семиречья и Восточного Туркестана [Бернштам, 1947, 1947а, 1949].

Из изложенного ясно, что в первой половине XX в. изучение древней истории западного края, т. е. западной части Центральной Азии, по материалам древнекитайских историй продолжалось по части как переводов их, так и исследований, хотя новых переводов появилось не много. Прогресс состоял в переходе от в целом общего, ознакомительного, можно сказать, изложения основных событий в истории региона, что стало главной заслугой ученых предшествующего периода, к проблемным исследованиям. Естественно, что их объектами явились в первую очередь основные вопросы истории народов, оставивших наиболее яркий и глубокий след в древний период, таких, как юэчжи, усунь, сюнны. Большинство исследователей занялись выяснением их этнической родины и этнического происхождения, путей и времени миграции и высказали по этим вопросам зачастую весьма разнящиеся мнения.

С начала второй половины XX в. изучение древней истории Центральной Азии по разнообразным источникам, в том числе и по материалам «Ши цзи» и «Хань шу», стало приобретать все больший размах. Но это происходило неравномерно по странам и регионам, что зачастую зависело от политической ситуации в них в тот или иной период.

Так, в 50-е годы наибольшая часть публикаций по древней истории западного края принадлежала китайским ученым. Хотя публикации были, естественно, основаны на материалах древнекитайских историй, но носили в основном научно-популярный характер. Многие из них были посвящены взаимосвязям обеих империй Хань с царствами этого региона.

Первой в их ряду стала изданная в Тайбэе в 1953 г. пятитомная общая «История связей Китая с Западом» с древности до начала XX в. Фан Хао, которая была переиздана в 1968 и 1974 гг. [Фан Хао, 1974]. В 6-8-й главах первого тома, посвященных отношениям с западным краем в ханьский период, он процитировал или кратко изложил лишь широко известные сведения из «Ши цзи» и «Хань шу» за II в. до н. э.: о походах Чжан Цяня, переселении юэцжей из Ганьсу в долину Амударьи, переходе земель Хунь-вана под власть Хань, разгроме Лоулань и Гуши, а затем и Давань и в заключение написал всего несколько фраз об отношениях в I в. до н. э., утверждая, что начавшееся при У-ди покорение западного края завершилось в 60 г. до н. э., когда он полностью оказался под властью Хань и управлялся поочередно сменявшимися восемнадцатью духу [Фан Хао, 1974, т. 1, с. 116]. А в 1956 г. другой тайваньский историк Лао Ган опубликовал уже специальную статью об управлявших западным краем после 60 г. до н. э. ханьских сановниках духу и уцзи-сяовэях [Лао Ган, 1956; переиздана в 1976 г. в двухтомном сборнике его статей].

Значительно больше работ написали историки КНР. В 1954 г. вышли «Очерки истории Китая» Шан Юэ, где он утверждал, что уже после войн У-ди границы Китая были отодвинуты до Памира [Шан Юэ, 1954; см. перевод: Шан Юэ, 1959, с. 85], т. е. признавал включение всего Восточного Туркестана в непосредственные владения Хань с рубежа II – I вв. до н. э. И эта точка зрения стала господствующей в КНР. В 1957 г. Чэнь Чжунтун написал обзор экономических и культурных связей обеих империй Хань с западным краем [Чэнь Чжунтун, 1957], а в 1959 г. Ань Цзочжан – очерк их взаимоотношений за те же четыре века в целом [Ань Цзочжан, 1959]. Отдельных моментов их отношений касались в своих работах Чжан Вэйхуа об императоре У-ди [Чжан Вэйхуа, 1958] и Лю Хоушэн о Чжан Цяне [Лю Хоушэн, 1958].

Кроме того, в 1958 г. вышла статья Бай Фэнци о связях сюннов с западным краем [Бай Фэнци, 1958; переиздана во Внутренней Монголии в 1981 г.], оставшаяся единственной, специально посвященной этой теме. А Чжоу Лянькуань в статье 1957 г. бегло коснулся сразу и проблем расовой принадлежности и языка динлинов, и их связей с другими северными народами [Чжоу Лянькуань, 1957].

По исторической географии западного края в 1955 г. вышла работа Фэн Чэнцзюня [Фэн Чэнцзюнь, 1955] и заслуживающее, с нашей точки зрения, особого внимания «Исследование китайских мер длины разных эпох» Ян Куаня. Представлявшиеся недостоверными сведения древних историй о расстояниях между столицами Китая и иноземных царств разных эпох, определенных по-разному, оказались при перерасчете их по данным Ян Куаня согласующимися и стали надежным источником для локализации древних царств современными историко-географическими методами, иначе говоря, для решения одного из основополагающих вопросов их истории [подробнее об этом см. Боровкова, 1992, 1989].

В 50-е годы и в СССР вышло немало трудов по древней истории Центральной Азии, написанных, однако, не синологами. Это работа А. Н. Бернштама о сако-усуньской культуре (1950а), его историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (1952) и «Очерк истории гуннов» (1951), а также большая историографическая статья о труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений» (1950). С. В. Киселев написал первую фундаментальную «Древнюю историю Южной Сибири» (1951), К. В. Тревер – главу в «Истории народов Узбекистана» о Согде, Хорезме, Бактрии и Фергане (1950), а Л. Н. Гумилев – о динлинской проблеме (1959). В их ряду выделяется монография А. М. Мандельштама, изданная в 1957 г., по истории и исторической географии Памира и припамирских областей, написанная по переводам разных, но преимущественно древнекитайских источников и на основе критического рассмотрения того, что было достигнуто в этой области Н. А. Аристовым и за истекшие полвека после него другими исследователями.

В 60-70-е годы увеличилось число синологических работ по древней истории западного края. После долгого перерыва появились новые переводы древних источников, причем впервые в XX в. с ними выступили и российские синологи. В. С. Таскин не только заново перевел «Повествование о Сюнну» из «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу», но и впервые представил на русском языке другие главы из этих историй с материалами о сюннах, опубликовав их в 1968 и 1973 гг. [Материалы, 1968, 1973]. Кроме того, он и Р. В. Вяткин издали два тома переводов первых двенадцати глав «Ши цзи» [Сыма Цянь, 1972, 1975], после чего Р. В. Вяткин один продолжал огромный труд перевода

великого труда Сыма Цяня, но не успел до своей кончины перевести последние главы.

Е. Цюрхер для решения кушанской проблемы выбрал из древнекитайских источников, начиная с «Ши цзи», практически все отдельные сообщения о юэчжах и перевел их, причем многие впервые [Цюрхер, 1968]. А. Ф. Хулсве в 1979 г. издал перевод 96-й и впервые 61-й глав «Хань шу» [Хулсве, 1979].

Что же касается исследовательских работ, то многие из них были посвящены истории взаимоотношений Китая с царствами западного края. Одни, как и прежде, носили характер общих обзоров за несколько веков, но отражавших уже современный уровень знаний. Например, Д. Синор представил общую работу по истории, цивилизации и языкам Центральной Азии [Синор, 1971]. У. Самолин по материалам династийных историй описал политическое развитие Восточного Туркестана с древности до XII в. [Самолин, 1964]. Юй Инши в работе 1967 г. «Торговля и экспансия в ханьском Китае» доказывал, что в эти века торговля и экспансия в нем тесно переплетались и взаимно стимулировали одна другую, что экономическое и политическое доминирование его над окружающими варварами реализовывалось через сложившуюся тогда систему даннических отношений. Господство Хань над западным краем началось, по его мнению, после победы Хань над Давань в 101 г. до н. э., после которой многие царства региона добровольно вступили в даннические отношения с Хань, послав к ее двору дары и сыновей своих правителей в заложники. Полное же господство даннической системы в их отношениях установилось после капитуляции сюннов Хуханье-шаньюя в 53 г. до н. э. [Юй Инши, 1967, с. 139, 140]. О формировании даннической системы в ханьском Китае писал в своей статье 1970 г. и Л. И. Думан [Думан, 1970].

Но кроме такого рода общих обзоров появились в этот период и исследования истории взаимоотношений древнего Китая с отдельными царствами Восточного Туркестана, но тоже за несколько веков. Это двухтомная монография Лю Маоцая «Куча и ее отношения с Китаем с II в. до н. э. по VI в. н. э.» [Лю Маоцай, 1969], а об отношениях Китая с царством Чэши в Турфане в III в. до н. э. — III в. н. э. написал статью С. Кучера [Кучера, 1977].

Другая часть работ 60–70-х годов касалась опять же истории юэчжей и усуней, проблем их этнической принадлежности, первоначальной территории расселения и последую-

щей миграции. Э. Пуллиблэнк в статье 1966 г. доказывал, что усунь были индоевропейцами, говорившими на языке тохарской группы. Вслед за Г. Халоуном он считал местом первоначального расселения усуней земли вблизи оз. Баркуль [Пуллиблэнк, 1966, 1970]. Эту же точку зрения о родине усуней поддержал и П. Даффина в статье 1969 г. [Даффина, 1969]. В то же время Эгами Намио, исследуя проблему происхождения этнонима «юэчжи» и толкуя его как «народ нефрита», издревле добываемого в районе Хотана, предположил, что юэчжи до III в. до н. э. обитали в землях не только Ганьсу, но и Восточного Туркестана [Эгами, 1967]. А Катани Накао на основании того, что в «Ши цзи» народ сэ [саки] вообще не упоминается, считал сведения о нем в «Хань шу» недостоверными [Катани, 1969].

Продолжали исследовать усуньскую проблему советские археологи, получавшие все новые и новые материалы раскопок [Акишев, Кушаев, 1963; Абетеков, Баруздин, 1963; Заднепровский, 1971]. Ю. А. Заднепровский, применив новый метод анализа и обобщения археологических данных, пришел к выводам, которые согласуются со сведениями «Ши цзи» и «Хань шу» о времени появления усуней в долине Или и уточняют их в том, что в созданном ими здесь царстве большинство населения составляли местные сакские племена, а пришлые, т. е. усунь, — меньшинство [Заднепровский, 1971, с. 30-31].

Возрастание интереса к истории Центральной Азии, включая и древнюю, начавшись в 60-70-е годы, продолжалось и в последние полтора десятка лет, чему способствовали в немалой степени политические события в ней и деятельность Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА) под эгидой ЮНЕСКО. Однако в общем потоке работ синологические исследования древней истории по материалам древнекитайских историй оказались малозаметной струйкой. И еще меньше их было посвящено истории западного края II – I вв. до н. э.

Э. Г. Пуллиблэнк написал обзор связей древнего Китая с соседями в доисторический и раннеисторический период и высказал суждение о том, что язык юэчжей был тохарским [Пуллиблэнк, 1998]. Эноки Кадзуо в своем исследовании 96-й главы «Хань шу» «Повествование о западном крае» склонялся к признанию аутентичности 123-й главы «Ши цзи» «Повествование о Давань», которую ряд

авторов считают реконструированной по материалам этой и 61-й глав «Хань шу» [Эноки, 1932]. Нагасава Кадаутоси продолжил исследование о Шелковом пути, исследовав южную, прикуньлуньскую, дорогу через Западный край (Восточный Туркестан) [Нагасава, 1983].

В КНР заглошшая в период «культурной революции» научная работа затем резко активизировалась. В 1980 г. в Пекине была опубликована «История Центральной Азии» с древнейших времен до VIII в. Ван Чжилая. В ней автор, пожалуй, впервые предложил китайскому читателю широкое полотно древней истории региона — от империи Ахеменидов, походов Александра Македонского, Парфии до сюннов и юэчжей. Главы о первых написаны по работам западных и советских ученых, в основном по общим историям. В главе же «Возвышение Сюнну. Китай устанавливает непосредственные связи с Центральной Азией» Ван Чжилай очень кратко и вольно изложил наиболее известные сведения из «Ши цзи» и «Хань шу» о создании державы Сюнну, о разгроме ею юэчжей в Ганьсуском коридоре, их переселении, по его мнению, в 174 — 161 гг. оттуда в долину Или, а затем после поражения здесь от усуней — в долину Амударьи. Более подробно он изложил данные о походе Чжан Цяня и его описания царств Средней Азии, кратко — сведения об упадке Сюнну и переходе западного края, якобы, под непосредственное управление Хань в лице Сиюй-духу [Ван Чжилай, 1980, с. 74-100].

В журнале Синьцзянского университета, ставшего в КНР одним из главных центров по изучению древней истории Центральной Азии, публикуются друг за другом маленькие статьи по истории западного края II — I вв. до н. э. Три из них посвящены усуням: Ван Минчжэ писал об освоении ими долины Или [Ван Минчжэ, 1983], Лю Гуанхуа — о царстве Усунь эпохи Хань [Лю Гуанхуа, 1981], а Линь Гань — о его связях с Хань [Линь Гань, 1982]. Ян Цзяньсинь вновь написал о заслугах Чжан Цяня в установлении связей Хань с западным краем [Ян Цзяньсинь, 1981]. Лю Сигань в статье о ханьском Сиюй-духу и сюннуском управляющем Западным краем тунпу-дуэе поставил под сомнение датировку учреждения должности первого — 59 г. — и упразднения должности второго — 60 г. до н. э. [Лю Сигань, 1984]. А Чжоу Чжэнхэ снова доказывал, что Хань через своего Сиюй-духу непосредственно управляла не только 36 царствами Западного края (Восточного Туркестана), но и

некоторыми царствами за его пределами, в том числе такими большими, как Давань и Усунь [Чжоу Чжэнхэ, 1985].

Кроме того, по истории сюннов помимо множества мелких статей в журналах и газетах Внутренней Монголии в Пекине вышли две крупные работы Линь Ганя — «Хронология истории сюннов» в 1984 г. [Линь Гань, 1984] и «Общая история сюннов» в 1986 г. [Линь Гань, 1986].

К сожалению, работы написаны в основном в традиционной манере китайской историографии — подбор и вольное изложение и толкование сведений источников по определенной теме, да еще с целью обоснования той или иной современной политической установки, например, для доказательства того, что со времен Ранней Хань Китай стал единым многонациональным государством, владевшим землями почти всей Центральной Азии и т. п.

Больше внимания древней истории Центральной Азии уделили в эти годы и советские синологи. М. В. Крюков в изданном в 1983 г. коллективном труде по этногенезу древних китайцев в эпоху империй Цинь и обеих Хань остановился кратко и на этнорасовой характеристике их соседей, в частности, сюннов, юэчжей, усуней, динлинов, а также на основных формах политических взаимоотношений китайцев с ними [Крюков, 1983, с. 56-63, 105-130]. В работе же 1988 г. «Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э.», в первых разделах ее, он, привлекая отдельные материалы «Ши цзи» и «Хань шу» и критически используя работы западных, китайских и японских историков, как бы подвел итог, показав нынешнее состояние изучения основных проблем истории саков, юэчжей, усуней и всего Восточного Туркестана в ханьское время [Крюков, 1988, с. 225-255].

Ю. Л. Кроль открыл, с нашей точки зрения, новое и перспективное направление в изучении древней истории Центральной Азии — начал исследование содержания ряда основных терминов, в которых в древнекитайских историях описывались взаимоотношения Китая с соседями [Кроль, 1984, 1987, 1989].

Л. А. Боровкова, разработав новый историко-географический метод анализа материалов древних династийных историй, заново исследовала проблемы локализации царств западного края II в. до н. э. — VI в. н. э. [Боровкова, 1989, 1992а]. Кроме того, ею написан ряд статей по некоторым узловым вопросам истории региона II — I вв. до н. э. [Боровкова, 1983, 1984, 1985, 1990, 1991].

Изложенное позволяет без большого преувеличения заключить, что изучение на Западе древней и средневековой истории Центральной Азии вообще и западной ее части (Восточного Туркестана и Средней Азии) в частности началось по-настоящему только после того, как здесь стало известно о богатейших материалах по ней в древних китайских историях. На первом этапе, с середины XVIII до 30-х годов XIX в., европейские синологи, в основном бывшие миссионеры, излагали общую древнюю и раннесредневековую историю этого региона в своих авторизованных переводах соответствующих разделов из средневековых китайских компилятивных исторических энциклопедий. При этом они не только датировали многие события по европейскому календарю, но и определяли местонахождение древних царств и народов, идентифицировали древние географические объекты с современными. Естественно, что их суждения по этим вопросам, высказанные на том уровне крайне приблизительных знаний европейцев о китайском летоисчислении и географии региона, не могли быть точными. Но они сделали главное — познакомили научный мир Запада с основными субъектами и объектами неведомой до того древней истории огромного региона и с источниками по ней.

С 30-х годов XIX в. и до конца его европейские синологи, включая российских, в основном уже профессиональные ученые, не только продолжали выяснять общий ход истории региона, но и обратились к рассмотрению таких аспектов ее, как география, этнография, распространение буддизма, проникновение сюда Древнего Китая. При этом они все менее и менее использовали компилятивные и потому не совсем точные материалы средневековых китайских исторических энциклопедий и все больше основывались на первоисточниках, трудах древних китайских авторов, к переводам части которых и приступили. Правда, во второй половине XIX в. большинство сиологов занялось изучением средневековой истории Центральной Азии.

Основными же достижениями в области древней истории стали переводы Н. Я. Бичурина и позднее А. Уайли главных первоисточников — «Повествований» о западном крае и сюннах из «Ши цзи» и «Хань шу», а также разделы по древней истории в общих историях Восточного Туркестана, написанных Н. Я. Бичуриным и позднее в основном по его переводам В. В. Григорьевым, и труд Н. А. Аристова по

исторической географии и этнической истории припамирских областей.

С рубежа XIX – XX вв. ситуация стала кардинально меняться в связи с появлением и быстрым накоплением разнообразных археологических материалов, особенно письменных, на древних языках, иногда до того неизвестных. Именно они привлекли внимание подавляющего большинства специалистов по древней, но в основном по средневековой истории Центральной Азии и синологов в том числе. Вскоре в центре внимания их оказались тохарская и кушанская проблемы.

Достоверность сведений древнекитайских историй была поставлена под сомнение, и исследование по ним даже политической истории региона утратило свою значимость.

А поскольку тохарская и кушанская проблемы оказались связанными с историей таких народов западного края, как юэчжи, усунь и саки, то те немногие синологи, которые продолжали заниматься древней историей региона по древнекитайским историям, сосредоточились на изучении в основном уже поставленных проблем – местонахождения родины этих народов, времени и направления их переселений. Комплексного же, строго хронологически последовательного изучения по всем материалам «Ши цзи» и «Хань шу» истории юэчжей, саков и усуней – а о последних сведений особенно много, – до сих пор нет. Видимо, этим и объясняется разнообразие точек зрения на указанные вопросы, которые исследовались разными авторами по разным группам сведений.

А вопрос об отношениях между самими царствами западного края, их изменении и влиянии на политику Ранней Хань, Сюнну и общую ситуацию в регионе не привлекал особого внимания. Как правило, однолинейно рассматривались отношения Хань с Сюнну, Хань с Усунь и западным краем, причем сразу по материалам за несколько веков. Все это и побудило изучить политическую историю Восточного Туркестана и Средней Азии за сравнительно узкий период времени, только за II – I вв. до н. э. Ограничение темы узкими временными рамками позволило комплексно и подробно исследовать строго хронологически материалы «Ши цзи» и «Хань шу» и по ним – постепенное установление и развитие взаимосвязей Ранней Хань с народами Центральной Азии, сначала с Сюнну, а затем и с царствами Западного Края, проблемы их взаимоотношений и влияния на развитие политической ситуации в регионе в целом.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕРЖАВЫ СЮННУ И ЕЕ ГЕГЕМОНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (конец III – середина II века до н. э.)

В описываемую эпоху произошел качественный перелом в общественно-политическом развитии древних китайцев и живших к северу от них кочевников. На землях тех и других почти одновременно сложились великие державы – Хань и Сюнну, противостояние которых и стало в основном предопределять развитие политической ситуации в Центральной Азии.

Сначала в Китае была создана единая централизованная империя. В 221 г. до н. э. одно из семи древнекитайских царств – Цинь, завершило покорение шести других, и правивший им с 246 г. до н. э. Чжэн-ван принял титул императора Ши-хуанди. Так на землях древнего Китая возникла первая централизованная империя Цинь. Но она просуществовала всего 14 лет и в 207 г. до н. э. пала в огне народных восстаний и мятежей знати бывших царств. Отдельные части ее оказались под властью предводителей разных повстанческих групп [см. Крюков, 1983, с. 19, табл. 3]. Но к 202 г. один из них, Лю Бан, в 206 г. провозглашенный Хань-ваном (князем Хань), победил в междоусобной борьбе и стал императором. Единая империя была возрождена, но уже под названием Хань. Начало ее существования принято относить к 206 г. до н. э., хотя Лю Бан стал императором только в 202 г. В древних историях он назывался храмовым именем Гао-цзу или Гао-ди.

Но понадобились еще десятилетия для закрепления единства китайских земель, обуздания сепаратизма знати бывших царств и создания эффективной системы централи-

зованного управления огромной империей. К внутренним трудностям становления империи Хань с самого начала добавились внешние.

Одновременно с нею в последние годы III в. до н. э. к северу от нее стала создаваться держава кочевников Сюнну, первая же война с которой в 201–200 гг. закончилась поражением, и Хань стала данником Сюнну. Так началось великое противостояние этих двух держав.

В исторической науке принято считать, что сюнны появились на исторической арене в V–IV вв. до н. э. [Крюков, 1983, с. 57; Линь Гань, 1986, с. 2], поскольку именно с того времени их название встречается в древнекитайских источниках. Но прямая корреляция времени первого упоминания названия народа в древних исторических сочинениях со временем выхода этого народа на историческую арену представляется сомнительной.

Основным и строго датируемым источником по истории сюннов являются «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня. Помимо отдельных фактов, приведенных в разных главах, он в специальной главе «Повествование о Сюнну» изложил историю этого народа от истоков до рубежа II–I вв. до н. э., когда и была написана «Ши цзи». Уже около века существовала держава Сюнну, в которую вошли завоеванные сюннами народы к северу и северо-западу от Хань. В Хань за это время название господствующего народа – сюннов – превратилось в название всего населения державы Сюнну и стало синонимом древнего китайского общего названия северных народов – хусцы (*ху*). Это тождество воспринималось уже как неизменная историческая данность, и потому Сыма Цянь, начав «Повествование о Сюнну» со сведений о северных кочевниках древности и излагая сообщения о хусцах доханьского времени, писал иногда вместо «хусцы» «сюнны», что и будет доказано ниже. Аналогичным образом Сыма Цянь перенес географические представления своего времени на более ранний период, когда, например, говоря о месте обитания юэцжей в конце III – начале II в. до н. э., написал, что они жили между Дуньхуаном и Цилянь, хотя Дуньхуан был основан только в конце II в. до н. э. Нельзя же дату первого упоминания им Дуньхуана считать и временем его основания.

Сыма Цянь не был фальсификатором и под свои представления не подгонял все соответствующие исторические

материалы. Поэтому современный исследователь имеет возможность выяснить, действительно ли в доханьское время древние китайцы уже знали о сюннах как о народе, и научно обоснованно решить вопрос о времени и месте выхода их на историческую арену.

Из материалов доханьского времени в «Повествовании о Сюнну» видно, что название хусцы (*ху*) появилось в китайских царствах во второй половине IV в. до н. э. Впервые оно встречается в сообщении о том, что во времена циньского Чжао-вана (306–251) царство Цинь, владевшее административными районами (*цзюнь*) Лунси (юг Ганьсу), Бэйди (чуть южнее центра Ордоса) и Шанцзюнь (на юго-востоке Ордоса) «построило длинную стену (*чан-чэн*) для отпора хусцам» [ШЦ, гл. 110, с. 2885]. Очевидно, что в то время в царстве Цинь хусцами называли народы, жившие как в северной части нынешней провинции Ганьсу, так и в Ордосе. В другом сообщении за III в. до н. э. говорится, что «[царство] Янь построило длинную стену от Цзаояна до Сянпина и учредило цзюни Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун для отпора хусцам» [ШЦ, гл. 110, с. 2886]. Ясно, что в царстве Янь в то время называли хусцами народы, жившие к северу от района Пекина до Ляодуна.

Таким образом, древние китайцы называли хусцами все народы, жившие севернее их, от Ганьсуского коридора до Ляодуна. Уже этот факт позволяет усомниться в том, что под названием «хусцы» имелся в виду какой-то один народ. Но в «Ши цзи» есть и другие, более конкретные доказательства этого предположения, относящиеся именно к рубежу IV – III вв. до н. э.

Сыма Цянь, излагая историю царства Чжао в главе 43, привел сведения о хусцах времени правления Улин-вана (325–299). В 307 г. Улин-ван так говорил о своих соседях:

«Ныне [царство] Чжуншань (в центре Хэбэй. – Л.Б.) находится у моей груди, на севере [царство] Янь, на востоке – хусцы, на западе – *линьху* и *лоуфань* и граница с [царствами] Цинь и Хань» [ШЦ, гл. 43, с. 1806].

Здесь хусцы указаны к востоку от Чжао, а *линьху* и *лоуфань* – к западу. В том же году Улин-ван сказал:

«К востоку о Чаншань (в царстве Чжуншань. – Л.Б.) до Дай проходит граница с Янь и восточными хусцами (*дун-ху*), а на западе – граница с *лоуфань*, Цинь и Хань» (ШЦ, гл. 43, с. 1809).

Итак, в предыдущем сообщении к востоку от Чжао указаны хусцы (*ху*), здесь же — восточные хусцы (*дун-ху*). Очевидно, что *дун-ху* назывались и просто хусцами.

В сообщении же за 306 г. говорится, что Улин-ван

«...на западе обследовал земли, пограничные с хусцами, доехал до Юньчжуна, [где] правитель *линью* преподнес [ему] в дар лошадей» [ШЦ, гл. 43, с. 1811].

На этот раз хусцами назван народ, проживавший к западу от Чжао. А по двум предыдущим высказываниям Улин-вана известно, что к западу от Чжао проживали *линью* и *лоуфань*. Следовательно, и они назывались хусцами.

Все это вряд ли позволяет усомниться в том, что в царстве Чжао называли соседние некитайские народы общим именем *ху*, означавшим, видимо, «дальний народ» [см. ЦХ, с. 1093], но переводимым обычно как «варвары».

Из западных хусцев *линью*, согласно последнему сообщению, занимали земли у Юньчжуна, т. е. в районе нынешнего Хух-Хото [см. Исторический атлас, т. 2, л. 13-14]. О месте же обитания народа *лоуфань* позволяет судить сообщение о том, что в 297 г. Улин-ван «проследовал через новые земли, затем из Дай (район к западу от Пекина. — Л.Б.) выехал на запад и у Сихэ [Западной реки] встретился с правителем *лоуфань*, достигнув [расположения] его войск» [ШЦ, гл. 43, с. 1813]. Очевидно, что Западной рекой к западу от Дай назывался тогда восточный участок излучины Хуанхэ, где она течет с севера на юг. Следовательно, владения *лоуфань* находились по ее берегам к западу от Дай и, значит, южнее владений *линью* у Юньчжуна.

Итак, согласно приведенным сведениям из описания царства Чжао, на рубеже IV—III вв. до н. э. народ под названием *сюнны* в его окружении не упоминается. И в «Повествовании о Сюнну» Сыма Цянь привел сообщение о том, что Улин-ван разгромил *линью* и *лоуфань* [ШЦ, гл. 110, с. 2885]. Но в своем предисловии к главе 20 он написал, что «Улин-ван, опираясь на свое маленькое княжество Чжао, принудил к покорности *шаньюя* [Сюнну]» [Сыма Цянь, 1984, с. 643], что ни в малой мере не подтверждается конкретными данными описания Чжао в главе 43. Сыма Цянь написал так, явно исходя из своего убеждения, что хусцы и были *сюннами*.

По той же причине, с нашей точки зрения, он использовал название «*сюнны*» вместо «хусцы» и в следующих

случаях. В описании царства Цинь, в сообщении, относящемся к 318 г. до н. э., Сыма Цянь написал:

«В этом году [царства] Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци с сюннами сообща напали на Цинь» [ШЦ, гл. 5, с. 207].

Но ни в главах по истории этих царств [ШЦ, гл. 43, с. 1804; гл. 44, с. 1850; гл. 45, с. 1869], ни в хронологической таблице [ШЦ, гл. 15, с. 0061/2] в сообщениях об этом походе сюнны не упоминаются. В «Повествовании о Сюнну» о походе 318 г. вообще нет ни слова.

Хронологически следующее упоминание сюннов Сыма Цянем обнаруживается в «Повествовании о Сюнну». После сообщения о неудавшейся попытке покушения яньского Цзинь Кэ на правителя Цинь, которое, по сведениям в других главах [см. ШЦ, гл. 6, с. 383], произошло в 227 г. до н. э., сказано:

«В это время из семи воюющих царств три соседствовали с сюннами. В последнее время при чжаоском Ли Му сюнны не осмеливались вторгаться в пределы Чжао» [ШЦ, гл. 110, с. 2886].

По мнению Сыма Чжэня, комментатора VIII в., этими тремя царствами якобы были соседствовавшие с сюннами Янь, Чжао и Цинь [ШЦ, гл. 110, с. 2887, прим. 10]. Но в описаниях этих царств говорится, как видно из приведенных выше сведений, об их соседстве с хусцами, а не с сюннами. В описании царства Чжао его военачальник Ли Му впервые упоминается в 243 г., затем в 233 и 232 гг., а в сообщении за 229 г. сказано о его казни [ШЦ, гл. 43, с. 1830, 1832], но там нет ни слова о его борьбе с сюннами или с хусцами.

Однако в «Ши цзи» есть биография Ли Му. Первая половина ее, которую и перевел В.С. Таскин [Материалы, 1968, с. 63-64], представляет собой довольно пространное повествование о том, как он, будучи военачальником в Яньмэнь-цзюне, применял разные хитрости, чтобы избежать сражений с сюннами. Но спустя несколько лет Ли Му, обвиняемый всеми в трусости, собрал 1300 колесниц, 30 тыс. лошадей, 50 тыс. пехотинцев и 100 тыс. лучников, заманил и разгромил сюннов, истребив их более чем 100-тысячную конницу. Кроме того, он

«...уничтожил *далань*, нанес поражение *дунху*, [принудил] сдаться *линху*, а [сюннуский] шаньюй бежал на север. После этого

более десяти лет сюнны не осмеливались приближаться к стене на рубежах Чжао» [ШЦ, гл. 81, с. 2449-2450].

В отличие от первой вторая часть биографии Ли Му содержит строго датированные сведения, точно повторяющие те, что приведены в описании Чжао с 243 г. [ШЦ, гл. 81, с. 2450-2451], в которых о сюннах не говорится.

Достоверность сведений в первой части биографии Ли Му вызывает большие сомнения по следующим причинам. Во-первых, почему о его великой битве со всеми этими соседями Чжао и о грандиознейшей победе над сюннами нет ни слова в главе по истории царства Чжао? Дворцовые историографы скупно говорили о крупных неудачах своих войск, в чем мы неоднократно убедимся ниже, но не о великих победах. Да и непонятно, как Ли Му, находясь на западных рубежах царства в Яньмэнь, мог воевать с дунху, жившими, по свидетельству Улин-вана, приведенному выше, к востоку от Чжао? Во-вторых, каким образом Ли Му, командовавший войсками не всего царства Чжао, а только одного его района Яньмэнь, мог собрать 1300 колесниц и 150-тысячное войско? Ведь в 215 г. до н. э. только вся империя Цинь оказалась в состоянии послать против хусцев 300-тысячное войско. Да и сюнны в то время, когда еще их великая держава не была создана, не могли выставить против Ли Му более чем 100-тысячную конницу. Ведь даже в 167 г. до н. э., в апогее своего могущества, Сюнну, намереваясь захватить столицу Хань, послала 140-тысячную конницу.

Так что в первой части биографии Ли Му изложена явно какая-то легенда, ни в малой степени не согласующаяся с зафиксированными в описании Чжао фактами того времени. И в «Повествовании о Сюнну» об этом грандиозном сражении с Ли Му нет ни слова.

После этого сюнны упоминаются Сыма Цянем в «Ши цзи» в описаниях событий 215-214 гг. до н. э. В гл. 6, посвященной правлению первого императора Цинь Ши-хуанди, говорится: он, получив предсказание, что Цинь погубят хусцы, в 215 г.

«...послал военачальника Мэн Тяня с 300-тысячным войском на север нанести удар по хусцам. [И тот] захватил земли к югу от Реки [хэ-нань]»,

т. е. от Хуанхэ. А в следующем году «на северо-западе оттеснил сюннов», «переправился через Реку» и занял там, т. е. на северном берегу, три района [ШЦ, гл. 6, с. 252, 253].

Согласно первому сообщению, к северу от Цинь в землях к югу от Хуанхэ, т. е. в Ордосе, жили хусцы, а согласно второму, — где-то к северо-западу от Цинь и, значит, к западу от них — сюнны. Рассмотренные выше высказывания Улиньвана действительно доказывают, что в восточной части Ордоса по Западной реке находились земли хусцев — линьху и лоуфань, — но о сюннах он не говорил. Судя же по приведенному сообщению, получается, что в 215 г. до н. э. в империи Цинь уже знали о собственно сюннах. Но так ли это?

Поход Мэн Тяня описан и в других главах «Ши цзи». В «Повествовании о Сюнну» о нем сказано почти так же, как в шестой главе:

«Позже Цинь уничтожила шесть царств, и Ши-хуанди послал Мэн Тяня во главе 300-тысячного войска на север нанести удар по хусцам. [Мэн Тянь] полностью овладел землями к югу от Реки, и Река стала рубежом [сай]. Построили 44 уездных города вдоль реки и переселили ссыльных и жунов, чтобы заполнить их» [ШЦ, гл. 110, с. 2886].

Здесь, как видим, тоже сказано о походе циньских войск на север против хусцев, но о действиях их против сюннов не упомянуто, хотя и отмечено, что Мэн Тянь полностью овладел землями к югу от Реки, т. е. получается, что хусцами названы все народы, жившие в Ордосе.

В биографии же Мэн Тяня говорится:

«Цинь объединила Поднебесную и затем послала Мэн Тяня во главе 300-тысячного войска на север. Преследуя жунов и ди, [он] овладел [землями] к югу от реки, построил длинную стену (чан-чэн)... В то время Мэн Тянь внушал страх сюннам» [ШЦ, гл. 88, с. 2565-2566].

Согласно этому сообщению, Мэн Тянь на севере наносил удар по жунам и ди, а не по хусцам, но страх он внушал почему-то сюннам, хотя о борьбе с ними нет ни слова.

В «Хронологической таблице» за 215 г. до н. э. нет записи о походе Мэн Тяня, а за 214 г. приведено такое сообщение:

«На северо-западе овладели [землями] жунов и образовали 34 уезда... Мэн Тянь возглавлял 300-тысячное войско» [ШЦ, гл. 15, с. 0036/2].

Здесь, как и в биографии Мэн Тяня, говорится о его борьбе с жунами, но не на севере, а на северо-западе, где, согласно сообщению в 6-й главе, он потеснил сюннов.

Итак, в двух главах сказано о походе Мэн Тяня на север против хусцев, в двух других — против жунов. В одной из них утверждается, что на северо-западе он потеснил сюннов,

в другой — жунов, но страх внушал сюннам. Все это дает основание полагать, что в империи Цинь еще не имели четкого представления об отдельных народах, живших к северу и северо-западу, и их названиях, и именовали их в целом то, как в старину, жунами и ди, то, как в царствах Чжао и Цинь, хусцами. Появление же в двух случаях названия «сюнны» объясняется тем, что старые тексты были отредактированы Сыма Цянем, убежденным, что в конце III в. до н. э., как и в его время, хусцами называли сюннов.

А теперь посмотрим, согласуется ли это предположение с ранней историей сюннов, которую Сыма Цянь изложил в «Повествовании о Сюнну» после подборки сведений о жунах, ди и хусцах доханьского времени. Начало ее похоже на повесть, в ней нет дат, характерных для китайских историй, события изложены как бы со стороны сюннов. Вероятно, она была записана ханьцами по рассказам сюннов много позднее упоминаемых в ней событий, когда связи Хань с Сюнну во II в. до н. э. стали очень тесными.

Вот это повествование:

«В то время дунху были сильны и юэчжи процветали. Сюнну-ский шаньюй именовался Тоумань. Тоумань, не одолев Цинь, переселился на север. [В течение последующих] десяти лет Мэн Тянь умер, *чжухоу* (знать бывших царств. — Л.Б.) восстали против Цинь, в Средних царствах наступила смута, все ссыльные и жуны, переселенные Цинь на [новые] рубежи, бежали. Таким образом сюнны получили простор, опять постепенно переселились к югу от Реки и стали граничить с Средними царствами по прежней укрепленной линии (*сай*).» [ШЦ, гл. 110, с. 2887-2888].

Далее описана история вражды Тоуманя с его старшим сыном Маодунем.

Очевидно, что сами сюнны прослеживали начало своей истории лишь со времени Тоумань-шаньюя. Поскольку первым событием в их жизни названо бегство на север под натиском империи Цинь, можно заключить, что сюнны создали собственное владение во главе с Тоумань-шаньюем, скорее всего, не ранее конца 20-х годов III в. до н. э. Замечание же о том, что тогда дунху были сильны и юэчжи процветали, доказывает, что по сравнению с ними сюнны были небольшим и слабосильным народом.

Из сообщений о бегстве сюннов под натиском Цинь на север и о постепенном возвращении их к югу от Хуанхэ по-

сле крушения Цинь следует, что до бегства на север они жили в Ордосе.

А чтобы выяснить время их возвращения на родину, рассмотрим сведения о событиях, случившихся за десять лет после бегства сюннов на север (несомненно, в 215–214 гг. до н. э. во время похода Мэн Тяня). Очевидно, что эти события – смерть Мэн Тяня, восстания чжухоу против Цинь, бегство ссыльных и жунов, поселенных Цинь на ее новых рубежах после похода Мэн Тяня, а затем постепенное возвращение сюннов с севера в свои земли к югу от Хуанхэ – произошли до 205–204 гг. до н. э.

По сведениям «Ши цзи», хронологическая последовательность их такова. Мэн Тянь отравился в тюрьме в конце 210 г. [ШЦ, гл. 88, с. 2570]. Первое народное восстание против Цинь вспыхнуло в 7-ю луну первого года правления Эрши-хуанди [ШЦ, гл. 6, с. 268] – примерно в августе–сентябре 209 г. до н. э. Первые мятежи знати начались в 9-ю луну того же года [ШЦ, гл. 8, с. 0034], но они еще были локальными. Однако уже на втором году правления Эрши-хуанди правители земель бывших царств Янь, Чжао, Ци, Вэй и У провозгласили себя ванами, т. е. независимыми правителями царств [ШЦ, гл. 8, с. 0034/1-2]. Согласно «Хронологической таблице», это случилось в 1-ю луну 2 г. [ШЦ, гл. 16, с. 0067/4], т. е. примерно в феврале 208 г. После этого восстания чжухоу охватили все земли бывших шести царств. Но бывшее царство Цинь еще оставалось под властью императора Эрши-хуанди. Более того, в хронике Гао-цзу сказано:

«В это время войска Цинь были сильны и постоянно одерживали победы» [ШЦ, гл. 8, с. 0034/3].

Поэтому представляется, что люди, сосланные Цинь на ее новые рубежи, а именно, к северу от прежних владений царства Цинь, на землях которого теперь закрепился император, – не могли бежать оттуда до его разгрома. Эрши-хуанди был убит в 8-ю луну 3 г. своего правления [ШЦ, гл. 8, с. 0068/2], т. е. примерно в сентябре – октябре 207 г. до н. э. Но и после его гибели вряд ли ссыльные так сразу и одновременно покинули свои места, а сюнны тут же узнали об этом. Скорее всего, сюнны начали возвращаться на свою родину с начала 206 г. А так как в приведенном повествовании сказано, что они постепенно переселялись к югу

от Реки, то этот процесс был длительным и закончился, видимо, ближе к концу 206 г. до н. э.

После сообщения о возвращении сюннов на их бывшие земли к югу от Хуанхэ в «Повествовании о Сюнну» изложена довольно длинная история вражды Тоумань-шаньюя с его старшим сыном Маодунем, закончившаяся тем, что Маодунь убил отца и стал шаньюем, а позже создал великую державу Сюнну. Естествен интерес к вопросу, когда же Маодунь стал шаньюем. Для этого необходимо хотя бы приблизительно определить, сколько же времени длилась его вражда с отцом. Кратко она сводилась к следующим событиям. Тоумань, желая сделать своим наследником младшего сына, отправил Маодуня к юэчжам, а затем напал на них. Юэчжи хотели убить Маодуня, но он, захватив у них лошадь, бежал домой. Тоумань, восхищенный якобы мужеством старшего сына, назначил его командовать 10-тысячным отрядом конницы [ШЦ, гл. 110, с. 2888]. Эти события: переговоры с юэчжами и поездка к ним Маодуня, вторжение в их земли Тоуманя и бегство Маодуня — заняли отнюдь не считанные дни, а скорее месяцы.

Далее в «Повествовании о Сюнну» говорится, что Маодунь стал тренировать своих воинов и, под угрозой немедленной казни в случае неповиновения, приказывал стрелять туда, куда он сам посылал свою свистящую стрелу. Так он заставил их застрелить сначала своего лучшего коня, потом свою любимую жену, затем на охоте под отцом его лучшего коня и, наконец, самого отца. Расправившись после этого со всеми своими противниками, Маодунь стал шаньюем [ШЦ, гл. 110, с. 2888].

Надо полагать, что Маодунь и его конники совершали убийства через какие-то промежутки времени, чтобы смерть очередной жертвы выглядела случайной и у Тоуманя не возникало подозрений. Следовательно, все это заняло еще несколько месяцев. В целом же вражда Тоуманя с Маодунем вряд ли заняла менее года. Если сюнны возвратились все на родину к концу 206 г., то Маодунь убил своего отца к концу 205 г., а 204-й стал первым полным годом его правления. Скорее всего, именно это событие мыслилось концом того десятилетия, о котором сказано после бегства сюннов на север.

Изложенное позволяет не согласиться с бытующим мнением, что Маодунь стал шаньюем в 209 г. до н. э. Более

того. Линь Гань, автор двух больших работ последнего времени по истории сюннов, отнес к этому же году все события от начала восстаний против Цинь (а они, напомним, начались осенью того года) до вступления Маодуня на трон шаньюя [Линь Гань, 1984, с. 3-4].

Но согласуется ли вычисленная дата воцарения Маодуня — конец 205 г. до н. э. — с тем, что далее сказано в «Повествовании о Сюнну»?

После сообщения о том, что Маодунь стал шаньюем, там подробно рассказано о его уступках дунху, которые были сильны, для установления с ними добрососедских отношений. Но когда дунху потребовали отдать им часть земель, Маодунь на востоке напал на дунху,

«...нанес сокрушительное поражение правителю и с плененным его народом и [захваченным] скотом и имуществом тут же вернулся [в свои владения и затем] на западе нанес удар по отступившим юэчжам (си цзи цзоу юэчжи)¹, на юге присоединил земли лоуфань и байяи к югу от Реки и полностью вернул сюннуские земли, захваченные циньским Мэн Тянем, до Чжаона и Фуши у ханьских застав на прежней укрепленной линии к югу от Реки. Потом вторгся в Янь и Дай. В то время ханьские войска сражались с Сян Юем. Срединные царства изнемогали от военных действий. Поэтому Маодунь смог усилиться и [собрать] более чем 300 тыс. натягивающих лук» [ШЦ, гл. 110, с. 2889-2890].

Согласно данному описанию, Маодунь, став шаньюем, провел все эти войны с ближними соседями в то время, когда в Китае еще шла война Хань-вана Лю Бана с Сян Юем. А она, как известно, продолжалась с 206 до начала 202 г. до н. э., когда Сян Юй погиб, а Лю Бан был провозглашен императором Хань. Если Маодунь стал шаньюем к концу 205 г. до н. э., то он вполне мог в столь благоприятной обстановке за два с лишним года осуществить неожиданные вторжения в земли дунху и юэчжей, завоевать лоуфань и

¹ Иероглиф цзоу здесь Н.Я.Бичурин [т. 1, с. 48], В.С. Таскин [Материалы, 1968, с. 39] и Е. Цюрхер [Цюрхер, 1968, с. 362] перевели одинаково — «прогнал» юэчжей. М.В. Крюков полагает даже, что конница Маодуня «прогнала» с насиженных мест племена даюэчжи (большая юэчжей. — Л.Б.) [Крюков, 1983, с. 113]. Однако такая трактовка этой фразы опровергается последующими сведениями, согласно которым юэчжи и после нападения Маодуня продолжали жить на своих исконных землях к западу от сюннов, а изгнал их оттуда преемник Маодуня Лаошан-шаньюй.

байян, вернуть без войны с ханьцами все бывшие сюннуские земли к югу от Реки. Так что эти события и время их свершения согласуются с вычисленной нами датой вступления Маодуня на трон шаньюя.

Но приведенные сведения позволяют еще и довольно точно определить местонахождение родины сюннов и взаиморасположение их в то время с соседями. Ключевым является сообщение о том, что Маодунь после войн с дунху, юэчжами, лоуфань и байян затем полностью вернул ранее захваченные Мэн Тянем сюннуские земли к югу от Реки, т. е. Хуанхэ, и к северу от прежней укрепленной линии, проходившей почти по середине Великой излучины Хуанхэ, к югу от плато Ордос [см. Исторический атлас, 1984, т. 2, л. 5-6, 13-14]. Оно доказывает, во-первых, что сюнны, вернувшись в 206 г. до н. э. в родные края, заняли лишь северную часть своих прежних земель, не рискуя продвинуться южнее к пределам бывшего царства Цинь, и, во-вторых, что исконные сюннуские земли находились в Ордосе. Но сюнны занимали не все это плато, поскольку сказано, что завоеванные Маодунем владения лоуфань и байян тоже находились к югу от Реки, т. е. также в Ордосе. Это согласуется с рассмотренными выше сведениями времен царства Чжао, по которым лоуфань жили к западу от Дай и Яньмэнь у Западной реки, т. е. истари занимали земли на востоке Ордоса. Следовательно, родина сюннов находилась к западу от них в западной части Ордоса.

Заслуживает внимания и сообщение о том, что Маодунь напал на дунху на востоке. Оно позволяет заключить, что сюнны в то время владели и землями к северу от излучины Хуанхэ, куда они бежали от Мэн Тяня в 215 г. до н. э. и которые явно сохранили за собой, возвратившись на родину в 206 г. А разгромив дунху к северо-востоку от излучины, он оттуда напал на живших к югу от Реки лоуфань и байян.

Так как Маодунь напал на юэчжей к западу от своих владений, то очевидно, что юэчжи жили к западу от сюннов. Поскольку не сказано, что они жили к югу от Реки, — ясно, что их владения находились западнее Великой излучины Хуанхэ.

Рассмотренные материалы из «Повествования о Сюнну» свидетельствуют, что к 202 г. до н. э., когда была официально создана империя Хань, Маодунь владел лишь зем-

лями Ордоса и на северном берегу Хуанхэ и, видимо, землями дунху к востоку от них. Говорить о создании державы Сюнну в то время явно преждевременно. Но в «Повествовании о Сюнну» именно после этих сведений Сыма Цянь вдруг привел сообщение о том, что

«...во времена Маодуня сюнны необычайно усилились, покорив все северные народы [бэй-и], а на юге [их] держава стала равной Средней империи»,

и дал подробное описание владений Сюнну, системы управления, а также обычаев сюннов [ШЦ, гл. 110, с. 2890-2893].

Сыма Цянь описал могущественную державу Сюнну до изложения сведений, позволяющих судить о появлении такой державы, с целью, скорее всего, смягчить впечатление от приведенного далее рассказа о первой войне Хань с сюннами, о сокрушительном поражении империи и превращении в их данницу. Мы же, следуя логике событий, рассмотрим описание державы Сюнну после сведений о событиях, в результате которых владение сюннов и превратилось в могущественную державу.

До описания войны с Хань сообщается следующее:

«Потом [он] на севере покорил царства Хуньюй, Цюйшэ, Динлин, Гэкунь и Синли. По причине этого все сюннуские знатные люди и сановники подчинились ему, признав Маодуня мудрым» [ШЦ, гл. 110, с. 2893].

Затем Сыма Цянь и описал первое столкновение Хань с сюннами в 201–200 гг. до н. э. Исходя из принципа хронологической последовательности изложения материалов, которого Сыма Цянь в целом придерживался, можно полагать, что Маодунь завоевал эти северные народы до войны с Хань в 202–201 гг. до н. э. Где именно на севере жили в то время названные народы, видимо, кочевники, неизвестно. В «Ши цзи» они больше не упоминаются. В материалах «Хань шу» за I в. до н. э., которые будут рассмотрены далее, есть отдельные сообщения о *динлинах* и *цзянькунях* (*гэкунях*), позволяющие судить об ареале их обитания в то время. Но вряд ли можно безоговорочно локализовать эти народы в тех же местах во II в. до н. э., ведь они могли и переселиться.

После сообщения о завоевании Маодунем этих северных народов Сыма Цянь в «Повествовании о Сюнну» описывает основные события войны Хань с сюннами [ШЦ,

гл. 110, с. 2893]. В хронике же правления Гао-цзю об этой позорной для Хань войне он упоминает сверхкратко [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 191]. И, что важно, в обеих этих главах Сыма Цянь именует противников Хань именно сюннами. А в биографии Хань-вана Хань Синя, с деятельностью которого связано возникновение войны, он приводит более подробные сведения о ее начале и главном событии — окружении императора сюннами, причем противника Хань называет то хусцами, то сюннами. На этой особенности сведений из жизнеописания Хань Синя мы прежде всего и остановимся [перевод ее см. Материалы, 1968, с. 63-68].

В биографии сказано, что весной 6 г. своего правления (201 г. до н. э.) Гао-цзю послал Хань Синя управлять землями к северу от Тайюань-цзюня (в центре провинции Хэбэй) «и принять меры для отражения хусцев». Хань Синь в процитированном здесь письме императору сообщил, что в эти земли «часто вторгаются сюнны» и просил разрешения перенести свою ставку на север в г. Маи поближе к укрепленной линии [ШЦ, гл. 93, с. 0223/1].

Как видим, император назвал северных кочевников, для отражения нападения которых он послал Хань Синя, так же, как и в предшествующие времена, хусцами. Хань Синь же, столкнувшись с ними на месте, именует их уже сюннами. И далее о хусцах говорится именно в цитатах из писем императора и в изложении материалов о непосредственно его столкновении с ними, а также в сообщениях других официальных лиц. В сведениях же о Хань Сине и в кратком описании Сыма Цянем других эпизодов войны они называются сюннами.

Все это доказывает, что при дворе Хань до этой войны еще не знали о сюннах как особом народе, и по-прежнему называли своих северных соседей хусцами. Когда же ханьцы во время войны узнали о сюннах, которые к этому времени уже подчинили себе другие северные народы, то восприняли их название как синоним названия хусцев. И, судя по материалам «Ши цзи» и «Хань шу», во II и даже в начале I в. до н. э. в империи Хань сюннов часто называли и хусцами.

А теперь вкратце остановимся на последующих событиях, так как подробное исследование этой войны не входит в задачу данной работы.

Осенью Маодунь большими силами окружил Хань Синя в г. Май. По «Хань шу», это случилось в 9-ю луну 6 г. [XIII, гл. 1/2, с. 63], т. е. осенью 201 г. до н. э. Отправленные им к хусцам посланцы не добились мирного решения вопроса, и Хань Синь вынужден был сдаться. Затем вместе с сюннами он начал наступление на юг против Хань. И зимой Гао-цзу сам повел войска против них. Согласно «Хань шу», он выступил в 10-ю луну 7 г., т. е. в начале зимы 201 г., так как год правления императора тогда начинался с 10-й луны календарного. Маодунь, прибегнув к хитрости, заманил его с частью сил на север в г. Пинчэн (недалеко от нынешнего Датуня) и окружил. Но через семь дней по некоторым соображениям он разомкнул кольцо осады и выпустил императора [ШЦ, гл. 93, с. 0223/1; гл. 110, с. 2894]. Гао-дзу вернулся в Чанъянь во 2-ю луну 7 г. [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 191; XIII, гл. 1/2, с. 64], т. е. весной 200 г. до н. э. В «Повествовании о Сюнну» после этого сказано, что Хань, «закончив войну, послала Лю Цзина заключить договор о мире и родстве (хэ-цин-чжи юэ)».

Итак, первая война Хань с сюннами закончилась в начале весны 200 г. Точная же дата заключения договора ни в «Ши цзи», ни в «Хань шу» не указана. Принято считать, что он был заключен в 198 г., однако этот вопрос специально не исследовался. Попробуем по контексту событий ответить на него.

В «Повествовании о Сюнну» после сообщения о прекращении военных действий и об отправлении Лю Цзина в Сюнну для заключения договора говорится о том, что Хань Синь, став военачальником у сюннов, несколько раз в нарушение договора вторгался в пределы Хань и занимался там грабежом. Потом, вступив в сговор с Хань Сином, восстал против Хань Чэнь Си. А далее:

«В то время Сюнну использовала против Хань ханьских военачальников, во множестве переходивших на ее сторону. Поэтому Маодунь часто направлял их в земли Дай грабить. Это беспокоило Хань. Тогда Гао-ди послал Лю Цзина почтительно преподнести шаньюю в жены девушку из императорского рода [в качестве] принцессы, [обязаться еже]годно преподносить сюннам определенное количество шелковой ваты, шелковых тканей, вина, риса и [других] продуктов питания и заключить братский договор о мире и родстве. Маодунь после этого немного приостановил [грабежи]» [ШЦ, гл. 110, с. 2895].

Согласно этим сведениям, Лю Цзин ездил в Сюнну заключать договор о мире и родстве дважды: сразу после окончания войны и некоторое время спустя, так как Хань Синь с сюннами неоднократно вторгался в земли Хань и грабил. Император снова послал Лю Цзина заключить договор, преподнеся шаньюю в жены девушку из императорского рода в качестве принцессы и определенное количество разных продуктов и изделий. Произошло это, исходя из последовательности изложенных событий, уже после восстания Чэнь Си. А оно, согласно хронике правления Гао-цзу, вспыхнуло в 8-ю луну 10 г., т. е. в 197 г. до н. э. [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 193]. Значит, вторично договор был заключен не ранее 197 г. до н. э.

Но это опровергают сведения, приведенные в биографии Лю Цзина [ее перевод см. Материалы, 1968, с. 63-72], согласно которым он ездил в Сюнну только один раз:

«В то время, когда Гао-ди, закончив [войну], вернулся из Пян-чэна, а Хань Синь сдался хусцам, Маодунь-шаньюй с сильным войском в 300 тыс. натягивающих лук не раз приносил беду в северное приграничье. Император, обеспокоенный этим, обратился за советом к Лю Цзину».

И тот предложил план превращения в будущем сыновей и внуков шаньюя в своего рода вассалов императора. Для этого император должен отдать в жены шаньюю старшую дочь, принцессу, и ежегодно посылать богатые дары сюннам. Соблазненный богатствами Хань, шаньюй сделает принцессу старшей женой, а ее сына — наследником. Внук же императора не сможет относиться к деду как к равному. Войны прекратятся, и Сюнну со временем станет зависимой. Если же послать не дочь-принцессу, а родственницу, то шаньюй, узнав об этом, не сделает ее старшей женой, и тогда все будет бесполезно. Но император и императрица свою дочь не отдали, а послали в качестве принцессы родственницу в сопровождении Лю Цзина, чтобы заключить договор. Вернувшись из Сюнну, Лю Цзин рассказал императору об отмеченном им по пути малолюдые в землях Гуаньчжуна (район к югу от Ордоса) и предложил переселить в них богатые и влиятельные семьи знати из бывших царств, чтобы ослабить чжухоу (знать) бывших царств и укрепить ближние к Сюнну земли [ШЦ, гл. 99, с. 0230/3].

Согласно этим сведениям, император обратился за советом к Лю Цзину не сразу после окончания войны, а спус-

тя какое-то время, в течение которого сюнны продолжали вторгаться и грабить северные земли Хань. И тогда Лю Цзин сформулировал концепцию договора о мире и родстве и сам впервые заключил с Сюнну такой договор.

Но когда? Ответить на этот вопрос позволяет сообщение о том, что после возвращения Лю Цзина из Сюнну по его предложению в земли Гуаньчжуна были переселены семьи знати из бывших царств. Согласно хронике правления Гао-цзю в «Ши цзи», это было сделано в 9 г. его правления [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 192], а в «Хань шу» уточнено — зимой в 11-ю луну 9 г. [ХШ, гл. 1/2, с. 66], т. е. на рубеже 199-198 гг. до н. э. Но так как с момента заключения договора и до этого события прошло какое-то время, в течение которого Лю Цзин из Сюнну возвращался в столицу Хань, принималось решение и организовывалось переселение людей, то очевидно, что договор Хань с Сюнну о мире и родстве Лю Цзин заключил в 199 г. до н. э.

А теперь остановимся на сути ханьско-сюннского договора.

Как видно из приведенных сведений, Хань обязывалась по нему отдавать в жены шаньюю свою принцессу и ежегодно поставлять Сюнну определенное количество шелка и продовольствия. Но в первый же раз Хань послала в жены шаньюю не настоящую принцессу, дочь императора, а девушку из императорского рода, выдав ее за принцессу. И во всех последующих случаях Хань всегда поступала так же. Потому и сбылось предсказание Лю Цзина: за долгое время существования такого договора между Хань и Сюнну нет ни одного свидетельства того, что ханьская лжепринцесса стала старшей женой шаньюя, а ее сын — его наследником.

А о том, что такое «определенное количество» шелка и продовольствия, которое Хань обязывалась ежегодно поставлять Сюнну, дает представление сообщение в «Повествовании о Сюнну» в «Хань шу» за 89 г. до н. э. Тогда Хулу-гу-шаньюй, воспользовавшись поражением ханьских войск в предыдущей войне, потребовал от У-ди возобновить договор о мире и родстве и ежегодно поставлять Сюнну 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса и риса, 10 тыс. кусков разного шелка и остальное «согласно прежним договорам» [ХШ, гл. 94/1, с. 3780]. В нынешних мерах, а они, как правило, больше древних, 10 даней вина составляют 1035 тыс.

литров, 5 тыс. ху зерна — 600 т, — и, кроме того, очень много шелка и шелковой ваты и других каких-то продуктов.

Так что вряд ли можно усомниться в том, что по такому «братскому договору» Хань фактически становилась данницей Сюнну.

Маодунь же, в свою очередь, обязывался не нападать на Хань, не грабить в ее приграничных землях. Судя по тому, что он соблюдал договор и не беспокоил Хань, размер получаемой с нее дани и регулярность ее поступления устраивали его.

Естественно, что этот унижительный для Хань договор, видимо, и мог стать причиной того, что ни в «Ши цзи», ни в «Хань шу» в хронике Гао-цзу о нем вообще не упомянуто, а детали нигде не прописаны.

Поражение Хань в первой войне с Сюнну 201-200 гг. до н. э., позор Пинчэна и унижительный договор 199 г. до н. э. — все это надолго определило взаимоотношения двух держав.

После смерти Гао-ди в 195 г. до н. э. внутреннее положение недавно созданной империи Хань оставалось напряженным. Это вынуждало преемников Гао-ди подтверждать договор с Сюнну и платить ей дань.

В «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» говорится:

«Маодунь затем прислал Гао-хоу (вдовствующей императрице Люй-тайхоу. — Л. Б.) письмо с безрассудным предложением. Гао-хоу хотела нанести удар по нему, [но] все военачальники заявили: "Гао-ди был мудр и воинствен, и все же попал в затруднительное положение под Пинчэном". И Гао-хоу воздержалась [от войны], возобновила мир и родство с Сюнну» [ШЦ, гл. 110, с. 2895].

В биографии Цзи Бу письмо шаньюя названо «оскорбительным» [ШЦ, гл. 100, с. 0231/3]. В хронике же правления Хуй-ди (194-188) в «Ши цзи» обо всем этом нет ни слова. Только два с половиной века спустя Бань Гу в «Повествовании о Сюнну» в «Хань шу» привел текст оскорбительного письма шаньюя и ответ Гао-хоу [ХШ, гл. 94/1, с. 3754-3755; перевод см. Материалы, 1968, с. 138-139, прим. 126]. В хронике же правления Хуй-ди он тоже не упомянул ни о письме, ни о продлении договора, но сообщил об отправлении в 192 г. в жены Маодуню ханьской принцессы (видимо, предыдущая умерла) [ХШ, гл. 2, с. 89], что и позволяет заключить, что именно в этом году Гао-хоу подтвердила договор с Сюнну.

И опять же только в «Повествований о Сюнну», но не в хронике, есть сообщение о том, что император Вэнь-ди (179–157), вступив на трон, сразу же подтвердил договор о мире и родстве с Сюнну [ШЦ, гл. 110, с. 2895].

Теперь, когда выяснено, что Маодунь в 202–201 гг. до н. э. завоевал северные народы, в 201–200 гг. одержал победу над Хань и стал получать с нее дань, можно уже говорить о созданной им державе Сюнну и рассмотреть описание ее устройства, приведенное Сыма Цянем еще до изложения этих событий. Без знакомства с ним многое в исследовании последующего будет непонятно.

«[В Сюнну] учреждены [титулы] *цзо-* и *ю-сянь-вана* (левого и правого мудрого правителя), *цзо-* и *ю-лули-вана*, *цзо-* и *ю-да-данху*, *цзо-* и *ю-гудухоу*. Мудрый (сянь) по-сюннуски – *туци*, поэтому великий наследник становился *цзо-туци* (т. е. *цзо-сянь-ваном*. – Л. Б.). Высшие, от *цзо-* и *ю-сянь-ванов* до *данху* [имели] 10-тысячную конницу, низшие – в несколько тысяч, для всех 24 глав (*чжан*) которой были установлены звания *ваньци* (десятитысячник конницы). Все высшие сановники (*да чэнь*) наследовали должности. [Люди] трех фамилий: Хуаньши, Ланьши и позднее Сюйбуши были самыми знатными. Все ваны и военачальники левой (восточной) стороны живут на востоке прямо [к северу] от Шангу по направлению на восток до Хуйхэ и Чаосянь. Ваны и военачальники правой (западной) стороны живут на западе прямо к западу от Шанцзюнь до Юэчжи, Ди и Цян. А ставка шаньюя [находится] прямо [к северу] от Дай и Юньчжун. Каждый [из них] имеет выделенные [ему] земли, [по которым] и кочует, смотря по [наличию] воды и травы. Самые большие владения (*го*) у *цзо-сянь-вана*, *ю-сянь-вана* и у *цзо-* и *ю-лули-ванов*. *Цзо-* и *ю-гудухоу* помогают управлять [ими]. Все 24 главы (т. е. *ваньци*. – Л. Б.) сами назначают тысячников [*цянчжан*], сотников [*байчжан*] и десятников [*шичжан*]. А *сяо-ванам* (малым ванам) помогают *сян*, *фэй*, *дунэй*, *данху* и *цзюй-цзюй*» [ШЦ, гл. 110, с. 2990–2991].

Итак, в Сюнну носители высших титулов знатности делились на левых (*цзо*) и правых (*ю*), при этом левые были по статусу выше правых. Соответственно и держава делилась на две части: левую, т. е. восточную, которой управлял *цзо-сянь-ван*, а им обычно становился великий наследник шаньюя, и правую, т. е. западную, подвластную *ю-сянь-вану*.

Владения восточной части Сюнну в описанное Сыма Цянем время занимали земли к северу от Шангу, ханьского административного района, центр которого находился примерно в 100 км северо-западнее Пекина [см. Исторический атлас, 1984, т. 2, л. 14]. На восток они простирались до

Хуйхэ и Чаосянь (Корея). Царство Хуйхэ в «Ши цзи» более не упоминается, а Чаосянь посвящена специальная глава [115] «Повествование о Чаосянь», и отдельные сведения о ней есть в других главах. Согласно им, царство Цинь в 222 г. до н. э. завоевало Ляодун [ШЦ, гл. 6, с. 234], и созданная в следующем году империя Цинь на востоке стала граничить с Чаосянь [ШЦ, гл. 6, с. 239]. В 206 г. Хань-ван, ставший императором Хань в 202 г., овладел Ляодуном и присоединил его к царству Янь [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 173], восстановил «бывшую укрепленную линию», т. е. циньскую, до р. Пэйшуй², отделявшей Ляодун от Чаосянь [ШЦ, гл. 115, с. 0253/2]. Но в 195 г. правитель царства Янь сдался Сюнну [Бичурин, 1950, т. 2, с. 11].

Значит, восточная часть Сюнну соседствовала в то время с Чаосянь к востоку от Ляодуна.

Западная же часть Сюнну, согласно описанию Сыма Цяня, простиралась от Шанцзюня на запад до царств Юэчжи, Ди и Цян. Шанцзюнь, ханьский административный район, находился на самом юго-востоке Ордоса на западном берегу восточного участка излучины Хуанхэ, известной со времен царства Чжао под названием Сихэ (Западная река). Следовательно, владения западной части сюннов находились в Ордосе и включали исконные их земли. Поскольку к западу от Ордоса за излучиной Хуанхэ лежит пустыня Алашань, то очевидно, что царства Юэчжи, Ди и Цян находились южнее Алашань, в Ганьсуском коридоре и по соседству с ним. Судя по этому описанию, в Хань во времена Маодуня еще не имели более конкретного представления о местонахождении юэчжей.

То, что владения Сюнну простирались на запад до царства Юэчжи, доказывает, что описание их составлено ранее 177 г. до н. э., когда, как увидим ниже, Сюнну завоевала Юэчжи и другие западные владения. Следовательно, это описание державы Сюнну относится ко времени Маодуня.

² Вопрос о том, что это за река, оказался спорным. Бичурин [т. 3, с. 25], составители «Большого словаря китайских древних и современных географических названий» (с. 727), А. Германи [1966, л. 13-14] считали ее р. Ялуцзян — на границе Китая и Кореи. Ученые же КНР в последнее время решили, что это р. Чхончхонган, находящаяся к югу от Ялуцзян и имеющая почти широтное течение [Атлас к Очеркам, 1979, л. 23, 30; Исторический атлас, 1984, т. 2, л. 13-14].

А ставка шаньюя, указанная в описании к северу от Дай и Юньчжуна (нынешний Хух-Хото), находилась, получается, между владениями цзо-сянь-вана и ю-сянь-вана, на стыке восточной и западной частей Сюнну к северу от района нынешнего Хух-Хото.

Обратим внимание еще на одно сообщение в описании державы Маодуня:

«[Еже]годно в 1-ю луну все главы (чжан) на малом собрании в ставке шаньюя отправляли культ предков. А в 5-ю луну на великом сборе в Лунчэн (Стена дракона) приносили жертвы предкам, небу, земле, духам. Осенью же, когда лошади откормлены, на великом сборе в Дайлинь (Собрание кушаков) проводили учет людей и скота» [ШЦ, гл. 110, с. 2892].

Очевидно, что Лунчэн и Дайлинь, места традиционных ритуальных сборов собственно сюннов, находились в то время в их исконных землях в западной части Ордоса.

Выяснив, где расселились собственно сюнны при Маодуне, вернемся к рассмотрению истории их отношений с Хань.

Как явствует из заявления Вэнь-ди, сделанного им в 6-ю луну 3 г. его правления, т. е. в 177 г. до н. э., до этого времени обе стороны соблюдали договор о мире и родстве, сюнны не нападали на ханьские земли с целью грабежа, а Хань, посылала им богатые дары [ШЦ, гл. 10, с. 0040/4; Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 233]. Но в 5-ю луну этого года ю-сянь-ван, правитель западной части Сюнну, включавшей исконные сюннуские земли в Ордосе, перешел укрепленную линию и, нарушив договор, вторгся в земли Хань, согласно «Повествованию о Сюнну» — в Шанцзюнь, т. е. к юго-востоку от Ордоса, а по хронике — в Бэйди, т. е. к югу от Ордоса. Вэнь-ди направил против него 85-тысячную конницу, но сюнны тут же отступили за укрепленную линию и ушли в свои земли [ШЦ, гл. 110, с. 2895; гл. 10, с. 0040/4]. Конфликт был погашен.

А в следующем, 176 г. до н. э. Маодунь летом прислал Вэнь-ди письмо, текст которого приведен в «Повествовании о Сюнну». В нем он объяснял причину вторжения и предлагал возобновить договор, сообщив при этом о победе Сюнну на западе:

«[Я] наказал ю-сянь-вана, послав его на запад разыскать юэчжей и напасть на них. По милости Неба [его] воины были в отличном состоянии, кони сильны и [он], используя *исцев* (и), уничтожил [царство].

Юэчжи, все подданные которого были [либо] убиты, [либо] сдались. Затем [он] утвердился в Лоулань, Усунь, Хуцзе и в 26 других прилежащих к ним царствах. [Отныне] все натягивающие лук народы соединены в одну семью, [так как] в северных областях [мы] утвердились ранее» [ШЦ, гл. 110, с. 2896].

Не так часто встречаются в источниках столь информативные сообщения, как это. В нем прежде всего обнаруживается хронологически первое упоминание в «Ши цзи» царств Лоулань, Усунь и 26 других западных владений. По более поздним данным «Ши цзи» и «Хань шу» станет ясно, что царство Усунь, сосед Юэчжи, находилось рядом с ним в Ганьсуском коридоре, а Лоулань — к югу от оз. Лобнор на прикуньлуньском пути через Восточный Туркестан. Вряд ли можно усомниться в том, что под их 26 соседями подразумевались, судя по их множеству, мелкие царства в оазисах Восточного Туркестана. По словам Маодуня, сюнны завоевали их и включили в свою державу.

Но в письме Маодуня важно и свидетельство о том, что при завоевании западных царств сюнны использовали силы *исцев* (*и*). Сыма Цянь еще ранее написал, что Маодунь «полностью покорил *бэй-и* (северных *исцев*), что и подтверждают его слова в письме о том, что сюнны «в северных областях утвердились ранее». Очевидно, что войска Сюнну состояли не только из самих сюннов, но и из покоренных ими северных кочевников.

Вторжение ю-сянь-вана в земли Хань в 177 г. до н. э. означало для Сюнну разрыв договорных отношений и потерю дани с нее. Возможно поэтому, Маодунь послал свои войска на завоевание оазисных владений Восточного Туркестана, надеясь получить с них продукты земледелия и ремесла. Но, захватив эти владения, сюнны тут же уяснили, что поступление необходимых продуктов с них не компенсирует по количеству и качеству дань с Хань. Остается фактом, что уже летом 176 г., Маодунь прислал императору Хань дары и письмо с предложением возобновить прежний договор. И хотя Вэнь-ди, получив письмо, поставил на обсуждение сановников вопрос: что предпочтительнее — начать войну с сюннами или заново заключить договор? — демонстрация военной мощи Сюнну на западе предопределила их ответ и решение императора [ШЦ, гл. 110, с. 2896]. Но с ответом Вэнь-ди не спешил, послал богатые дары Маодуню и письмо с согласием на возобновление договора толь-

ко в 174 г. до н. э. [ШЦ, гл. 110, с. 2897]. В хронике правления Вэнь-ди о переписке ничего не сказано.

Сразу после этого в «Повествовании о Сюнну» идет сообщение о смерти Маодуня и о вступлении на трон его сына Цзиюй под именем Лаошан-шаньюя [ШЦ, гл. 110, с. 2898]. Несмотря на неопределенность фразы: «вскоре после этого» — принято считать, что Маодунь умер в 174 г. до н. э. Вэнь-ди тут же послал новому шаньюю в жены в качестве принцессы девушку из императорского рода, повелев евноху Чжунхан Юэ, вопреки желанию того, сопровождать ее. Приехав в ставку шаньюя, Чжунхан Юэ сразу же перешел к нему на службу и стал ближайшим советником [ШЦ, гл. 110, с. 2898]. Отправив принцессу в жены Лаошан-шаньюю, Вэнь-ди тем самым подтвердил свою верность договору о мире и родстве. Но в хронике его правления об этом опять-таки не говорится.

Первые годы своего правления Лаошан-шаньюй продолжал по отношению к Хань политику отца, сохраняя с нею мирные отношения. Но вдруг зимой 14 г. правления Вэнь-ди, т. е. зимой 167–166 гг. до н. э. (напомним, год правления начинался с 10-й луны)

«...сюннуский шаньюй со 140-тысячной конницей вторгся в Чжаона и заставу Сюгуань, убил Бэйди-дуэя Ина, захватил очень много лошадей, скота, имущества и затем дошел до Пэнъяна. Посланная [им] отборная пехота ворвалась во дворец Хуйчжун и сожгла [его], а конный разъезд дошел до [уезда] Юн и дворца Ганьцюань. Поэтому Вэнь-ди выставил войско из 1000 колесниц и 100-тысячной конницы у [столицы] Чанъань для защиты от хуских разбойников... [Но] шаньюй, пробыв внутри укрепленной линии месяц с лишним, ушел. Ханьцы преследовали [его] до выхода за укрепленную линию и вернулись, никого не убив» [ШЦ, гл. 110, с. 2901].

Главная особенность этого похода сюннов состоит в необычности района Хань, в который они вторглись, да еще в огромности их войска (140 тыс.) и в том, что они глубоко проникли в земли Хань. До и после этого похода они обычно гораздо меньшими силами вторгались в ее северо-восточные районы (Янь, Дай, Юньчжун) и грабили их и реже в приграничные районы к югу от владений сюннов в Ордосе (Бэйди, Шандзюнь). На этот же раз они обрушили всю свою военную мощь на северо-западный район Хань с явным намерением захватить ее столицу г. Чанъань, к которой они подошли, как покажем, совсем близко.

Но то, что сюннам удалось так легко и быстро прорваться к ней, было результатом не только многочисленности их войска, но и очевидной внезапности их нападения в этом краю. Что же позволило Лаошан-шаньюю предпринять неожиданное и дерзкое нападение на столицу Хань и именно в тот год?

Предварительный ответ на этот вопрос дают, как нам представляется, сведения о деятельности Чжунхан Юэ, главного советника Лаошан-шаньюя, приведенные Сыма Цянем перед описанием похода. Согласно им, Чжунхан Юэ, с одной стороны, подогревал высокомерие шаньюя по отношению к Хань, а с другой — явно пугал его, говоря:

«Все население Сюнну не может сравниться [по численности с населением] одного цзюня Хань³... Ныне шаньюй, изменяя обычаям, полюбил ханьские изделия. И достаточно двух десятых ханьских изделий, чтобы все сюнны перешли на сторону Хань» [ШЦ, гл. 110, с. 2890].

Он призывал шаньюя отказаться от использования ханьских изделий, но в то же время жестко требовал от ханьских послов своевременного привоза качественных продуктов и изделий, полагавшихся по договору, и «денно и ночью наставлял шаньюя выжидать удобного случая и [выискивать] место, чтобы навредить Хань» [ШЦ, гл. 110, с. 2899-2901].

Следовательно, в 167 г. до н. э. Чжунхан Юэ и Лаошан-шаньюй сочли, что такой удобный случай наступил. Так как в Хань в то время особых событий не отмечено, то очевидно, что какие-то благоприятные условия для нападения на нее сложились в самой Сюнну, но об этом в Хань не знали. Чтобы выяснить это, рассмотрим сначала сам поход.

Сюнны захватили Чжаона и Пэнъян, уезды в Аньдин-цзюнь [XIII, гл. 28/2, с. 1615], находившемся к северо-западу от столичного Юфуфан-цзюня [см. Атлас к Очеркам, л. 30]. Другая часть их войск овладела в самом столичном цзюне уездом Юн [XIII, гл. 28/2, с. 1547], находившимся недалеко от Чанъяни на пути в Лунси-цзюнь, из которого далее на север шел самый удобный путь в Ганьсуский коридор. Эта

³ По данным «Ди ли чжи», описания административного устройства империи Хань, в «Хань шу», численность населения ее цзюней колебалась от нескольких десятков тысяч до 1-2 миллионов человек [XIII, гл. 28/2]. Следовательно, во время правления Лаошан-шаньюя население Сюнну составляло не более 2 миллионов человек, а скорее всего даже меньше.

часть сюннуского войска даже дошла до императорского дворца Ганьцюань, расположенного, по сведениям танских историков, в 300 ли от столицы [ШЦ, гл. 110, с. 2902, прим. 5], т. е. примерно в 120 км, если имелись в виду ханьские ли, или 160 км — если танские ли⁴. То, что только во время этого прорыва сюннов император стянул к столице большое войско, уже само по себе свидетельствует о неожиданности для Хань вторжения сюннов в данном районе.

Как видим, сюнны наступали на столицу Хань по двум направлениям: с северо-запада — через Аньдин-цзюнь и с запада — через Лунси-цзюнь, куда они вышли, несомненно, по пути из Ганьсуского коридора. Но в Ганьсуском коридоре в то время жили юэчжи, которых Маодунь покорил в 177 г. до н. э. И сосредоточение огромной армии сюннов для наступления на Хань в их владениях — факт необычный.

Объяснить его позволяют два других сообщения в «Ши цзи». Позднее в Хань узнали, что именно в годы правления Лаошан-шаньюя сюнны убили правителя Юэчжи, а его народ вынудили покинуть свою родину и переселиться в дальние края [ШЦ, гл. 123, с. 3162]. А в 121 г. до н. э. ханьцы выяснили, что на бывших землях юэчжей в Ганьсуском коридоре жили сюнны, прославлявшие этот благодатнейший для жизни кочевников край [ШЦ, гл. 110, с. 2909, 2910, прим. 4].

Сопоставление этих двух фактов — изгнание при Лаошан-шаньюе юэчжей и заселение их земель в Ганьсуском коридоре сюннами — позволяет заключить, что шаньюй намеренно изгнал юэчжей, чтобы освободить для сюннов их богатые земли.

Сопоставление же этого вывода с выявленной внезапностью нападения огромного войска Лаошан-шаньюя на

⁴ У современных авторов мнения о том, на каком расстоянии находился дворец Ганьцюань от столицы, разные: Н. Я. Вичурин считал, что в 70 ли к юго-западу [т. 3, с. 18] или в 36 верстах [т. 1, с. 59, прим. 3], т. е. примерно в 40 км, Р. В. Вяткин — примерно в полусотне километров, но к северо-западу от Чанъани [Сыма Цянь, 1986, т. IV, с. 305, прим. 100]. Составители же «Вольшого словаря китайских древних и современных географических названий» определили расстояние между дворцом и столицей в 200 ли [Чжунго, 1931, с. 240] — примерно в 125 км. К сожалению, ни один из них не ссылается на какой-либо источник.

столичный район Хань именно из Ганьсуского коридора позволяет во всяком случае предположить, что он изгнал юэчжей отсюда накануне этого нападения. Расположив конницу сюннов в их землях, близких к северо-западному району Хань и ее столице, где об этом еще не знали, Лаошан и Чжунхан Юэ решили, видимо, что представился благоприятный случай, если не разгромить Хань, то захватить богатейшую добычу, во много раз превосходящую дань с империи за несколько лет. Добычу сюнны захватили, несомненно, большую, так как прорвались буквально в окрестности столицы и разграбили два императорских дворца. Такого не случалось ни раньше, ни позже. Хань, конечно, укрепила затем этот участок границы на подступах к столице, и сюнны, зная об этом, больше никогда не пытались вторгнуться в этот край.

Таким образом, анализ данных об этом походе сюннов на столицу Хань позволяет предположить, что буквально накануне его Лаошан-шаньюй изгнал юэчжей из Ганьсуского коридора, иначе в Хань могли узнать об этом и он мог лишиться эффекта внезапности. Поскольку вторжение сюннов состоялось зимой 167–166 гг. до н. э., то юэчжи были изгнаны, скорее всего, летом – осенью 167 г. Насколько верно данное предположение, покажет анализ других сведений «Ши цзи» и «Хань шу» об этом переломном этапе в истории юэчжей. Но они будут рассмотрены позже на более широком историческом фоне после выяснения некоторых других вопросов, без чего они не могут быть поняты.

Один из них – уточнение даты смерти Лаошан-шаньюя, что поможет далее рассчитать время изгнания, а также других событий ранней истории юэчжей и усуней. Определение же даты связано с решением вопроса о том, когда и с каким шаньюем заключил Вэнь-ди договор о мире и родстве после вторжения сюннов на рубеже 167–166 гг. до н. э.

Согласно «Повествованию о Сюнну» события далее развивались так:

«Сюнны с каждым днем становились все заносчивее, [еже]годно вторгались в пределы [империи], убивали и захватывали очень много людей, скота и имущества, особенно в Юньчжуне и Ляодуне, а из Дай [увели] более 10 тысяч человек. Это беспокоило Хань, и тогда [император] направил посла с письмом в Сюнну. Шаньюй также прислал данху с ответом, [в котором] признавал свою вину и снова говорил об

установлении мира и родства. В поздний⁵ 2 г. правления Вэнь-ди в Сюнну отправили посольство с письмом [императора, в котором он] сообщал, что письмо и дары шаньюя, присланные с данку, получены и что он, Вэнь-ди, полностью согласен с предложением шаньюя заключить договор о мире и родстве [ШЦ, гл. 110, с. 2902-2903].

Прочитывая это письмо Вэнь-ди шаньюю, Сыма Цянь далее написал:

«Поскольку шаньюй уже условился о мире и родстве, [император] в указе *юйши* (цензорам) повелел: "Великий шаньюй Сюнну прислал мне письмо, [в котором] говорит об утверждении [им] договора о мире и родстве, о том, что перебежчики не способствуют ни увеличению населения, ни расширению территории. [Поэтому] сюнны не должны вторгаться за укрепленную линию [в земли Хань], а ханьцы выходить за укрепленную линию [в земли Сюнну], нарушителей же этих условий надо казнить. [Тогда] станет возможным сближение надолго и избавление от бедствий в будущем, что соответствует интересам обеих сторон. Я уже одобрил его (т. е. договор. — Л. Б.). А вы объявите об этом для сведений всей Поднебесной"» [ШЦ, гл. 110, с. 2903-2904].

Как видим, ответное письмо Лаошан-шаньюя, в котором тот изложил свои условия договора, Вэнь-ди расценил как утверждение им договора о мире и родстве и, отправив послание с полным одобрением его предложения, повелел своим указом оповестить империю о заключении договора с Сюнну.

В «Ши цзи» в хронике правления Вэнь-ди за поздний 2 г. (162 г. до н. э.) приведен весьма пространный текст заявления императора (*шан юе*) о заключении и вступлении в силу договора о Сюнну [ШЦ, гл. 10, с. 0041/2]. Сопоставление его с текстами письма Вэнь-ди шаньюю и указа цензорам из «Повествования о Сюнну», показывает, что в заявлении суммарно изложено содержание их обоих. В «Хань шу», в хронике правления Вэнь-ди, его указ цензорам датирован 6-й луной позднего 2 г. [XIII, гл. 4, с. 129], т. е. примерно июлем — августом 162 г. до н. э. Следовательно, и это важно отметить, послы с ответным письмом Вэнь-ди вышли в Сюнну в это же время, а в Хань уже считали договор заключенным.

⁵ После шестнадцати лет правления (179–164) Вэнь-ди повелел снова вести отсчет лет его правления с первого года [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 239]. Во избежание путаницы перед номером года второго периода правления ставился иероглиф *хоу* (поздний).

В «Повествовании о Сюнну» после указа Вэнь-ди цензорам сразу же приведено сообщение о том, что

«...через четыре года (*суй*) Лаошан-шаньюй умер, его сын Цяюньчэнь-шаньюй вступил на трон, а Хань снова возобновила с Сюнну мир и родство» [ШЦ, гл. 110, с. 2904].

Согласно этим двум сообщениям в данной главе получается, что Хань заключила с Сюнну договор в 162 г., а через четыре года, т. е. в 158 г. Лаошан-шаньюй умер, и Вэнь-ди возобновил договор с только что вступившим на трон его сыном Цяюньчэнь-шаньюем.

Так появилась первая дата смерти Лаошана — 158 г. до н. э.

Однако следующая же фраза в «Повествовании о Сюнну» ставит ее под сомнение:

«Цяюньчэнь-шаньюй находился на троне четвертый год (*суй*), [когда] сюнны снова нарушили мир и родство, большими силами — по 30 тыс. конницы — вторглись в Шанцзюнь и Юньчжун... Через год с лишним (*суй юй*) после этого Сяо-Вэнь-ди скончался. Цзин-ди вступил на трон» [ШЦ, гл. 110, с. 2904].

Если Лаошан умер, а Цяюньчэнь стал шаньюем в 158 г., то, согласно данному сообщению, получается, что сюнны снова вторглись в Хань в 154-м, а Вэнь-ди умер в 152 г.

Но в хронике правления Вэнь-ди сказано, что сюнны вторглись в Шанцзюнь и Юньчжун «зимой позднего 6 г.» [ШЦ, гл. 10, с. 0041/2], т. е. зимой 159–158 гг. до н. э., так как год правления императора начинался именно с первого зимнего месяца, 10-й луны. А Вэнь-ди, говорится там же, скончался в 6-ю луну позднего 7 г., т. е. в июле 157 г., поскольку же эти даты сомнений не вызывают, то очевидно, что вторжение сюннов произошло в 158 г., на четвертый год после 162, а не после 158 г. до н. э. Следовательно, в «Повествовании о Сюнну» предыдущее сообщение о смерти Лаошана и вступлении на трон Цяюньчэнь-шаньюя через четыре года после заключения договора в 162 г. до н. э. ошибочно.

Противоречие в этих сообщениях «Повествования о Сюнну» в «Ши цзи» заметил еще в I в. н. э. Бань Гу. Повторяя их в первой части «Повествования о Сюнну» в «Хань шу», он внес в них, однако, следующие поправки. Во-первых, во фразе о смерти Лаошан-шаньюя «через четыре года (*хоу сы суй*)» он вместо иероглифа *суй* (год как мера времени) написал иероглиф *нянь* (год правления императо-

ра), в результате получилась дата – «в поздний 4 г. (хоу сы нянь)» правления Вэнь-ди, т. е. в 160 г. до н. э. Так появилась вторая дата смерти Лаошан-шаньюя. Во-вторых, во фразе «Цзюньчэнь-шаньюй находился на троне четвертый год (сы суй), [когда] сюнны вторглись» в земли Хань, Бань Гу вместо «четвертый год» написал «год с лишним (суй юй)» [XIII, гл. 94/1, с. 3764]. Внеся столь важные исправления в два соседних связанных по смыслу предложения Сыма Цяня, Бань Гу тем самым признавал, что противоречия в них возникли не из-за случайной описки переписчиков, а из-за ошибок самого Сыма Цяня.

С ним не согласился комментатор «Ши цзи» Сюй Гуан (352–425), пытавшийся устранить противоречие меньшим вмешательством в текст Сыма Цяня. В своем примечании он написал, что Цзюньчэнь-шаньюй «вступил на трон в поздний 3 г. (сань нянь)» [III, гл. 110, с. 2904, прим. 1], т. е. нашел ошибки лишь в двух иероглифах и одном предложении. Поскольку Цзюньчэнь стал шаньюем сразу после смерти отца, – в результате предположения Сюй Гуана появилась третья дата смерти Лаошан-шаньюя – 161 г. до н. э.

Посмотрим, однако, согласуется ли предположение Сюй Гуана с сообщением о вторжении сюннов в земли Хань на четвертый год после того, как Цзюньчэнь стал шаньюем. Как уже говорилось, в то время год правления императора начинался с 10-й луны, первого зимнего месяца одного календарного года и заканчивался 9-й луной следующего календарного года. Следовательно, с 10-й луны 3 г. до 10-й луны 6 г. получается всего три года. А если Цзюньчэнь стал шаньюем не в начале, а, например, в середине 3 г., тогда вообще невозможно говорить, что вторжение сюннов зимой 6 г. произошло на четвертом году его правления. Поэтому предположение Сюй Гуана было бы верно, если бы он указал, что Лаошан умер, а Цзюньчэнь вступил на трон в 10-ю луну 3 г.

Как видим, Бань Гу и Сюй Гуан принимали как бесспорный факт, что Хань заключила договор с Лаошан-шаньюем в поздний 2 г. и что он умер позже того года. А чтобы устранить противоречие в тексте Сыма Цяня, произвольно подбирали даты смерти этого шаньюя.

Разногласия современных ученых по этому вопросу восходят к трем выше указанным версиям (158, 160, 161 г. до н. э.) древних историков [см. Крюков, 1988, с. 239].

С нашей точки зрения, обоснованно определить дату смерти Лаошан-шаньюя и вступления на трон Цзюньчэнь-шаньюя можно только с учетом существа событий тех лет.

Итак, в данных «Ши цзи» не вызывают сомнений два факта и их даты: в 6-ю луну позднего 2 г. правления Вэнь-ди, примерно в июле-августе 162 г. до н. э., по указу его в Хань считали договор с Сюнну утвержденным, хотя послы с ответом шаньюю только что были посланы; при Цзюньчэнь-шаньюе сюнны, нарушив договор, зимой, т. е. в 10–12-ю луны, позднего 6 г., 159–158 гг. до н. э., вторглись в земли Хань. Второе событие произошло, как видим, через четыре года, а смерть Лаошана – спустя какое-то время после первого.

А теперь обратим внимание на оставшееся незамеченным сообщение в «Повествовании о Сюнну» о том, что, как только Цзюньчэнь после смерти отца стал шаньюем, Хань возобновила с ним договор о мире и родстве. Достоверность этого факта сомнению не подлежит, так как с каждым новым шаньюем Хань возобновляла договор. Поскольку же подтверждались не только отношения мира, но и родства, то новый шаньюй непременно получал в жены ханьскую принцессу. Так было, когда после смерти Маодуня в 174 г. до н. э. шаньюем стал его сын Лаошан. Следовательно, и на этот раз Вэнь-ди, возобновляя договор с Цзюньчэнь-шаньюем, должен был прислать ему в жены ханьскую принцессу. Но при жизни Вэнь-ди (умер в 157 г. до н. э.) Цзюньчэнь ее не получил, что было явным нарушением договора со стороны Хань.

Как же он мог согласиться на возобновление договора о мире и родстве, не получив от Вэнь-ди в жены ханьскую принцессу? Только в одном случае – если ханьские послы с письмом Вэнь-ди пришли в ставку шаньюя, когда Лаошан уже умер или находился при смерти и они вручили письмо Вэнь-ди уже Цзюньчэнь-шаньюю, как только тот вступил на трон. Он же, приняв письмо, адресованное его отцу, как бы возобновил договор уже от своего имени. Потому-то, видимо, в хронике правления Вэнь-ди о возобновлении договора с шаньюем, не названным по имени, говорится только один раз.

У послов, отправленных к старому шаньюю, не было, естественно, принцессы для нового. А Вэнь-ди, узнав от возвратившихся послов о молодости Цзюньчэня (о том, что он был молод, говорит время его пребывания на троне: он

правил до 126 г. до н. э., так долго, как ни один другой шаньюй), не стал торопиться выполнять договорные обязательства и не прислал принцессу. Скорее всего, это и стало причиной следующего события. На четвертом году правления упрочивший свое положение в Сюнну Цзюньчэнь-шаньюй решил наказать Хань за нарушение договора. Зимой 159–158 гг. его войска вторглись в пределы Хань и грабили там несколько месяцев, пока не узнали о посланных против них ханьских войсках. А летом 157 г. Вэнь-ди умер. Против нового императора Цзин-ди (156–141) поднял мятеж Чжао-ван, тайно сговорившийся с сюннами. И, хотя кризис был быстро ликвидирован, Цзин-ди поторопился нормализовать отношения с Сюнну. В 156 г. до н. э. он

«...возобновил с Сюнну мир и родство, [открыл] рынки у [приграничных] застав, передал Сюнну дары и отправил принцессу согласно прежним договорам».

После этого до конца правления Цзин-ди (156–141) более или менее крупных столкновений с Сюнну не было [ШЦ, гл. 110, с. 2904].

Внутренняя согласованность изложенных фактов убеждает в том, что Лаошан-шаньюй умер и его сын стал Цзюньчэнь-шаньюем через четыре месяца (*хоу сы юэ*) после отправления послов в Сюнну и указа Вэнь-ди от 6-й луны позднего 2 г., а не через четыре года. Поскольку именно фраза «через столько-то лет (*хоу ... суй*)» встречается в «Ши цзи» очень часто – можно предположить, что переписчик, а не Сыма Цянь, вместо иероглифа *юэ* (луна) машинально написал *суй* (год). В этом случае получается, что противоречия в сообщениях «Повествования о Сюнну» объясняются всего лишь одной опечаткой переписчика, а не ошибками Сыма Цяня в двух предложениях (по Бань Гу) или в одном (по Сюй Гуану). С устранением ее текст «Повествования о Сюнну» оказывается логичным.

Если Лаошан-шаньюй умер, а его сын стал Цзюньчэнь-шаньюем через четыре месяца после указа Вэнь-ди от 6-й луны позднего 2 г., то это случилось в самом начале позднего 3 г., в 10-ю луну, т. е. примерно в ноябре того же 162 г. до н. э. Тогда вторжение сюннов в Хань действительно произошло на четвертом году правления Цзюньчэня, но в 11-ю – 12-ю луны зимы позднего 6 г. правления Вэнь-ди, т. е. примерно в декабре 159 или в январе 158 г.

Следовательно, предположение Сюй Гуана о смерти Лаошана в поздний 3 г. оказывается верным, но только при уточнении – в 10-ю луну позднего 3 г. Но уточнение не было сделано, из-за чего и появилось ошибочное суждение о смерти Лаошана в 161 г. до н. э.

Итак, проведенное исследование позволяет заключить, что Лаошан-шаньюй умер в октябре-ноябре 162 г. до н. э. Его сын Цзюньчэнь-шаньюй правил до своей смерти в 126 г. до н. э. В 156 г. император Цайн-ди возобновил с ним договор о мире и родстве и, что особенно важно, открыл на приграничных с Сюнну заставах рынки для торговли с сюннами.

Период долгого правления Цзюньчэнь-шаньюя, за исключением последних шести-семи лет, был эрой мира и процветания Сюнну, пиком ее могущества. Она получала большую дань с Хань, доходы с завоеванных Маодунем западных царств (Восточного Туркестана), войска от северных народов. Свободная торговля с Хань на приграничных рынках после 156 г. еще более обогащала Сюнну, позволяла перепродавать ханьские товары в царствах Средней Азии, с которыми по сведениям, рассмотренным ниже, имела прочные связи. Так что уже в то время ханьский шелк и другие изделия, несомненно, попадали на среднеазиатские рынки.

На тот же период пришелся и расцвет империи Хань. За шесть-семь десятилетий мира внутри и вне страны, не считая редких и кратковременных столкновений с Сюнну и эпизодических мятежей знати, упрочилось внутреннее единство государства. В 154 г. до н. э. власти быстро подавили ставший последним крупный мятеж семи ванов [ШЦ, гл. 2, с. 0042/2]. Мир с Сюнну, экономическая политика правительства способствовали развитию хозяйства, росту производства, доходов и богатства империи. Дань державе Сюнну как плата за мир становилась все менее обременительной экономически, но все более унижительной для престижа Сына Неба и империи. Эта перемена во внутреннем положении Хань и стала определяющим фактором в ханьско-сюннских отношениях после вступления на трон императора У-ди (140–87).

ГЛАВА 2

ПОБЕДА ХАНЬ В ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ С СЮННУ (133-119 годы до н. э.) И ОВЛАДЕНИЕ ЕЮ ОРДОСОМ И ГАНЬСУСКИМ КОРИДОРОМ

В Хань осознание могущества империи и возможности освобождения от унижительной зависимости от Сюнну произошло в правление У-ди (140-87), вступившего на трон в шестнадцатилетнем возрасте. Однако молодой император, согласно сообщению в «Повествовании о Сюнну,

«...как только вступил на трон, заявил, что [признает] обязанности по договору о мире и родстве. [Сюннов продолжали] радушно встречать на рынках у приграничных застав, щедро снабжать [товарами]. Сюнны от шаньюя и ниже сблизились с ханьцами» [ШЦ, гл. 110, с. 2904].

По сведениям же из другой главы, У-ди уже в первые два года правления задумал разгромить сюннов и даже предпринял для этого меры:

«В то время Сын Неба расспрашивал сюннов-перебежчиков, и все они говорили, что сюнны разгромили правителя Юэчжи и сделали из его головы чашу для питья, что юэчжи бежали, но, питая ненависть к сюннам, не имели союзника для совместного нападения на них. Хань же как раз хочет уничтожить хусцев. Узнав это, [император] и вознамерился установить связь [с юэчжами], отправив посла. [Но] дорога была только через Сюнну. И тогда стали призывать желающих пойти послом».

Вызвался один из крупных дворцовых сановников Чжан Цянь. Во главе большого, в 100 человек, посольства он вышел из Лунси [ШЦ, гл. 123, с. 3157], северо-западного района Хань (у нынешнего Ланьчжоу). В «Ши цзи» это выступление не датировано, но есть описание возвращения Чжан Цяня через 13 лет в середине 126 г. до н. э., что позволяет определить время его отправления из Хань — 139 г.

Посольство ушло и надолго пропало без вести (о чем подробнее будет сказано в следующей главе). И тогда У-ди решился начать войну с сюннами собственными силами.

Весной 2 г. эры Юн-гуань (со 140 г. У-ди ввел «эры правления», т. е. стал давать названия очередным периодам своего правления), — в 133 г. до н. э. он созвал совещание сановников и сказал:

«Я послал в жены шаньюю красивую девушку, очень много золота, денег, узорчатых шелков. Шаньюй же относится к моим повелениям все с большим пренебрежением, грабит, нанося вред приграничным [землям]. Я очень обеспокоен этим. Ныне хочу поднять войска и напасть на него. Как быть?» [XIII, гл. 6, с. 162].

Часть сановников во главе с Хань Аньго высказалась против войны, другие же во главе с Ван Хуем были за немедленный поход, уповая на богатство Хань:

«Ныне Срединная империя процветает, богатства ее возросли в десять тысяч раз. Выделив лишь сотую часть их, проткнем [Сюнну] как нарыв [стрелой] из тугого лука» [XIII, гл. 52, с. 2401-2402].

У-ди начал поход. Ханьцы намеревались, прибегнув к хитрости, заманить сюннов в г.Маи и, устроив засаду, окружить и разгромить их. Но шаньюй по пути к Маи случайно узнал от пленного ханьца об этом плане и увел свое войско назад. Вдохновитель похода Ван Хуй был казнен, противник его Хань Аньго возвышен. Сюнны же, разорвав договор, стали вторгаться в приграничные земли Хань и грабить так часто, что «невозможно было и сосчитать».

«Но, — говорится далее в «Повествовании о Сюнну», — сюнны были жадны, дорожили [торговлей] у приграничных застав, пристрастились к ханьским изделиям. Хань тоже дорожила [торговлей] у приграничных застав и не прервала ее для достижения своих целей» [III, гл. 110, с. 2905].

Итак, в 133 г. до н. э. договор о мире и родстве Хань с Сюнну был разорван. Хань избавилась от унижительной зависимости от Сюнну, а та лишилась дани с Хань.

Понятно, почему после этого Сюнну хотела и грабить в землях Хань и в то же время торговать с нею. Но почему Хань, несмотря на грабежи сюннов, продолжала торговать с ними? Как можно заключить из последующих событий, У-ди, готовясь к войне, хотел закупить у сюннов побольше лошадей для своей конницы, к тому же для этого стало возможным использовать средства, уходившие ранее на дань тем же сюннам. А они явно не придали разрыву дого-

вора большого значения, так как по опыту прошлого знали, что он вскоре будет возобновлен. Они не предвидели большой войны с Хань, поэтому продавали ей лошадей. И про считались.

Как сказано в «Повествовании о Сюнну», на пятый год после событий под Май, т. е. в 129 г. до н. э.¹, Хань послала четыре 10-тысячных отряда конницы напасть на сюннов у приграничных застав, где до этого велась с ними торговля. Военачальники Гунсунь Ао и Ли Гуан, выступившие со своими отрядами соответственно из Дай и Яньмэнь (западнее нынешнего Пекина), потерпели поражение. Ли Гуан даже был захвачен сюннами в плен, но бежал в Хань, где оба были приговорены к смерти, но откупились и стали простолудинами. Гунсунь Хэ, выступивший из Юньчжуна (Хух-Хото), тоже ничего не добился. И только Вэй Цин из Шангу дошел до Лунчэна и пленил 700 сюннов [ШЦ, гл. 110, с. 2906].

Лунчэн, согласно рассмотренному выше описанию державы Маодуня, был местом, где сюнны исстари ежегодно отправляли свои культовые обряды и потому, скорее всего, находился в их исконных внутренних землях в Ордосе. Поэтому вызывает сомнение, что Вэй Цин всего с десяти тысячным отрядом прошел из далекого Шангу, находившегося чуть севернее нынешнего Пекина, так далеко на запад во внутренние земли сюннов и захватил только 700 пленных. Скорее всего, он проник лишь в ближние земли Сюнну на востоке Ордоса, воспользовавшись тем, что сюннуские войска, сосредоточенные на севере у приграничных застав, подверглись нападению трех других ханьских отрядов.

Во всяком случае, описание кратковременного похода маленького отряда Вэй Цина не дает основания полагать, что он дошел до очень дальнего района у нынешнего Улан-Батора, где А. Геррманн [1966, л. 10-11] и составители исторического атласа КНР [Атлас к Очеркам, 1979, л. 32] ло-

¹ В биографии Вэй Цина сказано, что поход состоялся осенью 5 г. Юн-гуань [ШЦ, гл. III, с. 2923], т. е. в 130 г. до н. э., в биографиях же Гунсунь Хэ и Ли Гуана [ШЦ, гл. III, с. 2941; гл. 109, с. 2870] говорится о походе через четыре года, т. е. на пятый, 129 г. Явно поэтому Вань Гу, повторяя биографию Вэй Цина по тексту «Ши цзи», 5 г. заменил на 6 г. [ХШ, гл. 55, с. 2472] и под ним же описан поход в хронике правления У-ди [ХШ, гл. 6, с. 165].

кализовали Лунчэн, или даже до севера Внутренней Монголии, к северу от Пекина, где его локализовал Линь Гань [1984, с. 19-20].

Нападение небольших разрозненных отрядов ханьской конницы у приграничных застав, легко отбитое сюннами, не насторожило их, они все еще не ожидали серьезного удара со стороны Хань. В конце этого и в следующем, 128 г., они, как обычно, вторгались в северные земли ее, не встречая отпора [ШЦ, гл. 6, с. 166, 168, 169]. У-ди собирал силы.

И во 2 г. Юань-шо (127 г. до н. э.), как сказано в «Повествовании о Сюнну»,

«Вэй Цин снова выступил из Юньчжуна на запад, дошел до Лунси, напал к югу от Реки на хусцев, правителей лоуфань и байян, захватил в плен несколько тысяч хусцев, более миллиона овец. Таким образом Хань завладела землями к югу от Реки, построила Шофан, восстановила укрепленную линию (*сай*), возведенную Мэн Тянем во времена Цинь. И Река стала прочным [рубежом]. Хань же бросила десяток отдаленных уездов в Шангу [-цаюнь] и земли Цзаояна, отдав [их] хусцам» [ШЦ, гл. 110, с. 2906].

В «Хань шу», в хронике правления У-ди, все эти события датированы 1-2-й лунами 2 г. Юань-шо и сказано, что Вэй Цин, двинувшись на запад, дошел до Гаоцюз (северо-западного угла излучины Хуанхэ), а не до Лунси [ХШ, гл. 6, с. 170], что, судя по последующим сведениям, верно.

На этот раз ханьские войска не просто нанесли поражение сюннам, а захватили всю западную часть их владений, включенную отныне в пределы Хань. В «Ши цзи» и в «Хань шу» численность войск Вэй Цина не определена, но, несомненно, она была велика. Судя по отсутствию упоминаний о сражениях, сюнны не ожидали такого натиска со стороны Хань на свои исконные земли в Ордосе и к северу от него и потому не смогли оказать упорного сопротивления.

Так, в 127 г. до н. э. держава Сюнну впервые за всю свою историю потерпела тяжелое поражение, утратив исконные земли собственно сюннов. Для Хань же это была первая победа над Сюнну с начала их сосуществования. У-ди расточал высокие похвалы и награды Вэй Цину и подчиненным ему военачальникам [ШЦ, гл. III, с. 2923-2924].

Судя по приведенным сведениям, а также по данным раздела «Ди ли чжи» в «Хань шу», Хань немедленно стала осваивать вновь приобретенные земли. В том же году в них

были созданы административные районы Шофан-цзюнь и Уюань-цзюнь и в 125 г. Сихэ-цзюнь [XIII, гл. 28/2, с. 1618, 1619]. А в хронике правления У-ди в «Хань шу» говорится, что уже летом 127 г. в эти земли были переселены 100 тыс. ханьцев-бедняков [XIII, гл. 6, с. 170].

Уступила же Хань сюннам земли в десяти уездах Шангу-цзюнь и Цзаояне, несомненно, потому, что они чаще всего опустошались сюннами и фактически уже были брошены ханьцами.

Тяжелое поражение не перенес старый Цзюньчэнь-шаньюй. Зимой 127–126 гг. до н. э. он скончался. Его младший брат Ичисе, имевший титул цзо-лули-вана, разгромил великого наследника Юйцзяня (тот бежал в Хань) и сам стал шаньюем [ШЦ, гл. 110, с. 2907]. Как раз во время этой междоусобицы удалось вырваться из плена в Сюнну и вернуться в Хань Чжан Цяню, 13 лет назад посланному У-ди в Юэчжи.

Но уже летом 126 г. конница сюннов снова ворвалась в Дай, прошла далее на юг до Динсяна, а еще и в Шанцзюнь (на юго-востоке Ордоса). Тогда же правитель западной части Сюнну

...ю-сянь-ван, обозленный тем, что Хань захватила [его] земли к югу от Реки и построила Шофан, неоднократно грабил у границы, захватывал Шофан, убил множество чиновников и народа» [ШЦ, гл. 110, с. 2907].

У-ди, несомненно, понимал, что сюнны попытаются вернуть свои земли к югу от Реки, т. е. в Ордосе, и потому, собирая силы, не вступал эти два года в частные сражения с ними. А в 124 г. он послал очень большое, более чем сто-тысячное войско, опять же во главе с Вэй Цинем и снова против ю-сянь-вана. Выйдя из Шофана и Гаоцюэ (у северо-западного угла излучины Хуанхэ), он прошел к северу от реки за укрепленную линию 600–700 ли (240–280 км), ночью неожиданно окружил ставку ю-сянь-вана и разгромил его, захватив в плен более 15 тыс. человек, более десятка подвластных ему малых ванов [ШЦ, гл. 110, с. 2907].

Направление, в котором на этот раз наступал Вэй Цин против ю-сянь-вана, показывает, что западная часть сюннов после потери в 127 г. земель в Ордосе, переселилась к северу от большой излучины Хуанхэ, но недалеко. Ставка ю-сянь-вана находилась всего в 240–280 км от нее.

В биографии Вэй Цина сказано еще, что ханьцы захватили «более тысячи миллионов», т. е. великое множество скота и стали возвращаться в Хань, потому что ю-сянь-ван с оставшимися у него людьми бежал так далеко, что его не смогли догнать. Уже на укрепленной линии, границе империи, Вэй Цин встретил гонец императора с указом о назначении его *да-цзянцзюнем* (главнокомандующим). По возвращении же войска в столицу обрадованный победой У-ди с великой щедростью наградил и одарил его и всех военачальников, участвовавших в этом походе [ШЦ, гл. 111, с. 2925-2926].

Одновременно с Вэй Цинем против сюннов У-ди послал еще войска из Юбэйпина (немного северо-восточнее Пекина) во главе с Ли Си и Чжан Цигуном, которые после завершения кампании тоже были награждены [ШЦ, гл. 111, с. 2925, 2926]. Очевидно, что они действовали против восточных сюннов, чтобы не позволить им выступить на помощь западным.

После двух тяжелых поражений в 127 и 124 гг. западные сюнны очень ослабели, и У-ди поторопился этим воспользоваться. Весной 123 г. он посылает более чем сотысячную конницу под руководством *да-цзянцзюня* Вэй Цина на север непосредственно против шаньюя. Дважды ханьская конница из Динсяна углублялась в земли сюннов на несколько сот ли (1000 ханьских ли равны 400 км),

«...взяли в плен в первом и втором [походе] более 19 тыс. человек, но и ханьцы потеряли войска двух *цзянцзюней* (командующих. — Л.Б.) и более 3000 конницы. *Ю-цзянцзюню* (командующему правым флангом. — Л.Б.) Су Цзяню удалось спастись бегством, а *цян-цзянцзюнь* (командующий авангардом. — Л.Б.) *сихоу* Чжао Синь², [потерпев] неудачу, сдался Сюнну» [ШЦ, гл. 110, с. 2907-2908].

² О *сихоу* Чжао Сине далее сказано, что он «в прошлом был хуским малым ваном, сдался Хань, и Хань пожаловала [ему титул] *сихоу*». Но, согласно «Таблице всех чиновников, гунов и цинюв» [ХШ, гл. 19/1] и другим материалам «Ши цзи» и «Хань шу», в Хань не было титула *сихоу*. Н. Я. Бичурин посчитал *сихоу* «китайским титулом княжеского достоинства» [т. 1, с. 93, прим. 1; т. 2, с. 184, прим. 1], видимо, потому, что Чжао Синь получил его в Хань. Но почему же Хань пожаловала ему титул, которого у нее не было?

Во-первых, обратим внимание, что в рассматриваемом сообщении из «Повествования о Сюнну» сказано, что Чжао Синь в прошлом был хуским малым ваном. Поскольку «хусец» — синоним названия

В «Повествовании о Сюнну» нет других сведений об этой кампании ханьских войск, но в биографии Вэй Цина Сыма Цянь описал эту кампанию значительно подробнее, отметив в заключение:

«В этом году потеряли войска двух *цзянцзюней*, бежал *сихоу*. [Так как] успехи войск были незначительны, *да-цзянцзюнь* не получил новых пожалований» [ШЦ, гл. 111, с. 2927-2928].

Но после этого он привел следующее сообщение:

«Чжан Цянь сопровождал *да-цзянцзюня*. Так как он ранее [ходил в качестве] посла в Дася и долго жил в Сюнну, то, [став] про-

«сюнн», то получается, что Чжао Синь был сюннуским малым ваном. Но в двух других случаях – в биографии Вэй Цина из «Ши цзи» и в «Таблице заслуженных сановников» из «Хань шу», Чжао Синь назван «сюннуским *сянго*» [ШЦ, гл. 111, с. 2944; XIII, гл. 17, с. 0345/2]. А согласно перечню сюннуских титулов и высших должностей в приведенном выше описании державы Маодуня, *сянго* был ниже по статусу малого вана. Следовательно, если бы Чжао Синь был сюннуским малым ваном, то не занимал бы должность *сянго*, бывшую ниже его достоинства малого вана. Это и позволяет предположить, что он не был собственно сюнном и малым ваном Сюнну, а был в прошлом малым ваном какого-то другого народа, подвластного Сюнну, и ему была пожалована существовавшая у сюннов должность *сянго* (*сян*).

Во-вторых, Хань, согласно «Таблице заслуженных сановников» в «Хань шу», всем перешедшим на ее сторону знатым иноземцам из Чаосянь, Юэ, Сюнну, будь то сын шаньюя, ван, *сянго*, дувэй и т.п., жаловала только свой второй титул знатности – *хоу*, но два из множества перебежчиков получили титул *сихоу*: сюннуский ван Ханьдань в 147 г. до н. э. и сюннуский *сянго* Чжао Синь в 131 г. до н. э. [XIII, гл. 17, с. 0345/2].

В-третьих, далее из материалов «Хань шу» за I в. до н. э. выяснится, что *сихоу* – это высший титул знатности в Большом Юэчжи и Усунь.

Так что Ханьдань и Чжао Синь были, скорее всего, знатыми юэчжями из тех, кто не покинул свою родину в Ганьсуском коридоре вместе с большей частью своего народа, изгнанного Лаошан-шаньюем, и остался под властью Сюнну. Но затем они бежали в Хань, пожаловавшую им титул *сихоу*, скорее всего, по их просьбе. Обратим внимание, когда это случилось – в 147 и 131 гг. до н.э., т. е. до того, когда в Хань получили от Чжан Цяня сведения о Большом Юэчжи и Усунь. Но позже, когда в конце II в. до н. э. Хань установила связь с этими царствами и узнала, что их титул знатности *сихоу* равнозначен ее титулу *ван*, никогда иноземцам не жаловавшийся, в «Таблице заслуженных сановников» ни одного случая пожалования титула *сихоу* более не отмечено.

водником войска, знал места с хорошей водой и травой. И войска смогли избежать голода и жажды. [За это] и за прошлые заслуги посла в отдаленные страны пожалован титулом *Бован-хоу*. [ШЦ, гл. 111, с. 2929].

Обратим внимание, что здесь говорится о заслугах Чжан Цяня как посла в Дася, а не в Юэчжи.

Итак, поход ханьских войск в 123 г. до н. э. на север против шаньюя был безуспешным. Видимо, поэтому У-ди, не желая пока вступать в конфликт с самим шаньюем, весной 121 г. до н. э. направил 10-тысячную конницу снова против западных сюннов. Возглавил ее племянник Вэй Цина Хо Цюйбин, отличившийся в походе 123 г. [ШЦ, гл. 111, с. 2928]. Эта частная операция прошла успешно. И летом того же года У-ди снова отправил Хо Цюйбина против сюннов в том же направлении, но уже с конницей в несколько десятков тысяч человек [ШЦ, гл. 110, с. 2908].

Но в это время сюнны с севера вторглись в Дай и Яньмэнь. У-ди послал против них войска во главе с Ли Гуаном и Бован-хоу Чжан Цянем. Шаньюй быстро разгромил войско Ли Гуана, а Чжан Цянь опоздал к месту сражения, за что был приговорен к смерти, но откупился и стал простолудином [ШЦ, гл. 110, с. 2908-2909; гл. 111, с. 2929-2930].

Тем временем Хо Цюйбин вместе с Гунсунь Ао

«...выступили из Лунси и, углубившись в северные земли на 2000 ли (800 км. — Л.Б.), атаковали сюннов. [Затем] миновали Цзюйянь и напали [на них] у гор Цзяньшань, взяли в плен более 30 тысяч хусцев, [среди них] более 70 малых ванов и [знатных людей] ниже [их по статусу]» [ШЦ, гл. 110, с. 2908].

Древние комментаторы указывают горы Цзяньшань к юго-западу от Чжанъе [ШЦ, гл. 110, с. 2909, прим. 4; гл. 123, с. 3162, прим. 2], т. е. это нынешний хр. Рихтгофена. А согласно разделу «Ди ли чжи» в «Хань шу», в Чжанъецзюань был уезд Цзюйянь, к северо-востоку от которого лежало одноименное оз. Цзюйяньцзэ [ХШ, гл. 28/2, с. 1613], обычно идентифицируемое с оз. Гашунь-нур³. Очевидно, что

³ Ныне р. Эдзин-гол, разделившись на два рукава, питает два озера — Гашунь-нур и Сого-нур. В династийных же историях «Хань шу», «Хоу Хань шу» (гл. 33, с. 3522), «Цзинь шу» (гл. 14, с. 433), «Синь Тан шу» (гл. 40, с. 1045) в этом районе упоминается только одно оз. Цзюйяньцзэ. Так что по крайней мере до VIII в. в эдзингольской котловине существовало одно большое озеро.

Хо Цюйбин в 121 г. н. э. вторгся во владения сюннов в Ганьсуском коридоре, где они поселились явно после изгнания отсюда юэчжей Лаошан-шаньюем. О том, что здесь прежде действительно жили юэчжи, свидетельствуют слова из речи У-ди, который, говоря о заслугах Хо Цюйбина в этом походе, отметил, что он по пути от Цзюйянь до Циляншань прошел через Малое Юэчжи [ШЦ, гл. 111, с. 2931].

Поход Хо Цюйбина в земли сюннов в Ганьсуском коридоре завершился после захвата большого числа пленных, более 30 тыс. человек, возвращением в Хань. Последствия же его оказались исторически значимыми. Дело в том, что осенью того же года шаньюй решил, как говорится в «Повествовании о Сюнну», казнить правивших этим районом Сючу-вана и Хунье-вана за поражение и потерю нескольких десятков тысяч людей. Тогда Хунье уговорил Сючу сдаться Хань, но в последний момент тот передумал. Хунье-ван убил Сючу-вана и с его и «своим народом» ушел в Хань. Сдалось более 40 тыс. человек, но «говорили о 100 тыс.» [ШЦ, гл. 110, с. 2909]. Хо Цюйбин встречал сюннов «за Рекой». Когда он с Хунье прибыл в столицу, император щедро наградил его, а Хунье и четверем другим знатым сюннам пожаловал титул *хоу* [ШЦ, гл. 111, с. 2933].

Так Сюнну за один год лишилась более 70 тыс. подданных, оказавшихся в пределах Хань.

«Спустя некоторое время, — говорится в биографии Хо Цюйбина, — расселили сдавшихся [сюннов] в пяти пограничных цзюнях за старой укрепленной линией, но всех к югу от Реки⁴. Следуя своему старому обычаю, создали [для сюннских хоу] зависимые владения (*шу-го*)»⁵ [ШЦ, гл. 111, с. 2934].

⁴ Земли к северу от укрепленной линии и к югу от Реки, т. е. в Ордосе — это исконные земли сюннов, с которых Хань изгнала их в 127 г. На них она создала три новых цзюня — Шофан, Уюань и Сихэ, а южную часть земель присоединила к своим старым цзюням — Бэйди и Шанцзюнь. Следовательно, в 121 г. она расселила сдавшихся сюннов Хунье в этих пяти цзюнях на бывших сюннских землях. Танский комментатор Чжан Шоуцзе явно ошибся, считая, что цзюни к югу от Реки за старой укрепленной линией — это Лунси, Бэйди, Шанцзюнь, Шофан и Юньчжун [ШЦ, гл. III, с. 2934, прим.1]. Его версию повторил В. С. Таскин [Материалы, 1968, с. 165, прим. 28]; между тем, Лунси и Юньчжун находились не к югу от Реки, т. е. не в Ордосе.

⁵ В «Хань шу» сказано: «Дань *шу-го* учреждено Цинь. Управляло сдавшимися иноземцами [*мань и*]. У-ди в 3 г. Юань-шоу (120 г. до н. э. — Л.Б.), когда сдался Хунье-ван, восстановил [систему] *шуго*

Согласно этому сообщению, Хань расселила сдавшихся ей сюннов на их бывшей родине в Ордосе, потерянной ими в 127 г. до н. э. Скорее всего, после этого появился в Уюань-цзюне городок Тоуманьчэн [XIII, гл. 28/2, с. 1620], названный по имени первого шаньюя сюннов Тоуманя и, возможно, даже на месте его бывшей ставки.

Тогда же Хань сделала первый шаг к закреплению за собой земель в Ганьсуском коридоре, покинутых сюннами Хунье-вана:

«Поскольку Хань заполучила Хунье-вана, то значительно сократилось [количество] хуских разбойников в землях к северу от Лунси и к западу от Реки (*Лунси-бэй-ди хэ-си*). Чтобы заселить их, переселили гуаньдунских бедняков, находившихся в отобранном у сюннов Синь-цинъчжуне к югу от Реки. А к западу от Бэйди сократили наполовину охранные войска»⁶ [ШЦ, гл. 110, с. 2909].

[зависимых владений] и учредил [в них должности] *дуэцзй, чэн, хоу, цянъжэнь* подчиненных им чиновников и 9 переводчиков» [XIII, гл. 19/1, с. 735]. И потому перевод В. С. Таскиным последней фразы «Они жили по старым обычаям и считались зависимыми» [Материалы, 1968, с. 89] представляется неточным.

⁶ Перевод этого сообщения В. С. Таскиным, повторившим по сути перевод Вичурина [т.1, с. 66], искажает, с нашей точки зрения, его смысл: «После того как [династия] Хань приобрела князя Хунье, набеги хусцев на округа Лунси, Бэйди и Хэси еще более сократились: в связи с этим из земель к востоку от застав был переселен бедный люд для заселения Синь Цинь-чжун, находившегося на отобранных у сюнну землях к югу от реки, и наполовину уменьшили численность гарнизонов к западу от округа Бэйди» [Материалы, 1968, с. 54].

Во-первых, не набеги хусцев стали реже, а самих хусцев, названных «хускими разбойниками» (*ху коу*) стало меньше. Это подтверждается и тем, что позже нападения на этот край Лаошан-шаньюя в 167 г. до н. э. ни до, ни после капитуляции Хунье в «Ши цзи» не отмечено ни одного вторжения сюннов в Луси и Бэйди, и тем, что сообщает Сыма Цян об обезлюдении бывших земель Хунье: «Хунье-ван увел свой народ и сдался Хань. [В результате] к западу от Цзиньчэна и Реки вдоль южных гор до Яньцзэ (оз.Лобнор. — Л.Б.) стало безлюдно, сюннов не было. Иногда появлялись разведчики из Сюнну, но редко» [ШЦ, гл. 123, с. 3167]. Об этом же, как увидим ниже, говорили Чжан Цянь и У-ди в 119 г. до н. э.

Во-вторых, во фразе «*Лунси-бэй-ди хэ-си*» речь идет все о тех же землях Хунье «к северу от Лунси и к западу от Реки», т. е. к западу от большой излучины Хуанхэ, так как в Хань никогда не было «округа Хэси», а Хэси-цзюнь был создан только в VI в. н. э. при Поздней Вэй [Чжунго, 1931, с. 51].

Хань, выселив гуаньдунских бедняков из Синьцинъ-чжуна, т. е. из Ордоса, куда они были переселены в 127 г. до н. э. после изгнания отсюда сюннов, в бывшие земли Хунь и Сючу в Ганьсуском коридоре, не только освободила этот район для расселения сдавшихся сюннов Хунь, но и начала освоение обезлюдивших его бывших земель. Однако этот процесс растянулся надолго. Только в 104 г. до н. э. Хань создала в Ганьсуском коридоре два первых административных района — Цюцюань-цзюнь и Чжанье-цзюнь, в 101 г. Увэй-цзюнь и лишь в 88 г. н. э. — Дуньхуан-цзюнь [ХШ, гл. 28/2, с. 1612, 1613, 1614]. Однако и позже в этих цзюнях «земли [были] обширны, а население редким» [ХШ, гл. 28/2, с. 1645].

Итак, косвенным результатом похода Хо Цюйбина 121 г. оказался переход на сторону Хань части западных сюннов во главе с Хунь-ваном, живших в Ганьсуском коридоре, благодаря чему этот район вошел во владения Хань. До этого «сюнны западной стороны жили к востоку от Янь-цзэ (оз. Лобнор. — Л.Б.) до длинной стены в Лунси (район Ланьчжоу. — Л.Б.) и соседствовали с цянами, отрезая Хань дорогу [на запад]» [ШЦ, гл. 123, с. 3160], отныне же Хань «отрезала южных цянов от Сюнну» [ХШ, гл. 282, с. 1645] и получила выход на караванные пути в страны Восточного Туркестана и Средней Азии.

Таким образом, в 121-120 гг. до н. э. была прорвана на северо-западе общая блокада сюннами владений Хань. От-

В-третьих, здесь говорится не о переселении гуаньдунских бедняков в Синьцинъчжун, а о выселении их оттуда, иначе зачем этот факт включен в ряд мер, предпринятых Хань после капитуляции Хунь. Синьцинъчжун — это земли к северу от владений империи Цинь и к югу от Реки, отнятые у хусцев Мэн Тянем [ШЦ, гл. 110, с. 2910, прим.2]. После падения Цинь Маодунь вернул их, а в 127 г. до н. э. Вэй Цин вновь изгнал отсюда сюннов, и Хань стала заселять в том же году Синьцинъчжун гуаньдунскими бедняками [ХШ, гл. 6, с. 170]. Теперь же У-ди решил поселить здесь сдавшихся сюннов Хунь-вана, выселив гуаньдунских бедняков на его опустевшие земли в Ганьсуском коридоре, что и было сделано согласно следующему сообщению: «К западу от Увэй земли сначала [принадлежали] сюннуским ваям Хунь и Сючу. Во времена У-ди [ваны] их бросили. [Хань] вначале создала [здесь] четыре цзюня... Их население [состояло] из семей переселенных сюда гуаньдунских бедняков, [а также помилованных] убийц из мести и бунтовщиков» [ШЦ, гл. 28/2, с. 1644-1645].

ныне ее пределы простирались до юго-востока Восточного Туркестана.

Для сюннов же эти события стали трагедией. Они потеряли немалую часть своего и без того не очень многочисленного народа, цементирувавшего огромную державу, лишились благодатнейших земель Ганьсуского коридора, имевших к тому же большое стратегическое значение. Ведь утратив их, сюнны оказались отрезанными от соседей и своих исторических союзников, цянов, потеряли самый удобный выход на прикуньлуьнский караванный путь, над оазисными владениями вдоль которого они раньше безраздельно господствовали. А это вело к сокращению поступления доходов с владений и от торговли по данному пути с дальними царствами Средней Азии.

Так что поход Хо Цюйбина и переход Хунь-вана на сторону Хань в 121 г. до н. э., в результате чего Хань вышла к юго-восточным землям Восточного Туркестана и завладела выходом на прикуньлуьнский путь, ведущий в Среднюю Азию, стали своего рода рубежом, с которого начался новый этап в истории этого региона.

Как бы заключительным аккордом при завершении исторического этапа стала военная кампания Хань 119 г. до н. э., когда У-ди, воспользовавшись резким ослаблением сил западной части сюннов, послал огромное войско против самого шаньюя и восточной части сюннов. В результате они вынуждены были отойти на значительное расстояние от северо-восточных пределов Хань. Во время этого похода ханьские войска впервые за вековую историю противостояния двух держав углубились в земли Сюнну далеко на север. Поскольку к настоящему времени сложилось искаженное представление о глубине вторжения ханьских войск и, соответственно, расселения собственно сюннов на север, эта кампания заслуживает специального рассмотрения.

Хотя поход ханьских войск против шаньюя в 123 г. был неудачным, тем не менее по совету перебежчика Чжао Синя Ичисе-шаньюй отвел свой народ от укрепленной линии на север за пустыню (*му*), где ханьцы не могли появиться неожиданно [ШЦ, гл. 110, с. 2908]. Как увидим далее, в зависимости от понимания того, что это была за пустыня, решается вопрос о дальности похода ханьских войск в 119 г. на север в земли Монголии.

Итак, в 119 г. до н. э. Хань,

«...откормив лошадей, выставила 100-тысячную конницу, а всего с лошадьми личного сопровождения, не считая обозных, 140 тыс. голов. Да-цзянцзюню [Вэй] Цину и яоци-цзянцзюню [Хо] Цюйбину было приказано разделить войско пополам. Да-цзянцзюнь выступил из Динсяна, а яоци-цзянцзюнь из Дай, договорившись перейти пустыню и напасть на сюннов. Шаньюй, узнав об этом, удалил обоз и с отборным войском стал поджидать [их] к северу от пустыни. Сражение с ханьским да-цзянцзюнем продолжалось весь день. Вдруг на закате поднялся сильный ветер. Ханьские войска, выдвинув левый и правый фланги, окружили шаньюя. Шаньюй, рассчитав, что в сражении не сможет устоять перед ними, с несколькими сотнями лучших конников выскользнул из окружения и бежал на северо-запад. Ханьские войска ночью преследовали его, но не догнали. По пути убили и взяли в плен 19 тыс. человек. На север дошли до Чжаосиньчэна [“города Чжао Синя”] у Тяньяньшань [“расщепленной горы”] и вернулись» [ШЦ, гл. 110, с. 2910].

В биографии Вэй Цина есть важное уточнение: выйдя за укрепленную линию на север, он прошел более 1000 ли (400 км), а затем, догоняя шаньюя до Чжаосиньчэна, еще 200 ли (80 км) [ШЦ, гл. 111, с. 2935]. В итоге Вэй Цин углубился в земли сюннов на 1200 ли (480 км) от границы Хань, перейдя при этом через пустыню.

Ханьские войска шли в земли сюннов, несомненно, по караванным путям, издавна проложенным здесь кочевниками, и к тому же с проводниками, как это явствует из биографии Ли Гуана. У Вэй Цина он командовал авангардом. В походе Вэй Цин приказал ему свернуть на восточную дорогу:

«Восточная дорога, слегка отклоняясь, удалялась [от пути Вэй Цина]. Из-за недостатка воды и травы большое войско, двигаясь по ней, не смогло сохранить силы». А потом еще «погиб проводник войска, и [оно], потеряв дорогу, опоздало [прийти на помощь] к да-цзянцзюню» [ШЦ, гл. 109, с. 2874-2875].

Итак, войско Вэй Цина выступило из Динсяна, найдяшегося к югу от Юньчжуна (Хух-Хото), у которого и проходила укрепленная линия [см. Атлас к Очеркам, л. 31, 32]. От нее двинулось дальше на север и углубилось в земли сюннов на 1200 ли или 480 км по древним караванным путям. Измерения по карте показывают, что даже по прямой линии от Хух-Хото до ближайшей от него на северо-западе точки на границе с МНР около 280 км, а на севере — около 450. Так что Вэй Цин, прошедший 480 км по древнему караванному пути на север от укрепленной линии, а не по

картографической прямой, оказался не далее чем на севере нынешней Внутренней Монголии у границы с МНР.

А гора Тяньяньшань («расцветенная гора»), у которой находился город Чжао Синя, была, видимо, одним из холмов, характерных для Гобийского физико-географического района на границе МНР и Внутренней Монголии: «Гряды, увалы и сопутствующие им понижения располагаются в Гоби в направлениях, близких к широтным, почему при движении с юга на север пересекаются очень часто. Крепкие кристаллические горные породы здесь сравнительно редки; если они встречаются, то образуют горную или сопочную группу. Здесь обычны рыхлые гобийские отложения, пестрые по окраске глины, песчаники, пески» [Мурзаев, 1948, с. 414-415].

Составители же исторического атласа КНР 1979 г. прочертили маршрут похода Вэй Цина 119 г. почти по прямой до Хангайского хребта [см. Атлас к Очеркам, л. 32]. Согласно масштабу их карты, длина маршрута оказалась равной примерно 1200 км картографического расстояния. Вэй Цин же прошел лишь 480 км древнего дорожного расстояния. Так что не мог он оказаться у Хангайского хребта. В. С. Таскин [Материалы, 1968, с. 148, прим. 188] и Линь Гань [1986, с. 58] тоже локализовали Тяньяньшань в Хангае. Очевидно, что сторонники этой точки зрения подразумевали под пустыней, которую по пути на север пересек Вэй Цин, Великую Гоби. Но у древних китайцев отсутствовали представления о таких огромных географических системах, характерные для европейской науки нового и новейшего времени. Монголы же издавна называли и называют словом «гоби» отдельные пустынные и полупустынные участки местности, часто не связанные между собой [Мурзаев, 1948, с. 23, 84]. Так что древние ханьцы подразумевали под пустыней (му), которую к северу от Юньчжуна (Хух-Хото) пересек Вэй Цин и Хо Цюйбин тоже, какой-то участок Восточной Гоби, представляющей собой «изрезанные и расчлененные увалистые равнины, площадь под которыми увеличивается на восток близ Калганского тракта. ... Здесь обычны каменистые поверхности, солончаки и значительные пятна песков» [Мурзаев, 1948, с. 423; Синицын, 1959, с. 352-353].

Заклячая рассмотрение похода Вэй Цина 119 г. до н.э., обратим внимание на то, что разгромленный им

шаньюй бежал на северо-запад, а не на север, где у нынешнего Улан-Батора ученые КНР локализовали ставку шаньюй при Ранней Хань [Исторический атлас, т. 2, л. 13-14].

А теперь остановимся на походе Хо Цюйбина, описание которого в «Ши цзи» порождает разноречивые толкования:

«Ханьский *пьяоци-цзянцзюнь* [Хо Цюйбин], выйдя из Дай, [прошел] 2000⁷ с лишним ли и сразился с *цзо-сянь-ваном*. Ханьские войска захватили в плен свыше 70 тыс. хусцев. Все воиначальники *цзо-сянь-вана* бежали. *Пьяоци-цзянцзюнь*, насыпал могильные холмы на горах, [на которых] обитали волки, принес жертвы и со склона горы посмотрел на скопление перьев птиц, а [затем] вернулся [в Хань]» [ШЦ, гл. 110, с. 2911].

Разногласия в понимании истории этого похода вызваны различными, начиная с древности, комментариями и толкованиями почти каждого слова в последней фразе приведенного описания. Первое же предложение в нем внимания не привлекало, тогда как именно оно, с нашей точки зрения, дает ключ к правильному пониманию последней фразы. Поэтому рассмотрим сначала первое предложение.

В нем говорится, что Хо Цюйбин выступил из Дай, прошел на север около 2000 ли (800 км), сразился с *цзо-сянь-ваном*, правителем восточной части Сюнну, разгромил его, сюнны бежали. Поскольку Дай находился восточнее Динсяна и Хо Цюйбин сразился с правителем восточной части Сюнну, то очевидно, что он двинулся на север по караванному пути, проходившему восточнее того, по которому наступал Вэй Цин. А Вэй Цин пошел на север из района нынешнего Хух-Хото, скорее всего, по караванному пути, известному в новое время как Калганский тракт, ибо ставка шаньюй, с которым он сразился, находилась, согласно описанию державы Сюнну, именно к северу от Юньчжуна (Хух-Хото) между западной и восточной частями Сюнну.

Как же далеко на север проник Хо Цюйбин в земли восточной части Сюнну?

По сведениям З. Матусовского, из Пекина в Ургу (Улан-Батор) было два пути — в 1200 и 1490 верст [Матусовский, 1888, с. 304], т. е. 1280 и 1590 км. А рас-

⁷ В биографии же Хо Цюйбина в «Ши цзи» сказано, что он прошел 1000 ли [ШЦ, гл. 111, с. 2936]. Но в «Хань шу», и в «Повествовании о Сюнну» [ХШ, гл. 94/1, с. 3770], и в биографии Хо Цюйбина [ХШ, гл. 55, с. 2486], указаны 2000 ли. Видимо, в «Ши цзи», в биографии Хо Цюйбина, допущена описка.

стояние по древним дорогам ханьского времени, как показало ранее проведенное историко-географическое исследование по данным о Восточном Туркестане [Боровкова, 1989, гл. 2], было в среднем на 20% больше, чем в конце XIX в. Так что Хо Цюйбин, пройдя около 800 км, одолел не более, а скорее, менее, половины пути до района нынешнего Улан-Батора и достиг какого-то места в районе, где проходит нынешняя граница Внутренней Монголии КНР с МНР. Не мог он достигнуть ни Байкала, до которого прочертили его путь составители исторического атласа КНР 1979 г. [л. 32], ни верховьев Амура, как считает В. С. Таскин [Таскин, 1980, с. 57], ни даже озер Хулуньху (Долай-нур) и Буир-нур, как предположили Ма Чаншоу [Ма Чаншоу, 1962, с. 31] и Линь Гань в 1984 г. [Линь Гань, 1984, с. 28]. Но в работе 1986 г. Линь Гань локализовал конечный пункт его похода уже на севере Внутренней Монголии к востоку от Калганского тракта [Линь Гань, 1986, с. 58].

Итак, Хо Цюйбин разгромил сюннуского цзо-сянь-вана на севере Внутренней Монголии у караванного пути, проходившего восточнее Калганского тракта. Сюнны бежали с поля боя. И после этого он сделал то, о чем сказано в последней фразе описания похода, породившей разногласия в ее понимании.

Повторим эту фразу в нашем переводе:

«Пяоци [цзянцзюнь] насыпал могильные холмы (фэнь) на горах, [на которых] обитали волки (лан цзюйсуй-шань), принес жертвы (шань) и со склона горы (гу янь) посмотрел на (линь) скопление перьев птиц (хань хай), и [затем] вернулся [в Хань]».

Уже в древности комментаторы «Ши цзи» начали толковать слова фэнь, шань, хань хай. Жу Шунь, живший в период Троецарствия (220 – 265), написал: «Ханьхай – это название северного озера (бэй-хай)» [ШЦ, гл. 110, с. 2911, прим. 1]. Цуй Хао, живший в первой половине V в. в империи Сун, повторил его комментарий, не упомянув, однако, имени автора, и добавил: «Названо Ханьхай из-за множества перьев, потерянных птицами», а Чжан Янь решил, что Хо Цюйбин «поднялся на гору (дэн) рядом с озером и посмотрел на (ван) озеро» [ШЦ, гл. 111, с. 2937, прим. 10]. Комментатор же VIII в. Чжан Шоуцзе так пояснил значения слов фэнь и шань: «Сгреб землю и, сделав алтарь на горе, принес жертвы Небу. Жертвоприношение земле называется шань» [ШЦ, гл. 111, с. 2937, прим. 9].

Следуя этим комментариям, сделали переводы и дали толкования данного предложения авторы нового и новейшего времени, в частности, Н. Я. Бичурин, В. С. Таскин и Линь Гань, высказав при этом и свои предположения о дальности похода Хо Цюйбина.

Н. Я. Бичурин: «Кюйбин построил жертвенник на горе Лангюйси, принес жертву на Гуяни, подходил к Хань-хай». Но в примечании: «Жо-шунь писал: Хань-хай есть название северного моря. — Хань-хай, по кит. словарю, есть название только одного озера — Байкала; но ученые иногда под словом Хань-хай разумеют монгольскую песчаную степь» [т. 1, с. 67, прим. 1]. Итак, по его мнению, *фэнь* означает «построить жертвенник», *шань* — «принести жертву» вообще, а Лангюйси, Гуянь и Хань-хай — собственные названия двух гор и озера, причем Хань-хай он идентифицировал с Байкалом.

В. С. Таскин: «Хо Цюйбин насыпал холм и принес жертвы небу на горе Ланцзюйскойшань, принес жертвы земле на горе Гуянь, дошел до Ханьхай и возвратился назад» [Материалы, 1968, с. 55]. В примечании: «Локализация перечисленных географических пунктов затруднительна. Дин Цянь предполагает, что горы Ланцзюйскойшань лежали в пустыне к северо-западу от провинции Нинся; местонахождение Гуяни неясно; Ханьхай — пустыня Гоби» [Материалы, 1968, с. 148, прим. 189]. Но в следующей своей работе В. С. Таскин написал: «Горы Ланцзюйскойшань, Гуянь и местность Ханьхай находились не в пустыне Гоби, которую пересек Хо Цюйбин, а на севере, за ее пределами. Термин Ханьхай — букв. "Море птичьих перьев" — по объяснению Чжан Шоуцзе (VIII в.) обозначает большое озеро, на котором птицы линяли и выводили птенцов. Вполне возможно, что этот термин был связан не с каким-то определенным озером, а относился к целому району. ...Можно думать, что под названием Ханьхай имелся в виду бассейн верхнего течения Амура, славящийся вплоть до настоящего времени обилием водоплавающей птицы» [Таскин, 1980, с. 57]. Итак, по мнению Таскина, *фэнь* означает "насыпать холм и принести жертвы небу", а *шань* — "принести жертвы земле". Неясно, однако, как Хо Цюйбин увидел бассейн верхнего течения Амура.

Линь Гань в 1984 г. так изложил и прокомментировал в скобках рассматриваемую фразу: «Цюйбин *фэнь* (сгреб

землю в высокую кучу) на Ландзюйшань (примерно в районе к северо-западу от Кэшикэтэнци до Абагацзи в нынешней Внутренней Монголии), *шань* (принес жертвы Земле) на Гуянь (название горы), поднялся на гору, прилежавшую к Ханьхай, видимо, к озерам Хулуьху и Байэрху на северо-восточной границе монгольского плато, другие говорят, что это нынешнее название нынешних гор Каньайшань (Хэнтэйских гор. — Л.Б.), и вернулся» [*Линь Гань*, 1984, с. 27-28]. Итак, по Линь Ганю получается, что Хо Цюйбин после сражения зачем-то сгреб землю в высокую кучу на горе Ландзюйшань, локализованной им на северо-востоке Внутренней Монголии, принес жертвы земле на горе Гуянь, неизвестно где находившейся, а потом вдруг оказался на горе у Ханьхай, которое Линь Гань идентифицирует либо с озерами Буир-нур и Хулуьху на востоке монгольского плато, либо с Хэнтэйскими горами на западе его, но в обоих вариантах за несколько сот километров от северо-востока Внутренней Монголии, где он сгребал землю на горе Люндзюйшань. Заметив, видимо, несообразность такого прыжка Хо Цюйбина на сотни километров после окончания сражения, Линь Гань в следующей работе через два года локализовал Ханьхай, как и Ландзюйшань, на севере Внутренней Монголии, но в другом районе [*Линь Гань*, 1986, с. 58].

Как видим, свои весьма разнящиеся точки зрения на события 119 г. до н. э. эти авторы прокламировали, а не обосновывали. Наш перевод описания похода Хо Цюйбина и его толкование кардинально отличен от предложенных ими и потому требует серьезного обоснования.

Прежде всего выясним значение слов *фэнь* и *шань* в данном случае. Действительно, взятые в паре, они обозначают жертвоприношения Небу и Земле. Однако надо учесть, во-первых, что отправление этих обрядов было исключительной прерогативой Сына Неба, и, во-вторых, в хронике правления У-ди в «Ши цзи» за 110 г. до н. э., т. е. спустя десять лет после похода Хо Цюйбина, сказано:

«После того как нашли драгоценный треножник, император предложил высшим сановникам и ученым мужам обсудить вопрос о жертвоприношениях Небу и Земле. Поскольку, однако, жертвоприношения Небу и Земле [ранее] совершались редко и их уже давно прекратили, никто не знал их ритуала» [*Сыма Цянь*, 1975, т. 2, с. 27].

Следовательно, Хо Цюйбин не только не имел права

приносить жертвы Небу и Земле, но и не мог, так как в то время этот ритуал был забыт. Сыма Цянь, современник этих событий и дворцовый историограф, не мог не знать этого. Очевидно, что в данном случае *фэнь* и *шань* имеют какое-то другое значение.

Что же в таком случае сделал Хо Цюйбин? Вспомним контекст. Он только что разгромил сюннов, и они бежали с поля боя. Так как не сказано, что ханьцы бросились их догонять, ясно, что они остались на месте сражения и похоронили павших. Вот почему *фэнь* и переведен нами «насыпал могильные холмы», и такое значение его указано в «Цыхай» [с. 432]. *Сюй-шань* означает скопление гор или холмов. А они как раз и являются одним из характерных элементов рельефа Восточной Гоби: «Относительно низкие впадины, длинные гряды, разделяющие эти впадины, округлые и низкие холмы и вершины, часто образующие громадные скопления, подгорные наклонные равнины, прорезанные сайрами, кучевые пески, частые выходы скал — вот главные элементы гобийского рельефа» [Мурзаев, 1948, с. 117]. Так что фраза *лан цзюй сюй-шань* — не собственное название гор, а описание скопления гор, что в нашем переводе отражено множественным числом — «на горах», на которых водилось много волков, почему ханьцы и поторопились захоронить павших. После этого они принесли жертвы духам, так как *шань* имеет такое же значение как иероглиф *цзи* [ЦХ, с. 984].

Но что такое *гу* и *янь*? В «Цыхай» в ряду значений *гу* указано его тождество с иероглифом *це* [с. 381] — «еще», «я», «к тому же», а в ряду значений *янь* — *шаньбань*, т. е. «склон горы», «откос» [с. 1206]. Так что Хо Цюйбин «принес жертвы духам (*шань*) и (*гу*) со склона горы (*янь*) посмотрел на (*линь*) *хань хай*». Остается выяснить, что такое *хань хай*.

Иероглиф *хань* означает «перья птиц», а *хай* — «море», «озеро» «множество», «скопление». Очевидно, что Хо Цюйбин посмотрел на скопление птичьих перьев, но, видимо, необычных. В «Цыхай» приведено одно древнее значение иероглифа *хань*: *тянь-цзи чи-юй*, красные перья небесных птухов [с. 1076]. Скорее всего, Хо Цюйбин и его воины любовались скоплением именно красных перьев птиц, что, несомненно, было удивительным зрелищем, почему и отмечено им. Вероятность этого подтверждается тем, что и сейчас для степного ландшафта Монголии типичны в числе

других красные утки, которых монголы называют «ламскими птицами» [Мурзаев, 1948, с. 412].

Так что считать словосочетания *лан цзюй ской-шань, гу янь* и *хань хай* топонимами, которые Хо Цюйбин мог узнать на месте сражения с скиннами, видимо, нельзя. Они стали восприниматься таковыми спустя века, когда фактура похода была совсем забыта.

Еще больше затуманил представление о том, что такое *хань хай*, Фань Е в составленной им в V в. «Хоу Хань шу». В «Повествовании о Сяньби» он процитировал доклад поздниханьского сановника, в котором тот, обозревая историю отношений ханьцев с кочевниками, упомянул и о походе ханьцев «в Тяньянь и Ханьхай». При этом вместо иероглифа *хань* — «перья» он написал иероглиф *хань* — «обширный», состоящий из иероглифа *хань* — «перья» и ключа «вода». И танский комментатор в своем изложении сообщения о походе Хо Цюйбина повторил этот иероглиф [XXIII, гл. 90, с. 2990, прим. 3]. Так *хань хай* из «скопления перьев» превратилось в «обширное озеро».

Судя по материалам «Вэй шу», эта замена произошла не случайно. С 20-х годов V в. в империи Северная Вэй (386-535) стало известно о существовании далеко на северо-востоке Жужаньского каганата какого-то географического объекта, названного в ней *хань хай*, «обширное озеро». Возможно, кроме фонетического тождества у Фань Е были другие основания для идентификации *хань хай* II в. до н. э. и V в. н. э.? Анализ данных «Вэй шу» [гл. 103, с. 2291; 2293] доказывает, что эти объекты находились в разных местах. Особенно убедительно в этом отношении сообщение о том, что в 523 г. 100-тысячное вэйское войско «вышло за укрепленную линию и, пройдя 3000 ли, дошло до *хань-хай*, не догнало [жужаней] и вернулось» [VIII, гл. 103, с. 2302].

Как видим, в V в. от укрепленной линии до *хань-хай* было 3000 ли или 1580 км. Хо Цюйбин же в 119 г. до н. э. прошел 2000 ханьских ли, или 800 км и не от укрепленной линии, а от Дай, лежавшего южнее ее примерно на 150 км [Атлас к Очеркам, л. 32]. Так что *хань хай*, увиденный Хо Цюйбином, находился почти в два раза ближе к укрепленной линии, чем *хань-хай* V в. И потому подмена названия первого вторым и тем самым идентификация их недопустимы. А между тем в историях последующих веков эта подмена закрепилась. И даже современные китайские ученые,

излагая поход Хо Цюйбина по «Ши цзи», искажая текст Сыма Цяня, пишут вместо *хань* — "перья" *хань* — "обширный" [см., напр., *Ма Чаншоу*, 1962, с. 31; *Линь Гань*, 21984, с. 27; 1986, с. 58].

Очевидно, эта подмена способствовала появлению представлений о *хань хай* времен Хо Цюйбина как о Байкале, верхнем бассейне Амура, озерах Буир-нур и Хулуньху, хотя этот военачальник, пройдя по древним дорогам 800 км, мог достичь только одного из районов на севере Внутренней Монголии. А ведь в зависимости от того, дошел ли он до Байкала или до севера Внутренней Монголии, по-разному будет решаться вопрос о местообитании сюннов, ареале распространения их этноса и, что не менее важно, вопрос о том, насколько продвинулись ханьцы того времени на север.

А теперь вернемся к результатам походов Вэй Цина и Хо Цюйбина в 119 г. до н. э. Сыма Цянь так написал о них:

«После этого сюнны бежали далеко, к югу от пустыни не было [уже] ставок их ванов⁸. Хань, перейдя Реку, стала создавать военно-земледельческие поселения от Шофана на запад до Линьцзюй и на север до владений сюннов» [ШЦ, гл. 110, с. 2911].

Несомненно, что именно благодаря успеху Вэй Цина, захватившего сюннуские земли к северу от большой излучины Хуанхэ и укрепленной линии, Хань стала создавать военно-земледельческие поселения от Шофана до Линьцзюй (немного севернее нынешнего Ланьчжоу). Тем самым она закреплялась в землях к северо-западу и западу от излучины Хуанхэ, но только до Ганьсуского коридора.

О конкретных результатах похода Хо Цюйбина, разгромившего восточных сюннов цзо-сянь-вана, удалось узнать только из «Повествования об Ухуань» в «Хоу Хань шу», где сказано, что ухуани, завоеванные Маодунем, подчинялись Сюнну:

«Когда же посланный У-ди *ляоци-цзянцзюнь* Хо Цюйбин разгромил сюннов [в их] восточных землях, [Хань позволила] ухуаням

⁸ Перевод этой фразы В. С. Таскиным «уже не было ставки их правителя» [Материалы, 1968, с. 55] представляется неточным. Правителем сюннов был шаньюй, которого ханьцы никогда не называли ваном. Здесь речь, несомненно, идет о ставках цзо- и ю-сянь-ванов, хотя очевидно, что и шаньюй перенес свою ставку в другое место.

переселиться [в земли] к северу от укрепленной линии [напротив] пяти цзюней: Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун, [чтобы они] в интересах Хань следили за передвижениями сюннов» [XXIII, гл. 90, с. 2981].

Значит, в 119 г. до н. э. сюнны потеряли и свои восточные земли, которые с согласия Хань заняли ухуани.

Где же после этих территориальных утрат поселились сюнны?

Согласно сообщению в «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» 105 г. до н. э., владения восточной части сюннов находились напротив, т. е. к северу от Юньчжуна (Хух-Хото), а западной — напротив Цзюцюаня и Дуньхуана [ШЦ, гл. 110, с. 2914]. Следовательно, после ряда поражений в пятнадцатилетней войне с Хань (133–119) восточная часть сюннов переместилась в земли к северу от Юньчжуна, где ранее жил шаньюй, западная же их часть, изгнанная из Ордоса и Ганьсуского коридора, отступила на север от последнего. Вот когда собственно сюнны заселили южную Монголию, хотя после капитуляции Хунь-вана в 121 г. около 70 тыс. сюннов снова поселились на своей бывшей родине в Ордосе, но уже в качестве подданных Хань. Таким образом, существование сюннуского этноса в Ордосе продолжилось.

Походом 119 г. до н. э. закончилась пятнадцатилетняя война Хань с Сюнну, но не потому, что У-ди был удовлетворен достигнутыми успехами, а по весьма прозаической причине, названной Сыма Цянем в «Повествовании о Сюнну»:

«Хань потеряла [в кампании 119 г.] 100 тыс. лошадей и, хотя сюнны ослабели и бежали, из-за нехватки лошадей не посылала больше [войска против них]» [ШЦ, гл. 110, с. 2911].

Об этом же он писал и в биографии Вэй Цина:

«В конце концов из-за нехватки лошадей Хань перестала нападать на Сюнну. [Но в последующие годы] на юге покарала оба [царства] Юэ, на востоке завоевала Чаосянь, нанесла удар по цяням и юго-западным иноземцам» [ШЦ, гл. 111, с. 2940].

Недостаток лошадей в Хань был результатом не только потерь их во время войны, но и прежде всего прекращения торговли с сюннами. А без многочисленной конницы продолжать войну с Сюнну было невозможно.

Но уже то, чего Хань добилась в ходе пятнадцатилетней войны с Сюнну, было великой победой. Во-первых, она наконец-то избавилась от унижительной даннической зависимости,

которая длилась почти 70 лет. Во-вторых, Хань изгнала сюннов с прилежащих к ней земель, лишив легкой возможности вторгаться и грабить ее приграничные владения.

Сюнну же в итоге войны лишилась дани с Хань, стабильного источника получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла. Более того, она лишилась лучших земель, на которых жили собственно сюнны, и ближних к Хань, лишилась возможности хорошо знать обстановку в приграничных районах империи и в удобный момент нападать и захватывать богатую добычу.

Так что обе державы после 119 г. до н. э. не имели уже сил и средств для продолжения и завершения войны. В последующие два десятилетия до конца века они повели упорную дипломатическую борьбу: Сюнну — за заключение нового договора о мире и родстве, а Хань — за признание сюннами зависимости от нее. Эта борьба закончилась для обеих безрезультатно.

Особо значимым для последующей истории региона стало то, что Хань заполучила ранее принадлежавший Сюнну Ганьсуский коридор, прорвала сюннускую блокаду и впервые вышла к юго-восточным пределам Восточного Туркестана. Тем самым она получила выход на самый прямой и короткий в то время караванный путь, прикуньлуньский, в дальние царства Средней Азии, называемые в «Ши цзи» «северо-западными царствами» и реже «западными». Сюнну же, потеряв Ганьсуский коридор, а с ним и выход на прикуньлуньский путь в Среднюю Азию, не могла уже, как прежде, тщательно контролировать этот путь, чем немедленно и воспользовался У-ди. Уже в 119 г. до н. э. император вернулся к своей давней идее найти союзника для борьбы с Сюнну и, не жалея средств, стал упорно искать возможности установления связей с северо-западными царствами, о которых Чжан Цянь, вернувшись оттуда в 126 г., поведал ему. Как это происходило и чем закончилось, узнаем далее, но сначала необходимо подробно рассмотреть историю похода Чжан Цяня в эти царства и его сведения о них, поскольку, основываясь именно на этих сведениях, У-ди и строил свои планы.

ГЛАВА 3

МИССИЯ ЧЖАН ЦЯНЯ, ЦАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В 129-128 ГОДЫ ДО Н. Э. ПО ЕГО СВЕДЕНИЯМ

Материалы о том, когда и как во II в. до н. э. при дворе империи Хань получили первые сведения о царствах, расположенных к западу от державы Сюнну, отделявшей эти царства от Хань, и как империя установила отношения с ними, Сыма Цянь изложил в «Ши цзи» в специальной главе «Повествование о Давань» [гл. 123].

Она начинается так:

«Сведения о Давань были получены от Чжан Цяня. Чжан Цянь, уроженец Ханьчжуна, в эру Цяньюань (140-135. - Л.Б.) был ланом. В то время Сын Неба расспрашивал сюннов-перебегчиков, и все они говорили, что сюнны разгромили правителя Юэчжи и сделали из его головы чашу для питья и что юэчжи бежали. Но [они], питая ненависть к сюннам, не имели [союзника] для совместного нападения на них. Хань же как раз хотела уничтожить хусцев. Узнав это, [император] и вознамерился установить связь [с юэчжами], отправив посла. [Но] дорога была только через Сюнну. И тогда стали призывать желающих пойти послом. Цянь, будучи ланом, откликнулся на призыв и отправился послом в Юэчжи вместе с Гань Фу, рабом-хусцем рода Танъи. Все выступили из Лунси и пошли через Сюнну. Сюнны схватили их и препроводили к шаньюю. Шаньюй задержал их, сказав: "Юэчжи находятся к северу от нас. По какому праву Хань отправила посла [к ним через наши владения]? Если бы мы захотели направить [посла] в Юэ, Хань могла бы позволить мне это?". Задерживали Цяня [в Сюнну] более десяти лет. [Ему] дали жену, он занял детей. Однако Цянь не потерял верительную бирку посла Хань. Жизнь в Сюнну становилась все свободнее. И тогда Цянь вместе с бежавшими с ним юэчжами-односельчанами, пройдя на запад несколько десятков дней, прибыл в Давань» [ШЦ, гл. 123, с. 3157-3158].

Как показано выше, Чжан Цянь вышел с посольством из Хань в 139 г. до н. э. Пробыв более десяти лет в плену в

Сюнну и затратив «несколько десятков дней», т. е. несколько месяцев на дорогу до Давань, он оказался в ней не ранее 129 г. до н. э.

Итак, только в самом начале правления У-ди, в 140-139 гг. до н. э. узнали в Хань о том, это сюнны разгромили юэчжей, которые, бросив свои земли, бежали в дальние края. И молодой император тут же решил разгромить сюннов, заключив союз с ненавидевшими их юэчжами.

Чжан Цянь, вызвавшийся идти послом к юэчжам, занимал довольно высокий пост при дворе - лана, главы привратной, т. е. внешней караульной службы, составлявшей часть дворцовой охраны, которой управляло ведомство Ланчжунлин. Судя по тому, что подчиненные лану чиновники имели 3-й ранг 2-й степени, у него был 3-й ранг 1-й степени [XIII, гл. 13/1, с. 727].

Но рядом с ним, сановником двора, назван раб, да еще хусец, Гань Фу, и это заслуживает особого внимания. Гань Фу был, несомненно, необычным рабом. Уже по тому, что из всего посольства Чжан Цяня выделен только он, можно заключить, что его роль была одной из важнейших. Отчего такое доверие? Во-первых, он был рабом рода Танъи, одного из самых знатных в Хань, родоначальником которого стал Чэнь Ин, сподвижник Сян Юя, потом перешедший на сторону Лю Бана. Лю Бан, став императором, пожаловал Чэнь Ину титул Танъи-хуанхоу [XIII, гл. 97/1, с. 3948]. Во-вторых, Гань Фу был хусцем. Судя по доверенной ему в посольстве роли, он не был собственно сюнном, иначе опасались бы, что по пути через Сюнну он мог предать посольство или стать помехой переговорам в Юэчжи, где сюннов ненавидели. Но, чтобы пройти через земли сюннов и вести переговоры о юэчжами, Чжан Цяню нужен был переводчик, знавший сюннуский и юэчжийский языки. Поэтому напрашивается предположение, что хусец Гань Фу был юэчжийцем, который владел кроме родного еще ханьским и сюннуским языками, ненавидел сюннов, изгнавших его народ и, вероятно, продавших его в рабство в Хань. Как увидим далее, именно он остался единственным спутником Чжан Цяня, с которым тот вернулся в Хань спустя 13 лет. И Сыма Цянь в сообщениях об их возвращении и о пожалованиях им за заслуги называет Гань Фу уже Танъи Фу. Видимо, фамилия знатного рода Танъи была ему пожалована двором в награду одновременно с высокой должностью в местной администрации.

Предположение, что Гань Фу был юэчжийцем, согласуется с сообщением о том, что Чжан Цянь после десяти лет плена в Сюнну ушел на запад «вместе с бежавшими с ним односельчанами-юэчжами (юй ци шу-ван сян юэчжи)» и через несколько десятков дней прибыл в Давань. Очевидно, что Чжан Цянь, во всяком случае в последние годы плена, обосновался в поселении, где жили юэчжи, не случайно. Сам он, впервые оказавшись в землях Сюнну, вряд ли знал, где жили юэчжи, оставшиеся на своей родине под властью сюннов. Но это мог знать Гань Фу, если он был юэчжиец, и помочь Чжан Цяню поселиться среди них. Не исключено, что и жена Чжан Цяня, с которой он вернулся в Хань, названная хуской, была из юэчжей. Судя по тому, что бежавшие о нем односельчане-юэчжи вывели его за несколько десятков дней прямо в Давань (к западу от которой и поселились бежавшие от сюннов юэчжи), они знали место расселения юэчжей и кратчайшую дорогу к ним.

Согласно рассмотренному выше описанию похода Хо Цюйбина 121 г. до н. э. в район Ганьсуского коридора, он побывал в Малом Юэчжи. Вероятно, именно из юэчжийского поселения в Ганьсуском коридоре бежал Чжан Цянь вместе с местными юэчжами сначала в Давань, а затем в Юэчжи. Кратчайшим путем туда был в то время прикуньлунский, по которому беглецам, естественно, пришлось пробираться тайно, скрываясь от контролировавших его сюннов. Потому-то Чжан Цянь не назвал ни одного пункта по пути в Давань.

А теперь продолжим рассмотрение описанной Сыма Цянем истории похода Чжан Цяня уже после того как он в 129 г. до н. э. прибыл в Давань:

«В Давань слышали о богатстве Хань, хотели установить связь, но не могли. [Правитель ее], увидев Цяня, опросил: "Чего же ты хочешь?". Цянь ответил: "[Я] послан Хань в Юэчжи, но по дороге был задержан в Сюнну. Теперь бежал. Соизвольте, государь, дать мне людей в сопровождение и проводника. [Если я] на самом деле дойду до [Юэчжи] и вернусь в Хань, то из Хань даров будет прислано несметное количество". [Правитель] Давань согласился, дал Цяню проводников, [которые, однако,] доставили его в Канцзюй. [И только] из Канцзюй [он] был препровожден в Большое Юэчжи. Правитель Большого Юэчжи был убит хусцами (сюннами), и на трон возвели его великого наследника. Став правителем и подчинившись Дася, он поселился на богатых землях, редко подвергавшихся нападениям, и [поэтому], стремясь к миру и благополучию, а также из-за отдаленности Хань,

совсем не хотел метить хусцам. [Тогда] Цянь из Юэчжи прибыл в Дася, [но и там] в конце концов не смог добиться, чтобы Юэчжи заключило договор. Задержавшись [в Дася] более чем на год, [он] двинулся в обратный путь. [Пройдя] вдоль южных гор, хотел вернуться [в Хань] через [земли] цянов. [Однако] снова был схвачен сюннами и оставался [у них в плену] более года. Когда умер шаньюй и цзо-лули-ван, разбив великого наследника, сам вступил на трон, в стране началась смута. [Воспользовавшись этим] Цянь с женой-хуской и Таньи Фу бежал в Хань. Хань назначила его на должность *тайчжун-дайфу*, а Таньи Фу получил чин *шицзюня*¹. Цянь был сильным человеком, пользовался большим доверием у людей, иноземцы (*мань и*) любили его. Таньи Фу, будучи хусцем, хорошо стрелял и в случае нужды убивал из лука птиц и зверей на еду. Сначала, когда Цянь выступил в поход, [с ним было] более ста человек, а 13 лет спустя смогли вернуться только двое» [ШЦ, гл. 123. с. 3158-3159].

Уже то, что только в Давань Чжан Цянь впервые заявил о себе как о после Хань в Юэчжи, доказывает, что земли, подвластные сюннам, по которым и пролегал его путь, простирались до самой Давань. По поводу того, каким путем он прибыл в Давань и шел далее и каким возвратился в Хань, высказаны разные точки зрения. Основные из них отражены в историческом атласе А. Геррманна [Геррманн,

¹ В краткой же биографии Чжан Цяня в «Ши цзи» сказано: «Чжан Цянь установил связь с Дася и по возвращении назначен *сяовэем*. Сопровождал да-цянянцзюня и за заслуги пожалован титулом *Бован-хоу*» [ШЦ, гл. 111, с. 2944]. Кем же стал Чжан Цянь по возвращении - *тайчжун-дайфу* или *сяовэем*? Разрешить это противоречие помогают следующие данные.

Тайчжун-дайфу - должность чиновника 4-го ранга 2-й степени в Ланчжунлинь, где до похода в Юэчжи он был ланом. Получается, что Чжан Цянь по возвращении был понижен в должности и ранге, что сомнительно. *Сяовэй* же - военный сановник 3-го ранга 1-й степени [ШЦ, гл. 19/1, с. 738]. О том, что Чжан Цянь сопровождал в 123 г. дацянянцзюня в поход против сюннов в должности *сяовэя*, говорится в ряде глав и сомнений не вызывает. Скорее всего, именно ее он и получил, сохранив тот же, что и у лана, 3-й ранг 1-й степени. Так что ошибка в данном случае допущена в «Повествовании о Давань».

Таньи Фу, верный его сподвижник, хусец и бывший раб, стал *шицзюнем*. Такая должность не упоминается в таблицах всех чиновников ни в «Хань шу», ни в «Хоу Хань шу». Но в словаре «Цыхай» сказано, что так обобщенно назывались старшие чиновники *чжоу* и *цзюнь* [с. 101] самых крупных административных единиц, имевшие высокие ранги. К тому же, он получил почетную фамилию знатного рода.

1966, л. 10-11] и в составленном учеными КНР в 1979 г. историческом атласе [Атлас к Очеркам, л. 33-34]. Согласно карте Геррманна, Чжан Цянь из Чанъани прошел через Ганьсуский коридор в Турфан, далее на запад через Усунь, Канцзюй, оттуда на юг в Давань (Фергану), а из нее в Большое Юэчжи и Дася. Но по описанию Сыма Цяня, Чжан Цянь прежде всего прибыл в Давань, оттуда - в Канцзюй, далее отправился на юг в Большое Юэчжи и затем в Дася. В Усунь же он вообще не был. Кроме того, судя по крайней неопределенности представления Чжан Цяня о расстоянии между Давань и Большим Юэчжи (2000-3000 ли), он из Давань в Большое Юэчжи не ходил. Ученые же КНР указали путь Чжан Цяня от Чанъани на север до Лунчэна, локализованного ими у Улан-Батора, где составители «Исторического атласа Китая» 1984 г. поместили ставку шаньюя [л. 39], оттуда на юго-запад до Турфана, далее на Кучу, Кашгар и из него в Давань (Фергану), Канцзюй, Большое Юэчжи и Дася. О необоснованности локализации Лунчэна у Улан-Батора говорилось выше. А. Геррманн, с нашей точки зрения, определил верно начало пути Чжан Цяня через Ганьсуский коридор, китайские же ученые - последний отрезок пути от Шулэ до Давань и далее по описанию.

Что же касается обратного пути, то, поскольку сказано, что Чжан Цянь шел вдоль южных гор, все согласны, что он возвращался по прикуньлуньскому пути. Разногласия - в том, откуда Чжан Цянь вышел на этот путь. Согласно карте Геррманна - из Давань. Другие, чью точку зрения отразили составители атласа 1979 г., полагают, это Чжан Цянь из Дася вышел на прикуньлуньский путь у Яркенда, пройдя через Памир, поскольку-де в описании не говорится, что он проходил через Давань, а в описании Давань (см. ниже) к востоку от нее первым указан Юйтянь (Хотан). Поскольку эта точка зрения и вообще вопрос о Памире по материалам «Ши цзи» и «Хань шу» рассмотрен нами ранее [см. *Боровкова*, 1989, с. 24, 34-36], не будем останавливаться на них. К сказанному там добавим еще один аргумент, доказывающий, что Чжан Цянь знал только один путь из Хань в Дася - через Давань (Фергану). По его данным, от Хань до Дася 12 тыс. ли [ШЦ. гл. 123, с. 3166], что точно равно сумме расстояний, указанных им от Хань до Давань - 10 тыс. ли и от Дася до Давань - 2 тыс. ли.

Так что Чжан Цянь с женой и Гань Фу отправился домой из Дася той единственной известной ему дорогой, по которой пришел сюда - через Давань и по прикуньлуньскому пути. Но этот путь так тщательно контролировался сюннами, что на сей раз даже их маленькая группа была слежена и схвачена.

Знакомство с однажды пройденной дорогой теперь позволило Чжан Цяню при всей скрытности их передвижения узнать названия отдельных царств и географических объектов к востоку от Давань:

«К востоку [находятся] Юйми (Керия. - Л.Б.) и Юйтянь (Хотан. - Л.Б.). К западу от Юйтянь все реки текут на запад и впадают в западное озеро (*си хай*), а к востоку от него течет река на восток и впадает в Яньцзэ (Соленое озеро, т. е. оз. Лобнор. - Л.Б.). А Лоулань и Гуши, поселения [которых] имеют внешние и внутренние стены, принадлежат к Яньцзэ. Яньцзэ находится от Чанъани примерно в 5000 ли (2000 км. - Л.Б.). Западная часть сюннов живет к востоку от Яньцзэ до длинной стены в Лунси, на юге соседствует с цзянами и отрезает Хань дорогу [на запад]» [ШЦ, гл. 123, с. 3160].

Так в 126 г. до н. э. в Хань узнали, что земли западной части сюннов простираются от ханьских владений в Лунси (р-н Ланьчжоу) до оз. Яньцзэ, что по дороге на Давань у оз. Яньцзэ расположены царства Лоулань (Чарклык) и Гуши (о его местонахождении ниже будет особый сюжет), а далее Юйми и Юйтянь. Поскольку никаких географических объектов и царств к северу и к северо-западу от западной части сюннов Чжан Цянь не упомянул, суждения о том, что он пришел в Давань через притяньшаньский район Восточного Туркестана оказываются необоснованными. Более того, Чжан Цянь мало что узнал даже о ситуации в южных землях Восточного Туркестана, так как шел через них тайно, скрываясь от сюннов.

А теперь рассмотрим приведенные в анализируемом описании сведения Чжан Цяня о том, как прошли и что дали его визиты в четыре царства.

В царстве Давань он выяснил, что там уже знали о богатстве Хань, хотели, но не могли установить отношения с нею. Ясно, что сведения были получены от сюннов и что они же не позволяли Давань напрямую связаться с Хань. А то, что правитель Давань вопреки просьбе отправил Чжан Цяня не в Большое Юэчжи, куда он стремился, а в Канцзуй, свидетельствует, видимо, о том, что Давань и Большое

Юэчжи относились друг к другу враждебно и связей между собой не поддерживали, а у Канцзюй с Давань были дружественные отношения, как и с Большим Юэчжи.

Поход Чжан Цяня в Большое Юэчжи оказался безрезультатным. Правитель его, стремившийся к миру, не захотел вступать в союз с Хань и воевать с Сюнну. И тогда Чжан Цянь отправился из Юэчжи в Дася, где и пробыл долго, более года.

Поскольку в сообщениях о пребывании его в двух царствах впервые определяются отношения господства - подчинения между ними, а общепринятое толкование сообщений противоположно нашему, остановимся на них. В сообщении о пребывании Чжан Цяня в Юэчжи сказано, что великий наследник убитого сюннами правителя, согласно нашему переводу, «став правителем (*вэй ван*) и подчинившись Дася (*цзи чэнь Дася*), поселился (*цзюй*) [в ее землях]. Н. Я. Бичурин перевел это как «покорив Дахя, остался здесь жить» [т. 2, с. 148], несомненно, основываясь на толковании данной фразы комментатором Сыма Чжэнем (713-742): «Говорится: Юэчжи подчинило Дася [*Юэчжи и Дася вэй чэнь*]» [ШЦ, гл. 123, с. 3159, прим. 5]. Как видно из транскрипции, Сыма Чжэнь, чтобы точно передать смысл, использовал инструментальную конструкцию *и... вэй...*, буквально: «взял Дася и сделал подчиненной». И применил он эту конструкцию не случайно. Ведь исходное значение иероглифа *чэнь* - тот, кто подчиняется. В «Цыхай» даны три его значения: 1) «подданный правителя»; 2) вежл.: «Ваш раб, Ваш слуга» и 3) уничижит.: «мальчишка» (с. 1106). Да и приведенные сочетания *чэнь* о других иероглифах говорят о какой-то форме подчиненности. Глагольные значения *чэнь* в «Цыхай» не отмечены, но в других словарях есть: «подчинять» и «подчиняться». Поэтому, когда *чэнь* стоит между двумя субъектами без какого-либо предлога, как в данном случае, решение вопроса, кто кого подчинил или кто кому подчинился, зависит от контекста. Для этого обратимся ко второму сообщению.

Итак, правитель Большого Юэчжи отказался вступать в союз с Хань против Сюнну, и «Цянь из Юэчжи прибыл в Дася, [но и там] в конце концов не смог добиться, чтобы Юэчжи заключило договор (*чжи Дася, цзин бу нэн дэ Юэчжи яо лин*)». В вольном же переводе Бичурина получилось:

«Чжан Кянь из Юечжи пришел в Дася, не получив положительного ответа от Юечжи» [т. 2, с. 148].

Очевидно, что поход Чжан Цяня в Дася не мог иметь бы смысла, если бы Юэчжи было сувереном ее. Если же Большое Юэчжи было подвластно Дася, то можно было рассчитывать, что она окажет давление на него и заставит заключить союз с Хань. И последняя фраза о том, что Чжан Цянь и в ней в конце концов не смог добиться, чтобы Юэчжи заключило договор, подтверждает, что он шел в Дася как к суверену Большого Юэчжи. Из контекста этого сообщения следует, что Юэчжи подчинялось Дася, а не наоборот.

Комментатор же VIII в. явно исходил из данных «Хань шу» за I в. до н. э., согласно которым Большое Юэчжи тогда уже точно владело Дася, и даже ее столица стала его столицей. Сыма Чжэнь не выяснял, когда это случилось, а вполне определенную ситуацию I в. до н. э. перенес на II в. до н. э.

Однако этот вопрос окончательно можно прояснить только после исследования многих других материалов по истории юэчжей и Дася, которая идентифицируется с Бактрией.

Но, кроме рассказа о походе Чжан Цяня в эти царства, Сыма Цянь привел в «Повествовании о Давань» описания как их, так и других царств огромного, ранее неведомого ханьцам региона Средней Азии, составленные по сведениям Чжан Цяня, сообщенным им императору У-ди, благодаря которым У-ди получил представление о богатстве того края и о политической ситуации в нем. И потому не удивительно, что вскоре эти сведения Чжан Цяня самым непосредственным образом повлияли на определение его внешнеполитического курса и тем самым на ход исторических событий в регионе от Хань до Давань. Рассмотрим эти описания, оказавшиеся уникальным письменным источником по истории столь древнего периода.

По сообщению Сыма Цяня,

«[Чжан] Цянь лично побывал в Давань, Большом Юэчжи, Дася, Канцзюй, узнал о пяти-шести больших царствах, соседствовавших с ними, и обо всех рассказал У-ди» [ШЦ, гл. 123, с. 3160].

Таким образом, его описания четырех царств основаны на личных наблюдениях, а характеристики остальных - на сведениях, полученных им при дворах правителей посещенных им стран, т. е. от лиц наиболее информированных о своих и соседних царствах. Но Чжан Цянь не включил в

описание царства Усунь то, что узнал понаслышке о ранней его истории от простолюдинов, среди которых жил, когда был пленником в Сюнну. Только позже, после расспросов У-ди, он пересказал эти сведения императору.

Сыма Цянь в «Повествовании о Давань» изложил данные Чжан Цяня об этих царствах примерно по такой схеме: расстояние до них от империи Хань, до ближних соседей (напомним, что оно измерялось тогда между столицами), взаиморасположение с ними по странам света, численность населения или войск, образ жизни (кочевой, оседлый), некоторые обычаи и прочие сведения. Эта схема описания иноземных царств принята Бань Гу и его последователями.

Итак, первым царством, в которое прибыл Чжан Цянь и которое описал, была Давань:

«Давань находится к юго-западу от Сюнну, от Хань - прямо на запад примерно в 10 тыс. ли (4 тыс. км. - Л.Б.). Обычаи оседлые, обрабатывают землю, выращивают рис и пшеницу. Есть виноград и вино, много хороших лошадей [в том числе] лошадей с кровавым потом [?], происходящих от небесных лошадей. [Города] имеют внешние и внутренние стены. В подвластных ей владениях более 70 больших и малых городов. Людей несколько сот тысяч. Ее войска (бин) вооружены луками и стрелами, стреляют с лошадей. К северу от нее - Канцзюй, к западу - Большое Юэчжи, к юго-западу - Дася, к северо-востоку - Усунь, к востоку - Юйми и Юйтянь» [ШЦ, гл. 123, с. 3160].

Следовательно, Давань, лежавшая в Ферганской долине, была оседлой земледельческой страной с немалым по тем временам числом городов, укрепленных двойными стенами. О численности населения и войска в своем царстве правитель Давань не сообщил Чжан Цяню. По данным же «Хань шу», в I в. до н. э. население ее составляло 300 тыс. человек, а войско - 60 тыс. [XIII, гл. 96/1, с. 3894]. Ее взаиморасположение с другими царствами выглядит по этому описанию так:

Ближайшим соседом на востоке была держава Сюнну, с которой Давань поддерживала, видимо, дружественные связи. Ведь только от сюннов могли в Давань узнать о богатстве очень далекой Хань, и те же сюнны могли не допустить установления между ними прямой связи, исходя из интересов собственной безопасности и выгоды от перепродажи в Давань ханьских изделий.

С западным соседом Большим Юэчжи отношения у Давань были, скорее всего, враждебными, чем только и можно объяснить то, что правитель Давань препроводил Чжан Цяня не прямо на запад в Большое Юэчжи, куда тот стремился, а в Канцзюй. По этой же причине правитель Давань не сказал ему, направлявшемуся в Большое Юэчжи, о численности населения и войска своего царства.

Чжан Цянь не сообщил о связях Давань с Дася, поскольку таковых на официальном уровне, вероятно, вообще не было, так как дорога в Дася шла через Большое Юэчжи.

С Канцзюй же отношения у Давань были, видимо, добрососедскими, судя по тому, что правитель последней дал проводников и переводчика Чжан Цяню, препроводивших его туда.

Чжан Цянь, стремившийся в Большое Юэчжи, видимо, недолго находился в Канцзюй и потому узнал лишь немного о нем:

«Канцзюй находится к северо-западу от Давань в 2000 ли (800 км - Л.Б.). [Это] кочевое царство (*син го*), по обычаям в основном одинаково с Юэчжи. Натягивающих лук - 80-90 тыс. человек. Соседствует с Давань. Царство маленькое. На юге связано с Юэчжи, а на востоке с Сюнну» [ШЦ, гл. 123, с. 3161].

Взаиморасположение его с соседями выглядит так:

В данном случае Канцзюй указан к северо-западу от Давань, а в ее описании - к северу от нее. Так как Большое Юэчжи лежало к западу от Давань и к югу от Канцзюй, то очевидно, что он находился к северо-западу от Давань, а в описании Давань, вероятно, пропущен иероглиф *си* - «запад».

В отличие от земледельческой Давань Канцзюй был кочевым царством. И, хотя сказано, что оно было маленьким, но имело 80-90 тысяч «натягивающих лук» (*кун-сянь*). Так Чжан Цянь назвал войска кочевых царств Канцзюй, Усунь и Большое Юэчжи в отличие от «войск» (*бин*) земледельческих Давань, Дася и Аньси. Согласно «Хань шу», в I в. до н. э. в Канцзюй было 120-тысячное войско при 600-тысячном населении [XIII, гл. 96/1, с. 3892]. Если соотношение войск и населения и во II в. до н. э. было таким же, то в Канцзюй тогда жило около 400-450 тыс. человек, т. е. это на самом деле было большое царство.

Канцзюй имел дружественные связи как с земледельческой Давань, так и с царствами кочевников - с Сюнну на востоке и с Большим Юэчжи - на юге.

И, безусловно, в Канцзюй узнал Чжан Цянь о соседнем царстве Яньцай:

«Яньцай находится к северо-западу от Канцзюй примерно в 2000 ли. [Это] кочевое царство (*син го*) по обычаям в основном одинаково с Канцзюй. Натягивающих лук в нем более 100 тыс. человек. Прилежит к большому озеру (*да цзэ*), не имеющему высоких берегов. По-видимому, [это и] есть северное море (*бэй хай*)». [ШЦ, гл. 123, с. 3161].

Большое северное озеро-море с пологим берегом, у которого находилось царство кочевников Яньцай - это, несомненно, Аральское море. Ведь Канцзюй указано от Давань (Фергана) на северо-запад в 800 км, и Яньцай находилось от Канцзюй также на северо-запад еще в 800 км древнего дорожного расстояния, которое было значительно больше, чем по современным дорогам [подр. см. Боровкова, 1989, с. 64-65].

Войско у Яньцай (100 тыс. человек) было многочисленнее, чем у Канцзюй. И если в первом соотношении населения и войск было таким же, как в Канцзюй, то население Яньцай во II в. до н. э. составляло около 500 тысяч.

Так как, по сведениям Чжан Цяня, Канцзюй и Яньцай были царствами кочевников, то идентификация Кангюй

(Канцзюй) с земледельческим Хорезмом, предложенная С. П. Толстовым [Толстов, 1948а, с. 145], представляется сомнительной.

Из Канцзюй Чжан Цянь отправился в находившееся к югу от него Большое Юэчжи, правитель которого отказался заключить договор с Хань против Сюнну. Но, несомненно, при его дворе получил Чжан Цянь следующие сведения о настоящем и прошлом этого царства:

«Большое Юэчжи находится примерно в 2000-3000 ли (800-1200 км. - Л.Б.) к западу от Давань и к северу от р. Гуйшуй. К югу от него - Дася, к западу - Аньси, к северу - Канцзюй. Это кочевое царство (син го), [народ которого] переселяется, следуя за скотом. По обычаям одинаково с Сюнну. Натягивающих лук 100-200 тыс. В прошлые времена процветания юэчжи пренебрежительно относились к сюннам. Когда же Маодунь вступил на трон, то напал и разгромил юэчжей. А сюнну-ский Лаошан-шаньюй убил правителя Юэчжи и сделал из его головы чашу для питья. Первоначально юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянью, а когда были разгромлены сюннами, ушли далеко, миновали [Да]вань и к западу [от нее] нанесли удар по Дася, но подчинились ей (си цзи Дася, эр чань чжи). Затем поселились к северу от р. Гуйшуй, [где и] основали ставку правителя. Немногочисленные остатки их народа [которые не смогли уйти с большинством] закрепились в южных горах. Цянь называли их [владение] Малым Юэчжи» [ШЦ, гл. 123, с. 3161-3162].

Взаиморасположение Большого Юэчжи с соседями по этому описанию было следующим:

Вопрос о местонахождении Большого Юэчжи во II в. до н. э. сложный, решение его связано с выяснением, кто кому тогда подчинялся, или Юэчжи - Дася, идентифицируемой с Бактрией, или Дася - Юэчжи и какая река подразумевается под названием Гуйшуй. Согласно общепринятой точке зрения, во II в. до н. э. Большое Юэчжи покорило Дася, а р. Гуйшуй - это Амударья в

ее широтном течении по границе с Афганистаном. Соответственно и Большое Юэчжи локализуется на ее северном берегу.

Проведенное же нами ранее комплексное историко-географическое исследование данных «Ши цзи» и последующих династийных историй до VII в. о локализации и взаиморасположении всех царств этого региона [см. Боровкова, 1989] показало, что р. Гуйшуй - это Сырдарья в ее широтном течении до Бекабада, где она круто поворачивает на северо-запад, что Большое Юэчжи во II в. до н. э. занимало земли на ее северном берегу, а Дася - к югу от нее, что только на самом рубеже II - I вв. до н.э. Большое Юэчжи покорило Дася и перенесло ставку своего правителя в ее бывшую столицу. Подробное исследование сведений I в. до н. э. о Большом Юэчжи в «Хань шу» в главе 6 данной работы подтверждает эти выводы. Поэтому здесь не будем останавливаться на материалах этого описания, касающихся вопроса о местонахождении Большого Юэчжи во II в. до н. э., а рассмотрим другие сведения о нем.

Итак, по сведениям Чжан Цяня, Большое Юэчжи во II в. до н. э. имело войско в 100-200 тыс. человек. Эту крайне неопределенную цифру позволяют уточнить данные «Хань шу», согласно которым в I в. до н. э. Большое Юэчжи располагало 100-тысячным войском и населением в 400 тысяч, явно без учета более чем миллионного населения покоренной Дася. Вероятно, таким же или немного меньшим оно было в этом царстве и во II в. до н. э. Следовательно, Большое Юэчжи по численности населения и войска превосходило соседнюю Давань, но уступало Канцзюй.

Судя по отсутствию в описании Большого Юэчжи других данных о нем, при дворе его правителя не хотели поделиться с Чжан Цянем более подробными сведениями о положении своего царства, но зато рассказали кое-что из его истории. Свидетельства о ранней истории Юэчжи, сообщенные его знатью, наиболее точно знавшей ее, заслуживают пристального внимания.

Во-первых, в описании Большого Юэчжи впервые точно определено местонахождение родины юэчжей - между Дуньхуаном и Цилянью. Эта формулировка, конечно, принадлежит Сыма Цяню, так как при жизни Чжан Цяня, как увидим далее, Дуньхуан еще не существовал, а о горах Циляньюшань в Хань узнали только в 121 г. до н. э., спустя пять лет после возвращения Чжан Цяня в Хань.

Во-вторых, в описании впервые указано, что юэчжи

были разгромлены сюннами и бежали с родины во время правления Лаошан-шаньюя.

В-третьих, сообщение о том, что юэцжи после дальнего переселения «миновали Давань», позволяет предположить, что Давань не пустила их в свои земли, вынудив идти дальше на запад в Дася. Видимо, это и стало причиной отмеченной выше враждебности между ними в последующее время.

В-четвертых, в описании повторено сообщение о том, что юэцжи, выйдя к западу от Давань, «нанесли удар по Дася, но подчинились ей» (перевод наш). А Н.Я.Бичурин, следуя принятой им точке зрения танского комментатора Сыма Чжэня, перевел эту фразу так: «Перешел от Давани на запад, ударил на Дахя и покорил сие владение» [т. 2, с. 151]. Далее рассмотрим другие сообщения об этом событии и тогда вернемся к переводу данной фразы.

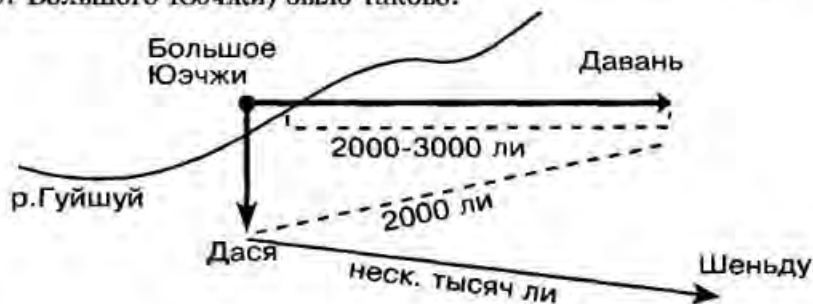
Получив отказ правителя Большого Юэцжи заключить союз о Хань, Чжан Цянь пошел в Дася, находившуюся к югу от него за р. Гуйшуй. Там он пробыл как нигде долго, более года, и вот что рассказал о Дася:

«Дася находится в 2000 с лишним ли (800 км. - Л.Б.) к юго-западу от Давань, к югу от Гуйшуй. Обычай в ней оседлые, есть города и дома. Обычай такие же, как в Давань. Не имеет верховного главы (да чжан), а все города и владения ставят малых глав (сяо чжан). Ее войска (бин) слабы, боятся войны. [Народ] любит торговать на рынках. Когда большие юэцжи переселились на запад, напали, [но] потерпели поражение от нее, и все подчинились и покорились Дася. В Дася много народу, миллион с лишним. Ее столица называется г. Ланьши. На имеющихся рынках торгуют всевозможными товарами. К юго-востоку от нее - Шэньду» [ШЦ, гл. 123, с. 3254].

После рассказа Чжан Цяня о Шэньду Сыма Цянь заметил:

«По расчетам [Чжан] Цяня, Дася отстоит от Хань на 12 тыс. ли к юго-западу» [ШЦ, гл. 123, с. 3165].

Согласно этому описанию, взаиморасположение Дася с ее соседями (с учетом уже отмеченной локализации ее к югу от Большого Юэцжи) было таково:

Владения Дася, начинавшиеся от южного берега реки Гуйшуй (Сыр-Дарья), простирались далее на юг. Ее столица г. Ланьши, согласно нашим расчетам [Боровкова, 1989, с. 23], находилась в районе нынешнего г. Душанбе. А далеко на юго-восток от нее, в нескольких тысячах ли, была Шэньду, Древняя Индия. С учетом того, что ханьцы определяли расстояния между царствами по расстоянию между их столицами, из схемы видно, что сообщенное Чжан Цяню в Давань примерное расстояние до Большого Юэчжи в 2000-3000 ли явно преувеличено. Оно было, безусловно, значительно меньше, иначе Дася, лежавшая к югу от Большого Юэчжи, не могла бы находиться к юго-западу от Давань, т. е. по гипотенузе, тоже в 2000 ли.

Дася в пору пребывания в ней Чжан Цяня (129-128 гг. до н. э.) предстает огромной, судя по многочисленности ее населения, земледельческой страной с большим числом городов и развитой рыночной торговлей. В политическом же отношении она представляла собой конгломерат множества мелких владений со своими царьками. А г. Ланьши считался столицей Дася, видимо, по традиции, идущей с тех времен, когда страна была единым централизованным государством.

Наконец, рассмотрим приведенное Чжан Цянем после описания раздробленности Дася на мелкие независимые владения сообщение о переселении юэчжей и их столкновении с нею. Вот его дословный перевод:

«Когда большие юэчжи (*цзи да юэчжи*) на запад переселились (*си ту*), напали (*гун*), потерпели поражение (*бай*) от нее (*чжи*), все (*цзи*) подчинились (*чэнь*) и покорились (*чу*) Дася».

Н. Я. Бичурин, приняв версию Сыма Чжэня о том, что юэчжи покорили Дася, попытался и этому сообщению придать такой же смысл: «Когда Большой Юэчжи, идучи на запад, разбил их, то они поддались Дому Дася» [т. 2, с. 152]. Для этого он перевел иероглиф *бай*, основное значение которого "потерпеть поражение в сражении" [ЦХ, с. 604], словом "разбил", хотя в этом значении обычно используется иероглиф *по*. Иероглиф *чжи* ("его, их") он перевел как "их", ибо за ним идет обобщение *цзи* ("все"). Но после *цзи* ("все") он вынужден был перевести иероглиф *чэнь* как "поддались", хотя в ранее рассмотренных сообщениях об этом событии переводил его как "подчинили". В итоге все сообщение в его переводе стало алогичным: юэчжи разгро-

мили их, т. е. мелкие царства Дася, но почему-то «они поддались Дому Дахя», хотя в Дася не было верховного правителя, а не разгромившим их юэчжам, и неясно, что же стало с юэчжами.

По нашему мнению, данное сообщение Чжан Цяня в описании Дася ясно говорит о том, что юэчжи, переселившись на запад, потерпели поражение от Дася и все подчинились ей.

Однако, чтобы в решении этой важнейшей для понимания истории Средней Азии проблемы не осталось сомнений, необходимо выяснить два других вопроса: когда Греко-Бактрийское царство пало и страна превратилась в конгломерат мелких независимых царств, и когда сюда вторглись юэчжи - до или после падения Греко-Бактрийского царства.

Исследователи истории Греко-Бактрийского царства по античным источникам установили: с начала II в. до н. э. им правил Деметрий, прославившийся походом в Индию. Но около 170 г. до н. э. он был убит военачальником Евкратидом, который и стал последним из известных античным авторам царей Греко-Бактрии, властвовавшим над «тысячей городов». Около 155 г. Евкратид-узурпатор был убит сыном. После этого, как установлено по монетам, в Бактрии было еще около 20 царей, но неизвестно, где и когда правивших [Ставиский, 1977, с. 96-97].

Несомненно, однако, что Греко-Бактрия превратилась в конгломерат мелких царств не ранее гибели Евкратида в 155 г. до н. э.

Из описания же Чжан Цянем Большого Юэчжи ясно только, что сюнны разгромили юэчжей и те бежали со своей родины в Ганьсуском коридоре в годы правления Лаошаншаньюя (174-162). Но неизвестно, сколько времени заняло их переселение и когда они оказались в землях Дася, до или после крушения Греко-Бактрийского царства в 155 г. Нужны другие сведения. Поэтому обратимся к материалам по ранней истории усуней, которые позволяют, как увидим далее, во многом прояснить эту страницу ранней истории юэчжей.

В своем рассказе о царстве Усунь, в котором Чжан Цянь не бывал, но о котором прослышал, конечно, в Давань, так как только в описании этой страны упомянул о нем, сведений мало:

«Усунь находится к северо-востоку от Давань примерно в 2000 ли. Это кочевое царство (син го). [народ которого переселяется], следуя

за скотом. По обычаям одинаково с Сюнну. Натягивающих лук - несколько десятков тысяч. Смелы в сражениях. В прошлом подчинялось Сюнну. Когда же усилилось и заполучило зависимых (*цзин шу*), [правитель] не захотел ездить ко двору [шаньюя]* [ШЦ, гл. 123, с.3161].

Царство Усунь находилось примерно в 2000 ханьских ли (800 км) древнего дорожного расстояния к северо-востоку от Давань (Фергана), т. е. в направлении к оз. Иссык-куль. Это было царство кочевников, его обычаи были такие же, что и в Сюнну, которой оно некогда подчинялось, но потом, судя по отказу правителя ездить ко двору шаньюя, отделилось от нее. Если это так, то перед нами единственный известный за II в. до н. э. случай отпадения от державы Сюнну ее зависимого владения. Однако сказать точнее, когда и как это произошло, по этому краткому описанию невозможно.

Но в «Повествовании о Давань» есть и более подробная версия ранней истории усуней, поведенная У-ди все тем же Чжан Цянем, но уже в 119 г. до н. э. Значит, император вновь призвал его к себе, осужденного в 121 г. и ставшего простолудином. Вот его рассказ:

«Ваш слуга (*чэнь*), находясь [в плену] в Сюнну, слышал, что в Усунь правитель называется куньмо. Отец [нынешнего] куньмо [имел] маленькое царство у западной границы Сюнну. [Потом] сюнны напали и убили его отца, а новорожденный куньмо был брошен в поле. Ворон с мясом в клюве летал над ним, а волчица приходила кормить его [своим] молоком. Шаньюй удивился, счел [младенца] святым и взял на воспитание. А когда [тот] возмужал, послал командовать войсками, и куньмо добивался успеха. [Тогда] шаньюй вернул ему народ его отца и приказал возглавить защиту западных городов (*си чэн*)². Куньмо стал опекать свой народ, нападать на соседние мелкие владения, обучать несколько десятков тысяч натягивающих лук наступательному бою. Когда шаньюй умер, куньмо повел свой народ в дальнейшее переселение, вступил [там] на трон и не захотел [ездить] на собрания ко двору Сюнну. Сюнну послала отборные войска атаковать [его], но [они] не добились победы и, считая [куньмо] святым, удалились. Вследствие этого [Сюнну] установила связи с ним и больше не нападала [на Усунь]* [ШЦ, гл. 123, с. 3168].

² В издании «Ши цзи» 1975 г. предложено иероглиф *чэн*, "город", заменить на *юй*, "край" [ШЦ, гл. 123, с. 3168]. Но у Сыма Цяня название *сиюй*, "западный край", вообще не встречается, оно появляется только в «Хань шу». Поэтому такая замена необоснованна. Но несомненно, что под «западными городами» подразумевались те 26 западных владений, завоеванных Маодунем в 177 г. одновременно с Юэцжи и Усунь, которые явно находились в Восточном Туркестане.

Из этого рассказа Чжан Цяня выясняется, что усунь изначально жили у западных пределов Сюнну, т. е. там же, где и юэчжи, в Ганьсуском коридоре. Маодунь, перечисляя завоеванные на западе владения, не случайно кроме Юэчжи назвал и Усунь. Факт завоевания Маодунем Юэчжи и Усунь в 177 г. до н. э. сомнений не вызывает. И потому сообщение Чжан Цяня о разгроме усуней сюннами тоже как будто верно. Но оно не согласуется с его же сообщением о том, что куньмо-сын, создав свое царство, отделился от Сюнну после смерти шаньюя. Ведь когда Чжан Цянь находился в 139–130 гг. до н. э. в Сюнну, там правил Цзюньчэнь-шаньюй (162–126). Значит, разрыв Усунь с Сюнну произошел либо после смерти Маодуня в 174 г., либо после смерти Лаошана в 162 г. Но куньмо родился в год завоевания первого царства Усунь и гибели своего отца. Следовательно, если это случилось в 177-м, то в год смерти Маодуня в 174 г. ему было всего около четырех лет, а если - в год смерти Лаошана в 162 г. - то около пятнадцати.

Судя же по рассказу Чжан Цяня о жизни куньмо после его возмужания, тому в год смерти шаньюя было около двадцати лет. Значит, он родился ранее 177 г. до н. э. А это позволяет усомниться в том, что именно сюнны разгромили и убили отца куньмо.

Но существует другая версия рассказа Чжан Цяня о ранней истории усуней, изложенная, однако, в «Хань шу», в биографии его. По содержанию она во многом отличается от версии «Ши цзи», богаче сведениями и не противоречива. Но она составлена гораздо позже, что и дает основание усомниться в ее достоверности. И чтобы выяснить, какая же из двух версий заслуживает большего доверия, обратим внимание на следующие факты.

По словам Чжан Цяня, историю усуней он узнал, находясь в плену в Сюнну. Но он там жил отнюдь не при дворе шаньюя, а среди простолюдинов, которые, естественно, знали и помнили историю другого народа, да и своего, плохо.

Откуда же у Бань Гу появились новые подробные сведения о ранней истории усуней, показавшиеся ему столь достоверными, что он решился на необычный поступок - кардинально изменил текст Сыма Цяня?

Для ответа необходимо обратиться к сведениям, которые будут подробно исследованы в последующих разделах

этой работы. Согласно им, с конца II в. до н. э. и до конца существования Ранней Хань между нею и Усунь отношения были тесными. В немалой степени этому способствовало то, что со 107 и по 51 г. до н. э. младшими женами усуньских куньмо были ханьские принцессы, которые поддерживали устойчивую связь с ханьским двором. Ханьские послы и сановники довольно часто и иногда подолгу бывали при дворе Усунь, а усуньские - при дворе Хань. Поэтому у ханьского двора было много сведений об Усунь, что и сказалось на ее описании в «Хань шу», самом подробном и длинном из описаний всех других царств в «Повествовании о западном крае».

Так что в Хань уже на рубеже II - I вв. до н. э. могли получить сведения о ранней истории усуней от самого куньмо-сына, основавшего царство Усунь, от его сыновей и внуков, от знати. Очевидно, что они знали свою историю несравненно лучше, чем простолюдины - информанты Чжан Цяня. Потому-то Вань Гу, составляя биографию Чжан Цяня, и изменил изложенный Сыма Цянем рассказ посла о ранней истории усуней на основании более точных сведений, полученных в Хань позднее.

И он стал таким:

«Ваш слуга, находясь [в плену] в Сюнну, слышал, что в Усунь правитель называется куньмо. Маленькое владение Наньдоуми, отца [нынешнего] куньмо, вместе с Большим Юэчжи изначально находилось между Цилянью и Дуньхуаном. [Однажды] большие юэчжи напали и убили Наньдоуми, захватили его земли, а народ бежал в Сюнну. Буцяю-сихоу, воспитатель новорожденного сына куньмо, схватил [его] и бежал. [Потом] положил в траву [и ушел], чтобы найти еду. Возвратясь же, увидел, что волчица кормит его молоком, а ворон, держа в клюве мясо, летает рядом. Посчитав [младенца] святым, [Буцяю-сихоу] ушел с ним в Сюнну. Шаньюю полюбил и воспитал его, а когда [он] возмужал, - отдал куньмо народ его отца и послал командовать войсками. Куньмо неоднократно добивался успеха. В то время, когда юэчжи, разгромленные сюннами, на западе напали на правителя [царства] Сэ, и он, двинувшись на юг, переселился [с народом] в дальние страны, а юэчжи поселились в его землях, куньмо был уже в силе. [Он] попросил у шаньюя разрешение отомстить за отца, на западе напал на больших юэчжей и разгромил их. Большие юэчжи снова двинулись на запад и переселились в земли Дася. Куньмо же захватил [часть] их людей и остался жить [на их землях]. Войско [его] повсюду усиливалось. Когда шаньюю умер, куньмо не захотел больше иметь дело с даором Сюнну. И Сюнну послала войска против его, но [они] не добились успеха и, все еще считая [куньмо] святым, удалились от него» [XIII, гл. 61, с. 2691-2692].

Главное отличие версии ранней истории усуней, изложенной Бань Гу, от версии Чжан Цяня состоит в том, что она тесно связана не только с сюннами, но в не меньшей мере и с юэчжами, о судьбе которых в ней также приведены уникальные сведения.

По версии Бань Гу, усунь истари жили рядом с юэчжами в Ганьсуском коридоре, и именно юэчжи, а не сюнны, разгромили их маленькое царство, убили правителя Наньдоуми, захватили земли, а народ бежал в Сюнну. В таком случае логично, что шаньюй принял и воспитал сына Наньдоуми, — ведь последнего убили юэчжи, а не сюнны, как сказано в «Ши цзи». Иначе именно сюнны оказались бы для выросшего сына убитого ими Наньдоуми кровными врагами, а таковыми для него были, по версии «Хань шу», юэчжи.

Юэчжи разгромило Усунь и завладело его землями явно до того, как Маодунь в 177 г. до н. э. завоевал и включил в свою державу и Юэчжи, и Усунь, говоря о которой в письме императору он, видимо, подразумевал ее бывшие земли, поскольку после гибели Наньдоуми усунь бежали в Сюнну. Иначе вряд ли он допустил бы войну между своими подданными. А чтобы точнее определить, когда это случилось, следует выяснить время возмужания куньмо-сына и последовавшего вскоре изгнания сюннами подвластных им юэчжей в правление Лаошан-шаньюя. Для этого внимательно рассмотрим историю переселения юэчжей.

Изгнанные Лаошан-шаньюем со своей родины в Ганьсуском коридоре, юэчжи переселились сначала в земли народа сэ, отождествляемого с саками. Через некоторое время отсюда их изгнал куньмо и основал здесь новое царство Усунь. А оно, как известно, находилось в долине Или. Следовательно, юэчжи из Ганьсуского коридора двинулись в долину Или. Но почему именно сюда? Надо полагать, они знали о благоприятных для кочевников географических условиях в этих краях, о слабости обитавшего там народа сэ и пути туда. Поскольку в версии Бань Гу нет и намек на то, что сюнны пытались добить гонимых юэчжей на их пути в долину Или, а он неизбежно проходил через подвластные сюннам западные владения, можно даже предположить, что сами сюнны сообщили юэчжам эти сведения, чтобы побыстрее и с меньшими для себя потерями завладеть их богатыми землями в Ганьсуском коридоре.

Но и кратчайший путь из него в долину Или был далеким. В конце XIX в. по императорскому тракту от Аньси (немного северо-восточнее Дуньхуана) через Урумчи до Кульджи в долине Или было 1645 верст [Матусовский, 1888, с. 312], т. е. 1750 км. Но во II до н. э. дорога была не такой прямой и торной, как тракт конца XIX в. Поэтому в ханьское время расстояния по ней, как и по другим дорогам в этом регионе были, как показало историко-географическое исследование [Боровкова, 1989, гл. 2], в среднем на 20% больше, чем в конце XIX в. Значит, по этому караванному пути расстояние составляло около 2100 км.

По данным «Хань шу», в конце I в. до н. э. тяжелое войско проходило за день по дорогам Восточного Туркестана 30 ханьских ли (12 км), а легкое - 50 ли (20 км) [XIII, гл. 70, с. 3023]. При такой скорости тяжелое войско, двигаясь безостановочно, одолело бы этот путь за шесть месяцев. Но юэцжи были многочисленным народом, судя по тому, что спустя около 30 лет после войн и переселений, только их войско, по сообщению Чжан Цяня, насчитывало не менее 100 тыс. человек. Двигаясь с женщинами и детьми, домашним скарбом и скотом, они шли, вероятно, даже медленнее тяжелого войска и явно с остановками. Но и долго задерживаться в пути они не могли, подгоняемые сюннами, испытывая недостаток продовольствия: ведь, по данным «Хань шу», в I в. до н. э. во всех царствах притяньшаньского района Восточного Туркестана и прилегающей части Джунгарии проживало всего около 195 тысяч человек, а вдоль этого пути еще меньше. Так что на переселение в долину Или юэчжам понадобилось предположительно около года.

Потом была война с сэ (саками), изгнание их с земель, расселение самих юэчжей на новых землях. Поэтому можно полагать, что они обосновались в долине Или только года полтора спустя после выхода из Ганьсуского коридора.

Оказавшись в благоприятных для кочевников землях, юэчжи вряд ли хотели снова попасть под власть сюннов. Но и Лаошан-шаньюй понял, видимо, вскоре, что этот многочисленный народ, ставший враждебным сюннам, окрепнув в новых богатых землях, может превратиться у северо-западных пределов его державы в опасного врага. Поэтому шаньюй, когда куньмо попросил разрешения (возможно, не без подсказки самого шаньюя) пойти войной против

юзчжей, чтобы отомстить за смерть отца, охотно согласился, дав ему заведомо достаточное для этого войско.

К тому времени «куньмо был уже в силе», как сказано в версии Бань Гу, что подтверждается предшествующими сведениями в обеих версиях. Когда куньмо возмужал, шаньюй сделал его военачальником. Обучая войска и нападая на соседей, куньмо не раз одерживал победы. Ясно, что эти события происходили в течение довольно продолжительного времени. Потом шаньюй в награду за воинские успехи вернул ему под опеку народ его отца, а чтобы собрать и принять его под свое управление тоже требовалось время. Затем, по версии «Ши цзи», шаньюй послал его охранять «западные города», явно оазисные владения в Восточном Туркестане, завоеванные еще Маодунем. Так что со времени возмужания куньмо и до начала войны с юэчжами в долине Или прошло несколько лет и он стал уже взрослым юношей и опытным военачальником.

После того как юэчжи обосновались в долине Или, решение о нападении на них шаньюй и куньмо приняли не сразу, затем подготовка к войне, поход войск в долину Или, война, скорее всего, затяжная, так как кровные враги бились насмерть, изгнание многочисленных юэчжей с недавно занятых ими земель - все это тоже потребовало не так уж мало времени. Поэтому можно предположить, что куньмо изгнал юэчжей из долины Или года через два после их расселения там.

После этого куньмо, задержав часть юэчжей, остался со своим войском на завоеванных землях, ставших частью владений державы Сюнну. Войско его, по версии Бань Гу, стало расти. И только после описания всех этих событий говорится о кончине шаньюя. Так как не сказано, что это случилось тут же или вскоре после изгнания юэчжей, есть основание полагать, что между этими событиями прошло еще года полтора.

А теперь расположим основные события в обратном хронологическом порядке согласно вычисленным выше временным интервалам между ними, взяв за точку отсчета дату смерти шаньюя, которым точно был Лаошан-шаньюй, так как именно он разгромил и изгнал юэчжей из Ганьсуского коридора.

Лаошан-шаньюй, как установлено выше, скончался в октябре-ноябре 162 г. до н. э. Примерно за полтора года до

этого, т. е. в первые месяцы 163 г., куньмо разгромил и изгнал юэчжей из долины Или. Появились юэчжи в долине Или года за два до этого, примерно в начале 165 г. до н. э. На переселение сюда юэчжей из Ганьсуского коридора и войну с сэ им потребовалось еще года полтора. Получается, что Лаошан-шаньюй убил правителя и изгнал юэчжей с их исконных земель примерно в середине 167 г. до н. э.

Таким образом, дата этого события, вычисленная по сведениям о ранней истории усуней и юэчжей, совпадает с той, что была определена выше на основании анализа данных о походе Лаошан-шаньюя на Хань зимой 167-166 гг. до н. э. Напомним, что тогда сюнны неожиданно для Хань единственный раз за всю историю их противостояния с нею напали из Ганьсуского коридора на ее северо-западные земли и прорвались до окрестностей столицы Чанъань. Это и дало основание предположить, что поход тот был предпринят сразу после того, как Лаошан-шаньюй примерно летом-осенью 167 г. изгнал юэчжей из Ганьсуского коридора и получил возможность неожиданно напасть на столицу Хань.

Как видим, анализ сведений о разных событиях привел к одному и тому же выводу, что говорит о его обоснованности.

Итак, наше исследование позволило примерно определить даты следующих фактов. Летом - осенью 167 г. до н. э. Лаошан-шаньюй изгнал юэчжей с их родины в Ганьсуском коридоре, заставив предпринять дальнейшее переселение. Примерно через полтора года, в начале 165 г. до н. э., юэчжи обосновались в долине Или на землях изгнанных ими сэ. Однако года через два, т. е. в начале 163 г. до н. э., военачальник Сюнну, воспитанный шаньюем наследник убитого юэчжами усуньского куньмо, разгромил и изгнал юэчжей из долины Или. Захватив часть их, он с войском остался здесь. И эти земли стали владением Сюнну. Войско куньмо начало усиливаться. Когда же в конце 162 г. до н. э. скончался Лаошан-шаньюй, куньмо «повел свой народ в дальнейшее переселение, вступил [там] на трон» и отделился от Сюнну. Очевидно, что он переселял усуней в долину Или с востока из земель Сюнну, куда они бежали после разгрома юэчжами их царства в Ганьсуском коридоре³. Переселение народа и

³ Некоторые ученые полагают, что родина усуней находилась в районе оз. Баркуль, откуда они и переселялись в долину Или (см.

подготовка к созданию царства потребовали времени. Так что официальный акт вступления куньмо на трон создаваемого им царства Усунь состоялся примерно в 160 г. до н. э.

Что же касается юэчжей, то, по версии Бань Гу, часть их, захваченная куньмо, осталась в Усунь, большинство же «снова двинулось на запад и переселилось в земли Дася». А в описании Большого Юэчжи в «Ши цзи» сказано, что они «миновали Давань» (Фергана) и к западу от нее вышли в земли Дася, где и поселились к северу от р. Гуйшуй (Сырдарья). Следовательно, путь их пролег из долины Или в район, расположенный к западу от Ферганы на северном берегу Сырдарьи. Ближним был караванный путь, совпадающий с нынешним из долины Или на запад в Бишкек, а оттуда на юг к северным пределам Ферганской долины по тракту Бишкек—Ош. Поскольку юэчжи миновали Давань, то ясно, что она не пустила их в свои земли, и они могли только вдоль ее северных пределов выйти к западу от нее в земли Дася на северном берегу р. Гуйшуй.

Расстояние, пройденное юэчжами по этому очень сложному пути, оказалось, по нашим расчетам, почти та-

Крюков, 1988, с. 235]. Основное доказательство этого видят в приведенном выше сообщении Маодуня в письме Вэнь-ди 176 г. до н. э. о том, что правитель западной части Сюнну, ю-сянь-ван, в 177 г. завоевал на западе Юэчжи, Лоулань, Усунь, Хуцзе и 26 соседних с ними царств. Поскольку он, перечисляя царства, назвал Усунь после Лоулань и перед Хуцзе, сделан вывод о местонахождении ее у оз. Баркуль, расположенного между Лоулань у оз. Лобнор, и Хуцзе в Великом Алтае [Халон, 1937, с. 296]. Обоснованная нами выше достоверность сведений о ранней истории усуней, полученных в Хань от самих куньмо и их знати в начале I в. до н. э. и изложенных Бань Гу в его версии рассказа Чжан Цяня, делает такого рода умозаключение бездоказательным: Маодунь перечислял царства, а не определял их взаиморасположение. В версии Бань Гу четко сказано, что маленькое царство Усунь «вместе с Большим Юэчжи изначально находилось между Циянь и Дуньхуаном», т. е. в Ганьсуском коридоре. С этим согласуется и сообщение в версии рассказа Чжан Цяня в «Ши цзи» о том, что Усунь — это «маленькое царство у западной границы Сюнну». А так как по описанию державы Сюнну того времени владения ее западной части в Ордосе и к северу от него за Хуаихэ доходили на западе до Юэчжи и Цян, т. е. до Ганьсуского коридора, то очевидно, что где-то здесь и находилось маленькое царство Усунь. А о том, где именно в Сюнну расселились бежавшие в ее земли усунь после разгрома их царства юэчжами, никаких сведений нет.

ким же, как от Ганьсуского коридора до долины Или. Так что второе переселение их тоже заняло около года, и они, выйдя из долины Или в начале 163 г., появились в землях Дася к северу от р. Гуйшуй в начале 162 г. до н. э.

Что же представляла собой Дася в то время? Очевидно, что это и было Греко-Бактрийское царство, которым правил Евкратид (ок. 170–155 гг. до н. э.). Следовательно, юэчжи, изнуренные двукратным переселением и войнами с сюннами, сэ, усуньским куньмо, столкнулись со все еще могущественным Греко-Бактрийским царством и, несомненно, покорились ему. Евкратид, воевавший тогда с парфянским царем Митридатом I (171–138), позволил им занять окраинные земли своего царства к северу от Гуйшуй, рассчитывая использовать их как заслон от набегов северных кочевников и, возможно, даже в войне с Парфией.

Город Ланьши, названный Чжан Цянем столицей Дася, был, вероятно, столицей Евкратиды, той самой Евкратидией, которую упоминали античные авторы. Сын Евкратиды, убив в 155 г. до н. э. отца, сохранил, скорее всего, власть над этим городом и его округой после развала царства на мелкие независимые владения и по наследству считался сувереном юэчжей. Но зависимость их от него или его наследников стала номинальной, судя по тому, что Чжан Цянь, получив отказ в Юэчжи и придя в Дася, так и не смог добиться в ней, чтобы Юэчжи заключило союз с Хань. А юэчжи продолжали признавать свою зависимость от этого небольшого царства, поскольку еще не оправились от прошлых бед и, по сообщению Чжан Цяня, стремились к миру. Только на рубеже II – I вв. до н. э. они, как увидим далее, воспользуются войной их недруга Давань с Хань и завладеют всей Дася, сделав ее столицу г. Ланьши своей.

Завершая исследование сведений о царствах Средней Азии, собранных Чжан Цянем в 129–128 гг. до н. э., остановимся на описании им далекого царства Аньси, идентифицируемого с Парфией (ок. 250 г. до н. э. – 224 г. н. э.):

«Аньси находится в нескольких тысячах ли к западу от Большого Юэчжи. Обычай в ней оседлые, пахут землю, выращивают рис и пшеницу, [делают] вино. Города и поселения подобны даваньским, малых и больших городов несколько сот. Земли Аньси в окружности [составляют] несколько тысяч ли. Это большое царство, прилежит к р. Гуйшуй, имеет рынки. Народ и купцы на повозках и лодках ездят в соседние страны даже за несколько тысяч ли. Из серебра делают день-

ги. На монетах изображают лицо правителя, а после его смерти заменяют монетами с изображением [нового] правителя. Пишут на коже поперечными строчками. К западу [от нее] Тяочжи, а к северу Яньдай и Лигань» [ШЦ, гл. 123, с. 3162].

Чжан Цянь в Аньси не побывал, а все эти сведения получил, несомненно, при дворе Большого Юэчжи, описывая которое, упомянул Аньси к западу от него. Но у Большого Юэчжи явно не было связей с Аньси на государственном уровне, в чем убеждает приблизительность и даже ошибочность ряда полученных Чжан Цянем в Большом Юэчжи данных о ней. Например, расстояние между их столицами определено в несколько тысяч ли. А столь большое расстояние (напомним, 1000 ли равна 400 км) ставит под сомнение то, что столица Аньси находилась прямо к западу от Большого Юэчжи. На таком расстоянии к западу от него, лежащего западнее Давань (Фергана), простирается пустыня Каракум. Ошибочно и утверждение, что через Аньси протекала р. Гуйшуй, та, что западнее Давань разделяла владения к северу Большого Юэчжи, а к югу - Дася. Перед нами, вероятно, первая формулировка того географического заблуждения, которое сохранялось у древних китайцев долго и состояло в том, что они принимали р. Зеравшан в этом районе за продолжение Сырдарьи. Даже в VI в., когда они, уже хорошо знавшие и р. Нами (Сырдарья) и р. Уху (Амударья), локализовали столицу царства Ань, которое, как им было известно, находилось на бывших землях Аньси ханьского времени, к югу от р. Нами [БШ, гл. 97, с. 3234], т. е. Сырдарьи. По данным же того времени о расстоянии до него, царство Ань располагалось, скорее всего, в районе нынешней Бухары, т. е. по реке Зеравшан. Так что со времени Чжан Цяня древние китайцы еще долго принимали р. Зеравшан в этом районе за продолжение Сырдарьи.

Ошибочно также сообщение о том, что к северу от Аньси находятся царства Яньдай и Лигань, поскольку Яньдай прилегал с юго-востока к Аральскому морю [см.: Боровкова, 1989, с. 65] и было отдалено от Аньси царством Канцзюй, а Лигань был Древним Римом.

Предположение об отсутствии связей на правительственном уровне между Большим Юэчжи и Аньси (Парфия), сделанное на основании сведений Чжан Цяня, согласуется с тем известным фактом, что царь Парфии Митридат I (171-138), при котором она и стала могущественной державой,

был занят завоеванием на западе владений селевкидов. И потому раздробленная Дася (Бактрия), не представлявшая тогда угрозу могущественной Аньси (Парфия), оказалась вне сферы его внимания.

Общая же характеристика Аньси в описании Чжан Цяня, скорее всего, верна. Это была огромная земледельческая страна с множеством городов, с собственными деньгами, которая вела широкую торговлю даже с отдаленными странами. При этом для транспортировки грузов использовались лодки и, что важно, повозки. Развитие же гужевого транспорта предполагало наличие в Аньси дорог соответствующего качества. Только в Аньси отметил Чжан Цянь распространение письменности с использованием пергамента.

Обрисовав таким образом обстановку в ближних и дальних землях к западу от Хань, Чжан Цянь в заключение посоветовал У-ди установить отношения с Дася, поскольку туда есть дорога в обход владений враждебных ханьцам сюннов. Он сказал, что будучи в Дася, видел там изделия из Шу (Сычуань), которые, по словам жителей Дася, торговцы покупали в Шэньду (Индия), А Шэньду лежит к юго-востоку от Дася

«...в нескольких тысячах ли и там есть изделия из Шу, т. е. она недалеко отстоит от Шу. [Если] сейчас отправить послов в Дася через Цян, то цяны погубят их, а [если] немного севернее, то [их] схватят сюнны. А из Шу удобно идти прямо [в Дася], да и нет [там] разбоя» [ШЦ, гл. 123, с. 3166].

Как видим, при дворе Хань в то время не имели представления ни о Шэньду, ни о пути в нее из Шу. Отсюда — наивное убеждение Чжан Цяня о ее близости к Шу и безопасности пути между ними.

Однако Чжан Цянь не только указал У-ди путь для установления связи с Дася, но и, подогревая его имперские амбиции, тут же нарисовал картину возможного в этом случае вселенского господства Сына Неба:

«Сын Неба уже знает, что Давань, Дася и Аньси — великие царства, [в них] много удивительных вещей. По оседлому образу жизни и занятиям [людей] они очень сходны с Срединной империей (Чжунго), но войска [их] слабы. В лежащих же к северу от них Большом Юэжи и Канцзюй войска сильные, и [их] можно с помощью богатых подарков использовать для пользы двора. И если действительно добьемся [этого] и по сути подчиним их, то [слава о] величии и добродетели [Сына Неба] распространится меж четырех морей и на пространстве в 10 тыс. ли

через переводы с девяти языков дойдет до [народов] с разными обычаями". Сын Неба в восторге одобрил сказанное Цянем и приказал ему отправить посольства [в Дася] между Шу и Цзяньвэй по четырем дорогам одновременно. Но послы вскоре по дороге были убиты.

Безуспешными оказались и другие попытки отправить послов по тем дорогам. В результате,

«...затратив много [средств] и не открыв дорогу [в Дася], [У-ди] отказался от этого [плана]» [ШЦ, гл. 123, с.3166].

Все это произошло, конечно, ранее 123 г. до н. э., когда Чжан Цянь был послан сопровождать Вэй Цина в походе против Сюнну, за заслуги в котором был пожалован титулом Бован-хоу. Однако в 121 г. за опоздание к месту сражения он был осужден на смерть, но откупился и стал простолудином.

Таким образом, первая попытка Хань проложить путь в Дася из Шу через Шэньду (из Сычуани через Индию) закончилась полным провалом. Но открытый Чжан Цянем неведомый мир далеких богатых стран запада продолжал манить императора У-ди возможностью получить политические и торговые выгоды в случае установления тесных связей с ними. А успех пятнадцатилетней войны Хань с Сюнну (133-119) благоприятствовал реализации его идей.

ГЛАВА 4

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ ХАНЬ С ЦАРСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 119-104 ГОДЫ ДО Н. Э.

В 119 г. до н. э. после успешного похода ханьских войск против шаньюя и правителя восточной части Сюнну цзо-сянь-вана оказалось, что у империи нет больше нужного количества лошадей для конницы, без которой продолжение войны с сюннами становилось невозможным. Но к тому времени Хань в результате пятнадцатилетней войны уже отбросила сюннов от своих северных пределов, захватила их исконные земли в Ордосе и к северу и северо-востоку от него. Более того, она заполучила земли в Ганьсуском коридоре с выходом на самые удобные караванные пути в ближние (Восточный Туркестан) и дальние (Средняя Азия) страны к западу от нее.

У-ди быстро оценил открывшуюся в результате этого возможность реализовать идею, высказанную ранее Чжан Цянем: установить с ними тесные связи и подчинить влиянию Хань. И в том же 119 г. он снова призвал ко двору Чжан Цяня, разжалованного в 121 г. в простолюдины, и «неоднократно расспрашивал его о Дася». Вот тут-то Чжан Цянь и рассказал ему версию ранней истории усуней, услышанную им во время пребывания в плену в Сюнну. Она приведена и рассмотрена выше. Здесь же остановимся на том плане установления связей с Дася и другими царствами запада, который Чжан Цянь предложил У-ди, исходя из своих сведений об усунях:

«Ныне шаньюй снова поставлен [нами] в затруднительное положение, а бывшие земли Хунь опустели и обезлюдели¹. Иноземцы

¹ Бань Гу в биографии Чжан Цяня написал: «Земли куньмо опустели» [XIII, гл. 61, с. 2692]. То, что имя сюннуского вана Хунь он заменил титулом усуньского правителя куньмо, объясняли либо недостоверностью его сообщения, либо опiskeй в «Ши цзи» [Като

(мань и) по обычаю падки до ханьских богатств. И теперь действительно удобный момент, щедро одарив усуней, пригласить их переселиться на восток в бывшие земли Хунье и вступить в братские отношения с Хань. Следует позволить им поступать по своему усмотрению. Если [они] послушаются, то отсечем правую руку сюннов (т.е. их западные владения в Восточном Туркестане. — Л.Б.). И уже вместе с Усунь сможем привлечь Дася и все другие [царства] к западу от нее, сделать их внешними подданными (вай чэнь). Сын Неба согласился, пожаловал Цянью [должность] чжун-лан-цзяна² [и отправил послом в Усунь] во главе 300 человек. [Дал им] по две лошади на каждого и 10 тыс. волов и овец, а также несметное количество золота и шелка для даров [иноземным правителям]. Многие помощники посла получили верительные бирки, чтобы [Чжан Цянь] по дороге отправил их послами в прилежавшие к ней царства» [ШЦ, гл. 123, с. 3168].

Следовательно, план Чжан Цяня, одобренный У-ди, состоял в том, чтобы уговорить усуней переселиться в опустевшие земли Хунье в Ганьсуском коридоре и с их помощью отрезать сюннов от подвластных им западных владений в Восточном Туркестане, получить безопасную дорогу в Дася и другие царства Средней Азии, а затем подчинить их своему влиянию.

Он выступил в Усунь, видимо, в конце 119 г. до н. э., поскольку его беседы с У-ди и формирование посольства происходили, скорее всего, после окончания похода Вэй Цина и Хо Цюйбина в Сюнну, состоявшегося летом того года [ШЦ, гл. 6, с. 178].

Сизэру, 1931], либо вторичностью текста главы 123 «Ши цзи» по отношению к главе 61 «Хань шу» [Крюков, 1988, с. 235]. С нашей же точки зрения, эта замена объясняется следующими обстоятельствами. Чжан Цянь и Сыма Цянь, позднее изложивший в «Ши цзи» его версию ранней истории усуней и эту беседу с У-ди, еще точно не знали, где была родина усуней, но хорошо были осведомлены о запустении бывших земель сюннов Хунье-вана в Ганьсуском коридоре. В отличие от них Бань Гу уже имел достоверные сведения о ранней истории усуней и в частности о том, что родина их находилась рядом с родиной юэчжей между Циляншань и Дуньхуаном, т.е. как раз в Ганьсуском коридоре, а также о том, что после изгнания отсюда Лаошан-шаньюем юэчжей, ранее захвативших земли усуней, здесь поселились сюнны Хунье-вана. Поэтому он и написал об опустении земель куньмо, подчеркивая тем самым, что Чжан Цянь советовал У-ди предложить усуням переселиться на их бывшую родину.

² Чжун-лан-цзян — должность в Ланчжунлинь, ведомстве дворцовой охраны, 3-го ранга 2-й степени, т.е. на одну степень ниже ранга, каким обладал Чжан Цянь в должности словеза до осуждения его в 121 г. до н. э.

Когда Чжан Цянь прибыл в ставку усуньского куньмо, тот принял его как шаньюй, т.е. как государь, равный по положению ханьскому императору. Но Чжан Цянь, пригрозив отправить дары Сына Неба назад, заставил куньмо и его знать совершить поклонение императорским дарам. После этого сказал ему:

«[Если] усунь смогут поселиться на востоке в землях Хунье, то Хань пришлет принцессу в жены куньмо».

Но куньмо отказался переселяться. Далее в «Повествовании о Давань» приведено описание Чжан Цянем внутреннего положения в Усунь, объясняющее причины отказа куньмо. Так как оно важно для понимания дальнейшей истории Усунь, приводим его полностью:

«Царство Усунь разделено на части. Правитель стар, из-за отдаленности Хань не знает, велика она или мала. Первоначально [он] долгое время подчинялся Сюнну. И даже теперь из-за близости к ней все его высшие сановники боятся хусцев и не хотят переселяться, а правитель не может единовластно решиться [на это]. И Цянь не смог заключить договор с ним.

У куньмо более десяти сыновей. Средний из них, называемый Далу, могуч, хорошо управляет народом, имеет отдельную 10-тысячную конницу. Старший брат Далу был великим наследником, имел сына, называемого Сэньцзу. [Но] великий наследник рано умер, а перед смертью попросил отца своего куньмо: «Обязательно сделай Сэньцзу великим наследником, не позволяй оттеснить его». Куньмо, скорбя [о нем], согласился и после его смерти сделал Сэньцзу великим наследником. Далу обозлился, что не стал великим наследником и, собрав всех братьев с их народом, взбунтовался, намереваясь напасть на Сэньцзу и куньмо. Старый куньмо, страшась, что Далу убьет Сэньцзу, дал Сэньцзу более чем 10-тысячную конницу и поселил отдельно, и сам куньмо имел для самозащиты более чем 10-тысячную конницу. [Так] царство оказалось разделенным на три [части], но они вообще-то подчинялись куньмо. Куньмо по этой причине не осмелился заключить договор с Цянем. Тогда Цянь разослал помощников посла [в качестве] послов в Давань, Канцзюй, Большое Юэчжи, Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь, Юйми и все [другие] сопредельные страны.

Усунь предоставила проводников и переводчиков для сопровождения его в обратный путь. Вместе с Цянем Усунь направила несколько десятков [своих] посланцев, [дав им] несколько десятков лошадей для ответного дара [императору] и приказав тайно разузнать, велика ли Хань. Цянь по возвращении был пожалован [должностью] *да син*³, следующей [по статусу] после девяти цингов. [Но он] через год умер.

³ *Да-син* — глава ведомства Дянькэ, отвечавшего за связи с иноземцами. Имел очень высокий, второй, ранг [XIII, гл. 19/1, с. 730].

Усуньские же посланцы, увидев, что Хань многолюдна и богата, по возвращении доложили [об этом правителю] своего царства. С того времени это царство стало почтительно относиться к Хань. А через год с лишним после этого прибыли отправленные Цянем послы из Дася и других [царств] с их людьми. Поэтому северо-западные царства стали налаживать связи с Хань» [ШЦ, гл. 123, с. 3168-3169].

В этом подробном описании нет, к сожалению, дат. Неизвестно, когда Чжан Цянь прибыл в Усунь и когда с первыми усуньскими послами вернулся в Хань, когда умер и когда разосланные им из Усунь послы прибыли из Дася и других царств «с их людьми», т.е. с послами, и началось развитие посольских связей Хань с соответствующими царствами.

Когда произошло все это, можно примерно определить, но только на основании описания Сыма Цянем событий последующих лет, одно из которых в другой главе точно датировано. Поэтому сначала приведем их описание:

«После смерти Бован-хоу [Чжан] Цяня Сюнну, узнав об установлении связи между Усунь и Хань, вознегодовала и захотела напасть на нее (Усунь. — Л.Б.). А когда ханьские послы в Усунь, выходя из нее на юг, стали один за другим направляться в Даваань или Большое Юэчжи, Усунь испугалась и отправила посла с лошадьми в дар [императору]. [Кунью] изъявлял желание получить [в жены] ханьскую принцессу и стать братьями. Сын Неба спросил совета у сановников, и все сказали, что прежде надо непременно получить сговорные дары, а потом уже посылать принцессу. ... Хань начала строить [укрепленную линию] к западу от Линцзюй и впервые учредила Цзюцюань-цзюнь⁴

⁴ Данные «Ши цзи» и «Хань шу» о времени создания Цзюцюань-цзюня, административного района Хань в бывших землях Хуньевана в Ганьсуском коридоре, разноречивы. Согласно этому сообщению оказывается, что он образован накануне 111 г. до н. э. В «Хань шу», в хронике правления У-ди, сказано о создании Цзюцюань-цзюня и Уэй-цзюня в сообщении о капитуляции Хунь в 121 г. до н. э. [ХШ, гл. 6, с. 176-177]. В разделе же «Ди ли чжи» в «Хань шу», посвященном именно описанию всех административных единиц империи, цзюней (районов) и сянь (уездов), времени их создания и численности населения, образование Цзюцюань-цзюня и Чжанье-цзюня отнесено к 104 г., а Уэй-цзюня — к 101 г. до н. э. [ХШ, гл. 28/2, с. 1612, 1613, 1614]. Поскольку создание административных единиц было связано с учетом податного населения и его налогообложением, — документы по этим вопросам, надо полагать, особенно четко фиксировались при дворе. И потому данные «Ди ли чжи», несомненно, основанные на них, представляются наиболее достоверными. Подтверждают это и такие факты. В 119 г. бывшие земли Хунь были безлюдны, и У-ди с Чжан Цянем задумали пригласить усуней переселиться в них. Да и укреп-

для связи с северо-западными царствами. Под прикрытием их стала отправлять еще больше посольств в Аньси, Яньцай, Тяочжи и Шэньду. Так как Сыну Неба понравились лошади из Давань, то послы [туда] пошли друг за другом. Крупнейшие посольства в иноземные царства состояли из нескольких сот человек, а маленькие — из ста с лишним. ... Хань отправляла за год то более десятка посольств, то меньше, пять-шесть. Возвращались [они] из дальних царств через 8-9 лет, а из ближних — через несколько лет» [ШЦ, гл. 123, с. 3170].

После этого Сыма Цянь написал о новых попытках Хань, разгромившей два царств Юэ в 111 г. до н. э., проложить дорогу в Дася из Ба и Шу (Сычуань). Но:

«В конце концов никто не смог установить связь. А по северной дороге из Цяюцюаня до Дася дошло уже много послов. Но иноземные царства все более удовлетворялись ханьскими монетами и не ценили ее изделия» [ШЦ, гл. 123, с. 3170-3171].

Прежде чем анализировать эти сведения по существу, посмотрим, что они дают для датировки предшествующих событий. Не вызывает сомнений, что все они произошли до 111 г., когда Хань завоевала Юэ. Этот факт опровергает мнение Бичурина о смерти Чжан Цяня в 104-103 г. до н. э. [т. 2, с. 157, прим. 1]. А так как после его смерти, но до 111 г. Хань и Усунь обменялись послами, то очевидно, что Чжан Цянь умер за несколько лет до этого года.

Дальнейшему уточнению датировки этих событий помогает сообщение Сыма Цяня о том, что ханьские послы возвращались из дальних стран через 8 — 9 лет, а из ближ-

ленную линию против сюннов Хань начала строить в том году от Шофана до Линцзюй (к северу от Ланьчжоу), т.е. только до Ганьсуского коридора. Так что предполагать существование в последнем в то время Цяюцюань-цзюня невозможно. Лишь накануне 111 г. до н. э., согласно рассматриваемому сообщению, началось строительство ханьской укрепленной линии от Линцзюй на запад до Цяюцюаня. Так что этот город-крепость, замыкавший на западе участок укрепленной линии от Линцзюй, был заложен явно в то же время. А административный район Цяюцюань-цзюнь был образован только в 104 г., когда под прикрытием укрепленной линии в этих землях поселилось уже столько людей, сколько было необходимо по минимуму [15-20 тыс. человек] для учреждения его.

Упоминание же Цяюцюань-цзюня в годы, когда он еще не существовал, как и отмеченное выше упоминание Сыма Цянем Дуньхуана в описании родины юэжжей — обычное в историях использование хорошо известных поздних географических названий в обзорах прошлых лет.

них — через «несколько лет». Усунь явно относилась к числу ближних. А теперь попробуем рассчитать, сколько времени потребовалось Чжан Цяню на поход в это ближнее царство.

Выше, рассматривая сведения о переселении юэчжей из Ганьсуского коридора в долину Или, показано, что их переход туда по кратчайшему притяньшаньскому пути (причем не было сопротивления сюннов, заинтересованных в их уходе), занял около года. Но посольство Чжан Цяня в Усунь сюнны ни в коем случае не пропустили бы по этому пути, прилегавшему через подвластные им владения и поблизости от их собственных земель к востоку от Усунь. И посольство двинулось в Усунь, скорее всего, по уже знакомой Чжан Цяню прикуньлуньской дороге до Кашгара (так как в лежавшую далее Давань он не заходил), а оттуда — на север по тому пути, по которому позже, как свидетельствовал Сыма Цянь, ханьские послы из Усунь выходили на юг, направляясь в Давань. Так что первый поход громоздкого посольства Чжан Цяня по столь дальней и незнакомой дороге при необходимости принимать меры предосторожности против возможного нападения отрядов сюннов, контролировавших ее, занял, скорее всего, около двух лет.

Посольство прибыло в Усунь ближе к концу 117 г. до н. э. Получив отказ куньмо от предложений У-ди, Чжан Цянь, видимо, в самом конце этого года разослал своих помощников послами в Дася и другие царства, а сам тем же путем к концу 115 г. до н. э., т. е. примерно через четыре года, вернулся в Хань. Спустя год с лишним, т. е. на рубеже 114 — 113 гг. до н. э. он умер⁵. А еще более чем через год, значит, примерно в начале 112 г., вернулись отправленные им из Усунь послы в Дася и другие неназванные царства «с их людьми». Скорее всего, именно после их прибытия, доказавшего реальность установления связей с этими царствами, Хань и начала строить укрепленную линию от Линцзюй на запад до Цзюцюаня с намерением защитить дорогу послов от нападений сюннов с севера.

А первые послы Усунь, прибывшие в Хань с Чжан Цянем к концу 115 г. до н. э., вернулись домой к концу

⁵ Фан Хао указал такие же даты возвращения и смерти Чжан Цяня [Фан Хао, 1974, с.93], но, к сожалению, не обосновал свое мнение.

113 г. Угроза нападения со стороны Сюнну, недовольной установлением связи между Хань и Усунь, развитие посольских контактов Хань с давним недругом Усунь Большим Юэчжи — все это напугало куньмо, и он поторопился установить дружественные связи с Хань, предложив заключить династический брак. Так как дорога в Хань стала более знакомой, то новые посольства могли проходить ее уже быстрее, года за полтора. И послы Усунь с предложением династического брака, возможно, оказались в Хань примерно в середине 110 г. до н. э., а еще через полтора года, к концу 109 г. вернулись домой, передав требование представить сговорные дары.

Насколько верен предложенный способ расчета всех этих дат, станет ясно по степени согласованности их с датами последующих событий.

А теперь вернемся к рассмотрению существа сведений Сыма Цяня.

Итак, по ним и по нашим расчетам получается, что в начале 112 г. до н. э. Дася (Бактрия) впервые установила отношения с Хань. После 111 г. Хань снова пыталась отправить послов в нее по дорогам из Ба и Шу (Сычуань), но безуспешно. «А по северной дороге из Цзюцюаня до Дася дошло уже много послов» [ШЦ, гл. 123, с. 3171]. Поскольку Сыма Цянь сказал о «северной дороге» после того, как поведал о неудачных попытках ханьских послов пройти в Дася по дорогам южнее ее, из Ба и Шу, т. е. из Сычуань, то очевидно, что в данном случае он называл «северной дорогой» именно прикуньлуньский путь. Однако некоторые авторы полагают, что он имел в виду притяньшаньский. Так для это, покажет анализ сведений Сыма Цяня о последующих событиях, ранее же рассмотренные оснований для такого предположения не дают.

Кроме того, согласно приведенным сведениям, в эти годы стали частыми связи Хань с Давань, лошади которой понравились У-ди. И послы Хань, по словам Сыма Цяня, пошли туда один за другим.

Установление же связей Хань с Усунь, северо-западным соседом Сюнну, вызвало такое недовольство у последней, что она стала угрожать Усунь войной. Так как ханьские послы часто ходили в те годы в Усунь, они могли узнать об этом и сообщить двору. Потому не исключено, что неожиданное вторжение двух крупных отрядов

ханьских войск в земли Сюнну в конце 111 г. до н. э. [XIII, гл. 6, с. 189] было предпринято с целью сорвать эти планы Сюнну. Хотя, согласно «Повествованию о Сюнну», ханьцы, пройдя 2000 ли (800 км), не встретились с сюннами и вернулись [ШЦ, гл. 110, с. 2912], возможно, из-за их вторжения Сюнну не начала войну с Усунь. Как завершились переговоры Усунь с Хань о заключении династического брака, увидим ниже, а пока остановимся на происходивших одновременно других событиях, повлиявших на исход этих переговоров.

Итак, после 112 г. до н. э. Хань стала расширять контакты с дальними «северо-западными царствами». Но конкретно говорится только о связях с Усунь, Давань, Дася и Большим Юэчжи и лишь раз сказано об отправлении ханьских послов в Лигань, Тяочжи, Аньси, Яньцай и Шэньду [ШЦ, гл. 123, с. 3170]. Однако нет никаких упоминаний о том, побывали ли они там и вернулись ли. Поражает и то, что после смерти Чжан Цяня не названо имени ни одного ханьского посла и не зафиксировано каких-либо новых сведений о посещенных послами царствах.

Объясняет это последующий обобщенный рассказ Сыма Цяня о том, что идти послами в дальние царства северо-запада изъявляли желание только люди низких званий и состояний, стремившиеся разбогатеть [ШЦ, гл. 123, с. 3171]. А поскольку такие люди ко двору не допускались, — дворцовые историографы не фиксировали факты их отправления и возвращения. Потому и Сыма Цянь, говоря о широком развитии после смерти Чжан Цяня посольских связей с царствами северо-запада, почти не привел новых данных о них.

Завершая свой рассказ о ханьских послах того времени, он сообщил, что в этих царствах, уверенных в своей недостигаемости для далекой Хань, ее послам не давали часто даже продовольствия. К тому же их грабили еще по пути:

«В маленьких царствах Лоулань и Гуши, когда дорога пустела, грабили ханьских послов. Ван Хуй и другие особенно [пострадали]. Да и отборные отряды сюннуских войск то и дело нападали на послов [направлявшихся] в западные царства. Послы наперебой уверяли, что эти иноземные царства страдают от засухи и [хотя] все имеют поселения со стенами, но войска слабые и их легко разбить. Поэтому Сын Неба послал бывшего Цунпiao-хоу Чжао Пону во главе конницы из шу-го и войск из цзюней [общим числом] в несколько десятков тысяч

[человек] напасть на хусцев у р. Сюнхэшуй⁶. Но хусцы ушли [не вступив в сражение]. В следующем году [он] напал на Гуши. [Но] сначала Пону [с отрядом] легкой конницы в 700 человек дошел до Лоулань, взял в плен ее правителя, а затем разгромил Гуши. Вследствие этого поднялся престиж [ханьских] войск и были поставлены в затруднительное положение Усунь и Давань. По возвращении домой Пону был пожалован титулом Чжое-хоу. Ван Хуй, ходивший неоднократно послом и терпевший притеснения в Лоулань, говорил [об этом] Сыну Неба. [Когда] Сын Неба поднял войска [против Лоулань], то приказал [Ван] Хую помочь Пону разгромить ее. Пожалован титулом Хао-хоу. После этого ряд сторожевых вышек и укреплений довели от Цзюцюаня до Юймэнь» [ШЦ, гл. 123, с. 3171-3172].

Это первое свидетельство о нападении ханьских войск на два царства, Лоулань и Гуши, лежавшие на пути ханьских послов в западные царства, при этом Гуши было разгромлено. Действительно, за последующее время в «Ши цзи» и «Хань шу» много материалов о Лоулань, а о Гуши нет совсем.

Когда же это случилось и где, по какой дороге на запад находились эти два царства?

В какой-то мере ответил на эти вопросы еще Сюй Гуан (352 – 425), заметивший в комментарии к «Ши цзи», что Чжао Пону получил титул Чжое-хоу в 3 г. Юань-фэн (108 г. до н. э.) и что Гуши и есть Чеши [ШЦ, гл. 123, с. 3172, прим. 2, 4]. Последнее его утверждение повторил в VIII в. Чжан Шоуцзе [ШЦ, гл. 123, сс. 3161, прим. 7]. Н.Я. Бичурин принял их точку зрения [т. 2, с. 159, 171]. А некоторые современные историки, исходя из идентификации Гуши и Чеши, локализуемого по данным «Хань шу» точно в Турфане, заключили, что Хань уже тогда владела районом Турфана и ей, следовательно, был доступен не только прикуньлуньский, но и притяньшаньский путь через Восточный Туркестан в Среднюю Азию [см., напр., Кучера, 1977]. Поэтому проанализируем данные «Ши цзи» и «Хань шу»,

⁶ Так же эта речка названа еще в двух главах «Ши цзи» [гл. 10, с. 2912; гл. 111, с. 2945] и в одной из «Хань шу» [XIII, гл. 55, с. 2493]. Кроме того, в одной главе в «Ши цзи» и в двух в «Хань шу» сказано, что Чжао Пону получил звание Сюнхэ-цзянцзюня [ШЦ, гл. 111, с. 2945; гл. 6, с. 189; гл. 55, с. 2493]. Так что единственный случай ее наименования Сюнхуа (Сюнхуская река) – в «Повествовании о Сюнну» в «Хань шу» [гл. 94/1, с. 3771] – явно результат ошибки переписчиков. Судя по ее нахождению в нескольких тысячах ли от Линцзюй, так была названа р. Эдзин-гол.

чтобы подтвердить или опровергнуть столь важный для понимания истории того времени вывод.

Но сначала выясним дату похода Чжао Пону на Лоулань и Гуши.

В рассматриваемом сообщении из «Повествования о Давань» сказано, что он состоялся на следующий год после похода Чжао Пону к р. Сюнхэшуй, который, согласно «Повествованию о Сюнну» в «Ши цзи» и хронике правления У-ди в «Хань шу», был предпринят в 6 г. Юань-дин, т. е. в 111 г. до н. э. [ШЦ, гл. 110, с. 2912; XIII, гл. 6, с. 189], и нападение на Лоулань и Гуши произошло, получается, в 110 г.

Однако в биографии Чжао Пону в «Ши цзи» говорится, что его поход на эти два царства состоялся через два года после похода к р. Сюнхэшуй [ШЦ, гл. 111, с. 2945], т. е. в 109 г. до н. э. Разрешить данное противоречие в двух главах «Ши цзи» позволяет еще одно сообщение в биографии Чжао Пону, согласно которому он спустя шесть лет после нападения на Лоулань и Гуши выступил в поход против Сюнну, потерпел поражение и был взят в плен. В «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» и в хронике правления У-ди в «Хань шу» он точно датирован 2 г. Тай-чу [ШЦ, гл. 110, с. 2915; XIII, гл. 6, с. 201], т. е. 103 г. до н. э. Следовательно, и по этому сообщению получается, что его поход на Лоулань и Гуши был в 109 г. Но Чжао Пону потребовалось время на возвращение из дальнего похода. Потому он и Ван Хуй получили титулы только в 1-ю луну 3 г. Юань-фэн [ШЦ, гл. 17, с. 0345/4, 0347/1], т. е. в начале 108 г. Так как в то время год правления императора начинался с 10-й луны календарного года (октябрь – ноябрь), то очевидно, что поход на Лоулань и Гуши проходил осенью 109 г. до н. э.

Вопрос о местонахождении этих двух царств по данным «Ши цзи» решается, с нашей точки зрения, просто и однозначно. Из рассматриваемого сообщения об ограблениях ханьских послов, направлявшихся в западные страны, в маленьких царствах Лоулань и Гуши очевидно, что они находились по одному и тому же караванному пути из Хань. А еще Чжан Цянь рассказал, что оба они лежали у озера Яньцзэ (оз. Лобнор). Более того, местонахождение существовавшего ряд веков царства Лоулань, переименованного позднее в Шаньшань, к югу от оз. Лобнор по прикуньлуньскому пути сомнений не вызывает. Уже эти сведения по-

зволяют заключить, что Гуши лежало по этому же пути. Однако рассмотрим и все другие сведения о нем.

Еще более неопровержимо доказывает это описание Сыма Цянем пути возвращения ханьского посла из Аньси вместе с ее послом: когда они проходили через

«...лежащие к западу от Давань владения Хуаньцзянь и Даи, и лежащие к востоку от Давань Гуши, Юйми и Сусе, все [они направили своих послов] сопроводить ханьского посла и преподнести дары Сыну Неба. Сын Неба очень обрадовался» [ШЦ, гл. 123, с. 3173].

Ясно, что Гуши находилось к востоку от Давань (Фергана) по тому же пути, что и Юйми. По данным «Хань шу», Юйми было самым многонаселенным из всех царств, лежавших по южной, прикуньлуньской, дороге, и находилось, как установлено нами ранее [Боровкова, 1989, с. 39-41], в огромном в те времена оазисе Керия.

А согласно описанию похода Чжао Пону, он, выйдя из Хань, сначала напал на Лоулань, а потом уже разгромил Гуши. Получается, что по пути из Хань первым было царство Лоулань, а западнее его Гуши, которое после разгрома ханьцами исчезло с политической карты, поглощенное, возможно, ближним царством Лоулань.

Кроме того, Сыма Цянь называет Лоулань и Гуши маленькими царствами, если же Гуши простиралось от озера Яньцзэ (оз. Лобнор) на север до Чеши (Турфан), включая его, то оно было большим, а то и самым большим царством восточнотуркестанского региона, ведь от Лоулань до Чеши было 1890 ханьских ли [ХШ, гл. 96/1, с. 3876], или 750 км. В таком случае вряд ли Чжао Пону с отрядом легкой конницы всего в 700 человек смог бы так легко и быстро одолеть столь большое расстояние и разгромить крупнейшее в регионе, подвластном сюннам, царство.

Таким образом, сведения о Гуши в «Ши цзи» не дают ни малейшего основания для идентификации его с Чеши, лежавшим, по материалам I в. до н. э., в районе Турфана по притяньшаньскому пути. Что же послужило Сюй Гуану поводом для их отождествления? Видимо, то единственное упоминание Гуши в «Хань шу», на которое, следуя суждению Сюй Гуана, ссылаются и современные ученые. Поэтому необходимо тщательно исследовать это.

Бань Гу упомянул Гуши в лично им написанном введении к «Повествованию о западном крае», в котором сде-

лал краткий обзор главных, с его точки зрения, событий в регионе за I в. до н. э. в таком контексте:

«Во время Сюань-ди (73 – 49. – Л.Б.) направили *вэй сыма* охранять (*ху*) к западу от Шаньшань⁷ (*Шаньшань-и-си*) несколько царств (*шу го*), а также (*цзи*) разгромленное Гуши (*по Гуши*), [народ которого] не был (*бу вэй*) полностью (*цзин*) истреблен (*тянь*). [*Вэй-сыма*] покинул (*фэнь*)⁸ таким образом (*и-вэй*) [владения] правителей Чэши ближнего и дальнего и шесть царств к северу от гор, [так как] в то время Хань охраняла только южную дорогу и еще не смогла полностью присоединить северную дорогу. Однако сюнны беспокоились. А после того как жичжу-ван⁹ восстал против шаньюя и с народом сдался [Хань], Чжэн Цзи, посланный охранять [царства] к западу от Шаньшань, встретил и принял его. ...Это было в 3 г. Шань-цзюэ¹⁰ (59 г. – Л.Б.). И вслед за тем послали [Чжэн] Цзи охранять заодно и северную дорогу, почему и стал [он] называться *духу* [всеохраняющим]» [XIII, гл. 96/1, с. 3773-3874].

Дословный перевод с транскрипцией первой части этого текста дан намеренно, чтобы сопоставить с кардинально отличным переводом ее Н. Я. Бичуриным, исходившим из признания тождества Гуши и Чэши:

«При Сюань-ди Вэй-сыма отправлен был для охранения владений, лежавших от Шаньшани на запад, а также шести княжеств по северную сторону гор¹¹ и Гуши, которое, хотя и поражено было, но не уничтожено, а впоследствии разделено на Чэши переднее и Чэши заднее. В сие время Китай имел под собой только южную дорогу, а северную еще не всею овладел; но хунны уже беспокоились. Впоследствии, когда Жичжо-князь отложился от Шаньюя и со своим народом поддался Китаю, то Чжен Ги, пристав владений, лежавших от Шаньшани

⁷ В 77 г. до н. э. Хань переименовала Лоулань в Шаньшань [XIII, гл. 96/1, с. 3878].

⁸ Иероглиф *фэнь*, согласно «Цыхай» (с. 174), кроме основного значения "делиться[ся] на части", имеет и такое же значение, как иероглиф *ли*, – "покинуть, выехать".

⁹ Согласно «Повествованию о Сюнну» в «Хань шу» жичжу-ван [по статусу] ниже цзо-сянь-вана» [XIII, гл. 94/1, с. 3778], которым обычно становился наследник шаньюя. Так что *жичжу* – название титула, а не собственное имя вана, как решил Н. Я. Бичурин.

¹⁰ Здесь ошибка, так как это случилось во 2 г. Шань-цзюэ, в 60 г. до н. э. [XIII, гл. 8, с. 262; гл. 94/1, с. 3789-3790].

¹¹ Как видим, Н. Я. Бичурин нарушил структуру китайского текста, поставив фразу о шести царствах к северу от гор перед фразой о Гуши. И это не случайно – иначе в его переводе получилось бы, что маленькое, по Сыма Цяню, Гуши разделилось не только на два царства Чэши, но еще и на шесть царств к северу от гор.

на запад, принял его... Это было третье лето Шень-цаю, 59; по сему дано ему наименование иаместника» [т. 2, с. 171].

Итак, согласно нашему переводу, Бань Гу в данном пассаже своего обзора говорил о том, что *вэй-сыма* был послан охранять царства к западу от Шаньшань, т. е. по южной, прикуньлуньской, дороге, в том числе и Гуши, которое было разгромлено, но население его частично уцелело. Для этого *вэй-сыма* покинул (*фэнь*) район двух Чэши и шести царств к северу от гор, т. е. лежавших по северной, притяньшаньской, дороге, так как в то время Хань охраняла только южную дорогу, а над северной еще не смогла установить свой контроль. Лишь позже, после перехода на ее сторону сюннуского жичжу-вана в 60 г. до н. э. и северная дорога стала подконтрольна ей.

В переводе же Н. Я. Бичурина текст Бань Гу оказался противоречивым. Получилось, что *вэй-сыма* был послан охранять не только царства к западу от Шаньшань по южной дороге, но и шесть царств к северу от гор и Гуши, которое потом разделилось (*фэнь*) на два царства Чэши, лежавшие по северной дороге, хотя Хань, оказывается, тогда ее еще не охраняла.

Очевидно, что ключевое значение в понимании текста приобретает тот или другой вариант перевода иероглифа *фэнь*. Чтобы выбрать правильный перевод, необходимо выяснить, о каких же событиях вел речь Бань Гу.

Прежде всего обратим внимание на то, что он в начале описания сообщил о *вэй-сыма*, посланном охранять царства к западу от Шаньшань, а в конце его — о Чжэн Цзи, посланном охранять их. Возникает предположение, что *вэй-сыма* и Чжэн Цзи — одно лицо. То, что это действительно так, доказывает сообщение в биографии Чжэн Цзи:

«Во время Сюань-ди [Чжэн] Цзи в должности *шилана* [основал] поселение в Цюйли. Собрав урожай, повел [войска] всех царств на Чэши. [Потом] был возведен в должность *вэй-сыма* и послан охранять южную дорогу к западу от Шаньшань».

Далее сказано, что позднее он принял капитуляцию *жичжу-вана* и, получив звание *духу*, стал охранять и южную, и северную дороги [XIII, гл. 70, с. 3005-3006].

Эти сведения не оставляют сомнения в том, что сначала *шилан* Чжэн Цзи действовал в районе Цюйли-Чэши в притяньшанье, а затем в должности *вэй-сыма* был отправлен охранять южную, прикуньлуньскую, дорогу, покинув,

естественно, северный район. Причина, по которой он покинул район Цюйли — Чеши, выясняется из описания двух Чеши. В нем, кстати, нет и намека на то, что они образовались в результате раздела Гуши. Зато подробно рассказано о деятельности шилана Чжэн Цзи в Цюйли — Чеши с 68 по 64 г. до н. э., в результате которой Хань в противостоянии Сюнну так и не смогла закрепиться в этом районе по северной дороге. Потому-то Чжэн Цзи и был переведен отсюда охранять южную дорогу.

С учетом контекста этих событий и сделан наш перевод рассматриваемого отрывка из введения Бань Гу к «Повествованию о западном крае».

Однако, почему же Бань Гу, говоря о событиях 60-х годов I в. до н. э., привел фразу о Гуши, о котором в материалах «Хань шу» за этот век вообще не упоминается? Объясняется это тем, что он, излагая историю Хань I в. до н. э., часто включал в своей редакции отдельные сведения Сыма Цяня за II в. до н. э., в чем мы не раз убедимся далее. И в данном случае, когда речь зашла о царствах к западу от Шаньшань по южной дороге, он напомнил сообщение Сыма Цяня о разгроме Гуши, которое как раз и находилось к западу от Лоулань, переименованной Хань в Шаньшань. Сюй Гуан в начале IV в. н. э. и его последователи, не вникая в суть упоминаемых Бань Гу событий, восприняли иероглиф *фэнь* в его наиболее распространенном значении — «делиться на» и заключили, что Гуши разделилось на два царства Чеши, почему и отождествили Гуши и Чеши.

Все изложенное не позволяет идентифицировать Гуши с Чеши и соответственно полагать, что еще в конце II в. до н. э. притяньшаньский путь был доступен ханьцам.

В заключение обратим внимание на сообщение Сыма Цяня о том, что после похода Чжао Пону на Лоулань и Гуши в 109 г. до н. э. Хань начала строить укрепления теперь уже к западу от Цзюцюаня до Юймэнь. Оно доказывает, что г. Цзюцюань, заложенный примерно в 112 г., был к этому времени уже построен, а Юймэнь (Яшмовые ворота), пограничная застава на северо-западе владений Хань, только основывалась. Скорее всего, в это же время было начато и строительство г. Дуньхуан.

Сразу после данного сообщения Сыма Цянь в «Повествовании о Давань» рассказал о заключении династического брака Усунь и Хань:

«Усунь [прислала] в качестве сговорных даров 1000 лошадей за ханьскую принцессу. И Хань отправила в жены усуньскому [куньмо в качестве] принцессы дочь Цянду-вана из императорского рода. Правитель Усунь, куньмо, сделал ее правой женой. Сюнну тоже прислала в жены дочь [шаньюя], и куньмо сделал ее левой женой. Куньмо сказал, что он стар, и приказал своему внуку Сэньцзу взять в жены [ханьскую] принцессу. В Усунь много лошадей, ее богачи имеют по четыре-пять тысяч голов» [ШЦ, гл. 123, с. 3172].

Так как в Усунь обычаи были, по сведениям Чжан Цяня, такими же, как в Сюнну, а в ней знать левой стороны по статусу была выше знати правой, то очевидно, что ханьская принцесса стала младшей женой куньмо, а сюннская — старшей. Тем самым Усунь показала, что она, хотя и установила связь с Хань, но предпочтение все же отдает хорошим отношениям с Сюнну.

Заклучен же брак, очевидно, был после 109 г. до н. э., так как Сыма Цянь написал о нем после изложения сведений о походе Чжао Пону на Гуши. Бань Гу в описании Усунь в «Хань шу» отнес это событие к середине эры Юань-фэн (110–105), т. е. к 108 или 107 г. [XIII, гл. 96/2, с. 3903]. Бичурин же назвал 107 г. до н. э. [т. 2, с. 192].

Зная эту дату, проверим, согласуются ли с нею рассчитанные нами выше даты посольских контактов Хань и Усунь, смерти Чжан Цяня и прибытия первых послов из Дася и других царств. Согласно тем расчетам, ханьские послы, сообщившие о требовании Хань предоставить сговорные дары, вернулись домой к концу 109 г. В это же время Чжао Пону совершил поход на Лоулань и Гуши. Вряд ли его победа «поставила в затруднительное положение Усунь и Давань», как написал Сыма Цянь. Но она, несомненно, поторопила куньмо отправить сговорные дары, с которыми его послы выступили, видимо, уже в начале 108 г. и прибыли в Хань года через полтора, в середине 107 г. до н. э., что согласуется с датой, указанной Бань Гу. Следовательно, определенные выше таким методом даты возвращения Чжан Цяня из Усунь, его смерти и последующих событий в целом верны.

В изложенных выше материалах Сыма Цяня о широком развитии посольских контактов Хань с северо-западными царствами после 112 г. конкретные сведения есть только о ее взаимосвязях с ближними из них, т. е. с теми, поездка посла в которые занимала, по определению

Сыма Цяня, «несколько лет», тогда как в дальние — восемь-девять лет. Очевидно, что Давань, Усунь, Дася и Большое Юэчжи считались ближними. И после сведений о заключении династического брака Хань с Усунь Сыма Цянь привел единственное конкретное описание возвращения ханьского посла из далекой Аньси (Парфия) вместе с ее послом. Согласно хронологическому принципу изложения материалов в «Ши цзи» получается, что послы прибыли в Хань после 107 г. до н. э. Однако контекст сообщения противоречит, как покажем далее, такой датировке.

Вот как описал Сыма Цянь это событие:

«Ранее ханьский посол прибыл в Аньси. Правитель Аньси повел военачальнику с 20-тысячной конницей встретить его у восточных пределов [царства], от которых столица правителя отстоит на несколько тысяч ли. По пути сюда миновали несколько десятков городов. Народ [живет] сплошь и в очень большом количестве. [Когда] ханьский посол [решил] возвращаться, [правитель Аньси] направил своих послов сопровождать его, чтобы узнать, велика ли Хань, и преподнести в дар [императору] яйца большой птицы [а еще] лиганьских фокусников. Лежащие к западу от Давань малые царства Хуаньцзянь и Даи и к востоку от Давань Гуши, Юйми и Сусе — все [направили своих послов] сопровождать ханьского посла и преподнести дары Сыну Неба. Сын Неба очень обрадовался» [ШЦ, гл. 123, с. 3172-3173].

Тот факт, что правитель Аньси, отправляя своего посла или послов в Хань, поручал разузнать, велика ли эта страна, доказывает, прежде всего, что он столь пышно принимал именно первого посла из Хань, сведениям которого о ней не поверил, а также, что в Хань отправился первый посол из Аньси.

А первого посла в Аньси отправил, как говорилось выше, Чжан Цянь из Усунь в самом конце 117 г. до н. э. Из дальних стран, какой и была Аньси, по утверждению Сыма Цяня, ханьские послы возвращались через 8 — 9 лет. Следовательно, посол, вышедший из Хань с Чжан Цянем в конце 119 г., мог вернуться из Аньси в 109 или 108 г. Но так как он на обратном пути в Хань проходил через Гуши, которое осенью 109 г. было разгромлено Чжао Пону и исчезло с политической арены, то получается, что ханьский посол вместе с первым послом из Аньси прибыл в Хань до этого, т. е. не позднее конца лета 109 г. до н. э. Соответственно первый ханьский посол появился в Аньси около 115—114 гг. до н. э. Его впечатления от Аньси как огромного многонаселенного царства с большим числом городов под-

тверждают сведения Чжан Цяня об этой стране, полученные им в Большом Юэчжи.

Итак, после 112 г. до н. э. контакты Хань с «северо-западными царствами», как называл их Сыма Цянь, стали быстро развиваться. Прикуньлунская дорога, которая вела в эти царства, все более осваивалась. Выход из Ганьсуского коридора на эту дорогу Хань защитила от нападений сюннов с севера цепью укреплений, доведенных после 109 г. от Цзюцюаня до Юймэнь. Иноземные послы, побывавшие в Хань, разнесли молву о ее могуществе и богатстве.

Далее Сыма Цянь, с явным неодобрением описал немислимую роскошь, с которой У-ди принимал и одаривал многочисленных иноземных послов и, бахвался своим богатством, показывал им даже казну и сокровищницу. Затем историк с горечью констатировал:

«Иноземные послы из северо-западных царств приходили и уходили друг за другом. Все [послы] из [царств] к западу от Давань из-за отдаленности их [царств от Хань] держались высокомерно и своевольно, не желали кланяться согласно церемониалу *цзими* (о нем см. в главе о Канцзюй. — Л.Б.), а ведь были послами. [Все царства] к западу от Усунь до Аньшань из-за близости к Сюнну, а Сюнну [некогда] поставила в затруднительное положение юэчжей, снабжали сюннских послов продовольствием только по одному письму шаньюя, не осмеливаясь задерживать [их]. Когда же прибывали ханьские послы, то без денег и шелка не могли получить продовольствие, не [купив] на рынке скот, не могли ехать. Так поступали по причине того, что Хань далека [от них] и у нее много богатств. Поэтому [ханьские послы] только на рынках могли получить желаемое. Так относились к ним из-за страха перед Сюнну» [ШЦ, гл. 123, с. 3173].

Сыма Цянь доказывал, следовательно, что расточительство двора при приеме иноземных послов, богатство Хань не обеспечивали ей высокий престиж в северо-западных царствах, которые, уповая на свою отдаленность, с пренебрежением относились к ее послам, обирали их. В то же время эти царства боялись близкой к ним Сюнну и с почетом принимали ее послов из-за того, что она «поставила в затруднительное положение юэчжей». Значит, появление в прошлом в их пределах многочисленных юэчжей, разгромленных сюннами, оставалось для этих царств настолько убедительным доказательством военного могущества Сюнну, что и полвека спустя их не покидал страх перед нею. Сыма Цянь, таким образом, подводил к заключению, что престиж империи зависит от ее военного могущества.

Видимо, в этом своего рода памфлете он отразил настроения определенных кругов ханьского двора, недовольных тем, что У-ди тратил огромные средства на прием иностранных послов, а не на войны.

На таком политическом фоне и произошел инцидент в Давань, приведший к войне с нею. Последующие сведения Сыма Цяня позволяют предполагать, что инцидент случился в значительной мере из-за целенаправленных действий этих дворцовых кругов.

ГЛАВА 5

ХАНЬСКО-ДАВАНЬСКАЯ ВОЙНА 104-101 ГОДОВ ДО Н. Э.

События, приведшие к тому, что Хань начала войну против далекой Давань (Фергана), развивались, по описанию Сыма Цяня, так:

«Хань посылала много послов, но не многие из них по положению удастались быть представленными Сыну Неба; [они-то] и говорили [ему]: "Давань содержит [своих] лучших лошадей в г. Эрши, скрывает их и не желает показывать ханьским послам". Сын Неба, полюбивший даваньских лошадей, узнав об этом, обрадовался и послал силача Чэ Лина и других с тысячей золотых и конем из золота просить у правителя Давань лучших эршиских лошадей. Царство Давань наполнилось [уже] ханьскими изделиями, и [зная], посовещавшись, решила: "Хань от нас далеко. На полпути у р. Яньшуй [путников] подстерегает немало опасностей: к северу от нее грабят хусцы, а к югу от нее не хватает воды и травы. К тому же многие часто [погибают] от недостатка еды [по пути] между поселениями. Если в ханьских посольствах из нескольких сот человек более половины умирает [в пути] от нехватки продовольствия, то разве сможет дойти [до нас] большое войско? А что еще может Хань предпринять против нас? Эршиские же лошади — бесценное сокровище Давань"» [ШЦ, гл. 123, с. 3174].

Прервем пока описание Сыма Цяня, чтобы обратить внимание на следующие утверждения даваньской знати. По ее словам, путь ханьских послов в Давань и, значит, в царства к западу от нее проходил через р. Яньшуй. Так как, согласно рассмотренным выше сведениям Сыма Цяня, в частности, о местонахождении царства Гуши, выяснилось, что ханьские послы в западные страны ходили по южной, прикуньлуньской, дороге, то получается, что рекой Яньшуй называли тогда р. Черчен, впадающую в озеро Лобнор, известное в то время как Яньцза (Соленое озеро). Столь же важно для понимания событий того времени свидетельство даваньцев о необычайной трудности и опасности этого пути

из-за нападений с севера отрядов сюннов и недостатка продовольствия. Это объясняет, в частности, почему в Хань изъявляли желание идти послами на запад в основном бедные люди низких сословий.

Но продолжим описание Сыма Цяня.

Уверовав в недоступность своего царства для ханьских войск, даваньцы отказались продать эршиских лошадей посланцам У-ди. В гневе посол оскорбил их. Его выпроводили из страны, но

«...приказали [правителю] Юйчэна, [находившегося] у восточной границы, убить ханьского посла и завладеть [увозимым им] богатством [что тот и сделал]. Поэтому Сын Неба очень разгневался. [И тут] Йо Динхань и другие, ходившие ранее послами в Давань, стали говорить, что войска Давань слабы, что всего 3000 ханьских воинов из сильных луков расстреляют их и полностью разгромят Давань. Сын Неба, [исходя из того, что] ранее Чжое-хоу напал на Лоулань с [отрядом] конницы в 700 человек и взял в плен ее правителя, согласился с предложением [Йо] Динханя и других». Он назначил Ли Гуанли, родственника своей наложницы из рода Ли, Эрши-цяньцзюнем (командующим похода на Эрши), чтобы захватить эршиских лошадей. Его войско состояло из 6-тысячной конницы из *шу-го* (владений знатных инородцев, сдавшихся Хань и получивших титул *хоу*), а также из нескольких десятков тысяч «молодых негодяев» из *цзюней* (административных районов) и *го* (владений титулованной знати). Проводником стал уже известный Ван Хуй. Было это в I г. Тай-чу [104 г. до н. э.]. В том году саранча опустошила земли от Гуаньдуна до Дуньхуана [ШЦ, гл. 123, с. 3174-3176].

Итак, У-ди решился на войну с далеким царством Давань из-за отказа продать ему лучших лошадей из г. Эрши и убийства его посла. А еще потому, что послы, бывавшие в Давань, обещали ему легкую победу, убеждая в слабости войск этой страны, которых можно разгромить силами всего 3000 ханьских лучников. И он поверил, вспомнив, как легко Чжао Пону с отрядом всего в 700 человек разгромил Лоулань и Гуши. Но он забыл слова Чжан Цяня о том, что население Давань составляло несколько сот тысяч человек, а не около 15 тысяч, как в Лоулань.

Трудно поверить, что ханьские послы, не единожды посетившие Давань, так ошиблись в оценке ее истинной мощи. Поэтому тот факт, что они сначала сообщили У-ди о недоступных эршиских лошадях, а потом посулили ему легкую победу, позволяет предположить, что инцидент и начало войны были результатом сговора с послами тех

дворцовых кругов, которые видели престиж империи и свою выгоду в военных походах и возмущались безмерными расходами на прием иноземных надменных послов. Кроме того, они знали о честолюбивых замыслах У-ди утвердить влияние Хань в западных царствах и сыграли на этом.

Поход Ли Гуанли на Давань, по этому описанию Сыма Цяня, начался в I г. Тай-чу, 104 г. до н. э., и более точных сведений в «Ши цзи» нет. В хронике же правления У-ди в «Хань шу» начало его отнесено к «осени», 8-й луне этого года [XIII, гл. 6, с. 200].

Сыма Цянь не назвал и место, откуда войско выступило в поход. Но он, несомненно, не случайно, говоря о начале похода, сообщил о саранче, опустошившей земли от Гуаньдун до Дуньхуана. Это первое упоминание Дуньхуана в «Повествовании о Давань» в связи с конкретным событием. Оно доказывает, что этот крайний на северо-западе империи город, заложенный явно в 109 г. до н. э., когда Хань начала возводить укрепления от Цзюцюаня до Юймэнь, в 104 г. уже существовал. Из него-то, видимо, и двинулось войско Эрши-цзянцзюня Ли Гуанли на Давань, а точнее, на ее г. Эрши.

Поход проходил так:

«Когда войско Эрши-цзянцзюня, [выступив] на запад, перешло через р. Яньшуй, малые царства на его пути стали упорно защищаться за стенами [своих городов], не желая обеспечивать его продовольствием. Штурмуя их, [некоторые] не смогли взять, а в покоренных забирали продовольствие. Не взяв [город] за несколько дней, уходили [дальше]. Когда подошли к г. Юйчэн, [в живых] осталось только несколько тысяч человек, голодных и усталых. Напали на Юйчэн, юйчэнцы нанесли им тяжелое поражение, очень многие были убиты и ранены. Эрши-цзянцзюнь с [Ли] Чи, [Чжао] Шичэном и другими [военачальниками] решили: "[Мы] дошли до Юйчэна и не смогли завладеть им. Разве [мы] дойдем до столицы их правителя?"¹ — и увели войско домой. [Поход] туда и обратно [совершили] за два года (суи). В Дуньхуан вернулись один-два человека из десяти. [Эрши-цзянцзюнь] отправил посланца с письмом [императору]: "Дорога дальняя, продовольствия очень мало, и воины страдали не от битв, а от голода. С малым числом людей не взять Давань. [Но я] хотел бы закончить войну, [для чего прошу] выставить еще больше [людей] и снова пойти [на Давань]". Сын Неба, узнав об этом, крайне разгневался и отправил посланца задержать [войско] в Юймэнь, сказав: "Кто из войска осмелится войти [в пределы империи], —

¹ В «Ши цзи» нигде не сказано, что г. Эрши был столицей Давань. И только эта фраза позволяет заключить, что «столицей их правителя» был г. Эрши — цель похода ханьцев.

немедленно казнить" [Эрши-цянциэнь] испугался и остался в Дуньхуане. [Поскольку] этим летом Хань потеряла в Сюнну 20-тысячное войско Чжое[-хоу], то *гуны, цины* и все участники совещания хотели закончить войну против Давань и сосредоточить все силы для нападения на хусцев* [ШЦ, гл. 123, с. 3175-3176].

Расчет даваньцев на недоступность своего царства для большого ханьского войска на этот раз оправдался. Из-за острой нехватки продовольствия в пути бóльшая часть его погибла, не пойдя до восточной границы Давань, дошедшая же была в таком состоянии, что о походе на даваньскую столицу не могло быть и речи.

А свидетельства о том, что проводником войска Ли Гуанли был Ван Хуй, ранее ходивший послом на запад через царство Гуши, и что войско по пути на запад перешло р. Яньшуй, т. е. р. Черчен, не оставляют сомнения в том, что войско двигалось по прикуньлуньскому пути.

Далее следует выяснить: когда именно остатки войска Ли Гуанли вернулись в Дуньхуан, так как это необходимо для датировки последующих событий в этой войне.

Начался поход, по «Хань шу», осенью, в 8-ю луну I г. Тай-чу, 104 г. до н. э., а длился, согласно приведенному сообщению Сыма Цяня, два года (*суй*) реального времени, что позволяет заключить – закончился он осенью 102 г. Однако этот вывод опровергает другое свидетельство, конкретное и потому более точное, о том, что «этим летом», т. е. в год возвращения Ли Гуанли в Дуньхуан, Хань потеряла в Сюнну войско Чжое-хоу Чжао Пону. Так как случилось это, по согласующимся данным «Ши цзи» и «Хань шу», приведенным выше, во 2 г. Тай-чу, т. е. в 103 г. до н. э., то и поход Ли Гуанли закончился через год, в 103-м, а не через два.

Более того, другие сведения этих историй позволяют еще точнее установить время возвращения Ли Гуанли в Дуньхуан, а это важно для датировки начала его следующего похода на Давань. Согласно «Повествованию о Сюнну», в «Ши цзи», поход Чжао Пону начался весной (1-3-я луны) 2 г. Тай-чу и тут же рассказано о том, как развивались события вплоть до разгрома и пленения сюннами самого Чжао Пону [ШЦ, гл. 110, с. 2915]. Согласно рассматриваемому сообщению из «Повествования о Давань», войско его было разгромлено летом (4-6-я луны). В хронике же правления У-ди в «Хань шу» записано, что осенью (7-9-я луны) этого года войско Чжао Пону не вернулось [ХШ, гл. 6, с. 201]. Следова-

тельно, при дворе точно узнали о разгроме и пленении Чжао Пону не ранее 7-й луны 2 г. Тай-чу. А из контекста описания Сыма Цянем обсуждения при дворе итогов похода Ли Гуанли, ясно, что поход закончился, когда в Хань уже знали о гибели войска Чжао Пону в Сюнну. Значит, и Ли Гуанли с остатками своего войска прибыл в Дуньхуан не ранее 7-й луны 2 г. Тай-чу, т. е. осенью 103 г. до н. э.

Таким образом, первый поход ханьских войск на Давань, дошедших только до города Юйчэн у ее восточной границы, проходил с 3-й луны 1 г. до примерно 8-й луны 2 г. Тай-чу и занял около года реального времени, а не два, как сказано в «Повествовании о Давань».

Так как вторжение Чжао Пону в земли Сюнну было предпринято весной — летом 2 г., когда в Хань уже ждали возвращения Ли Гуанли с бесценными эршискими лошадьми, то эта акция, скорее всего, и имела целью отвлечь внимание сюннов от пути его следования.

Заканчивая рассмотрение истории первого похода, отметим героизм населения мелких царств по прикуньлуньскому пути, которое так упорно обороняло свои города, что ханьское войско, несмотря на превосходство его сил, не смогло овладеть некоторыми из них за несколько дней и вынуждено было идти дальше без продовольствия.

Неудача Ли Гуанли нанесла, несомненно, удар по престижу Хань, что сразу же понял У-ди. Вопреки мнению большинства своих сановников, он, по словам Сыма Цяня,

«...решил наказать Давань, [говоря, что] Давань — маленькое царство и [если] не сможем покорить ее, то Дася и другие станут пренебрежительно относиться к Хань, а лучшие даваньские лошади никогда не придут [к нам]. Усунь и Луньтоу, все будут с легкостью чинить затруднения ханьским послам на смех иноземным царством». Он наказал сановников, противившихся продолжению войны с Давань, и начал подготовку к новому походу [ШЦ, гл. 123, с. 3176].

В этом сообщении Сыма Цяня обратим особое внимание на важнейший для понимания истории Дася (Бактрия) и Большого Юэчжи факт — У-ди на рубеже 103–102 гг. до н. э. говорит о Дася как о существующей стране, уважением которой он особенно дорожит. Это последний случай упоминания о Дася как о самостоятельном политическом образовании, затем, как увидим далее по материалам «Хань шу», она исчезает с исторической арены.

Описание подготовки второго похода на Давань показывает, что неудача первого, рассчитанного на легкую победу, заставила У-ди учесть все просчеты и уроки его:

«Выставили еще больше молодых преступников² и пограничной конницы. И через год с лишним из Дуньхуана вышло [войско в] 60 тыс. человек, не считая носильщиков и личных сопровождающих, 100 тыс. волов, более 30 тыс. лошадей, несколько десятков тысяч ослов, мулов, верблюдов, [везших] много продовольствия и запасного оружия. [Когда готовился поход, вся] Поднебесная пришла в движение. Один за другим получили повеление выступить на Давань более 50 *сяоэв*. [Так как было известно, что] в городе правителя Давань нет колодцев, и все берут воду из речки, протекавшей за городом, то и направили [с войском] речных дел мастеров отвести речку от города и оставить [его] без воды. А для охраны Цзюцюаня увеличили пограничные войска в Цзюйянь и Сючу, что находились к северу от Цзюцюаня и Чжанъе, до 180 тыс. [человек]. Семь категорий³ [населения] Поднебесной обеспечивали Эрши[цзянцзюня] сушеным рисом. Вознижие на повозках, следуя друг за другом, доставляли [все для похода] в Дуньхуан. А еще пожаловали двум знатокам лошадей [звания] *чжичюй-сяоэвэй*, [чтобы они] были готовы после разгрома Давань отобрать лучших лошадей» [ШЦ, гл. 123, с. 3176].

Очевидно, что столь масштабная подготовка второго похода, когда вся Поднебесная пришла в движение, заняло много времени. И потому представляется обоснованным сообщение Сыма Цяня, что второй поход начался «через год с лишним» после первого. А тот завершился, как показано выше, не ранее, видимо, 7-й луны 2 г. Тай-чу. Следовательно, второй «через год с лишним» начался не ранее, видимо, 9-й луны 3 г. Тай-чу, т. е. позднее осенью 102 г. до н. э.

Это подтверждает и сообщение Сыма Цяня о том, что во время подготовки второго похода Хань усилила свои пограничные войска в Цзюйянь и Сючу к северу от Цзюцюаня и Чжанъе. В «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» сказано о строительстве укреплений у оз. Цзюйяньцзэ под руководством Лу Бодэ в 3 г. Тай-чу [ШЦ, гл. 110, с. 2916], датированное в хронике правления У-ди в «Хань шу» более точно — летом того года [ХШ, гл. 6, с. 201]. Хань укрепляла

² Обычно они набирались в войска для участия в походах в дальние страны взамен наказания за преступление. Слова «еще больше молодых преступников» означают, что таковые привлекались к участию и в первом походе Ли Гуанли.

³ Комментатор VIII в. перечислил семь групп населения, не занятых в производстве [ШЦ, гл. 123, с. 3176, прим. 5].

рубежи с сюннами к северу от Чжанье и Цзюцюаня с целью прочно защитить проходившую через них дорогу на Дуньхуан, по которой в него доставлялись со всей империи средства обеспечения похода Ли Гуанли. Так что летом 3 г. Тай-чу, 102 г., подготовка к нему еще только велась.

Скорее всего, с намерением предотвратить этот поход сюнны западной части во главе с ю-сянь-ваном осенью того года напали на Чжанье и Цзюцюань, но были отбиты [ШЦ, гл. 110, с. 2917; ХШ, гл. 6, с. 201].

Таким образом, согласно рассмотренным сведениям «Ши цзи» и «Хань шу», второй поход ханьских войск во главе с Ли Гуанли из Дуньхуана на Давань начался, по-видимому, в 9-ю луну 3 г. Тай-чу., т. е. поздней осенью 102 г. до н. э.

Итак, войско Эрши-цзянцзюня Ли Гуакли выступило из Дуньхуана. Этот знаменитый поход Сыма Цянь описал как никакой другой подробно:

«По причине того, что войско Эрши[цзянцзюня] во втором походе было многочисленным, мелкие царства [при его] проходе приветствовали его и давали продовольствие. Когда же прибыли к Луньтоу, оно не покорилось. Штурмовали несколько дней, [взяли и] вырезали его. Отсюда на запад спокойно дошли до [первого] города Давань. Ханьских войск дошло 30 тыс. человек. Его войска дали встречный бой, [но] ханьские лучники нанесли им поражение, и даваньцы ушли под защиту своего города. Войска Эрши[цзянцзюня] хотели двинуться на штурм г. Юйчэн, [но] побоялись задержаться и позволить даваньцам придумать еще больше хитростей. Поэтому прежде всего подступили к [столице] Давань, прорвали плотину и отвели речку. Даваньцы держались, перенося лишения. [Ханьцы], окружив город, штурмовали его более 40 дней. [Наконец] проломили его внешнюю стену и взяли в плен знатного даваньца, героя военачальника Цзими. Даваньцы сильно испугались и укрылись во внутреннем городе. Их знать, посоветовавшись, решила: "Хань потому напала на Давань, что правитель Мугуа спрятал лучших лошадей и убил ее посла. [Если мы] теперь убьем правителя Мугуа и выдадим лучших лошадей, ханьские войска должны будут снять осаду, а если не снимут, то и тогда сражаться на смерть не поздно". Вся даваньская знать согласилась. Сообща убили своего правителя Мугуа и с его головой отправили знатных людей к Эрши[цзянцзюню]. [Предлагая] заключить договор, [они] говорили: "[Если] ханьцы не будут штурмовать нашу [столицу], мы выведем всех лучших лошадей, выбирайте сами, и дадим вашим войскам продовольствие [на обратную дорогу]. Если не согласны, мы уничтожим лучших лошадей, а [тем временем] подспеют на помощь канцзюйцы. И тогда мы изнутри, а канцзюйцы извне сразимся с ханьскими вой-

сками. Ханьское войско готово взвесить, как поступить?" В это время канцзюйские войска разузнали, что ханьские войска еще сильны, и не посмели наступать. Эрши[-цзянцзюнь] с Чжао Шичэном, Ли Чи и другими [военачальниками] размышляли: "Стало известно, что в даваньском городе только что заполучили циньцев⁴, умеющих копать колодцы, а продовольствия в нем много. Прибывшие казнили преступного Мугуа и принесли его голову. Если [они поступили] так, а [мы] не согласимся снять осаду, то [они] будут упорно защищаться. А канцзюйцы, выждав, когда ханьцы устанут, придут даваньцам на помощь и непременно разгромят ханьские войска". Начальники отрядов одобрили это [решение], и Эрши-цзянцзюнь согласился на условия даваньцев. Тогда [они] вывели своих лучших лошадей, позволив ханьцам самим отбирать из них, а также выдали им много продовольствия. Ханьцы отобрали несколько десятков лучших лошадей и более трех тысяч среднего и ниже классов. Затем возвели на престол правителя Давань знатного даваньца Моцая, прежде хорошо принимавшего ханьских послов, заключили договор [с ним] и, закончив войну, вернулись домой. [Так ханьцы] в конце концов и не вошли во внутренний город [столицы Давань Эрши].» [ИШ, гл. 123, с. 3176-3177].

Но кроме действий основной части войска Ли Гуанли Сыма Цянь описал и судьбу отдельного его отряда, дополнив картину войны и обрисовав политическую ситуацию вокруг нее:

«Сначала Эрши[-цзянцзюнь], выступая из Дуньхуана, посчитал, что людей [у него] много и царства на его пути не смогут прокормить [их]. Поэтому выделил несколько отрядов следовать за ним по южной и северной дорогам. Сяовэй Ван Шэньшэн, бывший *хунлу* Ху Чунго и другие [во главе] более 1000 человек, отделившись, дошли до г. Юйчэн.

⁴ Бань Гу в биографии Ли Гуанли, излагая этот текст Сыма Цяня, вместо «циньцев» написал «ханьцев» [ХШ, гл. 61, с. 2701]. Н. Я. Бичурин в своем переводе написал, что циньцы - это люди из Цинь [т. 2, с. 165], т. е. из Рима. О циньцах еще дважды говорится в «Хань шу» при описании событий за 89 и 83 гг. до н. э. [ХШ, гл. 96/2, с. 3913; гл. 94/1, с. 3782]. Комментатор «Хань шу» Янь Шигу (581-645) в первом случае пояснил, что это старое название людей Срединной империи [ХШ, гл. 96/2, с. 3914, прим. 8], а во втором, - что так назывались люди из китайской империи Цинь, ушедшие жить в Сюнну, а также их потомки [ХШ, гл. 94/1, с. 3783, прим. 1]. Последнее суждение Янь Шигу представляется наиболее убедительным, поскольку наиболее точно согласуется с контекстом описанных Сыма Цянем событий в г. Эрши. Вероятнее всего, что циньцев, умеющих копать колодцы, прислала на помощь даваньцам Сюнну, издавна дружественная Давань и враждовавшая с Хань. В. С. Таскин полагает, что циньцами сюнны «обозначали живших среди них китайцев» [Материалы, 1973, с. 138, прим. 24].

Юйчэнцы, укрывшись за стенами [города], не согласились выдать продовольствие его отряду. Ван Шэньшэн с разведчиками находился в 200 ли от большого отряда, но пренебрег этим и предъявил Юйчэну требования. Юйчэн не согласился выдать продовольствие, [так как] тайно разузнал, что отряд Шэньшэна с каждым днем уменьшается. [Однажды] на рассвете силами в 3000 человек напали и убили Шэньшэна и других [военачальников] и разгромили отряд. [Только] несколько человек бежали к Эрши[-цзянцзяю]. Он приказал *соусу-дುವэю* Шангуань Цзэ разгромить Юйчэн. Правитель Юйчэна бежал в Канцаюй. [Но] в Канцаюй уже знали, что ханьцы разгромили Давань, и выдали его [Шангуань] Цзэ». Один молодой конник из отряда последнего, Чжао Ди, вызвался зарубить безоружного пленника, после чего отряд снова присоединился к войску Ли Гуанли [ШЦ, гл. 123, с. 3177-3178].

После этого Сыма Цянь сообщил еще, что

«...в начале второго похода Эрши[-цзянцзяня] Сын Неба отправил посла сообщить [об этом] Усунь, [предложив] выставить большое войско и объединенными силами нанести удар по Давань. Усунь же выставила [всего лишь] двухтысячную конницу, [да и та] колебалась и не соглашалась продвигаться вперед».

Затем Сыма Цянь описал возвращение войска Ли Гуанли домой:

«Все малые царства, проходимые войском Эрши-цзянцзяня [по пути] на восток, узнав о разгроме Давань, отправляли сыновей или младших братьев своих [правителей] сопровождать войско, преподнести дары Сыну Неба и остаться в его свите».

В Юймэнь вернулось чуть более 10 тыс. человек (напомним: из 60 тыс.) 1 тыс. лошадей (из 30 тыс.). Сыма Цянь, заметив, что у Ли Гуанли в походе не было недостатка в продовольствии и что в сражениях не могло погибнуть так много людей, объяснил столь большие потери корыстолюбием начальников, наживавшихся за счет ратников. Но Сын Неба простил всем участникам дальнего и успешного похода их проступки и щедро наградил титулами, высокими чинами и дарами. Ли Гуанли и убийца правителя Юйчэна получили титул *хоу*. Война с Давань продолжалась четыре года (*суй*) [ШЦ, гл. 123, с. 3178].

Сыма Цянь, отметив здесь, что война заняла четыре года реального времени, в «Повествовании о Сюнну» написал, что Хань покарала Давань в 4-м г. Тай-чу, 101 г. до н. э. [ШЦ, гл. 110, с. 2917]. Следовательно, если первый поход начался в 8-ю луну 1 г., то второй закончился через четыре года в 8-ю луну 4 г. Тай-чу. Но этому противоречат два сообщения в «Хань шу». Там в хронике правления У-ди сказано, что

«...весной (1-3-я луны. — Л.Б.) 4 г. Эрши-цзянцзюнь отрубил голову правителю Давань и, захватив лошадей с кровавым потом, прибыл [в столицу]. Была сочинена ода о западных совершенных небесных лошадях» [XIII, гл. 6, с. 202].

А в «Таблице заслуженных сановников» отмечено, что Ли Гуанли за поход на Давань пожалован титулом *хоу* в 4-й луне 4 г. Тай-чу [XIII, гл. 17, с. 0347/1]. Согласно им получается, что война продолжалась не четыре, а три с половиной года реального времени, а второй поход, начавшийся примерно в 9-ю луну 3-го и закончившийся к 4-й луне 4 г., длился всего 7 — 8 месяцев. Однако описанный Сыма Цянем ход войны и особенно дальность расстояния от Хань до Давань вызывают сомнение в такой скоротечности второго похода.

По нашим расчетам, от Дуньхуана до г. Эрши было около 6900 ханьских ли, или 2760 км⁵. По данным «Хань шу» за конец I в. до н. э., когда ханьцы уже много лучше знали дороги через Восточный Туркестан, легкое войско проходило по ним в среднем 50 ли (20 км) в день, а тяжелое — 30 ли, или 12 км [XIII, гл. 70, с. 3023]. Достоверность этих сведений подтверждается конкретным фактом — в 99 г. до н. э. легкое войско Ли Лина всего в 5000 человек за 30 дней прошло 1000 ли [XIII, гл. 94/1, с. 3777; гл. 54, с. 2451], т. е. двигалось со скоростью 33 ли в день.

Даже если допустить, что войско Ли Гуанли в 60 тыс. человек с большим числом носильщиков и сопровождающих, с огромным обозом двигалось, как легкое войско, со скоростью 50 ли в день, то и в этом случае оно прошло 6900 ли от Дуньхуана до Эрши за 4 месяца и 10 дней. Примерно столько же оно затратило на обратный путь. Следова-

⁵ По данным «Хань шу» [гл. 96/1, с. 3875], от Янгуань у Дуньхуана до Шулэ (Кашгар) было 4850 ханьских ли (2,5 ли = 1 км), но в ней нет сведений о расстоянии от Шулэ до Эрши. Поэтому берем данные «Бэй ши» за VI в. н. э. Согласно им от Шулэ до Бухань, древней Давань, 1000 ли (тогда 1,9 ли равнялись 1 км), а от нее до Судуйшаны на запад еще 500 ли [БШ, гл. 97, с. 3119, 3236]. В «Синь Тан шу» сказано, что Судуйшана и есть Восточное Цао, столица которого находится на месте г. Эрши эпохи Хань [СТШ, гл. 221/2, с. 6245]. Так узнаем, что от Шулэ до Эрши в VI в. было 1500 ли, или 790 км. Пересчитав их в ханьские ли (790 x 2,5), получаем 1975 ли. Вероятно, за семь веков дороги спрямились, расстояния немного сократились. Но и без учета этого общее расстояние от Дуньхуана до Эрши оказывается равным 6930 ханьских ли.

тельно, только на дорогу туда и обратно ему понадобилось около 9 месяцев.

Но ведь войско Ли Гуанли на несколько дней задержалось у Луньтоу, потом у первого города Давань, затем полтора месяца осаждало г. Эрши только до прорыва через его внешнюю стену и после этого. Предположим, что все последующие события – совещание даваньской знати, убийство Мугуа, переговоры с Ли Гуанли, совещание ханьских военачальников, выдача и отбор лошадей, получение продовольствия на обратную дорогу, возведение Моця на трон правителя Давань и заключение договора с ним – заняли лишь 15 дней. Получается, что ко времени, затраченному на дорогу, прибавилось еще не менее 2 – 2,5 месяцев и что поход в целом занял около 11 месяцев и закончился примерно в 8-ю луну 4 г. Тай-чу. Это согласуется со сведениями Сыма Цяня, но доказывает ошибочность даты, указанной в «Хань шу». О том, что Бань Гу мог иногда ошибаться, свидетельствует рассмотренное выше произвольное и неверное определение им даты смерти Лаошаншаньюя.

Итак, проведенное исследование позволяет считать, что ханьско-даваньская война закончилась для Хань не ранее 8-й луны 4 г. Тай-чу, т. е. 101 г. до н.э., а для Давань месяца на четыре раньше, когда ханьское войско покинуло ее.

Вопрос о том, по какому караванному пути через Восточный Туркестан совершило ханьское войско второй поход на Давань (Фергана), прикуньлуньскому, притяньшаньскому или по обоим сразу, оказался спорным. Поэтому остановимся и на нем.

Рассмотренные ранее данные из «Повествования о Давань» в «Ши цзи» согласованно свидетельствовали, что связи Хань с северо-западными царствами осуществлялись по прикуньлуньскому пути: сначала Чжан Цянь, а позже другие послы ходили по южной дороге через Юйтянь (Хотан), Юйми (Керия), Гуши и Лоулань (Чарклык), ханьские послы терпели беды у р. Яньшуй (р. Черчен). Ни одного царства или географического объекта по притяньшаньской дороге в них не упомянуто. И первый поход на Давань Ли Гуанли совершил по прикуньлуньской дороге – его войско переправлялось через р. Яньшуй. Уже этот факт позволяет полагать, что и во второй раз он пошел уже известным ему путем.

Более того, были приведены свидетельства о недоступности ханьцам в то время притяньшаньского пути. Вспомним: в описании похода Чжао Пону 109 г. до н. э. на Лоулань и Гуши говорилось о нападениях отборных отрядов сюннуской конницы на ханьских послов в западные страны в районе этих царств; даваньская знать в 104 г. отмечала нападения сюннов на ханьских послов к северу от р. Яньшуй; согласно сообщению в «Повествовании о Сюнну» за 105 г. до н. э., западная часть сюннов обитала к северу от Дуньхуана и Цзюцюаня, что подтверждает нападение сюннов в 102 г. на Чжанье и Цзюцюань. Очевидно, что земли к северу от Ганьсуского коридора и западнее, к северу от р. Черчен, контролировались сюннами, а именно через них был выход на притяньшаньский путь.

О том, что такое положение сохранилось здесь и после окончания даваньской войны, позволяет судить заключительное сообщение Сыма Цяня в «Повествовании о Давань» о том, что Хань

«...послала Цзюцюань-дувзя в Дуньхуан⁶ создать к западу от него до р. Яньшуй цепь сторожевых вышек, а в [бывшем царстве] Луньтоу – военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначила чиновников охранять поселение и запасы хлеба для снабжения послов в иноземные царства» [ШЦ, гл. 123, с. 3179].

Судя по этому сообщению, Хань после войны решила продолжить строительство своей укрепленной линии, доведенной после 109 г. от Цзюцюаня до Юймэнь у Дуньхуана, теперь уже от Дуньхуана до р. Яньшуй (Черчен), чтобы защитить от нападений сюннов начальный отрезок прикуньлуньского пути, по которому ходили ее послы в западные царства, а для снабжения их продовольствием – создать под защитой укрепленной линии на землях разгромленного Луньтоу военно-земледельческое поселение в несколько сот человек. Контекст, в котором сказано об этом поселении в Луньтоу, не оставляет сомнения, что бывшее царство Луньтоу находилось именно на участке прикуньлуньского пути

⁶ Эта фраза требует пояснения. Дувэй – нечто вроде военного комиссара в цзюне, имевшего высокий 3-й ранг 2-й степени [ХШ, гл. 19/1, с. 742]. Поскольку в Дуньхуан был послан Цзюцюань-дувэй, то очевидно, что административная единица Дуньхуан-цзюнь еще не была создана (согласно «Ди ли чжи», это случилось в 88 г. до н. э.) и что Дуньхуан в 101 г. входил в Цзюцюань-цзюнь.

от Дуньхуана до р. Яньшуй. По-видимому, вскоре начавшаяся война с Сюнну (о ней см. в гл. 6) не позволила Хань создать это поселение, поскольку в последующие годы ни о нем, ни об укрепленной линии здесь в «Хань шу» ни разу не упоминается.

И, наконец, в «Хань шу» есть два сообщения, не оставляющие сомнения в том, что Ли Гуанли возвращался по прикуньлуньскому пути. Они представляются достоверными, так как приведены в биографиях знаменитых людей, продолжавших жить в начале I в. до н. э. Так, в биографии Ли Лина сказано, что он, когда стало известно о возвращении Ли Гуанли из Давань по приказу императора с отрядом легкой конницы в 500 человек

«...дошел до р. Яньшуй, встретил Эрши[цзянцзюня] и [с ним] вернулся» [XIII, гл. 54, с. 2451]. В описании же царства Цюйли изложена история Лайданя, великого наследника правителя Юйми (Керия), многонаселенного царства по прикуньлуньскому пути. Отец хотел отправить его в свиту правителя Гуйцы (Кучи), но возвращавшийся из Давань Ли Гуанли увез Лайданя в Хань, где он и остался [XIII, гл. 96/2, с. 3916].

Почему же возникло представление о том, что при втором походе войско Ли Гуанли шло не только по прикуньлуньскому, но и по притяньшаньскому пути?

Основу для такого суждения заложил, по-видимому, Бань Гу. Повторяя в «Хань шу» материалы Сыма Цяня, в которых упоминалось Луньтоу, он во всех трех случаях заменил Луньтоу на Луньтай.

О Луньтай как о «бывшем царстве», т. е. утратившем независимость, говорится в описании царства Цюйли, лежавшего по соседству с Гуйцы (Куча), но немного южнее притяньшаньского пути [см. *Боровкова*, 1989, с. 44-45]. Там приведен доклад Сан Хунъяна императору, представленный в 89 г. до н. э., в котором он предлагал оросить земли бывшего царства Луньтай по соседству с Цюйли, создать на них военно-земледельческое поселение, послать конницу из Чжанье и Цзюцюаня охранять его и назначить сюэзя управлять им. Однако старый У-ди, осознав в эти годы, что своими войнами в течение тридцати лет он разорил страну, в своем указе, названном В. С. Таскиным Луньтайским [Материалы, 1973, с. 117-121], категорически отверг это предложение [XIII, гл. 96/2, с. 3913]. Зато его преемник Чжао-ди (86-74) все-таки предпринял попытку создать по-

селение в Луньтай, послав туда людей во главе с сяовэем Лайданем, о котором говорилось выше. Но Гуйцы убила Лайданя, и Хань «не смогла предпринять военный поход» против нее [XIII, гл. 96/2, с. 3916].

Эти сведения доказывают, что упомянутое в них бывшее царство Луньтай находилось у притяньшаньского пути и что ни при У-ди, ни при Чжао-ди Хань так и не создала там своего поселения.

Однако, поскольку Бань Гу в биографии Ли Гуанли, повторив почти дословно описание его походов на Давань Сыма Цянем, заменил там Луньтоу на Луньтай [XIII, гл. 61, с. 2701], то и получилось, что второй поход на Давань Ли Гуанли совершил по притяньшаньскому пути через Луньтай.

А последнее сообщение Сыма Цяня в «Повествовании о Давань» Бань Гу переделал в своем введении к «Повествованию о западном крае» так:

«От Дуньхуана на запад до озера Яньцзэ (у Сыма Цяня — до р. Яньшуй. — Л.Б.) возвели цепь сторожевых вышек. В Луньтай и Цюйли (у Сыма Цяня — в Луньтоу. — Л.Б.) создали военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначили чиновников и сяовэев (у Сыма Цяня — чиновников. — Л.Б.) охранять, чтобы обеспечивать [продовольствием] послов в иноземные царства» [XIII, гл. 96/1, с. 3873].

Как видим, Бань Гу искажил и сведения Сыма Цяня, и сведения из описания Цюйли в «Хань шу», судя по которым, при У-ди поселения в Луньтай и Цюйли вообще не создавались. В результате сообщение оказалось алогичным: выходит Хань строила укрепления вдоль прикуньлуньского пути от Дуньхуана до оз. Яньцзэ (оз. Лобнор), а военно-земледельческое поселение создавала по притяньшаньской дороге, где господствовали сюнны и защиты от них не было. Более того, сам же Бань Гу далее в своем введении написал, что Хань до того, как в 60 г. до н. э. сюннуский жичжу-ван сдался ей, не контролировала северную, притяньшаньскую, дорогу [XIII, гл. 96/2, с. 3873]. Заменил же он Луньтоу на Луньтай, скорее, из-за сходства формальных признаков: фонетической близости их названий, сходства первых иероглифов в них, а также, видимо, потому, что Луньтоу было уничтожено Ли Гуанли, а Луньтай названо бывшим царством.

Еще один повод считать, что Ли Гуанли совершил свой второй поход на Давань по прикуньлуньскому и при-

тяньшаньскому путям одновременно, дал Н. Я. Бичурин в своем переводе «Повествования о Давань». В сообщении Сыма Цяня о том, что Ли Гуанли, выйдя из Дуньхуана и решив, что малые царства на его пути не смогут обеспечить продовольствием его многочисленное войско, Н. Я. Бичурин перевел последующую фразу так: «...почему и разделил войско на несколько частей, чтоб продолжать поход двумя дорогами: южною и северною». А в примечании написал: «В то время южная дорога лежала по северную сторону Южных гор ...; северною называлась дорога, ныне лежащая по южную сторону Небесных гор – от Хами до Кашгара» [т. 2, с. 166, прим. 1].

Однако в «то время», т. е. в конце II в. до н. э., в Хань, судя по полному отсутствию упоминаний их в материалах «Ши цзи», еще не имели представления ни о Небесных горах, ни о северной дороге к югу от них. Южные горы упоминаются один раз при описании возвращения Чжан Цяня из Дася, но ни разу дорога к северу от них не названа южной. Более того, будучи соотнесенной с дорогами в Дася из Шу и Ба (Сычуань) она названа, как показано выше, северной.

Географическое же описание южной и северной дорог, т. е. прикуньлуньской и притяньшаньской, Бичурин взял из введения к «Повествованию о западном крае», написанного Бань Гу во второй половине I в. н. э. явно исходя из современных ему знаний об этом крае. В конкретных же материалах «Хань шу» за I в. до н. э. южная дорога и северная упомянуты впервые в биографии Чжэн Цзи, посланного сначала «охранять южную дорогу к западу от Шаньшань», а после капитуляции сюннуского жичжу-вана в 60 г. до н. э. и «северную дорогу к западу от Чеши» (Турфан) [XIII, гл. 70, с. 3005, 3006]. И нет уверенности, что эти определения дорог даны ханьцами, современниками Чжэн Цзи, а не самим Бань Гу в конце I в. н. э., по типу того, как Сыма Цянь определил местонахождение родины юэчжей между Дуньхуаном и Цилянью, хотя в той древности Дуньхуана не существовало.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что в конце II в. до н. э. северная, притяньшаньская, дорога была ханьцам неизвестна и недоступна, почему и за прикуньлуньской тогда еще не закрепилось название «южная дорога». И Ли Гуанли не мог наступать на Давань по притяньшаньской дороге.

Но трактовка сообщения Сыма Цяня о движении войск Ли Гуанли на Давань по северной и южной дорогам, как по притяньшаньской и прикуньлуньской, несостоятельна и по следующим соображениям. Во-первых, судя по полному отсутствию сведений о реакции сюннов, получается, что они необъяснимо спокойно пропустили ханьское войско, якобы прошедшее по притяньшаньскому пути 2000 км, через свои владения. Во-вторых, если бы войско пошло по этим двум путям, то Ли Гуанли разделил бы его на две большие части, а не «на несколько отрядов», и для руководства второй частью обязательно назначил бы командующего и выделил ему соответствующий обоз, ведь эти два пути на запад, разделенные пустыней, далеко отстоят друг от друга. В-третьих, когда-то обе части должны были соединиться у Шулэ (Кашгар), где сходятся оба пути, ибо из описания Сыма Цяня ясно, что ханьское войско вышло в Давань единым. Все это было бы по тем временам потрясающими событиями, и вряд ли Сыма Цянь описал бы их той единственной фразой, что есть в «Повествовании о Давань»: «на запад спокойно дошли до Давань». Ведь даже судьба маленького, всего в 1000 человек, отряда Ван Шэньшэна, отдельно вышедшего к Юйчэну, описана им подробно.

Итак, рассмотренные материалы «Ши цзи» и «Хань шу» свидетельствуют, что второй поход ханьских войск на Давань и в целом война с нею закончились осенью 101 г. до н. э. и что второй, как и первый поход, проходил по единственно доступному ханьцам в то время прикуньлуньскому пути.

Теперь, выяснив пространственно-временные параметры даваньской войны, посмотрим, каковы же были ее итоги, причины именно такого ее исхода и как она повлияла на политическую ситуацию в центральноазиатском регионе.

Очевидно, что Хань добилась тех целей, ради которых и начала войну — получила лучших даваньских, эршиских, лошадей и «наказала Давань» за убийство своего посла, хотя ее войска и не одержали полной военной победы, так как не овладели внутренним городом, цитаделью, столицы Давань Эрши и вынуждены были вернуться в Хань.

Давань же потерпела тяжелое поражение: был убит ее правитель Мугуа, ненавистный ханьцам, она отдала ханьским войскам часть своего сокровища — несколько десятков эршиских лошадей, — а также много продовольствия на обратный путь. Более того, правителем ее стал ханьский угодник Моцай.

Но было достигнуто главное — ханьские войска сняли осаду столицы и покинули Давань. Царство было сохранено.

Такой исход войны определили, с нашей точки зрения, следующие факторы: 1) даваньские войска, оказавшиеся совсем не такими малочисленными и слабыми, как уверяли послы, долго противостояли 30-тысячному ханьскому войску; 2) на помощь Давань пришли войска Канцзюй, которые, хотя и не вступили в сражение с ханьцами, а выжидали, когда те ослабеют, но угрожали им с тыла; 3) до Давань дошла только половина из 60-тысячного ханьского войска; 4) оно состояло из молодых преступников и конницы из некогда сдавшихся Хань кочевников, которые вряд ли хорошо обучились брать города с крепостными стенами; 5) Усунь, союзница Хань, фактически отказалась помогать ей в войне против Давань; 6) угроза даваньской знати уничтожить лучших эршиских лошадей в случае продолжения ханьцами штурма цитадели Эрши. А Ли Гуанли и его помощники понимали, что даже если они сравняют Эрши с землей, но не приведут Сыну Неба этих лошадей, из-за которых он и начал войну, то вряд ли он оценит их победу.

Однако вскоре непосредственные итоги победы оказались для Хань еще более скромными: всего более года спустя даваньцы убили ее ставленника Моцая и вернули трон прежней династии своих правителей, и ей пришлось смириться с этим [ШЦ, гл. 123, с. 3179].

Намного значимее оказался общеполитический эффект от этой войны. Резко возрос престиж Хань. Сыма Цянь констатировал:

«Когда Хань покарала Давань, ее могущество потрясло иноземные царства» [ШЦ, гл. 110, с. 2917].

И в этом вряд ли можно усомниться. Ведь сам факт, что войска ее дважды за четыре года одолели дальний и трудный путь от Дуньхуана до Давань (Фергана), лишал царства этого региона былой веры в свою недосыгаемость для ханьцев.

В то же время явно упал престиж Сюнну, до сих пор почитавшейся главной военной силой, так как она не оказала противодействия Хань и помощи Давань, своему давнему торговому партнеру. Такая пассивность Сюнну в отношении к ханьско-даваньской войне объяснялась, скорее всего, нестабильностью внутреннего положения в ней в эти годы. Об этом говорят сведения Сыма Цяня о частой смене

шаньюев, в 105, 102 и 101 гг. до н. э., которыми становились очень молодые люди, о вражде в ее верхах, искусно поддерживаемой Хань, о массовом падеже скота зимой 104–103 гг. [ШЦ, гл. 110, с. 2915].

Кроме того, ханьско-даваньская война способствовала серьезнейшему изменению политической ситуации в Средней Азии того времени, что станет ясно из последующего исследования материалов «Хань шу» за начало I в. до н. э.

В заключение – несколько замечаний о тех сведениях в «Ши цзи», которые касаются этнической характеристики описанных в этой истории народов Восточного Туркестана и Средней Азии.

Судя по материалам «Ши цзи» о державе Сюнну и «северо-западных царствах» (царствах Средней Азии), ханьские историографы II в. до н. э. и прежде всего сам Сыма Цянь выделяли и различали народы главным образом по их политическим образованиям: в Сюнну – сюнны, в Усунь – усунь, в Большом Юэчжи – юэчжи и т.п. Но в том, что это не позволяет делать вывод о моноэтническом характере названных владений и царств, убеждают данные о сюннах и их державе и о царстве Усунь.

В конце III в. до н. э. сюнны были небольшим и этнически однородным народом, истари жившим в западной части Ордоса. Затем под руководством Маодунь-шаньюя (205–174) они постепенно завоевали многие другие народы и создали огромную державу Сюнну. При этом они расширили ареал собственного компактного проживания. После этого включенные в Сюнну народы в «Повествовании о Сюнну» сами по себе уже более не упоминаются, а все население ее именуется сюннами или хусцами. Но в конце II в. до н. э., когда Сюнну стала слабеть, а в первой половине I в. и распадаться, в разных концах ее на арену истории стали выходить как некоторые народы, названные в числе покоренных Маодунем, так и ранее не упоминавшиеся. Следовательно, об исходном расово-этническом типе собственно сюннов уверенно можно судить по палеоантропологическим материалам III–II вв. до н. э. именно из районов Ордоса и немного к северу от него. Следует заметить, что к концу II в. до н. э. в «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» все реже сюнны назывались хусцами, а в материалах «Хань шу» примерно с 70-х годов I в. до н. э. название «хусцы», как синоним названия «сюнны», практически уже не встречается.

И население царства Усунь, созданного после того, как куньмо разгромил и изгнал юэчжей с занятых ими земель саков, но часть их задержал, было неоднородным. Оно включало не только собственно усуней, но и юэчжей, и пришедших сюда с куньмо сюннов, и даже оставшихся здесь саков.

В «Повествовании о Давань», в описаниях, составленных Сыма Цянем по сведениям Чжан Цяня, северо-западных царств, народы различаются еще и по *су*. Основное значение этого иероглифа — «обычай». Но в описаниях таких царств Средней Азии, как Давань, Дася и Аньси, он употреблен в таком контексте:

«Обычай в ней (*ци су*) оседлые (*ту чжу*), обрабатывают землю, выращивают рис и пшеницу» [ШЦ, гл. 123, с. 3160, 3162, 3164].

А в описаниях Большого Юэчжи, Усунь, Канцзюй и Яньчай в таком:

«Это кочевое царство (*син го*), [народ которого] переселяется, следуя за скотом. По обычаям (*су*) одинаково с Сюнну» [ШЦ, гл. 123, с. 3161].

Как видим, в этих описаниях термин *су* обозначал образ жизни народов, кочевой или оседлый. В описаниях же именно обычаев сюннов [ШЦ, гл. 110, с. 2892] и даваньцев [ШЦ, гл. 123, с. 3173-3274] термин *су* отсутствует.

Кроме того, Сыма Цянь в «Повествовании о Давань» отметил еще два различительных признака народов. После рассказа о расцвете посольских связей Хань с северо-западными царствами [в 112–104 гг. до н. э.] он, основываясь, несомненно, на сведениях послов, записал:

«В царствах к западу от Давань до Аньси, хотя языки весьма различны, но обычаи (*су*) в основном одинаковы, а языки друг друга знают. Все их люди с глубокими глазами и густыми бородами» [ШЦ, гл. 123, с. 3174].

Таким образом, Сыма Цянь указал на различия народов по языку, но нигде, к сожалению, не назвал ни одного конкретного языка. Кроме того, в этом сообщении он сформулировал расово-отличительный признак европеоидов — глубокие глаза и густые бороды, повторенный Бань Гу в описании Давань в «Хань шу» [ХШ, гл. 96/1, с. 3896], и его формулировка закрепились в китайских историях на многие века.

Согласно этому свидетельству Сыма Цяня, все народы к западу от Давань до Аньси были европеоидами, а юэчжи

жили как раз между ними, следовательно, и они были европеоидами. Но до переселения сюда юэчжи издревле жили в Ганьсуском коридоре недалеко от Хань. Это позволяет предположить, что ханьцы издавна знали европеоидов. Поэтому-то, видимо, Чжан Цянь, первый ханец, посетивший как посол, т. е. официальное лицо, царства Средней Азии, не удивился европеоидному облику их народов и не отметил это. Сыма Цянь же написал о нем скорее от удивления тем, что все народы в том краю европеоиды и совсем нет похожих на ханьцев.

А комментатор «Ши цзи» Чжан Шоуцзе, живший в VIII в., в примечании к названию царства Большое Юэчжи в его описании в «Повествовании о Давань» привел два следующих свидетельства из древних источников:

«Вань Чжэнь в "Описании южных регионов" ("Нань чжоу чжи") говорит: "Примерно в 7000 ли к северу от Тяньчжу, где земли высокие и сухие, правитель далекого царства называется Сын Неба. В [его] царстве насчитывается несколько сот тысяч лошадей. [Города] с внешними и внутренними стенами, дворцы и храмы одинаковы с дацинскими (римскими. — Л.Б.). Народ рыжий и белокурый (*чи бай сэ*), искусен в стрельбе из лука с лошади"... Кан Тай в "Повествовании об иноземных царствах" говорит: "В иноземных царствах сказывают, что в поднебесье три множества: в Срединной империи (*Чжун го*) множество людей, в Цинь множество драгоценностей, а в Юэчжи множество лошадей"» [ШЦ, гл. 123, с. 3162, прим. 1].

Таким образом, если по сведениям Сыма Цяня юэчжи были европеоидами, то по сообщению Вань Чжэня получается, что они были белокурами европеоидами.

Вань Чжэнь написал это в 20-е годы III в. [Леллио, 1923, с.121]. Его сообщение о белокурости юэчжей согласуется с утверждением Янь Шигу (581-645) о белокурости усуней, издревле живших вместе с юэчжами в Ганьсуском коридоре. Он в комментарии к названию Усунь в ее описании в «Хань шу» писал:

«Усуни по своему виду совсем отличны от жунов Западного края. Нынешние хусцы, голубоглазые и рыжеволосые, по облику подобные обезьянам, из их рода» [ХШ, гл. 96/2, с.39-1, прим. 1].

Но встает вопрос о достоверности его мнения, высказанного спустя полтора века после исчезновения с исторической арены в середине V в. царства Усунь без всяких ссылок на более ранние источники. Чтобы ответить на него, надо учесть, что царство Усунь в долине Или было создано

около 160 г. до н. э. и просуществовало шесть веков. И почти в течение всего этого долгого периода оно поддерживало то более, то менее устойчивые связи с древнекитайскими империями и царствами. Не удивительно, что за многие века контактов представление о необычном физическом облике усуней прочно закрепилось в исторической памяти дворцовых историографов и других китайцев. Поэтому-то Янь Шигу при описании их облика и не надо было ссылаться на какие-то другие свидетельства. Его современники от своих дедов и прадедов знали об этом. Так что его сообщение о существовании голубоглазых и рыжеволосых хусцев, как называли в то время разные тюркские племена типа усуней, представляется достоверным.

Кроме того, о существовании рыжеволосых и голубоглазых хусцев позволяют судить, как показало наше предварительное исследование [Боровкова, 1992, с. 64-66], сообщение в описании Гаоче (царства протоуйгуров) в «Вэй шу», составленной в середине VI в., о том, что *гаоче* — это остатки древнего народа *чиди* (красных *ди*) и что их называют еще *динлинами* [ВШ, гл. 103, с. 2307], а также другие сведения о них в этой истории.

Кроме того, в следующей главе и в главе по истории Усунь приводятся сведения, указывающие на близость, если не идентичность, в древности языков усуней и юэчжей.

И, наконец, отметим, что в «Ши цзи», как и в «Хан шу», еще нет обычных для более поздних историй терминов *ло* и *було*, отражавших родоплеменную организацию общества у кочевников. Они впервые появятся в «Сань го чжи» («Описание трех царств»), написанном в конце III в. н. э. В тех немногих случаях, когда речь шла о крупном подразделении сюннов, возглавляемом ваном, в «Ши цзи» и «Хань шу» использовалось выражение «его народ» (*ци чжун*). Так, в 121 г. до н. э. Хунье-ван «со своим народом» сдался Хань, а в 60 г. до н. э. жичжу-ван «с его народом» сдался Хань [ХШ, гл. 94/1, с. 3790]. Потому, чтобы не ввести читателя в заблуждение относительно характера сведений «Ши цзи» и «Хань шу» по столь важному вопросу, в наших переводах и вообще в данном исследовании термины, обозначающие родоплеменное устройство общества кочевников, почти не использовались.

ГЛАВА 6

ПОГЛОЩЕНИЕ ДАСЯ (БАКТРИИ) БОЛЬШИМ ЮЭЧЖИ НА РУБЕЖЕ II-I ВЕКОВ ДО Н.Э.

В конце «Повествования о Сюнну» Сыма Цянь написал:

«Когда Хань покарала Давань и [своим] могуществом потрясла иноземные царства, Сын Неба вознамерился вслед за этим поставить в затруднительное положение хусцев. В изданном указе [он] говорил: "Гао-хуанди оставил мне печаль Пинчэна¹, а письмо шаньюя во времена Гао-хоу – неслыханное оскорбление². В древности цинский Сяогун отомстил за обиды [своих предков] в девятом поколении, и Чуньцю возвеличила его". Это было в 4 г. Тай-чу» [ШЦ, гл. 110, с. 2917].

Согласно этому свидетельству очень осведомленного современника – дворцового историографа, У-ди сразу же после победы над Давань осенью 101 г. до н. э. решил снова начать войну теперь уже против извечного врага Хань Сюнну. По-видимому, он, победив Давань, уверовал в силу своих войск, а невмешательство сюннов в конфликт воспринял как доказательство их слабости. Так как война с Сюнну началась летом 99 г. до н. э., то подготовку к ней он, несомненно, начал еще в 100 г.

Но в конце «Повествования о Давань» Сыма Цянь привел сведения, которые не оставляют сомнения в том, что У-ди, решившись воевать с Сюнну, не отказался в то же время от своих намерений утвердить влияние Хань в царствах к западу от Давань (Фергана):

¹ Имеется в виду поражение, нанесенное сюннами под г. Пинчэн основателю империи Хань Гаоцзю в 200 г. до н. э., после чего он был вынужден заключить с Маодунь-шаньюем договор о мире и родстве, фактически поставивший Хань в положение данника Сюнну.

² Речь идет о письме Маодуна ханьской императрице Гао-хоу (187-180), в котором содержались оскорбительные, с точки зрения ханьцев, предложения.

«Ханьцы, наказав Давань, возвели Моцая на трон ее правителя и ушли. А через год с лишним знатные даваньцы, посчитав, что угодливость Моцая [перед ханьцами] привела их страну на край гибели, по общему согласию убили его, возвели на трон Чаньфэна, брата Мугуа, но послали сына его в Хань в свиту императора. Хань, чтобы успокоить их, отправила посла с подарками. А еще Хань послала более десяти посольств во все иноземные царства к западу от Давань разыскивать редкости и вместе с тем разглашать весть о могущественной и добродетельной Хань, покаравшей Давань. Послала Цзюцюань-дунзя в Дуньхуан создать к западу от него до р. Яньшуй цепь сторожевых вышек, а в [бывшем царстве] Луньтоу — военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначила чиновников охранять поселение и запасы продовольствия для снабжения послов в иноземные царства» [ШЦ, гл. 123, с. 3179].

Прежде всего необходимо уточнить, когда произошли описанные события и особенно время, когда У-ди отправил послов в Давань и в царства к западу от нее. Без этого нельзя датировать события последующего времени, описанные уже в «Хань шу», и понять их значение.

В качестве точки отсчета возьмем время возвращения Ли Гуанли в Хань из второго похода на Давань. Как выяснено выше, это случилось примерно в 8-ю луну 4 г. Тай-чу, т. е. осенью 101 г. до н. э. Давань же он покинул месяца за четыре до этого, т. е. в 3-4-ю луны того года. И именно после его ухода более года спустя, не ранее, видимо, 5-6-й луны 1 г. Тянь-хань, лета 100 г., даваньская знать убила Моцая, ставленника Ли Гуанли, возвела на трон Чаньфэна, брата убитого во время войны законного правителя. И вслед за тем, видимо, уже осенью того года отправила его сына в Хань. Так как по указу У-ди со 104 г. до н. э. год правления императора стал начинаться с 1-й луны календарного года, то сын Чаньфэна прибыл ко двору, с учетом времени на дорогу, скорее всего к 1-й луне 2 г. Тянь-хань (99 г. до н. э.). После этого понадобилось время на формирование ответного посольства в Давань и более десяти посольств в царства к западу от нее. Тогда же завершилась подготовка к войне с Сюнну, которая началась в 5-ю луну. У-ди, надо полагать, отправил послов до этого.

Таким образом, можно предполагать, что послы в Давань и в царства к западу от нее выступили из Хань в 4-ю луну 2 г. Тянь-хань (99 г. до н. э.).

Судя по тому, что У-ди, готовясь к войне, одновременно начал создавать укрепленную линию от Дуньхуана до

р. Яньшуй (р. Черчен) и под ее прикрытием — военное-земледельческое поселение для снабжения послов продовольствием, он строил планы развития долговременных связей с царствами Средней Азии. Конечно, он не мог не понимать, что даже богатая Хань не сможет одновременно вести войну с Сюнну и поддерживать дорогостоящие отношения с этими царствами. Значит, он готовился к развитию связей с ними, рассчитывая на быстрое и успешное окончание войны.

А то, что У-ди надеялся на продолжение и развитие связей с царствами Средней Азии, доказывает: он в 100-м — начале 99 г. до н. э. еще не знал о происшедших там кардинальных политических изменениях, которые разрушали его геополитические планы в отношении того региона. Следовательно, прибывший в Хань в начале 2 г. Тянь-хань сын правителя Давань Чаньфэна не сообщил У-ди о них, что позволяет предполагать, что покорение Дася Большим Юэцжи произошло осенью 1 г. Тянь-хань после его выхода из Давань, т. е. 100 г. до н. э.

С выяснения того, как это произошло, и с результатов данного события и начнем исследование политической истории центрально-азиатского региона I в. до н. э. по материалам первой древнекитайской династийной истории «Хань шу», написанной во второй половине I в. н. э.

На мысль о важных изменениях, которые произошли в регионе, лежащем к западу от Давань, в начале I в. до н. э., наводит уже оглавление «Повествования о западном крае» в «Хань шу», составленное Н. Я. Бичуриным [т. 2, с. 14]. В нем перечислены описания всех тех царств Средней Азии, о которых Чжан Цянь сообщил У-ди в 126 г. до н. э., кроме Дася. А ведь именно с ней, большой и богатой страной, более всего стремился У-ди установить и развивать отношения, что стоило ему, как показано выше, немалых сил и средств. И главной заслугой Чжан Цяня называется в «Ши цзи» установление им связи не с Большим Юэцжи, куда посылал его У-ди, а с Дася. О том, как высоко ценил китайский монарх отношения с этим царством, свидетельствует обоснование им необходимости второго похода на Давань боязнью уронить престиж Хань прежде всего перед ним:

«Давань — маленькое царство, и [если мы] не сможем покорить ее, то Дася и другие станут пренебрежительно относиться к Хань» [ШЦ, гл. 123, с. 3176].

Выяснить причину отсутствия в «Хань шу» описания Дася позволяет исследование ее материалов о бывших соседях Дася – Давань и Большом Юэчжи.

Начнем с описания Давань, поскольку, согласно приведенным сведениям Сыма Цяня, после ханьско-даваньской войны 104 – 101 гг. до н. э. именно послы этой страны первыми пришли в Хань и в ней же первой побывал ханьский посол. Описание состоит как бы из двух частей. В первой Бань Гу привел общие, в основном новые сведения об этом царстве, а во второй кратко изложил сведения из «Повествования о Давань»: начал с нескольких фраз о ханьско-даваньской войне, о событиях в Давань после ухода ханьцев, повторил сообщения Сыма Цяня о европеоидности людей к западу от Давань и пересказал его сведения о неуважительном отношении там к ханьским послам и почтении к сюннуским.

Поэтому приведем и проанализируем первую часть описания Давань, содержащую, по сравнению с «Ши цзи», новые данные:

«Царство Давань. Ставка (чжи) правителя в г. Гуйшань отстоит от Чанъани на 12 250 ли. [Имеет] 60 тыс. дворов, 300 тыс. населения и 60 тыс. отборных войск. [Высшими сановниками являются] один *фу-ван* (помощник правителя) и один *фу-го-ван* (помощник правителя владений). На восток до ставки духу – 4310 ли, на север до Битянь, [столицы] Канцзюй, – 1510 ли, на юго-запад до [столицы] Большого Юэчжи – 690 ли. Соседствует на севере с Канцзюй, на юге с Большим Юэчжи. Почва, климат, виды изделий, народные обычаи такие же, как в Большом Юэчжи и Аньси. В Давань повсюду делают вино из винограда. Богатые запасают более 10 тыс. даней вина, и [оно] не портится несколько десятков лет. В обычае склонность к вину. Лошади любят [траву] *мусу*. В разных районах Давань более 70 городов, много хороших лошадей, [есть] лошади с кровавым потом, которые, говорят, произошли от небесных лошадей» [XIII, гл. 96/1, с. 3894].

В этом описании обращает на себя внимание первая же фраза – о том, что столицей Давань в I в. до н. э. стал г. Гуйшань (дословно: город у высокочтимой горы), тогда как во II в. до н. э. ею был г. Эрши, который в 101 г. и осаждало войско Ли Гуанли. Ранее проведенное исследование данных «Ши цзи», «Хань шу» и последующих династийных историй показало, что г. Эрши находился в районе или даже на месте нынешнего г. Коканд, а г. Гуйшань – восточнее его в районе или даже на месте нынешнего г. Ош [Боровкова, 1989, с. 56]. Он оставался столицей царства и в

V в., когда Давань уже называлась Полоной [ВШ, гл. 102, с. 270].

Следовательно, необходимо выяснить, когда и по какой причине даваньцы предприняли такое трудное и дорогостоящее дело, как перенос столицы в другой город.

Ответ на эти вопросы дают последующие и тоже удивительные сообщения из описания Давань: о том, что к югу, а по всем другим сведениям, к юго-западу от нее находится Большое Юэчжи и что в нем почвы, климат и обычаи такие же, как в Давань и Аньси. Удивительные они потому, что, по сведениям Чжан Цяня, во II в. до н. э. к юго-западу от Давань была Дася, а теперь ее в соседях Давань не оказалось, что Большое Юэчжи лежало к западу от нее, а теперь — к юго-западу, где была Дася, что обычаи в Большом Юэчжи были одинаковы с сюннускими, а теперь — с обычаями Давань и Аньси.

Таким образом, по описанию Давань в «Хань шу» оказалось, что в I в. до н. э. Большое Юэчжи находилось на месте Дася и что оно стало, как и она, земледельческим царством, тогда как во II в. было кочевым. Но если оно завладело Дася, то превратилось в огромное государство. А если учесть, что отношения между Давань и Большим Юэчжи, как показано выше по сведениям «Ши цзи», оставались враждебными со времени переселения юэчжей в этот район, то можно понять, почему Давань перенесла свою столицу подальше на восток от границы со своим давним недругом Большим Юэчжи, ставшим столь могущественным после овладения Дася.

О том, когда это случилось, позволяет отчасти судить единственное новое сообщение, которое Бань Гу привел во второй части описания Давань. После изложения сведений из «Ши цзи» о прибытии в Хань сына Чаньфэна и об отправлении ответных ее посольств в Давань и в десять царств к западу от нее Бань Гу добавил:

«Правитель Давань Чаньфэн договорился с Хань [еже]годно преподносить в дар две небесные лошади. А ханьский посол, возвращаясь, захватил [с собой] семена винограда и [травы] *мусу*. Поскольку небесных лошадей стало больше, да еще иноземные послы стали прибывать во множестве, Сын Неба [повелел] расширить до пределов видимости площади под виноградом и *мусу* рядом с загородным дворцом» [XIII, гл. 96/1, с. 3895].

Ханьский посол в Давань, отправленный У-ди вместе с более чем десятком посольств в царства к западу от нее,

вышел из Хань, как рассчитано выше, скорее всего в 4-ю луну 2 г. Тянь-фэн, до начала в 5-ю луну войны Хань с Сюнну. Следовательно, из Давань он вернулся примерно полгода спустя, т. е. к концу того же 99 г. до н. э., и сообщил о том, что Большое Юэчжи находится к юго-западу от Давань и что столица Давань — Гуйшань. Ханьские же послы стали возвращаться на родину из царств к западу от Давань позже, в 98–97 гг. до н. э., так как путь оттуда был более дальний, чем из Давань. И они, видимо, подтвердили сведения даваньского посла.

Выходит, что Большое Юэчжи овладело Дася на рубеже 100–99 гг. до н. э., после чего Давань тут же перенесла столицу из Эрши в Гуйшань, а в Хань узнали об этом не ранее конца 99 г., т. е. уже после начала войны с Сюнну. Подтверждают это и следующие факты.

За все последующие годы I в. до н. э. и до падения Хань в 25 г. н. э. в «Хань шу» нет больше сведений ни об отправлении ханьских послов в царства к западу от Давань, ни о прибытии в Хань их послов, за исключением одного случая. В 77 г. до н. э. Хань вторглась в царство Лоулань под тем предлогом, что в нем когда-то прежде были ограблены послы из Давань и Аньси [XIII, гл. 70, с. 3002]. Но случилось это ограбление явно намного ранее и, возможно даже, именно в первые годы I в. до н. э., когда Хань и царства к западу от Давань обменивались послами.

Что же касается Давань, то у нее были контакты с Хань и позднее, но очень редко. В «Хань шу» удалось выявить всего три упоминания о них. В биографии Фу Цецзы говорится, что он в эру Юань-фэн (80–75 гг. до н. э.) «попросился послом в Давань» и «возвращался из Давань» [XIII, гл. 70, с. 3001], а в 77 г. именно он вероломно убил правителя Лоулань за то, что в его царстве были убиты три ханьских посла и, как уже говорилось, ограблены послы из Давань и Аньси [XIII, гл. 96/1, с. 3878; подробнее об этом см. в гл. 8 настоящей работы]. В биографии Фэн Фэнши говорится, что он накануне 65 г. до н. э. выехал из Чанъани сопровождать «гостей из Давань», а потом побывал и в Давань [XIII, гл. 79, с. 05558/2]. Согласно биографии Чэнь Тана, в 36 г. до н. э. через Давань прошла часть ханьских войск, направлявшихся в Канцзюй разгромить Чжичжишанью [XIII, гл. 70, с. 3011].

Однако, если бы в I в. до н. э. какое-то время столицей Давань оставался Эрши, а Дася — ее юго-западным соседом, то вряд ли такие события не нашли бы никакого отражения в материалах «Хань шу». Так что Большое Юэчжи поглотило Дася, а Давань перенесла столицу в г. Гуйшань, скорее всего, на рубеже 100–99 гг. до н. э., прибывшие же в Давань во второй половине 99 г. ханьские послы уже просто констатировали новую ситуацию.

В заключение отметим, что существование царства Давань со столицей Гуйшань прослеживается до IV в. по последнему описанию его в «Цзинь шу» [ШЦ, гл. 97, с. 2543–2544]. В «Вэй шу» сказано, что царство Полона со столицей Гуйшань и есть бывшее царство Давань [ВШ, гл. 102, с. 2270]. В VI–VII вв. оно известно уже под названием Бохань [БШ, гл. 97, с. 3236], а в Тан в 744 г. получило китайское название Нинъюань [СТШ, гл. 221/2, с. 6250].

А теперь посмотрим, как согласуются со сказанным в описании Давань сведения из описания Большого Юэчжи:

«Царство Вольшое Юэчжи. Ставка (чжи) правителя в г. Цзяньши³ отстоит от Чанъани на 11 600 ли. Не подчинялось духу. [В нем было] 100 тыс. дворов, 400 тыс. человек и 100-тысячное отборное войско. На восток до ставки духу 4740 ли, на запад до Аньси 49 дней пути. На юге смежно с Цзибинь. Почва, климат, виды изделий, народные обычаи (минь су) и деньги — такие же, как в Аньси. Выращивают одnogорбых верблюдов.

Изначально же Вольшое Юэчжи было кочевым царством, [его народ] переселялся, следуя за скотом, [царством], одинаковым по обычаям с Сюнну. [В нем было] 100 тыс. натягивающих лук и по причине [своего] могущества [оно] пренебрежительно относилось к сюннам. Изначально находилось между Дуньхуаном и Цилянью. Когда же Маодуньшаньюй напал и разгромил Юэчжи, а [затем] Лаошаншаньюй убил [правителя] Юэчжи и из головы его сделал чашу для питья, юэчжи ушли далеко, миновали Давань и к западу [от нее] нанесли удар по Дася, но подчинились ей. Поселились (ду) к северу от р. Гуйшуй, [где и] основали ставку (тин) правителя. Немногочисленные ос-

³ Здесь столица Большого Юэчжи явно ошибочно названа Цзяньши вместо Ланьши, хотя в «Хоу Хань шу» она нааавана Ланьши, т. е. так же, как и столица Дася в «Ши цзи». Очевидно, что переписчики «Хань шу» пропустили в иероглифе *лань* (синий) один элемент (ключ — «травя»), и он превратился в иероглиф *цзянь* (надзирать). Поэтому далее в работе и при рассмотрении материалов «Хань шу» называем столицу Вольшого Юэчжи г. Ланьши.

татки их народа, что не смогли уйти, закрепились в южных горах, и цзяны называли [их владение] Малым Юэчжи.

Дася же изначально не имела верховного главы, а города и земли ставили обычно малых глав. Народ был слаб и боялся войны. Поэтому юэчжи переселились сюда, и все [владения Дася] подчинились им.

Есть пять *сихоу*, снабжавших продовольствием ханьских послов:

1) *Сюми-сихоу* со ставкой в г. Хэмо, отстоящие от [ставки] духу на 2841 ли, а от Янгуань — на 7802 ли;

2) *Шуанми-сихоу* со ставкой в г. Шуанми, отстоящем от [ставки] духу на 3741 ли, а от Янгуань — на 7782 ли;

3) *Гуйшун-сихоу* со ставкой в г. Хуцзяо, отстоящем от [ставки] духу на 5940 ли, а от Янгуань — на 7982 ли;

4) *Сидунь-сихоу* со ставкой в г. Бомао, отстоящем от [ставки] духу на 5962 ли, а от Янгуань — на 8202 ли;

5) *Гаофу-сихоу* со ставкой в г. Гаофу, отстоящем от [ставки] духу на 6041 ли, а от Янгуань — на 9283 ли.

Все пять *сихоу* подчиняются [правителю] Большого Юэчжи. [XIII, гл. 96/1, с. 3890-3891].

Первый абзац (в нашем переводе) описания Большого Юэчжи в «Хань шу» Бань Гу составил, несомненно, по материалам I в. до н. э., так как общие сведения в нем об этом царстве в корне отличны от содержащихся в его описании в «Ши цзи».

Во втором же абзаце Бань Гу как раз повторил часть описания Большого Юэчжи из «Повествования о Давань» в «Ши цзи», лишь поменяв местами некоторые предложения.

Третий абзац состоит всего из трех фраз о Дася, отдельного описания которой в «Хань шу» нет. Первые две из них Бань Гу взял из пространного описания Дася в «Повествовании о Давань» в «Ши цзи», добавив одно и заменив два слова: «Дася же изначально (этого слова в «Ши цзи» нет. — Л.Б.) не имела верховного главы, а города и земли обычно ставили малых глав. Народ ("их войска" — в «Ши цзи». — Л.Б.) был слаб и боялся войны». Третья же заключительная фраза «поэтому юэчжи переселились сюда (*ту лай*), и все [владения Дася] подчинились (*чэнь*) и покорились (*чу*) им», а в переводе Н. Я. Вичурина — «народ слаб и боится войны, почему и покорен нашедшими юечжысцами» [т. 2, с. 184] — сильно отличается от соответствующей фразы в описании Дася в «Ши цзи»: «Войска слабы и боятся войны, [народ] любит торговать на рынках. Когда большие юэчжи переселились на запад, напали [на Дася], [но] потерпели поражение (*бай*) от нее, и все подчинились и по-

корились Дася». В переводе Н. Я. Бичурина: «Когда Большой юэчжи, идучи на запад, разбил их, то они поддались Дому Дахя» [т. 2, с. 152]. Е. Цюрхер, также считающий, что юэчжи покорили Дася, перевел иероглиф *бай* — "потерпеть поражение" как "победить" и всю эту фразу так: «Когда Большие Юэчжи переселились на Запад, они напали и победили ее, и они полностью подчинили и покорили Дася» [Цюрхер, 1968, с. 361].

Таким образом, если в «Ши цзи» говорится о войне юэчжей с Дася во время их переселения на запад, в результате которой они, согласно нашему исследованию, подчинились Дася, а по мнению других авторов, покорили ее, то в рассматриваемой фразе из описания Большого Юэчжи в «Хань шу» о войне юэчжей с Дася не упоминается, а сказано, что они «переселились сюда, и все [владения Дася] подчинились и покорились им». Поэтому, скорее всего, в ней говорится о другом времени, о другом, мирном переселении юэчжей в земли мелких царств Дася, которые добровольно признали власть юэчжей.

Четвертый и последний абзац описания Большого Юэчжи в «Хань шу» содержит данные о пяти юэчжийских *сихоу* и их городах-ставках. Это, несомненно, новые оригинальные сведения за I в. до н. э., ибо в его описании в «Ши цзи» вообще нет упоминания о *сихоу*.

А теперь перейдем к анализу новых материалов о Большом Юэчжи в его описании в «Хань шу».

Первая же фраза, гласящая, что столица Большого Юэчжи — г. Ланыши (а он, по «Ши цзи», был во II в. до н. э. столицей Дася — царства, которое располагалось к юго-западу от Давань), подтверждает содержащееся в «Хань шу» в описании Давань сообщение: к юго-западу от нее находится Большое Юэчжи. Это не оставляет сомнения в том, что в I в. до н. э. оно завладело Дася и сделало ее столицу своей.

С приведенными сведениями согласуются и другие. В описании Большого Юэчжи сказано, что к югу от него находится царство Цзибинь (Гибинь у Н. Я. Бичурина), в описании же Цзибинь в «Хань шу» оно указано к юго-востоку [XIII, гл. 96/1, с. 3884]. Но Цзибинь возникла в I в. до н. э. на месте Шэньду (Индия), которая, по «Ши цзи», лежала в нескольких тысячах ли к юго-востоку от Дася, т. е. опять-таки Большое Юэчжи оказывается на месте Дася. Далее. В описании сказано, что в Большом Юэчжи почва, климат,

виды изделий, народные обычаи и деньги такие же, как в Аньси. И по описанию Давань в «Хань шу» все это в ней такое же, как в Большом Юэчжи и Аньси. Следовательно, Большое Юэчжи в I в. до н. э. стало земледельческим царством с оседлым образом жизни населения, тогда как во II в. до н. э. оно, по «Ши цзи», было «кочевым государством», по образу жизни одинаковым с Сюнну. Очевидно, что таким превращением Большое Юэчжи обязано тому, что оно заняло земли Дася, огромной земледельческой страны.

В связи с этим отметим, что в его описании в «Хань шу» неверно определена численность населения (400 тыс.) и войска (100 тыс.). По «Ши цзи», такое же войско и, видимо, население было только в Большом Юэчжи, да в Дася более миллиона человек. Следовательно, после овладения Дася население Большого Юэчжи, ставшего огромным царством, достигло около 1,5 млн. Эта ошибка в «Хань шу» появилась, скорее всего, потому, что приведенные сведения ханьские послы получили от юэчжей сразу после их переселения в Дася. Не зная еще величины населения всего царства, они сообщили только о численности собственного народа и войска.

Итак, по рассмотренным сведениям, из описаний Давань и Большого Юэчжи можно констатировать, что в I в. до н. э. Дася (Бактрия) как независимая страна прекратила свое существование и стала частью владений Большого Юэчжи. Оно же превратилось в великое царство в Средней Азии того времени.

О Дася как особой независимой стране в «Ши цзи», судя по материалам, исследованным в предшествующих главах настоящей работы, сведений за последние три десятилетия II в. до н. э., по меркам древности, не так уж мало. Напомним основные: отдельные описания Дася и Большого Юэчжи по рассказам Чжан Цяня и его заключение, что «Давань, Дася и Аньси — это все большие царства, в которых много удивительных вещей» [ШЦ, гл. 123, с. 3166]; сообщения о неоднократных попытках У-ди установить связь с Дася по дорогам из Шу (Сычуань) через Шэньду; отправление Чжан Цянем из Усунь в конце 117 г. до н. э. своих помощников послами во многие царства, в том числе и в Дася, и в Большое Юэчжи; возвращение посла из Дася примерно в начале 112 г.; сообщение о том, что около 108 г. много ханьских послов доходило до Дася по дороге из Цзю-

цюаня; рассказ Сыма Цяня о бурном развитии связей Хань с царствами к западу от Давань, и значит с Дася, до начала ханьско-даваньской войны в 104 г. до н. э.: заявление У-ди в 102 г., в котором он обосновывал необходимость второго похода на Давань тем, что, если ее не покарать, то Дася и другие станут пренебрежительно относиться к Хань.

Таким образом, в «Ши цзи» Дася, как существующая независимая страна, мнением которой о своей империи он прежде всего дорожил, упоминается последний раз именно У-ди в 102 г. до н. э.

В материалах же «Хань шу» за весь I в. до н. э. сведений о Дася вообще нет, за исключением упомянутых выше трех фраз в описании Большого Юэчжи. При этом две из них взяты из описания Дася в «Ши цзи», а третья, с нашей точки зрения, как раз и говорит о том, что юэчжи заняли Дася. А так как в «Хань шу» первое и последнее сообщение об отправлении ханьских послов в царства к западу от Давань относится к 99 г. до н. э., а о прибытии ответных посольств из них — явно к ближайшим последующим годам, то очевидно, что при дворе Хань могли получить новые конкретные сведения о царствах к западу от Давань, и о Большом Юэчжи и владениях его пяти *сихоу* в том числе только в это время.

Так что Большое Юэчжи овладело Дася и превратилось в великое царство до прибытия в него ханьских послов, отправленных в 99 г. до н. э., т. е., как и рассчитано нами выше, на рубеже 100—99 гг. до н. э. Оно воспользовалось тем, что его давний недруг Давань, потерпевшая тяжелое поражение в войне с Хань, и ее союзник Канцзюй, напуганный вторжением ханьских войск в его земли при преследовании правителя Юйчэна, уже не могли помешать ему.

Однако, как же удалось Большому Юэчжи овладеть огромной страной Дася, Бактрией, в столь короткий срок и, можно сказать, почти незаметно, без великих битв и сражений? В этом отношении заслуживает внимания сказанное о Дася — она была раздроблена на мелкие царства, имевшие слабые войска. Потому, когда юэчжи, обратим внимание на следующие слова, «переселились сюда, все подчинились и покорились им». Нет и намека ни на нападение или вторжение, ни на разгром. Столь мирный процесс переселения юэчжей в Дася можно, конечно, объяснить тем, что в ней, уже более полувека мирно жившей рядом с ними, хорошо знали о

силе их войск, отмеченной еще Чжан Цянем. Но не исключено, что мелкие царства Дася подчинились юэчжам без всякого сопротивления не столько потому, что утрастились силы, сколько потому, что хотели в то время оказаться под их защитой. Ведь как раз тогда в Парфии (Аньси), западной соседке Дася, правил Митридат II Великий (123–88). При нем она стала огромной и могущественной державой. Он реорганизовал войско, сделав конницу его основой, отбил на севере натиск варварских племен, продвинул свои владения далеко на запад. Возможно, что именно угроза нападения с его стороны и заставила глав мелких царств Дася предпочесть власть и защиту дружественных им юэчжей.

В свете изложенного становится понятным, что и почему именно Страбон первым из античных авторов написал о тохарах, идентифицируемых с юэчжами:

«Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактрию, а именно асии, пасианы, тохары и сакараваллы, вышедшие с того берега Яксарта, что подле саков, согдианов и занят саками» [цит. по: Ставиский, 1977, с. 101].

Обратим внимание, что, по его словам, тохары вместе с тремя другими племенами «отняли» у эллинов Бактрию, а не завоевали, что пришли они с «того», т. е. северного берега Яксарта (Сырдарья). Нетрудно заметить, что описанное Страбоном событие по сути идентично тому, которое, как только что выяснено выше по данным «Ши цзи» и «Хань шу», произошло на рубеже II – I вв. до н. э., когда юэчжи, жившие до этого на северном берегу р. Гуйшуй «переселились сюда», в Дася, находившуюся к югу от этой реки, и вся Дася покорилась им. И оно совсем не похоже на описанное в «Ши цзи» переселение юэчжей к западу от Давань (Фергана), когда они, не переходя никакой реки, «нанесли удар по Дася, но подчинились ей (*цзи Дася, эр чэнь чжи*) и затем поселились к северу от р. Гуйшуй (*суй ду Гуйшуй бэй*)», а огромная Дася продолжала существовать к югу от этой реки и от них. Так что сообщение Страбона тоже подтверждает, что р. Гуйшуй и есть Сырдарья, она же Яксарт.

Поскольку в сочинениях античных авторов, предшественников Страбона, упоминаний о тохарах не обнаружено, выходит, что эти сведения о них впервые получены им самим. Как? Страбон (64/63 до н.э. – 23/24 н. э.) родился в г. Амасия (нынешний г. Амасья на севере Турции). В то

время Рим уже непосредственно граничил с Парфией, захватившей всю Месопотамию. Вскоре между ними начались войны (экспедиция Красса 54 – 53 гг., походы Антония 37–34 гг.). Август же (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) предпочел установить с Парфией мирные отношения, способствовавшие развитию торговли с нею. Страбон, как известно, много путешествовал. И потому не исключено, что он во времена Августа побывал в Парфии, расположенной по соседству с Бактрией. Здесь-то он и мог узнать, что Бактрия, о которой он знал из работ своих предшественников, оказалась под властью тохаров, пришедших с северного берега Яксарта.

Вполне естественно, что пока юэчжи-тохары, изнуренные и обескровленные переселениями и войнами, в течение 60 лет спокойно жили к северу от р. Гуйшуй – Яксарт (Сырдарья), а к югу существовала огромная Дася (Бактрия), молва о них не доходила до античных авторов. Когда же они на рубеже II – I вв. до н. э. переселились к югу от этой реки и завладели всей Дася – Бактрией, весть о столь великом событии разнеслась широко и в Парфии дошла до Страбона.

А теперь попытаемся по данным «Хань шу» определить хотя бы в общих чертах протяженность владений Большого Юэчжи, ставшего огромным царством.

Особенно интересны в этом плане данные о расстояниях между крайней на северо-западе ханьской пограничной заставой Янгуань у Дуньхуана и городами-ставками пяти юэчжийских *сихоу*, приведенные в конце описания Большого Юэчжи. Они породили среди ученых большие разногласия по вопросу о местонахождении этих ставок и о времени их учреждения [см. подробнее об этом *Мандельштам*, 1957, л. 3].

Но прежде – о самом термине *сихоу*.

В описании Большого Юэчжи написано о пяти *линхоу*. Но согласно комментарию Янь Шигу: «*Лин* и есть иероглиф *си*» [XIII, гл. 96/1, с. 3891, прим. 2], которым Сыма Цянь записал титул *сихоу* Чжао Синя. Его история рассмотрена нами во второй главе. Следуя мнению Янь Шигу, принято термин *линхоу* в текстах «Хань шу» читать как *сихоу* (у Н. Я. Бичурина – *Хи-хеу*).

Далее. Н. Я. Бичурин в своем переводе описания пяти *сихоу* так определил суть этого термина: «Китайский титул княжеского достоинства. Это удельные князья юечжыского хана» [т. 2, с. 184, прим. 1]. Получилось, что князья Боль-

шого Юэчжи, что находилось в Средней Азии, почему-то имели китайский титул. Поводом для такого его сомнительного умозаключения послужила, видимо, все та же история хусца Чжао Синя, сдавшегося в 131 г. до н. э. Хань и получившего в ней титул *сихоу*. При рассмотрении ее во 2-й главе показано, что это был один из двух исключительных случаев, имевших свою причину, и что такого титула в Хань не было.

По описаниям пяти юэчжийских *сихоу* решить вопрос о сути термина *сихоу* нельзя. Поэтому обратимся к сведениям в «Хань шу» по истории усуней, позволяющим точно ответить на этот вопрос.

Хронологически впервые этот термин встречается в изложенной в биографии Чжан Цяня версии его рассказа о ранней истории усуней. Там сказано, что воспитателем наследника усуньского престола был Буцзю-*сихоу*. Воспитателем наследника обычно становился один из самых знатных людей царства. И было это в то время, когда усунь и юэчжи еще жили рядом в Ганьсуском коридоре. Затем в описании царства Усунь, созданного уже в долине Или, отмечено, что его правитель, куньми Вэньгуйми (ок. 94 – 61 гг. до н. э.) выдал замуж младшую дочь за Жоху-*сихоу* [XIII, гл. 96/2, с. 3904], несомненно, за обладателя высшего в царстве титула знатности. А в начале войны с Сюнну в 71 г. до н. э. «куньми [Вэньгуйми] во главе *сихоу* [и прочей знати по статусу] ниже их» вторгся в земли Сюнну [XIII, гл. 96/2, с. 3905]. Спустя несколько лет после смерти Вэньгуйми его сын Уцзюту в ходе начавшейся борьбы за престол, «со всеми *сихоу* бежал в горы на север», потом убил куньми и сам вступил на трон [XIII, гл. 96/2, с. 3907].

Все эти факты не оставляют сомнения в том, что *сихоу* были самыми знатными и могущественными людьми в царстве Усунь, а все остальные были ниже их по статусу. От их поддержки зависела судьба куньми и всего царства. Так что усуньский титул *сихоу* сопоставим с ханьским первым титулом знатности – *ван*.

Поскольку же, как показано выше, усунь издревле жили рядом с юэчжами в Ганьсуском коридоре, то естественно предположить, что и у юэчжей, видимо, родственных им и этнически и по языку, термин *сихоу* обозначал высший титул знатности.

Теперь сведения о *сихоу* в описании Большого Юэчжи оказываются более информативными. Их названо пять: Сюми-*сихоу*, Шуанми-*сихоу*, Гуйшуан-*сихоу*, Сидунь-*сихоу* и Гаофу-*сихоу*. В двух случаях название титула *сихоу* и города-ставки идентичны (Шуанми-*сихоу* и г. Шуанми, Гаофу-*сихоу* и г. Гаофу), в трех других они разнятся. Видимо, два *сихоу* сами основали новые города для своих ставок, названные по их титулам, трое же других избрали уже существовавшие города, сохранившие свои названия. То, что пять *сихоу* обязаны были снабжать продовольствием ханьских послов, да, видимо, и не только ханьских, позволяет заключить, во-первых, что в Большом Юэчжи были и другие *сихоу*, не имевшие такой обязанности, и, во-вторых, что города-ставки этих пяти *сихоу* располагались на торных караванных путях, по которым и ходили через Юэчжи иноземные послы.

Судя же по тому, что пять *сихоу* перечислены в последовательности возрастания расстояния до их ставок от ханьской пограничной заставы Янгуань у Дуньхуана, ясно, что их владения, лежали друг за другом по одному пути, либо же по пересекающимся караванным путям из Хань в царства к западу от Давань. Анализ же конкретных цифр, определяющих эти расстояния, показывает, что города-ставки первых четырех из них располагались друг за другом на коротком, примерно в 160 км, отрезке дороги. И только ставка пятого, Гаофу-*сихоу*, оказалась удаленной от ставки четвертого, Сидунь-*сихоу*, на очень большое расстояние — 432 км, что порождает сомнение в достоверности этой цифры.

Но на каком караванном пути и где именно находились ставки пяти юэчжийских *сихоу*? Как показал А.М.Мандельштам, разные ученые локализовали их по разным караванным путям из Китая в долину Амударья (ведь все считали, что Гуйшуй — это Амударья) через Памир [Мандельштам, 1957, гл. 3]. А они, заметим, крайне труднодоступны и бесплодны до настоящего времени (что показали и события последних лет в Горно-Бадахшанском автономном районе Таджикистана). Этот вопрос уже был рассмотрен и нами в работе «Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э.», но не изолированно, а в комплексном исследовании проблем локализации и взаиморасположения практически всех известных в те долгие века древним китайцам царств Восточного

Туркестана и Средней Азии. Историко-географический анализ в строгой хронологической последовательности данных древнекитайских историй как о местонахождении ставок пяти *сихоу*, так и царств, ставших их преемниками в последующие века, и всех их соседей показал, что четыре первые ставки лежали непосредственно на главном в те века караванном пути из Китая на запад, проходившем через нынешние Камгар, Ош, Коканд, к югу от Сырдарьи через Худжанд и затем через Джизак, Самарканд, Бухару и далее.

Город-ставка первого из них, Сюми-*сихоу*, находился примерно в 30 км восточнее нынешнего г. Худжанда (бывший Ленинабад) или в 120 км западнее Коканда; ставка третьего, Гуйшуан-*сихоу* лежала примерно в районе Бекабада, а четвертого, Сидунь-*сихоу* — в районе Хаваста. Из-за сомнительности цифр, определяющих расстояния от Янгуань до ставки второго, Шуанми-*сихоу* и пятого, Гаофу-*сихоу* вопрос об их местоположении в той работе не рассматривался подробно и будет исследован здесь.

Но для решения проблем истории Большого Юэчжи крайне важно выяснить и время появления здесь городов-ставок пяти *сихоу*, так как от этого зависит определение времени преобразования Большого Юэчжи в Кушанское царство. Ведь в «Хоу Хань шу», в описании Большого Юэчжи сказано, что это произошло спустя более ста лет после создания владений этих пяти *сихоу* [XXIII, гл. 88, с. 2921].

Анализ материала о юэчжах, содержащегося в историях, показал, что есть только один способ установить, когда были основаны ставки пяти *сихоу* — узнать, находились они к северу или к югу от р. Гуйшуй (Сырдарья), по которой, согласно личному наблюдению Чжан Цяня, проходила граница между Большим Юэчжи и Дася. Если эти ставки располагались к югу от р. Гуйшуй, то можно не сомневаться в том, что они появились здесь после того, как Большое Юэчжи на рубеже 100–99 гг. до н. э. завладело Дася, занимавшей земли сразу к югу от реки. И тогда от этой даты надо вести отсчет времени до того, как спустя более ста лет Большое Юэчжи превратилось в Кушанское царство. Если же города-ставки пяти *сихоу* были в землях к северу от Гуйшуй и, значит, могли быть основаны до покорения Дася, то вопрос о времени создания Кушанского царства должен решаться по другим материалам и иначе.

Наиболее убедительными в этом отношении оказались сведения о городах-ставках Гуйшуан-сихоу, Шуанми-сихоу и Гаофу-сихоу, особенно о первом из них. Так как именно Гуйшуан-сихоу, по сведениям «Хоу Хань шу», спустя более ста лет захватил власть в Большом Юэчжи и его царство стало называться Гуйшуанским (Кушанским), то не удивительно, что память о местонахождении родины этого великого человека сохранялась веками.

По данным «Вэй шу», в V в. н. э. еще была жива память о всех пяти владениях *сихоу*, с которыми в ней идентифицированы царства того времени: Цзябэй с Сюми-сихоу, Чжэсемосунь с Шуанми-сихоу, Цяньдунь с Гуйшуан-сихоу, Фудиша с Сидунь-сихоу и Яньфоцзе с Гаофу-сихоу. Так как в «Хань шу» расстояния до городов-ставок *сихоу* указаны от Янгуань, а в «Вэй шу» до столиц идентифицированных с ними царств – от Дай, то для точности были вычислены в обоих случаях расстояния для тех и других от Шулэ (Кашгар) [см. Боровкова, 1989, с. 58-60, 116-117]. В результате выяснилось, что в V в. расстояние от Шулэ до столицы царства Цяньдунь (2310 ли/1215 км) стало всего на 37 км меньше, чем в I в. до н. э. до города-ставки Гуйшуан-сихоу (3132 ли/1252 км). Столь незначительная разница в определении расстояния, превышающего тысячу километров, сделанном шесть веков спустя, за которые дорога могла немного спрямиться, не оставляет сомнения в том, что в обоих случаях оно измерено от Шулэ до одного и того же места, где издревле существовал город.

Однако к VII-VIII вв. сохранилась только память о местонахождении владения знаменитого Гуйшуан-сихоу. В «Синь Тан шу» сказано, что царство Хэ называется еще Гуйшуанни [СТШ, гл. 221/2, с. 6247]. Хэ – явно китайское его название, а Гуйшуанни – местное. Царство Хэ стало известно китайцам, судя по историям, с VI в. Оно описано в «Вэй ши» [гл. 97, с. 3237] и указано находящимся, обратим внимание, к югу от р. Нами, идентификация которой с Сырдарьей сомнения не вызывает. И расстояние до него от Шулэ в 2150 ли/1131 км оказалось всего на 121 км (10%) меньше, чем до ставки Гуйшуан-сихоу за восемь веков до этого. Более всего, на 84 км, оно сократилось за вторую половину V-VI вв., когда связи многих царств Средней Азии с империей Северная Вэй были особенно интенсивными [см. ЦФЮГ, гл. 968, с. 11381-11386; гл. 969, с. 11387-11394], и

потому спрямление дороги происходило, несомненно, более активно, чем в предшествующие века единичных контактов. И поскольку царство Хэ-Гуйшуанни указано к югу от р. Нами (Сырдарья), есть основание предположить, что и ставка юэчжийского Гуйшуан-сихоу находилась к югу от р. Гуйшуй (Сырдарья) в районе Бекабада.

А теперь обратимся к вопросу о местонахождении города-ставки пятого, Гаофу-сихоу. По «Хань шу», она отстояла от города-ставки четвертого, Сидунь-сихоу на 432 км, что в десять с лишним раз больше, чем в среднем расстояние между ставками первых четырех сихоу. Подозрение о наличии ошибки в этом сообщении подтверждают данные «Вэй шу» о царстве Яньфодзе, идентифицированном в ней с владением Гаофу-сихоу [ВШ, гл. 102, с. 2275]. Во-первых, здесь четко сказано, что оно находилось к югу от царства Фудиша, идентифицированного с владением четвертого, Сидунь-сихоу. Во-вторых, оно оказалось от Фудиша всего в 53 км, а не в 432. В V в. 53 км дорожного расстояния — это примерно 40 км по современной автотрассе. От Хаваста же, в районе которого, по нашему определению, находилось владение Сидунь-сихоу, на юг по автотрассе на Душанбе 42 км до Ура-Тюбе [см. Атлас автодорог, л. 138]. Очевидно, что в районе или даже на месте Ура-Тюбе в I в. до н. э. находилась ставка юэчжийского Гаофу-сихоу. Следовательно, она, как и ставка Гуйшуан-сихоу, оказалась к югу от р. Гуйшуй на бывших во II в. до н. э. землях Дася.

А тот факт, что расстояние до ставки Гаофу-сихоу в «Хань шу» завышено более чем в десять раз, свидетельствует, скорее всего, о том, что ханьские послы сами там не бывали и, значит, на юг от Великого караванного пути в столицу Большого Юэчжи г. Ланьши не ходили. Следовательно, они получили сведения об этом царстве от принимавших их первых четырех сихоу, ставки которых лежали по Великому караванному пути на запад. Судя же по тому, что сихоу сообщили послам о якобы необычайной удаленности ставки пятого, Гаофу-сихоу, складывается впечатление, что либо эти сихоу, либо сам правитель Большого Юэчжи по каким-то причинам не хотели, чтобы ханьские послы попали в столицу — г. Ланьши.

Итак, по данным «Вэй шу», выяснилось, что Гаофу-сихоу основал свой город-ставку Гаофу примерно в 53 км к югу от р. Гуйшуй на караванном пути (нынешний Душан-

бинский тракт), отходившем от Великого караванного пути на юг к г. Ланьши, бывшим во II в. до н. э. столицей Дася, а в I в. до н. э. — столицей Большого Юэчжи.

Сложнее определить местонахождение г. Шуанми, ставки второго, Шуанми-сихоу, видимо, основанного им самим. Дело в том, что в «Хань шу» пять сихоу перечислены в порядке возрастания расстояния до их городов-ставок от Янгуань. Но в случае с Шуанми-сихоу это правило нарушено: он назван в их ряду вторым, а расстояние до его ставки от Янгуань (7792 ли) меньше, чем до ставки первого, Сюми-сихоу (7802 ли). Подозрение, что в данном случае в текст «Хань шу» вкралась ошибка, подтверждают опять-таки сведения из «Вэй шу». В ней царство Чжэсемосунь, идентифицированное с владением Шуанми-сихоу, указано находящимся к западу от Цзябэй, идентифицированного с владением первого, Сюми-сихоу, и по расстоянию от Янгуань дальше его [ВШ, гл. 102, с. 2274]. Остается предположить, что переписчики «Хань шу» ошибочно написали 7792 вместо 7892 ли. Вероятность этого подтверждают следующие сопоставления. Согласно «Хань шу», между ставками первого и третьего сихоу было 180 ли, или 72 км. Если, как мы предположили, от Янгуань до ставки Шуанми-сихоу было 7892 ли, то она находилась точно посередине пути между ставками первого, Сюми-сихоу, и третьего, Гуйшуан-сихоу, в 90 ли/36 км от той и другой. По данным «Вэй шу», столица царства Чжэсемосунь, идентифицированного с владением Шуанми-сихоу, была в 31 км к востоку от столицы царства Цяньдунь, идентифицированного с владением Гуйшуан-сихоу, что и доказывает верность нашего предположения. А так как владение Гуйшуан-сихоу, по нашему определению, находилось в районе Бекабада к югу от реки, то оказывается, что ставка Шуанми-сихоу, расположенная в 31-36 км к востоку от него, находилась в районе нынешнего г. Худжанд, старая часть которого тоже лежит на южном берегу Сырдарьи.

В историях, написанных позже «Вэй шу», владение Шуанми-сихоу не упоминается. И прямых свидетельств о его расположении к югу от р. Гуйшуй нет. Но косвенным доказательством может служить тот факт, что столица царства Кан, очень большой по тем временам город, находившийся, согласно нашему исследованию [Боровкова, 1989, с. 137-141], в районе Худжанда (Ленинабад), в «Синь Тан шу» также указан к югу от р. Нами (Сырдарья) [СТШ,

гл. 221/2, с. 6243]. И вообще в «Бэй ши» и «Синь Тан шу» ни одно царство не локализовано на северном берегу этой реки, недаром же Великий караванный путь на запад всегда проходил к югу от нее.

Во всяком случае, города-ставки Гуйшуан-сихоу и Гаофу-сихоу, согласно изложенному, точно находились к югу от р. Гуйшуй (Сырдарья). А появиться здесь они могли только после того, как Большое Юэчжи на рубеже II-I вв. до н. э. завладело Дася, земли которой начинались с южного берега этой реки. Более того, есть основание полагать, что это произошло сразу же после покорения Дася, так как в «Хань шу» есть только одно сообщение об отправлении ханьских послов в царства к западу от Давань в 99 г. до н. э., когда они и прошли через города-ставки четырех сихоу и получили от них новые сведения о Большом Юэчжи, оказавшемся на землях Дася, и о них самих.

Следовательно, создание Кушанского царства спустя более ста лет после появления здесь в 99 г. до н. э. пяти названных владений сихоу можно отнести к первой четверти I в. н. э.

Теперь, зная местонахождение владений пяти сихоу, можно с полной уверенностью заключить, что в пределы Большого Юэчжи в I в. до н. э., а ранее — Дася, входили на севере земли до р. Гуйшуй. Но вряд ли юэчжи, завладев Дася, бросили свои земли к северу от нее, ставшие для них за 60 лет второй родиной. Видимо, часть юэчжей осталась здесь, сохраняя привычный кочевой образ жизни и поставляя конницу правителю царства. Не исключено, что они были подвластны пяти сихоу, которые, контролируя главный торговый путь региона, не только поставляли доходы казне, но и обогащались сами. А так как их связь со столицей царства г. Ланьши, находившейся в районе нынешнего Душанбе, была затруднена, так как дорога в нее шла через три высоких горных хребта и почти полгода бывала непроходимой, то они со временем становились все более независимыми от центра. Поэтому вполне понятно, почему спустя более ста лет именно Гуйшуан-сихоу по имени Цюцзюцю (Куджула Кадфиз), сумел, подчинив сначала четырех других северных сихоу, затем захватить власть над всем Большим Юэчжи, которое получило после этого по его титулу наименование Гуйшуанского, т. е. Кушанского царства.

Так что и в I в. до н. э. Большое Юэчжи, сохранив свои земли к северу от Гуйшуй, продолжало, как и во II в. до н. э. соседствовать на севере с Канцзуй.

Граница же Большого Юэчжи с Давань в I в. до н. э. стала проходить где-то к востоку от г. Хэмо, в котором была ставка первого, Сюми-сихоу. Она отстояла, как выяснено выше, примерно на 36 км к востоку от города-ставки Шуанми-сихоу, т. е. от нынешнего Худжанда. Сейчас от Худжанда до Коканда, на месте которого во II в. до н. э. находилась столица Давань г. Эрши, всего 150 км. Усиление враждебного ей Большого Юэчжи и приближение его владений в столице Эрши не могло не испугать Давань. Несомненно поэтому, она поспешно перенесла столицу на восток в г. Гуйшань (г. Ош) и заключила в 99 г. до н. э. договор с Хань, далекой, но могущественной, которая теперь представлялась ей единственным гарантом от вторжения Большого Юэчжи.

На западе Большое Юэчжи, как сказано в его описании, соседствовало с Аньси (Парфией). Обычно в те времена ханьцы определяли расстояние между царствами по расстоянию между их столицами. Но выше при рассмотрении вопроса о местонахождении ставки пятого, Гаофу-сихоу выяснилось, что ханьские послы в ней и, значит, в лежавшей к югу от нее столице Большого Юэчжи г. Ланьши не бывали. Следовательно, послы в Аньси шли не через нее, а по Великому караванному пути на запад через ставки четырех юэчжийских сихоу и далее. И расстояние до столицы Аньси в 49 дней пути они определяли, скорее всего, от ставки крайнего на западе владения четвертого, Сидунь-сихоу. По данным «Хань шу», день конного пути на дальние расстояния определяется в среднем в 28–30 км. Значит, расстояние в 49 дней пути составляло около 1470 км. Сейчас от Хаваста, в районе которого была, по нашему определению, ставка Сидунь-сихоу, до Ашхабада, в окрестностях которого находится Ниса, где раскопана резиденция парфянских царей, по автотрассе 1176 км [см., Атлас автодорог, л. 142–143], т. е. примерно на 20% меньше расстояния эпохи Хань. Так что эти расчеты в какой-то степени подтверждают, что в I в. до н. э., вернее, в его начале, столица Аньси находилась в районе Ашхабада – в Нисе.

Граница же Большого Юэчжи с Аньси пересекала с юга на север Великий караванный путь к западу от ставки четвертого, Сидунь-сихоу, т. е. где-то между Хавастом и Джизаком. Это согласуется с сообщением в описании Аньси о ее соседстве на севере с Канцзюй [XIII, гл. 96/1, с. 3889] и с сообщением в описании Канцзюй о расстоянии от его столицы Битянь на запад до зависимого владения Юйцзянь, согласно которому оно находилось, по нашим расчетам, примерно в районе Ташкента [Боровкова, 1989, с. 65-66].

О протяженности владений Большого Юэчжи в I в. до н. э. в других направлениях сведений в его описаниях нет. Но какое-то представление об этом позволяют составить краткие замечания из описаний некоторых других царств. Так, в описании североиндийского царства Цзибинь к северо-западу от него указано Большое Юэчжи, а к юго-западу — царство Уишаньли [XIII, гл. 96/1, с. 3888]. По описанию же Уишаньли, оно находилось к западу от Цзибинь, а к западу от него — Тяочжи и к северу — Бутао [XIII, гл. 96/1, с. 3888]. Бутао, выходит, лежало к югу от Большого Юэчжи, между ним и Уишаньли. А еще в описании Уишаньли сказано, что из него, «повернув на север и [затем] на восток достигнешь Аньси» [XIII, гл. 96/1, с. 3889]. По этому сообщению выходит, что Аньси находилась к северо-востоку от Уишаньли. Но это противоречит утверждению в описании Аньси о том, что она расположена к западу от Уишаньли и Большого Юэчжи, а к западу от нее находится Тяочжи [XIII, гл. 96/1, с. 3889-3890]. Так что в описании Уишаньли допущена ошибка, скорее, описка, — вместо иероглифа *си* — "запад" оказался иероглиф *дун* — "восток". В результате сопоставления всех этих данных выясняется, что Аньси простиралась с севера от Канцзюй на юг до Уишаньли и соседствовала на востоке с Большим Юэчжи на всем протяжении его западной границы.

Подводя итог, представим его для наглядности в виде схемы взаиморасположения Большого Юэчжи со всеми упомянутыми его соседями. Цифрами здесь обозначены пять владений *сихоу*: 1 — Сюми; 2 — Шуанми (Худжанд); 3 — Гуйшуан (Бекабад); 4 — Сидунь (Хаваст); 5 — Гаофу (Ура-Тюбе).

Эти данные «Хань шу» позволяют заключить, что Большое Юэчжи, поглотившее Дася (Бактрия), в I в. до н. э. превратилось в крупнейшее царство в центре Средней Азии и стало в значительной мере определять политическую ситуацию в регионе, поскольку Парфия с начала этого века была занята своими отношениями с Римом.

Естественно, что большая часть юэчжей переселилась в пределы бывшей Дася. И перед правителем Большого Юэчжи не могли не встать две неотложные задачи: обеспечить мирное вживание юэчжей-кочевников в среду бактрийцев-земледельцев и организовать централизованное управление этой большой страной, долго находившейся в состоянии политической раздробленности.

А для такого управления был нужен прочный мир на внешних рубежах. Стремление к миру и определило отношения Большого Юэчжи с соседями.

Завладев богатой Дася, Большое Юэчжи могло, казалось бы, теперь легко завоевать Давань, ослабленную войной с Хань. Но при этом вставал вопрос о реакции Хань, выступившей после войны как покровительница Давань. Два похода ханьских войск, дошедших во второй раз до ее столицы Эрши, которая оказалась теперь недалеко от гра-

ниц Большого Юэчжи, были свежим напоминанием о реальности вторжения Хань.

Потому-то, видимо, правитель Большого Юэчжи, демонстрируя свое миролюбие по отношению к Хань, повелел пяти *сихоу* принимать и обеспечивать всем необходимым прибывавших в его страну или направлявшихся в другие государства ханьских послов, но не допускать их в столицу Ланьши. Он помнил о том, что Хань до войны поддерживала тесные связи с Дася, и учитывал трудности налаживания отношений юэчжей с ее знатью и населением в целом.

Кроме того, нападение на Давань непременно осложнило бы отношения с северным соседом Канцзюй, выступавшим ее союзником в войне с Хань. И Большое Юэчжи предпочло сохранять и впредь установившиеся издавна дружественные связи с этим царством кочевников, у которого было, по определению Чжан Цяня, сильное войско. Канцзюй же, как увидим ниже при рассмотрении данных «Хань шу» о нем, воспользовалось дружбой со своим могущественным южным соседом, делавшей его южные пределы безопасными, и в I в. до н. э. сильно расширило свои владения, о чем убедительно свидетельствует увеличение его войска, а значит и населения почти в полтора раза по сравнению с концом II в. до н. э.

Что же касается Хань, то поглощение Большим Юэчжи Дася и превращение его в крупнейшее царство к западу от Давань стало вскоре одной из основных причин резкого изменения ее курса в отношении этого региона. Если до войны с Давань У-ди придавал связям с государствами этого региона, особенно с Дася, первостепенное значение и вместе с Чжан Цянем разработал геополитический план подчинения их влиянию Хань, то теперь все это становилось невозможным. Честолюбивый У-ди, узнав от своих послов, отправленных им в 99 г. до н. э. в Давань и царства к западу от нее, о поглощении Дася Большим Юэчжи и превращении его в крупнейшее царство, утратил интерес к контактам, столь дорого обходившимся его казне. Но в немалой степени продолжению связей с этими царствами помешала и война с Сюнну, которая была начата им еще до возвращения послов и задумана как быстрая и успешная, но стала развиваться неудачно для Хань и, затянувшись на годы, потребовала напряжения всех сил империи.

ГЛАВА 7

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА ХАНЬ С СЮННУ (99-89 годы до н.э.)

Согласно сообщению Сыма Цяня, приведенному в начале предыдущей главы, У-ди сразу после завершения войны с Давань в конце того же 101 г. до н. э. заявил о намерении разгромить Сюнну, дабы отомстить за обиды предков. Летом 99 г. он начал войну против нее.

Столь поспешное решение свидетельствует об эйфории, охватившей ханьский двор в результате победы над далекой Давань, отчего разгром близкой и очень, как казалось в то время, слабой Сюнну, так и не вмешавшейся по существу в ханьско-даваньскую войну, представлялся легко достижимым. Честолюбивый стареющий У-ди явно хотел дополнить успех на западе победой на востоке и добиться гегемонии Хань «меж четырех морей». Ведь по крайней мере до конца 99 г. он еще не знал о гибели Дася и превращении Большого Юэцжи в великое царство к западу от Давань — обстоятельствах, лишивших смысла гегемонистские устремления У-ди на запад.

Названная в указе У-ди 101 г. причина новой войны против Сюнну — месть за обиды предков — была чисто пропагандистским, как бы мы сказали сейчас, обеспечением неспровоцированной агрессии, обращенным к населению своей страны. Ведь У-ди отомстил сюннам за обиды своих предков сторицей еще когда выиграл пятнадцатилетнюю войну 133 — 119 гг. до н. э., и Хань не только освободилась от даннической зависимости от Сюнну по договору о мире и родстве, но и захватила лучшие исконные земли сюннов. После же той войны в течение двух последних десятилетий II в. до н. э. лишь малые отряды сюннов изредка вторгались на территорию Хань и грабили в ее приграничных землях. В основном же две державы активно обменивались посольствами, при этом Хань стремилась добиться, чтобы Сюнну

признала себя зависимой от нее, а Сюнну в свою очередь настаивала на заключении нового договора о мире и родстве. Иногда обе державы по разным причинам задерживали послов друг друга, склоняя их на службу себе, что порождало некоторую напряженность в отношениях. Правда, вступивший на трон в 101 г. до н. э. малолетний Цзюйди-хоу-шаньюй вернул в 100 г. всех ханьских послов и вместе с ними взятого в 103 г. в плен военачальника Чжао Пону, но в конце года, предотвратив попытку мятежа с участием ханьцев, задержал вновь прибывшее ханьское посольство во главе с Су У [XIII, гл. 54, с. 2460-2461; гл. 6, с. 202].

Итак, пятнадцатилетняя война велась Хань ради избавления от унижительной даннической зависимости от Сюнну, новая же выглядела неспровоцированной агрессией. Выяснить, в чем состояла действительная цель У-ди в этой войне, можно, лишь проанализировав сведения «Хань шу» о том, как она проходила.

Но для понимания хода войны необходимо знать, где в то время находились владения сюннов. По свидетельству Сыма Цяня за 105 г. до н. э., восточная часть их во главе с цзо-сянь-ваном обитала прямо к северу от Юньчжуна (Хух-Хото), а западная во главе с ю-сянь-ваном — прямо к северу от Цзюцюаня и Дуньхуана, т. е. к северу от Ганьсуского коридора [ШЦ, гл. 110, с. 2914]. Ставка же шаньюя лежала, скорее всего, между ними, как установил еще Маодунь, т. е. видимо, к северу от оз. Цзюйяньцзэ, занимавшего в то время всю эдзингольскую котловину, где сейчас существуют два небольших озера — Гашунь-нур и Сого-нур.

Кроме того, под властью сюннов по-прежнему были оазисные владения Западного края (Восточный Туркестан). После двух походов ханьских войск на Давань позиции Сюнну в царствах по прикуньлуньскому пути, хотя и пошатнулись, но не были утрачены. Об этом достаточно красноречиво говорит тот факт, что сразу после войны Хань не смогла поставить под свой контроль даже ближайшее к ней по этому пути царство Лоулань:

«Позже Эрши[-цзянцзюнь] нанес удар по Давань. Сюнны хотели перерезать [ему] дорогу [домой], но войско Эрши[-цзянцзюня] было велико и [они] не осмелились. [Однако] немедленно [после его возвращения в Хань] послали конницу в Лоулань перехватывать ханьских послов, стремясь прервать связи [Хань] с западными царствами» [XIII, гл. 96/1, с. 3877].

Теперь, зная расположение владений сюннов и их позиции в Западном крае, можно выяснить, по каким направлениям наступали войска Хань на них в 99 г. до н. э.

Описание этого похода дано еще в «Ши цзи» в самом конце «Повествования о Сюнну» и почти дословно повторено в «Хань шу»:

«На следующий год Хань послала Эрши-цзянцзюня Ли Гуанли с 30-тысячной конницей выступить из Цзюцюаня. Напав на ю-сянь-вана у гор Тяньшань и захватив в плен 10 тыс. хусцев, он повернул назад. Сюнны большими [силами] окружили Эрши-цзянцзюня, [и он] едва не погиб. Ханьские войска [потеряли] 6-7 человек из [каждого] десятка. А еще Хань послала Иньюй-цзянцзюня [Гунсунь Ао] выступить из Сихэ. Соединившись с *цянну-дуэем* у гор Чжюешань, [он] ничего не добился. Также был послан *ци-дуэи* Ли Лин с пятью тысячами пехоты и конницы из Цзюйянь. [Пройдя] на север более 1000 ли [они] столкнулись с шаньюем и сразились. [Войска] Ли Лина убили и ранили более 10 тысяч [сюннов], [но у них] кончились оружие и продовольствие, [и они] хотели повернуть назад. [Однако] сюнны окружили Лина и он сдался им. Его войско было затем уничтожено, и вернуться удалось [только] 400 человекам. Шаньюй затем [из] уважения к [Ли] Лину отдал ему в жены свою дочь» [ШЦ, гл. 110, с. 2918; ХШ, гл. 94/1, с. 3777].

В хронике правления У-ди в «Хань шу» весь поход от начала до конца описан под одной датой — «летом, в 5-ю луну» [ХШ, гл. 6, с. 203]. Очевидно, что в то время война началась, закончилась же она, как увидим далее, к концу того года.

Из приведенного описания всей кампании 99 г. видно, что главный удар наносило самое многочисленное и полностью состоявшее из конницы войско Ли Гуанли, победителя Давань. Он выступил из Цзюцюаня, к северу от которого как раз находились владения западной части сюннов, и сразился именно с главой ее ю-сянь-ваном. Важно отметить, что ханьцы впервые нападали на сюннов из этого нового и очень отдаленного приграничного района в Ганьсуском коридоре и тоже впервые шли через земли сюннов к северу от него. Потому вряд ли можно усомниться в том, что войско Ли Гуанли двинулось через незнакомые земли торным путем кочевников из Цзюцюаня к горам Тяньшань, которые тоже упоминаются впервые. Историко-географическое исследование данных «Хань шу» показало, что горами Тяньшань («Небесными горами») ханьцы в I в. до н. э. называли цепь хребтов Богдошань и Баркультаг, протянувшихся от Урумчи до Баркуля [Боровкова, 1989, с. 52-54]. Так же на-

зывали их и китайцы в V в. н. э. [Боровкова, 1992, с. 74-75]. Так что Ли Гуанли пошел от Цзюцюаня к горам Тяньшань по караванному пути, который и ныне в виде автодорожки ведет от Цзюцюаня через Хами в Баркуль.

Такой маршрут похода Ли Гуанли доказывает, что У-ди намеревался с помощью его конницы отрезать владения Западного края от основных собственно сюннуских владений с тем, чтобы исключить нападения сюннов на послов, которых он направлял в дальние страны запада с намерением развивать и впредь отношения с ними.

А чтобы обеспечить успех Ли Гуанли, У-ди послал еще два небольших отряда вторгнуться в другие районы Сюнну и сковать находившиеся там ее войска.

Один из них, возглавляемый Иньюй-цзянцзюнем Гунсунь Ао, выступил из Сихэ и соединился с отрядом Лу Бодэ у гор Чжоешань. Сихэ – административный район Хань на северо-востоке Ордоса. Выяснить же местоположение гор Чжоешань по «Хань шу» невозможно, так как это их единственное упоминание в ней. Но они несколько раз упоминаются в материалах «Хоу Хань шу» о южных сюннах. В последних исторических атласах КНР горы Чжоешань указаны далеко к северу от оз. Цзюйяньцзэ, на территории МНР [Атлас к Очеркам, л. 29, 39; Исторический атлас, т. 2, л. 13, 40]. Линь Гань же полагает, что они «находились очень далеко к северо-западу от оз. Цзюйяньхай, что во Внутренней Монголии, поблизости от Мандал-гоби в МНР» [Линь Гань, 1984, с. 36]. Возможно, здесь опечатка, так как Мандал-гоби находится не к северо-западу, а к северо-востоку от Гашуньнура, лежащего на месте древнего озера Цзюйяньцзэ.

Проведенный же нами анализ данных «Хоу Хань шу»¹ показал, что горами Чжоешань в поздниханьское время на-

¹ Горы Чжоешань несколько раз упоминаются в «Повествовании о южных сюннах» в «Хоу Хань шу». Отправной точкой для локализации их стало указание о нахождении ставки шаньюя южных сюннов, покорившихся Поздней Хань, в 80 ли/32 км от Уюань [XXIII, гл. 89, с. 2943], т. е. района нынешнего Баотоу на северном берегу излучины Хуанхэ. В 73 г. н. э. южный шаньюй послал своего цзюсянь-вана сопровождать двух ханьских военачальников в походе на север против северных сюннов. Выйдя из Шофана, они должны были атаковать северосюннуского Вэньюйду-вана у гор Чжоешань, но он, узнав об этом, ушел за пустыню [XXIII, гл. 89, с. 2949]. Очевидно, что

зывали западную часть гор Иньшань, в том числе их хр. Ланшань, далее других выдвинутый на запад в пустыню Алашань. Следовательно, Гунсунь Ао и Лу Бодэ выступили против восточной части сюннов, возглавляемой цзо-сянваном. И хотя они ничего не добились, но все же их наступление сковало силы этой части сюннов.

Другой отряд ханьских войск во главе с Ли Лином выступил в земли Сюнну западнее их. Поход Ли Лина, внука известного военачальника Ли Гуяна, участвовавшего в пятнадцатилетней войне с Сюнну, описан подробно в его биографиях в «Ши цзи» и «Хань шу», что позволяет выяс-

горы Чжоешань находились к северу от Шофана, т. е. от северо-западного угла излучины Хуанхэ, и к югу от пустыни, но неясно, как далеко от реки. Уточнить это позволяют следующие сообщения. В 76 г. Вэньюйду-ван вернулся с севера в свои земли в Чжоешань, и попытка южного шаньюя изгнать его снова была безуспешна [XXIII, гл. 89, с. 2949]. В 85 г. южный шаньюй «послал более 1000 воинов на охоту в Чжоешань», где они столкнулись с Вэньюйду-ваном и вернулись [XXIII, гл. 89, с. 2950]. Отправить на охоту даже тысячу воинов можно было все-таки в не слишком отдаленное место. Так что горы Чжоешань находились к северу от Шофана сравнительно близко и, следовательно, это были нынешние горы Иньшань. А до Мандал-гоби, где их локализовал Линь Гань, от Шофана по прямой линии около 570 км картографического расстояния. По древним же дорогам оно было намного больше. Далековато для охоты.

Следующие сообщения доказывают, что горами Чжоешань назывались именно западные отроги гор Иньшань. В 94 г. часть южных сюннов во главе с Пэнхоу взбунтовалась против шаньюя и ушла в Шофан. В 95 г. Пэнхоу под натиском войск южного шаньюя и Хань с народом отступил оттуда за укрепленную линию (что проходила на северном берегу излучины Хуанхэ). Там он «разделил [свой народ] на две части и поселил в нескольких сотнях ли (100 ли равны 40 км. — Л.Б.) друг от друга: западную под своим управлением у гор Чжоешань, а восточную — к северо-западу от Шофана» [XXIII, гл. 89, с. 2956]. Получается, что горы Чжоешань, в которых обосновалась западная часть народа Пэнхоу, находились к западу от того места к северо-западу от Шофана, где поселилась восточная часть его. Это и дает основание полагать, что в данном случае горами Чжоешань назван хребет Ланшань, один из четырех в системе гор Иньшань, далее других развитый на запад в направлении Алашаньской пустыни.

Так как в материалах «Вэй шу» за V в. одновременно упоминаются как горы Чжоешань, так и горы Иньшань, — вопрос о местоположении гор Чжоешань и об их соотношении с горами Иньшань в то время требует специального исследования.

нить не только направление его похода, но и другие важные детали кампании 99 г. до н. э.

В биографии Ли Лина в «Ши цзи» Сыма Цянь так описал его поход:

«Во 2 г. Тянь-хань, осенью, Эрши-цзяньцзюнь Ли Гуанли с 30-тысячной конницей атаковал сюннуского ю-сянь-вана у гор Цзюйянь-Тяньшань. И послали Лина с его 5000 лучников-пехотинцев из Цзюйяня на север примерно за 1000 ли с целью раздробить сюннуские войска и не позволить им сосредоточиться [против] Эрши-цзяньцзюня. Лин прибыл [в указанное место] и в установленный срок стал возвращаться домой. Но шаньюй с 80-тысячной конницей окружил и атаковал его отряд. У пятитысячного отряда Лина не осталось мечей и стрел, более половины воинов погибло. Но и сюннов было убито и ранено более 10 тыс. Восемь дней [остатки отряда] то отступали, то сражались. Не доходя до Цзюйяня более 100 ли, сюнны в ущелье преградили дорогу. У Лина не осталось продовольствия, а войска на помощь не пришли. Враг атаковал все ожесточеннее и призывал Лина сдаться».

И он, боясь возвращаться в Хань после разгрома его войска, сдался шаньюю. Только 400 воинов вернулись домой [ШЦ, гл. 109, с. 2877-2878].

Сыма Цянь здесь прямо говорит, что Ли Лин был послан против сюннов с целью помешать им сосредоточить все силы против Ли Гуанли, которому в этой кампании отводилась главная роль. А сообщение Сыма Цяня о том, что Ли Гуанли сражался с ю-сянь-ваном осенью (7-9-я луны) уточняет сообщение в хронике правления У-ди, где вся кампания от начала до конца описана под датой ее начала — в 5-ю луну 2 г. Тянь-хань. Свидетельство же о том, что Ли Лин, выступивший из Цзюйяня на север за 1000 ли/400 км, столкнулся там с шаньюем, подтверждает наше предположение, что ставка шаньюя находилась к северу от оз. Цзюйяньцзэ, высказанное выше, исходя из описания расположения восточной и западной частей Сюнну в 105 г. до н. э.

Биография Ли Лина в «Хань шу» оказалась еще подробнее. И это понятно, так как за долгие годы его пребывания в плену в Сюнну туда прибывали многие ханьские послы, которые встречались с ним и могли узнать от него самого подробности, уточняющие и дополняющие сведения Сыма Цяня.

Так, в биографии сказано, что Ли Лин, «выступив из Цзюйяня, за 30 дней дошел до гор Цзюньцзишань», где и началось его сражение с шаньюем. В описании же подготовки его похода упомянуты западные и восточные горы

Цзюньцзишань, находившиеся к северу от Цзюцюаня и Чжанье. А У-ди в своем указе повелевал Ли Лину:

«В 9-ю луну выступить из Чжэлучжана, дойти до речки Лунля к югу от восточных гор Цзюньцзишань. ...Если же не удастся обнаружить [сюннов], — то по бывшей дороге Чжао Пону возвратиться в Шо-усянчэн» [XIII, гл. 54, с. 2451].

Здесь уточнены как время начала похода Ли Лина — 9-я луна, так и место, до которого он дошел, а именно, восточные горы Цзюньцзишань. Кроме того, определено время, затраченное его пяти тысячным отрядом на дорогу до них, равную, по «Ши цзи», 1000 ли (400 км) — 30 дней. Значит, отряд его воинов проходил за день около 33 ли или 13 км.

Более того, теперь можно хотя бы примерно определить время завершения всей кампании, начавшейся в 5-ю луну 2 г. Тянь-хань (99 г. до н. э.). Поскольку Ли Лин выступил в 9-ю луну, когда, по «Ши цзи» Ли Гуанли осенью сражался с сюннским ю-сянь-ваном у гор Тяньшань, очевидно, что их битва продолжалась еще какое-то время и после 9-й луны. Ли Лин же месяц шел до гор Цзюньцзишань и, значит, прибыл туда в 10-ю луну. Его сражение с шаньюем и отступление почти до Цзюйяня также заняли не менее месяца. Следовательно, военная кампания в целом закончилась не ранее 11-й луны 2 г. Тянь-хань, т. е. примерно на рубеже 99 — 98 гг. до н. э.

Анализ сведений о походе Ли Лина дает возможность еще и выяснить местоположение гор Цзюньцзишань. Это нужно не только для определения масштабов и целей данной военной кампании, но и для уточнения ареала расселения сюннов в конце II — начале I в. до н. э. А выяснив, насколько глубоко проникли ханьские войска в их земли, можно составить представление о широте географических познаний ханьцев того времени об этих краях, отраженных в материалах «Ши цзи» и «Хань шу».

Итак, восточные горы Цзюньцзишань находились примерно в 1000 (400 км) по древним дорогам к северу от Цзюйяня, уезда, лежавшего, согласно «Ди ли чжи» «Хань шу», к юго-западу от оз. Цзюйяньцзэ [XIII, гл. 28/2, с. 1613] в нынешней эдзингольской котловине. А вообще-то тогда было известно, что западные и восточные горы находятся к северу от Цзюцюаня и Чжанье, что в горах Цзюньцзишань побывал до Ли Лина ханьский военачальник Чжао Пону. Согласно описанию его похода в «Повествовании о

Сюнну» в «Ши цзи», он в 103 г. до н. э. с 20-тысячной конницей выступил из Шофана на северо-запад и, пройдя 2000 ли (800 км), достиг гор Цзюньцзишань. В комментарии Ин Шао (III в. н. э.) они указаны к северу от Увэй [ШЦ, гл. 110, с. 2915, 2916, прим. 1], города, находящегося к востоку от Чжанъе. Можно не сомневаться, что Чжао Пону, пройдя от Шофана на северо-запад 800 км, вышел именно к восточным горам Цзюньцзишань, что к северу от Увэй. Под западными же горами Цзюньцзишань подразумевались, надо полагать, те, что указаны к северу от Цзюцюаня. Сведений о том, как далеко на запад они простирались, в «Хань шу» нет.

Таким образом выясняется, что западные и восточные горы Цзюньцзишань находились к северу от оз. Цзюйянь-цзэ и простирались с востока на запад от района к северу от Увэй до района к северу от Цзюцюаня, а может быть и дальше. Но ведь это же точное описание Гобийского Тянь-Шаня, продолжением которого на западе является хр. Карлыктаг. И, вероятно, не случайно именно этот хребет, как показало исследование данных «Вэй шу», назывался в V в. горами Цзюньцзишань [Боровкова, 1982, с. 75].

Между тем, Линь Гань, как и составители последних исторических атласов КНР, полагает, что горы Цзюньцзишань находились к северу от оз. Цзюйянь (оз. Гашунь-нур) чуть южнее нынешнего оз. Орок-Нур в МНР [Линь Гань, 1984, с. 33], т. е. в Гобийском Алтае. Но, во-первых, Гобийский Алтай простирается не с запада на восток, как Цзюньцзишань, а с северо-запада на юго-восток и севернее Гобийского Тянь-Шаня. И от района к юго-западу от Гашунь-нура (где находился Цзюйянь, из которого начал поход Ли Лин) до хр. Их-Богдо-Ула к югу от оз. Орок-нур (куда он, якобы, вышел) по прямой на карте 300 км. Будь в эпоху Хань такая прямая дорога между этими двумя пунктами, тогда 300 км по карте соответствовали бы по этой древней дороге примерно 1000 ли или 400 км, пройденных Ли Лином. Но такой прямой дороги между ними не было и нет, и не может быть из-за рельефа региона.

Значит, надо выяснить, по какому реально возможному пути Ли Лин вышел из уезда Цзюйянь и, пройдя 1000 ли (400 км), достиг восточных гор Цзюньцзишань, откуда он мог бы, не встретив сюннов, уйти на юго-восток по дороге Чжао Пону в Шоусянчэн. А Шоусянчэн находился,

можно сказать, рядом с Шофаном, но на северном берегу излучины Хуанхэ.

Представим этот маршрут Ли Лина по современным караванным путям, которые существуют, как правило, с древности. Согласно картам, на которых наиболее полно отражены караванные пути и тропы [см. Карта СССР, 1947, л. 29; Китай, 1974], из района к юго-западу от оз. Гашунь-нур (древнего оз. Цзюйяньцзэ) вдоль его западного берега на север дорога выходит на большой караванный путь. Он проходит к северу от озера, на восток идет до далекой излучины Хуанхэ, а на запад — до района Хами-Баркуль. Немного северо-восточнее Гашунь-нура от него круто на северо-северо-восток отходит дорога к ближайшему хр. Ноён, последнему на востоке в системе Гобийского Тянь-Шаня. По описанному пути расстояние до него соответствует примерно тем 400 км по древним дорогам, что прошел Ли Лин от Цзюйянь до восточных гор Цзюньцзишань. Отсюда, спустившись на юг на большой караванный путь, он и мог бы выйти на юго-восток к г. Шоусянчэн у излучины Хуанхэ.

Изложенное позволяет полагать, что в ханьское время восточными и западными горами Цзюньцзишань назывались горы Гобийского Тянь-Шаня.

Теперь, когда выяснено, что это за восточные горы Цзюньцзишань, становится информативным сообщение в биографии Ли Лина в «Хань шу», касающееся местоположения Лунчэна, пункта ежегодных общих сборов сюннов для отправления ритуальных обрядов. В нем сказано, что Ли Лин, сразившись с шаньюем у восточных гор Цзюньцзишань, сначала несколько дней отступал на юг, а затем «отвел отряд на юго-восток по бывшей дороге [Чжао Пону] на Лунчэн», но сюнны преградили ему путь, и он снова стал отступать к Цзюйянь [XIII, гл. 54, с. 2453]. Таким образом, получается, что путь от восточных гор Цзюньцзишань (восточной части Гобийского Тянь-Шаня) на Лунчэн совпадал с бывшим путем Чжао Пону на Шоусянчэн, шедшим на юго-восток по направлению к излучине Хуанхэ, а отнюдь не на северо-восток к Улан-Батору, в районе которого А. Геррманн [1966, л. 1011] и составители исторического атласа КНР 1979 г. [Атлас к Очеркам, л. 30, 32] локализовали Лунчэн.

То, что Лунчэн находился к северу от излучины Хуанхэ, подтверждает и следующее сообщение из «Повествования о южных сюннах» в «Хоу Хань шу». В 88 г. н. э.

шанью южных сюннов, намереваясь разгромить северных сюннов, в письме императору просил прислать ханьские войска в помощь ему и сообщал, что он уже повелел «всем племенам готовить воинов и лошадей и до жертвоприношений в 9-ю луну в Лун[чэн] собраться выше Реки» [XXIII, гл. 89, с. 2952], т. е. на северном берегу Хуанхэ. Напомним, что в то время ставка южного шаньюя находилась всего в 32 км от района нынешнего Баотоу. И где-то неподалеку был и Лунчэн. Видимо, он был перенесен сюда после того как сюнны в 127 г. до н. э. потеряли свои исконные земли в Ордосе, где издревле и было место их ритуальных сборов. Так что Лунчэн – возможно, даже не название местности, а название этих собраний сюннов.

У-ди, как видим, довольно точно определил место, где Ли Лин мог задержать войско шаньюя, не позволив ему выступить на запад на помощь ю-сянь-вану, сражавшемуся с Эрши-цзянцзюнем Ли Гуанли.

Но кроме рассмотренных описаний военной кампании 99 г. до н. э. в «Хань шу» в других главах есть сведения, доказывающие, что в ней участвовал еще один отряд ханьских войск. В описании Чешпи в «Повествовании о западном крае» сказано:

«Во 2 г. Тянь-хань [правления] У-ди сдавшийся [Хань] сюннуский *цзехе-ван*, пожалованный титулом Кайлин-хоу, во главе лоуланьских войск впервые напал на Чешпи, на помощь которому Сюнну направила ю-сянь-вана с несколькими десятками тысяч конницы. И ханьские войска, не добившись успеха, отступили [XIII, гл. 96/2, с. 3922].

Прежде всего отметим, что это хронологически первое упоминание царства Чешпи. Но далее в «Хань шу» говорится о двух Чешпи: Чешпи ближнем (Турфан) и Чешпи дальнем (Цицзяоцзин). Возможно, в 99 г. до н. э. существовало единое Чешпи, но вероятнее всего, в Хань в то время еще не знали о втором Чешпи, дальнем.

И это первое свидетельство о первой безуспешной попытке ханьских войск прорваться через подвластные Сюнну царства Западного края из Лоулань, лежавшего на прикуньлуньском пути, на север в Чешпи ближнее (Турфан) по притяньшаньскому пути.

Рассмотрим это событие в контексте развития всей кампании ханьских войск 99 г. до н. э.

Тот факт, что Кайлин-хоу возглавил войска Лоулань, доказывает, что в том году это царство оказалось в руках

Хань. Подтверждение находим в описании Шаньшань – так в Хань с 77 г. до н. э. стали называть Лоулань. О походе Кайлин-хоу в нем не упоминается, но вслед за сообщением о том, что после возвращения Ли Гуанли из Давань Сюнну тут же послала свою конницу в Лоулань задерживать ханьских послов в страны запада, сказано:

«Когда ханьский *цзюньчжэн* Жэнь Вэнь с войском расположился в Юймэньгуань, чтобы защитить тыл Эрши[цзянцзюня], захватил в плен [сюннов] и, выяснив обстановку [в Лоулань], доложил двору. Император повелел Вэню по удобной ему дороге вести войска, схватить правителя Лоулань и представить ко двору. В ответ на обвинения [пленный] правитель сказал: "[Мое] царство маленькое, находится между двух великих держав и не может быть спокойно, не подчиняясь им обим. Хочу переселиться с народом в земли Хань". Император признал справедливость его слов, вернул в царство и велел следить за сюннами. Сюнну же с этого времени не очень доверяла Лоулань» [XIII, гл. 96/1, с. 3877].

Ясно, что Жэнь Вэнь был послан в Юймэньгуань у Дуньхуана прикрывать тыл Ли Гуанли, когда тот в 5-ю луну 2 г. Тянь-хань (99 г.) из Цзюцюаня двинулся в поход против Сюнну к горам Тяньшань. Через какое-то время Жэнь Вэнь от захваченных сюннов узнал, что в Лоулань сюннская конница задерживает ханьских послов, и решил доложить двору. Далее потребовалось время на доставку его донесения в далекую от Юймэнь столицу (6100 ли, т. е. 1800 км) и обратно – указа императора ему. После этого Жэнь Вэнь с войском дошел до Лоулань (640 км от Юймэнь), доставил ее правителя ко двору. Только в это время Кайлин-хоу мог прибыть в поверженную Лоулань и, возглавив ее войско, начать поход на Чеши. Так что произошло это не ранее 9-й луны, когда, по биографии Ли Лина, Ли Гуанли еще сражался с ю-сянь-ваном у гор Тяньшань (хр. Баркультаг). Но пока Кайлин-хоу продвигался к Чеши (от Лоулань 1890 ли/756 км), ю-сянь-ван успел разгромить Ли Гуанли и прийти на помощь Чеши. Так что взять Чеши Кайлин-хоу не смог.

Но его поход на Чеши сыграл заметную роль в истории региона. За время похода некоторые подвластные до тех пор Сюнну царства, лежавшие на пути Кайлин-хоу, впервые смогли установить прямую связь с Хань: согласно хронике правления У-ди, накануне 11-й луны ко двору Хань «прибыли с дарами послы из Цюйли и [других] шести царств» [XIII, гл. 6, с. 203].

В царстве Цюйли, впервые упомянутом здесь, было, согласно его описанию в «Повествовании о западном крае», всего 1480 человек и оно лежало к юго-востоку от Гуйцы (Куча) [XIII, гл. 96/2, с. 3911].

Сведения о походе Кайлин-хоу на Чешу и о прибытии во время его до 11-й луны послов из шести царств также говорят о том, что кампания, начатая Хань в 5-ю луну 2 г. Тянь-хань, закончилась не ранее 11-й луны того года, т. е. на рубеже 99 – 98 гг. до н. э. Закончилась для нее совсем неудачно, так как цель – оттеснить сюннов от владений Западного края и получить безопасные пути в дальние царства запада – была не достигнута. Более того, Хань потеряла много войск. У-ди переоценил слабость Сюнну. Ведь даже 30-тысячная конница Ли Гуанли была разгромлена силами одного ю-сянь-вана, правителя западной части Сюнну.

Когда на рубеже 99 – 98 гг. до н. э. завершилась эта кампания, вернулся из Давань ханьский посол, отправленный туда вместе с послами в царства к западу от нее до начала войны. Позднее стали постепенно возвращаться ханьские послы из более дальних царств и прибывать во множестве, как сказано в описании Давань, иноземные послы. Так что в 98 г. У-ди уже, несомненно, был осведомлен о гибели Дася и превращении Большого Юэчжи в великое царство к западу от Давань.

Судя по дальнейшим событиям, складывается впечатление, что У-ди, узнав об этом, решил немедленно, мобилизовав все силы, разгромить Сюнну и доказать многочисленным послам западных царств, что все-таки Хань – самая могущественная держава региона.

Уже в 1-ю луну 4 г. Тянь-хань (97 г. до н. э.), согласно хронике правления У-ди, огромное на этот раз ханьское войско по нескольким направлениям одновременно начало наступление на Сюнну [XIII, гл. 6, с. 205]. Более подробное описание ее дано еще в «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи», почти дословно повторенное в «Хань шу»:

«Спустя два года снова [император] послал Эрши-цзянцзюня с 60-тысячной конницей и 100-тысячной пехотой (в «Хань шу» – с 70-тысячной. – Л.Б.) выступить из Шофана, а цянну-дуэю [повелел] присоединиться к нему. Юэци-цзянцзюню [Хань] Юэ [было велено] с 30-тысячной пехотой выступить из Уюань, Иньюй-цзянцзюню [Гунсунь] Ао с 10-тысячной конницей и 30-тысячной пехотой – из Яньмэнь. Сюнны, узнав [об этом], удалили свои семьи и имущество к

северу от речки Юйшуй, а шаньюй со 100-тысячной [конницей] стал ждать к югу от речки, [где и] сразился с Эрши[-цзянцзюнем]. Эрши [-цзянцзюнь] тогда понял, [что конница шаньюя сильнее] и, отступив, возвратился домой. Сражение с шаньюем продолжалось более десяти дней. ... Юцзи[-цзянцзюнь Хань] Юэ ничего не добился. И Иньюй [-цзянцзюнь Гунсунь] Ао в сражении с цзо-сянь-ваном не добился успеха и, отступив, возвратился домой* [ИШЦ, гл. 110, с. 2918; ХШ, гл. 94/1, с. 3778].

Итак, в самом начале 97 г. до н. э. У-ди выставил против Сюнну огромное войско в 240 тыс., по «Ши цзи», или 210 тыс. человек, по «Хань шу», но только треть его, 70 тыс., составляла конница. Наступление ханьцы повели одновременно из трех пунктов (с востока на запад): Яньмэня, Уюаня и Шофана, т. е. к северу от большой излучины Хуанхэ, где находились земли восточной части сюннов. Но им на помощь пришел со своим огромным войском сам шаньюй.

Впервые за все время противостояния Хань и Сюнну во время этой кампании сюнну применили новую тактику борьбы с ханьцами, которая в последующее время станет обычной. Узнав о наступлении ханьцев, сюнны всем народом со скотом и скарбом отступили на север за речку Юйшуй, вынуждая ханьские войска к изнурительному дальнему преследованию их по опустевшим землям. Тем самым ханьские войска лишались экономического стимула для продвижения вперед — возможности захватывать пленных и скот, а также заменять павших лошадей и тягловый скот и пополнять запасы продовольствия. Когда же они уставали от дальнего пути по опустевшим землям, — на них с севера нападали со свежими силами сюннская конница.

Потому-то, несомненно, с этого времени исчезают сообщения о захвате ханьцами множества пленных сюннов, лошадей и скота, столь характерные для пятнадцатилетней войны 133 — 119 гг. Более того, начиная с этой кампании все явственнее прослеживается стремление ханьцев побыстрее повернуть назад, а не преследовать сюннов, углубляясь в их земли.

Другой причиной неудач Хань был недостаток лошадей — ее ратные силы лишь на треть состояли из конницы. И даже войско Ли Гуанли, в котором было 60 тысяч конных и 100 тысяч пеших воинов, хотя и дошло до южного берега р. Юйшуй, но не выдержало натиска 100-тысячной конницы шаньюя.

Вопрос о местонахождении реки Юйшуй заслуживает внимания, так как позволяет определить не только масштаб данной кампании ханьских войск, но и ареал расселения собственно сюннов в Монголии в то время. Линь Гань [1984, с. 37] вслед за составителями исторических атласов КНР [Атлас к Очеркам, л. 29-30; Исторический атлас, т. 2, л. 39] идентифицировал ее с р. Тола, протекающей у Улан-Батора, не приводя, как обычно, никаких доказательств. Проведенное же нами исследование данных «Хань шу»² по-

² Прежде чем исследовать данные «Хань шу» о местонахождении реки Юйшуй, заметим, что от излучины Хуанха до р. Тола у Улан-Батора по прямой линии около 800-850 км картографического расстояния или 2000-2125 ханьских ли. По древним же дорогам оно было гораздо больше.

Из рассматриваемого сообщения о походе войска Ли Гуанли из Шофана к Юйшуй ясно только, что эта река протекала где-то к северу от северо-западного угла излучины Хуанха в широтном направлении. Более информативными оказались сведения за последующие годы. Так в описании похода ханьских войск против Сюнну в 90 г. до н. э. сказано, что «шаньюй, узнав о выступлении большого ханьского войска, полностью отослал обозы и переселил [народ] к реке Чжицзюйшуй, протекавшей к северу от города Чжао Синя (Чжаосиньчэн), а цзо-сянь-ван бежал со своим народом, переправившись через реку Юйшуй, за 600-700 ли». Потом Ли Гуанли, выступивший из Уюаня, восточнее Шофана, сразился с шаньюем у реки Чжицзюйшуй, куда на помощь ему подошло и войско цзо-сянь-вана. Очевидно, что цзо-сянь-ван «бежал со своим народом, переправившись через реку Юйшуй, за 600-700 ли (*цзюй ци жэньминь ду Юйшуй лю ци бай ли*)», т. е. 240-280 км, не дальше шаньюя, к которому и смог быстро прийти на помощь к реке Чжицзюйшуй. Но В. С. Таскин в своем переводе полагает, что цзо-сянь-ван прошел 600-700 ли от реки Юйшуй [Материалы, 1973, с. 20], а не от места своего первоначального обитания.

Чжицаюйшуй указана к северу от г. Чжао Синя. А согласно описанию похода Вэй Цина 119 г. до н. э., рассмотренного выше, этот город находился от укрепленной линии в районе нынешнего Хух-Хото в 1200 ли (480 км) по древним дорогам, что и дало основание его локализовать на севере Внутренней Монголии около Калганского тракта. Очевидно, что р. Чжицзюйшуй протекала где-то в этом районе, она не могла быть существующей далеко на севере рекой Селенгой, с которой ее идентифицировали составители атласов [Атлас к Очеркам, л. 29-30; Исторический атлас, т. 2, с. 39].

О том, что р. Юйшуй протекала не слишком далеко от укрепленной линии между Хань и Сюнну, свидетельствует сообщение о том, что в 80 г. до н. э. сюнны «послали 9-тысячную конницу расположиться в г. Шоусянчэн, чтобы обороняться от Хань, а к северу [от не-

зволяет заключить, что она протекала на севере Внутренней Монголии.

Итак, попытка У-ди ценой напряжения всех сил разгромить в 97 г. до н. э. главные силы сюннов на востоке закончилась полным поражением его войск. Ему не удалось доказать многочисленным послам из западных стран, вероятно, находившимся тогда при его дворе, что Хань — самая могущественная держава огромного региона. Эффект от победы над Давань был нивелирован. Уязвленный У-ди не захотел, да и не мог далее поддерживать тесные связи с западными царствами — в том регионе теперь господствовало ставшее великим царство Большое Юэчжи, а казна Хань была истощена войной с Сюнну. Средств на богатые дары иноземным правителям и на роскошный прием их послов, как и на продолжение войны с Сюнну, не было. Во всяком случае, с этого времени в «Хань шу» нет сведений о контактах Хань с царствами, расположенными к западу от Давань. На несколько лет прервались и отношения с Сюнну.

го] построили мост через Юйу[шуй] для переправы на случай бегства» [XIII, гл. 94/1, с. 3783]. Шоусянчэн находился немного севернее Шофана, почти у самой укрепленной линии, и Юйушуй явно протекала не очень далеко от него к северу. А в описании похода ханьских войск во время войны Хань и Усунь с Сюнну в 72 г. до н. э. прямо указано расстояние от укрепленной линии у Уюаня до р. Юйушуй. Тогда войска трех ханьских военачальников опять же к северу от излучины Хуанха углубились в земли сюннов на 1200 ли (480 км), 1600 ли (640 км) и 800 ли (320 км). Именно войско третьего, Тянь Шуня, выйдя из Уюань и пройдя «800 с лишним ли, дошло до северного берега дань Юйушуй» [XIII, гл. 94/1, с. 3786]. В. С. Таскин [Материалы, 1973, с. 27] и Н. Я. Бичурин [т. 2, с. 81] включили иероглиф дань «киноварь, красный» — в названии речки «Даньюйшуй», что вряд ли оправданно, так как после него точно повторено название речки, до того уже трижды упоминавшейся в этом районе обитания сюннов. При этом расстояние от укрепленной линии до какого-то пункта на северном берегу Юйушуй в 800 с лишним ли (320 км) согласуется с расстоянием в 600-700 ли (240-280 км), которое преодолел в 90 г. бежавший с народом цзо-сянь-ван, переправившись через Юйушуй, явно из своей ставки. А так как ставка его находилась, несомненно, севернее укрепленной линии, то и путь его за речку Юйушуй составил 600-700 ли, тогда как путь Тянь Шуня измерен непосредственно от укрепленной линии в 800 с лишним ли. Рассмотренные сведения не дают, с нашей точки зрения, оснований искать речку Юйушуй выше северных пределов Внутренней Монголии.

Но и Сюнну, в которой в 96 г. до н. э. умер Цзюйдихоу-шаньюй и править стал его сын Хулугу-шаньюй (96–85), тоже не тревожила границы Хань [XIII, гл. 94/1, с. 3778].

О позициях двух держав в Западном крае (Восточный Туркестан) в то время можно отчасти судить по обстановке в ближнем к Хань царстве Лоулань, лежавшем по прикунь-луньскому пути. Как говорилось выше, в 99 г. до н. э. правитель ее был схвачен ханьскими войсками и доставлен ко двору, но отпущен императором домой с заданием следить за сюннами. Те, хотя и стали меньше доверять ему, но все-таки, видимо, доверяли и имели с ним отношения. Далее в описании Шаньшань-Лоулань говорится, что в I г. Чжэн-ха (92 г. до н. э.) он умер. Лоуланьцы хотели сделать правителем его сына, находившегося, вероятно, с 99 г. при дворе императора. Но он там совершил какое-то преступление и отбывал наказание. Лоуланьцам же сказали, что император очень полюбил его и не хочет отпускать, и предложили сделать правителем другого сына покойного. Те так и поступили. Новый правитель по требованию Хань тоже отправил своего сына в свиту императора, но другого сына послал в свиту шаньюя, а сам вскоре умер. В Сюнну узнали об этом раньше, чем в Хань, вернули сына, который и стал правителем. Хань пригласила его ко двору, но он отказался ехать туда под предлогом необходимости утвердиться на троне. В заключение этого сюжета в описании Шаньшань сказано:

«Но в самых восточных пределах царства Лоулань, ближних к Хань, находится Байлундуй (Пески Кумтаг. — Л.Б.), где мало воды и травы. Обычно для встречи и сопровождения ханьских послов правитель давал проводников и носильщиков воды и продовольствия. Да еще нередко чиновники и воины [сопровождавшие их] занимались грабежами. Чтобы избавиться от невыгодной связи с Хань, [правитель Лоулань] затем снова повернулся к Сюнну и не раз задерживал и убивал ханьских послов. Его младший брат сдался Хань и все рассказал» [XIII, гл. 96/1, с. 3877–3878].

Таким образом, только с 99 до 92 г. до н. э. Хань в какой-то мере контролировала Лоулань. Но уже в 92 г. та опять и добровольно предпочла покровительство Сюнну.

После поражения в 97 г. до н. э. шестидесятилетний У-ди все еще не расстался с надеждой уничтожить Сюнну. Это ясно из сведений в описании Усунь о том, что он всячески старался укрепить связи с нею, заявляя, что намерен сообщать уничтожить Сюнну (подробнее об этом см. ниже в

гл. 10). И потому не удивительно, что в 90 г. до н. э. он предпринял еще один поход против нее.

В хронике правления У-ди кампания вкратце описана так: в 9-ю луну 2 г. Чжэн-хэ (91 г.)

«...сюнны вторглись в Шангу и Уюань, убивая чиновников и простолудингов. В 3 г., весной в 1-ю луну сюнны вторглись в Уюань и Цзюцюань, убив двух дувзев. В 3-ю луну были посланы Эрши-цзянцзюнь [Ли] Гуанли с 70 тыс. человек из Уюаня, юйши-дайфу Шанцю Чэн с 20 тыс. человек (в «Повествовании о Сюнну» — 30 тыс. — Л.Б.) из Сихэ, а Чунхэ-хоу Ман Туна с 40-тысячной конницей из Цзюцюаня. [Шанцю] Чэн дошел до гор Цзюньцзишань и в сражении с врагами убил многих. Ман Тун дошел до гор Тяньшань, и враги отступили. Вслед за тем сдалось Чешу. Все [они] отвели войска и вернулись. [Только Ли] Гуанли потерпел поражение и сдался Сюнну» [XIII, гл. 6, с. 209].

Из этого описания видно, что два ханьских войска добились успехов в сражениях с сюннами, но отступили почему-то и вернулись в Хань, и лишь войско Ли Гуанли потерпело поражение. А что произошло на самом деле, увидим ниже.

Но сначала отметим, что в хронике, как обычно, вся кампания от начала до конца описана под датой ее начала — в 3-ю луну 3 г. Чжэн-хэ (весной 90 г.). А причиной войны стали-де вторжения сюннов, совершенные в 9-ю луну 2 г. и в 1-ю луну 3 г. Чжэн-хэ (91 и 90 гг. до н. э.). Но вряд ли это верно, хотя в «Повествовании о Сюнну» эта причина прямо названа [XIII, гл. 94/1, с. 3778]. Ведь для подготовки широкомасштабной войны, в которой было задействовано 130-140-тысячное войско, наступавшее по трем далеким друг от друга направлениям, требовалось отнюдь не 2-3 месяца. Скорее всего, У-ди давно стал готовиться к возобновлению войны с Сюнну, а два вторжения мелких сюннуских отрядов стали удобным поводом для ее начала.

Чтобы выяснить цели новой кампании и ее результаты, проанализируем, как и ранее, ход ее. Он весьма подробно описан в «Повествовании о Сюнну» и частично в других главах.

Очевидно, что 20-30-тысячное войско Шанцю Чэна, выступившее из Сихэ на северо-востоке Ордоса, и 70-тысячное войско Ли Гуанли, выступившее западнее из Уюаня (район Баотоу) должны были нанести удар по восточной части Сюнну к северу от большой излучины Хуанхэ,

40-тысячная конница Ман Туна из Цзюцюаня – по западной части Сюнну к северу от Ганьсуского коридора. Так как только его войско полностью состояло из конницы, а другие войска были пехотой, то, несомненно, что именно ему предстояло нанести главный удар и оттеснить сюннов от их владений в Западном крае.

Однако, согласно более подробному описанию этой кампании в «Повествовании о Сюнну», ее ход и результаты выглядят несколько иначе. Прежде всего, там сказано о событиях, во многом предопределивших ее исход:

«Шаньюй, узнав о выступлении большого ханьского войска, полностью отослал обозы и переселил [свой народ] к речке Чжицзюйшуй, протекавшей к северу от г. Чжао Синя (Чжаосиньчэн), а цзюсянь-ван со своим народом бежал, переправившись через речку Юйшуй, за 600-700 ли [от места прежнего обитания]. Шаньюй сам возглавил отборную конницу и к востоку от [речки] Аньхоу[хэ] переправился через речку Гудешуй» [XIII, гл. 94/1, с. 3778]. Итак, сюнны опята оставили наступавшим ханьским войскам пустую степь.

Из этого факта логично вытекает следующий: юйшидайфу Шанцю Чэн, выступивший из Сихэ со своей 20- или 30-тысячной пехотой, «дошел до Чжусецзин и, не встретив никого, вернулся» [XIII, гл. 94/1, с. 3779]. Однако далее, противореча сказанному, идет сообщение о том, что 30-тысячная конница сюннов преследовала его до гор Цзюньцзишань, где она, потеряв в девятидневном сражении с ханьцами много убитых и раненых, наконец отступила. Оно явно недостоверно по следующим причинам. Шанцю Чэн из Сихэ (на северо-востоке Ордоса) мог вступить в земли восточной части сюннов, возглавляемых цзюсянь-ваном, только к северу от укрепленной линии в районе нынешнего г. Хух-Хото. И потому совершенно невероятно, что он со своей 20-30-тысячной пехотой под натиском 30-тысячной конницы сюннов стал отступать не на юг, в земли Хань, а по землям сюннов далеко-далеко на запад. Ведь горы Цзюньцзишань, идентифицированные выше по описаниям походов Чжао Пону и Ли Лина с Гобийским Тянь-Шанем, находились в 2000 ли/800 км к северо-западу от Шофана, да от Сихэ до Шофана было еще около 1200 ли (480 км). Очевидно, что не могла пехота Шанцю Чэна на протяжении более 3000 ли уходить от превосходящей ее по силам конницы сюннов и после этого у гор Цзюньцзишань нанести ей столь тяжелое поражение, что она, наконец, отступила. Ни-

чего этого не было. А верно сообщение о том, что он, выступив из Сихэ в земли восточных сюннов, «никого не встретил», что естественно, так как восточные сюнны во главе со своим правителем цзо-сянь-ваном бежали на север за реку Юйушуй. И потому Шандю вернулся в империю.

Поход же самого многочисленного, 70-тысячного войска Ли Гуанли, в составе которого была и небольшая конница, закончился трагически. Согласно «Повествованию о Сюнну», он, выйдя из Уюань (р-н Баотоу), т. е. западнее Шандю Чэна, сначала успешно продвигался вперед, используя свою конницу. Но вдруг пришло известие, что вся его семья за колдовство заключена в тюрьму. И ради ее освобождения Ли Гуанли решил добиться больших успехов в войне. Он двинулся на север и дошел до речки Чжицзюйшуй, к которой шаньюй переселил свой народ. Однако оказалось, что сюнны ушли и отсюда. Решение Ли Гуанли перейти речку и преследовать их дальше вызвало недовольство войска и заговор против него. И он повернул войско назад, домой. Но у горы Яньжанышань шаньюй с 50-тысячной конницей ударил наперерез и разгромил его. Ли Гуанли сдался шаньюю, боясь возвращаться в Хань [XIII, гл. 94/1, с. 3778-3780].

Самое многочисленное войско Хань было наголову разгромлено, самый знаменитый в то время военачальник ее оказался в плену в Сюнну, где вскоре погиб.

Гора Яньжанышань, у которой шаньюй разгромил Ли Гуанли, находилась, как совершенно очевидно из рассмотренного описания его похода, к югу от речки Чжицзюйшуй, протекавшей к северу от г. Чжао Синя, который стоял, как показано выше, в районе Калганского тракта, на севере Внутренней Монголии. Гора Яньжанышань, следовательно, находилась южнее, в землях Внутренней Монголии. Идентификация же ее с Хангайским хребтом, принятая со времен Н. Я. Бичурина [т. 3, с. 58, 82] и до наших дней [Линь Гань, 1986, с. 108; Исторический атлас, т. 2, л. 29, 39], явно противоречит этим сведениям³.

³ Идентификация горы Яньжанышань с Хангайским хребтом сделана, скорее всего, на основании сообщения в биографии Доу Сяня в «Хоу Хань шу» о том, что он и Гэн Бин в 89 г. н. э., нанеся поражение шаньюю северных сюннов, «поднялись на гору Яньжанышань, отстоящую от укрепленной линии на 3000 ли, и вырезали на камне

надпись о [своих] заслугах и о могуществе и добродетели Хань». Тогда Доу Сянь и Гэн Бин во главе 16-тысячной ханьской и 30-тысячной южносиунской конницы выступили из Шофана и Уюаня на север в горы Чжюешань (идентифицированные нами выше с западной частью гор Иньшань). Отсюда Доу Сянь послал против северного шаньюя более чем 10-тысячную отборную конницу южных сиуннов. Она сразилась с ним у горы Цаилошань, разгромила, сиунны рассеялись, шаньюй бежал. Преследуя и громя племена северных сиуннов, войска убили более 13 тыс. человек, захватили много пленных и «свыше миллиона голов» лошадей и разного скота. После этого Доу Сянь и Гэн Бин и поднялись на гору Яньжаньшань [XXIII, гл. 23, с. 814].

Если гора Яньжаньшань была в Хангае, то там же, выходит, находилась и ставка северного шаньюя. Но это не так. Южный шаньюй в письме императору, обосновывая необходимость этого похода, отметил, что северный шаньюй расположился в предыдущем году к западу от р. Аньхоухэ [XXIII, гл. 89, с. 2952]. А в «Повествовании о Сиунну» в «Хань шу» в описании войны 90 г. до н. э. сказано, что шаньюй, переселив народ за р. Чжидаюйшуй, сам с отборным войском «к востоку от Аньхоу» (явно речки), переправился через р. Гуцешуй и стал ждать ханьцев. Очевидно, что р. Аньхоухэ была поблизости от р. Чжидаюйшуй, протекавшей, как установлено выше, на севере Внутренней Монголии, а не в Хангае. К тому же северный шаньюй не стал ждать врагов у своей ставки у р. Аньхоухэ, а, судя по всему, вышел на юг им навстречу, где у горы Цаилошань и произошло сражение. И Ли Гуанли в 90 г. до н. э. от р. Чжидаюйшуй шел на юг в Хань, но был разбит у горы Яньжаньшань. Так что Доу Сяню не было нужды идти в сверхдальний поход в Хангай.

Вообще представляется невероятным, чтобы войско Доу Сяня в том походе прошло 3000 ли до Яньжаньшань и столько же обратно, т. е. 6000 ли/2400 км - огромное по тем временам расстояние. Расчеты по данным «Хань шу» показали, что в то время при поездках на дальние расстояния день конной езды равнялся в среднем 70 ли/28 км [Боровкова, 1989, с. 47]. Даже если бы конница Доу Сяня изо дня в день двигалась с такой скоростью до Яньжаньшань и обратно, то поход занял бы 3 месяца. Но она шла, конечно, медленнее, так как сражалась с северным шаньюем, захватывала пленных и скот и гнала их в Хань. Но, согласно хронике, весь поход состоялся в 6-ю луну 1 г. Юн-юань (89 г. до н. э.) [XXIII, гл. 4, с. 168]. Хотя в хронике обычно походы, сколько бы они ни продолжались, описывались под датой их начала, данный поход, скорее всего, действительно был ближним и скоротечным, ибо в хронике сразу после его описания сказано о прибытии в ту же луну посла от того самого северного шаньюя. Более того, в 9-ю луну в Уюань, где находился Доу Сянь, прибыл посланец императора с указом о пожаловании ему звания да-цзянцзюня (главнокомандующего) [XXIII, гл. 4, с. 169]. Так что, не мог Доу Сянь побывать в очень далеком Хангае.

Третье ханьское войско, 40-тысячная конница Чунхэ-хоу Ман Туна, вышло из Цзюцюаня. Согласно «Повествованию о Сюнну», оно углубилось в земли Сюнну более чем на 1000 ли и дошло до гор Тяньшань. Выступившая ему навстречу 20-тысячная конница сюннов, увидев превосходство сил ханьцев, отступила. Ман Тун «ничего не добился и не потерял» [XIII, гл. 94/1, с. 3778, 3779].

Сообщение о том, что Ман Тун, пройдя от Цзюцюаня более 1000 ли, дошел до гор Тяньшань, т. е. до нынешнего хребта Баркультаг, представляется недостоверным, исходя из следующих расчетов. По данным «Цзю Тан шу», от Чанъани до Ичжоу (Хами) было 4416 танских ли, а до Цзюцюаня — 2858 [ЦТШ, гл. 40, с. 3230/1]. Следовательно, от Цзюцюаня до Ичжоу (Хами), к северу от которого и находились горы Тяньшань, было 1558 танских ли/820 км, что в пересчете дает 2050 ханьских ли. Так что, не мог Ман Тун, пройдя всего немногим более 1000 ли, дойти до гор Тяньшань.

Опять убеждаемся, как и в случае с Шанцю Чэном, который якобы из Сихэ дошел до гор Цзюньцзишань, что в то время при дворе Хань имели крайне слабое представление об этих землях и что военачальники, пользуясь этим, нередко сильно преувеличивали дальность своих походов и масштабы проведенных ими сражений, раздувая таким образом и свои заслуги ради награды.

Итак, согласно рассмотренным сведениям, ни одно из трех подразделений ханьских войск в кампании против Сюнну в 90 г. до н. э. не выполнило свою задачу. Шанцю Чэн и Ман Тун вернулись, не вступив в сражение с сюннами. Войско Ли Гуанли, добившись некоторых успехов, не пожелало преследовать сюннов далее р. Чжицзюйшуй и стало возвращаться в Хань, но по дороге было разгромлено конницей шаньюя у горы Яньжанышань. И опять-таки складывается впечатление, что и в этой кампании ханьские войска больше стремились побыстрее повернуть домой, чем догонять сюннов и сражаться с ними.

Но в хронике, напомним, сказано еще, что в ходе этой войны царство Чэши сдалось Хань. В «Повествовании о Сюнну» после описания похода Чунхэ-хоу Ман Туна тоже сказано об этом:

«Хань, опасаясь, что войска Чэши перережут дорогу Чунхэ-хоу, послала войско во главе с Кайлин-хоу специально окружить Чэши.

Захватив, наконец, его правителя с народом, [оно] вернулось» [XIII, гл. 94/1, с. 3779].

Следовательно, данное подразделение ханьских войск свою задачу выполнило.

Это первое свидетельство о захвате ханьцами царства Чеши, несомненно, ближнего (Турфан), находившегося на севере Восточного Туркестана. Сообщение подтверждается и данными из описания двух царств Чеши в «Повествовании о западном крае»:

«В 4 г. Чжэн-хэ (описка: надо — в 3 г. — Л.Б.) Чунха-хоу Ман Тун был послан во главе 40-тысячной конницы напасть на сюннов по дороге к северу от Чеши. И снова был послан Кайлин-хоу во главе войск из Лоулань, Юйли, Вэйсуй [и других] — всего шести царств специально к Чеши, чтобы не позволить ему перерезать дорогу Чунха-хоу. Войска царств сообща окружили Чеши, и его правитель сдался и подчинился Хань» [XIII, гл. 96/2, с. 3922].

Последняя фраза о том, что Чеши сдалось и подчинилось Хань, отнюдь не позволяет заключить, что в 90 г. до н. э. Хань впервые завладела Чеши (Турфан). Немедленное возвращение войска Кайлин-хоу доказывает, что речь шла о поражении Чеши, а не о переходе его с того времени под власть Хань.

Но особенно интересно сообщение о том, что Кайлин-хоу вел на Чеши войска шести царств, из которых названы конкретно три: уже известное царство Лоулань и хронологически впервые упомянутые здесь Юйли и Вэйсуй. А выше говорилось, что во время его похода на Чеши в 99 г. до н. э. послы шести царств, из которых было названо только одно — Цюйли, прибыли ко двору Хань. То, что это совпадение не случайно, доказывают сведения из указа У-ди 89 г. до н. э.:

«До того, как Кайлин-хоу [был послан] нанести удар по Чеши, [я] заранее возвратил домой находившихся в [моей] столице сыновей и младших братьев [правителей] шести царств: Вэйсуй, Юйли, Лоулань [и других] — чтобы [они] выслали навстречу ханьскому войску скот и продовольствие. [Но они] еще направили и свои войска во главе с правителем каждого из них общей численностью в несколько десятков тысяч человек. Сообща окружили Чеши, и его правитель сдался. Все царства, когда закончилась война, были уже не в состоянии снова доставлять ханьским войскам продовольствие на [обратную] дорогу. [Правда,] ханьские войска, разгромив города [Чеши], заполучили много продовольствия, но унесенного каждым воином на себе было не достаточно до конца похода. Сильные съели скот, а слабые тысячами умирали по дороге» [XIII, гл. 96/2, с. 3913].

Таким образом выяснилось, что в 99 г. до н. э. шесть царств, из которых установлены названия четырех – Лоулань (Чарклык), Цюйли (Пахтаюлгун), Юйли (Чара), Вэйсюй (Курля), а двумя другими явно были лежавшие по пути на Чэши ближнее Шаньго (чуть восточнее Юйли) и Яньци (Карашар) – прислали ко двору У-ди не только послов, но и сыновей и младших братьев своих правителей. Здесь они и остались после восстановления власти Сюнну над их царствами. Когда же в 90 г. до н. э. Хань начала одновременное наступление на восточные и западные земли сюннов, У-ди отослал их домой с поручением обеспечить продовольствием выступившее на Чэши ближнее войско Кайлин-хоу, что и было сделано.

Сообщение же о том, что они выставили еще и войско в несколько десятков тысяч человек, недостоверно. Согласно описаниям этих шести царств в «Хань шу», во всех вместе взятых численность войск составляла всего 13 162 человека. Это еще раз доказывает, что при дворе Хань в начале I в. до н. э. имели весьма приблизительное представление об этом регионе.

Тем не менее, поскольку войско Чэши ближнего (Турфан) при населении в 6000 состояло всего из 1865 человек, а против него действовало, кроме ратных сил шести царств и ханьское войско Кайлин-хоу, которое (судя по тому, что на обратном пути слабые в нем умирали от голода тысячами) тоже насчитывало несколько тысяч человек, то разгромить Чэши им вместе было легко. Сюнны же не пришли ему на помощь, так как в то же время к их западным землям двигалась конница Ман Туна. Кайлин-хоу, не обремененный тяжелыми обозами, так как продовольствие он получал от царств, через которые двигался, дошел до Чэши, видимо, раньше, чем Ман Тун и стал возвращаться в Хань.

Кроме того, заслуживает внимания сообщение в указе У-ди о том, что шесть царств поставили продовольствие и скот Кайлин-хоу лишь на его пути к Чэши, а при возвращении оттуда не только не смогли обеспечить войско продовольствием, но и дать тягловый скот, чтобы ханьцы вывезли продовольствие, захваченное в Чэши. Очевидно, что экономически эти царства были только самодостаточны и их возможности не позволяли содержать ханьское войско даже небольшой срок. Видимо поэтому, Хань, сокрушив Сюнну и установив гегемонию над Западным краем, нико-

гда не держала свои войска в его царствах, а лишь создала свое военно-земледельческое поселение в Чешии дальнем на его границе с сюннами.

Но в Чешии ближнем оказалось много продовольствия, и это стало причиной, наряду с его необычайно выгодным стратегическим положением, упорного стремления Хань в последнее время вытеснить отсюда сюннов и завладеть им.

Итак, кампания 90 г. до н. э., как и вся эта десятилетняя война с Сюнну, закончилась для Хань безрезультатно. Ей не удалось ни разгромить, ни вытеснить Сюнну из северных владений Западного края, через которые шел притяньшаньский караванный путь в дальние страны запада. Но война истощила силы обеих сторон. Для Сюнну же политические и экономические последствия войны оказались столь разрушительными, что ее можно считать прелюдией к последовавшей вскоре гибели этой великой державы кочевников.

ГЛАВА 8

КРУШЕНИЕ ДЕРЖАВЫ СЮННУ И ПЕРЕХОД ЗАПАДНОГО КРАЯ (ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА) ПОД КОНТРОЛЬ ХАНЬ

Десятилетняя война 99 – 90 гг. до н. э. не оправдала надежд У-ди, разгромить Сюнну не удалось. Более того, к этому времени, как говорится в описании Цюйли в «Повествовании о западном крае», «за 32 года военных походов¹ империя опустела и истощилась». И потому У-ди в ответ на предложение ряда сановников создать военно-земледельческое поселение к юго-востоку от Гуйцы (Куча) в бывшем царстве Луньтай и в Цюйли издал указ, в котором «сказал с глубоким сожалением о прошлом», запретил впредь посылать войска за пределы империи и повышать налоги, чтобы народ мог сосредоточить силы на занятии земледелием, и повелевал разводить лошадей и укреплять рубежи империи.

«Поэтому войска больше не выступали [в походы], а чэнсян (глава правительства. – Л.Б.) Ча Цяньцю был пожалован титулом *Фу-минь-хоу* (букв.: хоу, обогащающий народ. – Л.Б.), чтобы показать [намерение императора] дать отдых народу и заботиться о [его] благосостоянии» [XIII, гл. 96/2, с. 3912-3914].

Об этом же говорится в разделе «Ши хо чжи»:

«[По мере того как] росли расходы на внешние дела со всеми иноземцами и на награды внутри, народ бросал основное (занятие земледелием. – Л.Б.). ... Поднебесная опустела и истощилась, люди стали есть людей. И У-ди в конце [жизни] раскаялся в совершенных похо-

¹ Имеется в виду время, в общей сложности затраченное У-ди на войны: пятнадцатилетнюю – с Сюнну в 133–119 гг. до н. э., длившиеся три года – с двумя царства Юэ и с Чаосянь (111–109), четыре года – с Давань (104–101), и, наконец, десятилетнюю войну снова с Сюнну (99–90).

дах, пожаловал чэнсяну титул Фуминь-хоу и издал указ» [XIII, гл. 24/1, с. 0388/2-3].

Именно сообщение о пожаловании чэнсяну Чэ Цяньцю титула Фуминь-хоу позволяет датировать этот знаменитый указ У-ди 89 г. до н. э., так как, согласно таблице пожалований титула хоу родственникам императора по женской линии, Чэ Цяньцю получил его в 6-ю луну 4 г. Чжэн-хэ [XIII, гл. 18, с. 0349/4], т.е. летом 89 г.

Таким образом, развал хозяйства империи заставил У-ди сразу после безуспешной десятилетней войны с Сюнну отказаться в 89 г. от активной внешней политики. А в 87 г. до н. э. семидесятилетний У-ди (Воинственный император) скончался. На трон вступил его восьмилетний сын император Чжао-ди (86 – 74). Фактически же стал править глава военного ведомства (*да-сыма да-цзянцзюнь*) Хо Гуан [XIII, гл. 7, с. 217]. Следуя завету У-ди, ханьский двор в целом воздерживался от активной внешней политики и всемерно содействовал развитию земледелия и разведению лошадей. В Хань начался быстрый экономический подъем, о чем написал Бань Гу в послесловии к хронике правления Чжао-ди. Отметив истощение казны и сокращение наполовину населения страны после походов У-ди, он констатировал, что при Чжао-ди «народ наполнился силами» [XIII, гл. 7, с. 233].

Ситуация же в Сюнну складывалась иначе.

Хулугу-шаньюй (96–85), разгромив в 90 г. войско Ли Гуанли, чувствовал себя победителем и снова стал настаивать на заключении «договора о мире и родстве» и требовать выплаты дани в прежнем размере. В 89 г. в письме к У-ди он высокомерно писал:

«На юге – великая Хань, на севере – сильные хусцы. Хусцы – любимые дети Неба. Не утруждая себя мелкими церемониями, хочу теперь вместе с Хань открыть большие [рынки] у приграничных застав, получить в жены ханьскую принцессу и [хочу], чтобы ежегодно доставляли мне 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса и риса, 10 тыс. кусков разного шелка и прочее согласно прежним договорам. Тогда на границах не будет взаимных грабежей».

У-ди этот ультиматум проигнорировал [XIII, гл. 941, с. 3780].

А положение в Сюнну было тяжелое:

«Из-за глубоких вторжений ханьских войск нужда преследовала [сюннов] более 20 лет, дети погибали во чреве матерей, истощенных до крайности» [XIII, гл. 94/1, с. 3781]. Зимой же 89 – 88 гг. до н. э.

«дождь со снегом зарядил на несколько месяцев, стал погибать скот, стали болеть люди» [XIII, гл. 94/1, с. 3781].

В 85 г. Хулугу-шаньюй собрался снова послать своих людей в Хань для переговоров о заключении договора о мире и родстве, но неожиданно заболел и умер. Вопреки его завещанию *яньчжи* (жена шаньюя) с помощью хитрости и обмана возвела на трон его малолетнего сына, ставшего Хуяньди-шаньюем (85–68). Законные же претенденты на трон, правитель восточной части Сюнну цзо-сянь-ван и живший на западе ю-лули-ван, ушли, негодуя, в свои земли и отказались ездить на ежегодные сборы сюннов в Лунчэн [XIII, гл. 94/1, с. 3781], т.е. в Сюнну фактически произошел раскол.

Скорее всего, именно в это время Хань, воспользовавшись бедственным положением народа и расколом в верхах Сюнну, попыталась проникнуть и закрепиться в одном из ключевых районов притяньшанья, создав свое военное-земледельческое поселение в землях бывшего царства Луньтай у восточных пределов Гуйцы (Куча). Во главе поселенцев в должности *сяовзя* был послан Лайдань, бывший наследник правителя царства Юйми (Керия), которого Ли Гуанли в 101 г. до н. э., возвращаясь из Давань, увез ко двору Хань. Но Гуйцы сочла это покушением на свои земли, убила Лайданя, а в Хань отправила письмо с извинениями. И «Хань не смогла предпринять поход [против нее]» [XIII, гл. 96/2, с. 3916].

Это хронологически первое свидетельство о непосредственном контакте Хань с Гуйцы, крупнейшим царством в притяньшаньском районе, и последнее упоминание о бывшем царстве Луньтай, земли которого, судя по этим событиям, принадлежали Гуйцы.

Хотя Хань не смогла закрепиться в землях бывшего царства Луньтай на востоке Гуйцы, ее попытки вторжения сюда, вероятно, и стали причиной того, что Сюнну во время правления Чжао-ди дислоцировала свою четырехтысячную конницу в царстве Чэши (Турфан), все население которого состояло лишь из 6 тыс. человек. В биографии ханьского посла Фу Цаецзы в сообщении за 77 г. до н.э. говорится, что послы Сюнну постоянно ходили во все царства Западного края через Лоулань, а в Усунь – через Гуйцы [XIII, гл. 70, с. 3001]. Значит, весь Западный край (Восточный Туркестан) находился тогда все еще под контролем Сюнну.

Однако положение в ней продолжало ухудшаться. Стал остро ощущаться недостаток продуктов земледелия, о чем можно судить по тому, что советники шаньюя из перешедших к нему на службу ханьцев предложили самим сюннам заняться земледелием. От этой идеи отказались из опасения, что возделанные поля станут легкой добычей ханьцев. Попытка в 81 г. до н. э. 25-тысячной конницы сюннов пограбить в землях Хань была решительно пресечена, им пришлось бежать, а их «страна все больше беднела» [XIII, гл. 94/1, с.3783].

В 79 г. до н. э. сюнны, выяснив, что войска Хань, охранявшие районы Чжанье и Цзюцюань, слабы, попытались вернуть эти прежде принадлежавшие им богатые земли в Ганьсуском коридоре. Но ханьцы узнали об их намерении от сюннов-перебежчиков и, усилив здесь свои войска, отбили нападение. «После этого, — говорится в «Повествовании о Сюнну», — сюнны не осмеливались вторгаться в Чжанье». Правители Сюнну все более мечтали о заключении договора о мире и родстве и постоянно намекали на это ханьским послам. Но ханьский двор не реагировал на эти намеки. А в 78 г. на востоке ухуани раскопали могилы шаньюев, и сюннам пришлось воевать с ними [XIII, гл.94/1, с.3783].

Этим обстоятельством — отвлечением войск Сюнну на восток против ухуаней — не преминула воспользоваться Хань, чтобы потеснить сюннов на западе и наглухо перекрыть им выход на прикуньлуньский путь.

И в 77 г. до н. э. *чжунлан*, чиновник 6-го ранга 2-й степени (9-й ранг — низший) в Гуанлусюнь (так со 104 г. до н. э. стало называться ведомство дворцовой охраны Ланчжунлинь) Фу Цзецзы с отрядом «смельчаков» был послан в Лоулань «наказать» ее правителя за то, что в его царстве были некогда убиты три ханьских посла (назван один: Ван Чжун) и ограблены послы из Аньси и Давань [XIII, гл. 70, с.3002]. Но послы были убиты давно и не лоуланьцами, а сюннами, о чем позволяет судить следующее сообщение в «Повествовании о Сюнну». В 82 г. до н. э. Хуаньди-шаньюй решил вернуть Хань отказавшихся перейти на службу Сюнну ее бывших послов Су У и Ма Хуна. Су У, ханьский посол в Сюнну, был задержан там еще в 100 г. до н. э. [XIII, гл. 54, с.2259, 2260]. Ма Хун был помощником посла в какую-то западную страну Ван Чжуна. Сюнны задержали их, Ван Чжун в стычке был убит, а Ма Хун взят в плен [XIII,

гл. 941, с. 3782]. Так что гибель Ван Чжуна, как видим, и убийство двух других ханьских послов в Лоулань произошли намного раньше 82 г., вероятнее всего, в те первые годы I в. до н. э., когда У-ди после победы над Давань возобновил связи с царствами к западу от нее, а сюнны посылали свои отряды в Лоулань задерживать ханьских послов. Теперь в Хань припомнили эти давние события в Лоулань и использовали как предлог для вторжения в нее.

В описании Шаньшань в «Повествовании о западном крае» об этом сказано так:

«[Фу] Цзецзы налетке с [отрядом] воинов-смельчаков и с золотом и деньгами для даров под предлогом [того, что везет] дары в иноземные царства, прибыл в Лоулань, обманул ее правителя, [сообщив ему, что] хочет преподнести дары и ему. Правитель обрадовался, [принял его, на пиру] пил с Цзецзы и опьянел. [Фу Цзецзы] увел правителя для тайных переговоров, и два воина сзади закололи его. Приближенные [правителя] разбежались. Цзецзы объявил: "Правитель совершил преступление перед Хань. Сын Неба послал меня наказывать его. Следует возвести на трон младшего брата правителя, Юйтуци, находящегося в Хань. Ханьские войска вот-вот придут, не смейте ничего предпринимать, [иначе] сами погубите [свое] царство". Затем Цзецзы с головой убитого правителя Чангуя помчался в столицу, где голову повесили над северными воротами. Цзецзы пожаловали титул *Иан-хоу*. После этого сделали правителем Юйтуци и переименовали его царство в Шаньшань. Ему дали печать, дары и дворцовую девушку в жены, подготовили экипаж и обоз. Чэнсян с сотней чиновников проводил его до ворот Хуанмэнь, совершил обряд и отправил [далее]. Правитель сам попросил Сына Неба: "Я долго находился в Хань, теперь возвращаюсь, одинокий и слабый. А сыновья покойного правителя живы, боюсь быть убитым. В нашем царстве есть г. Исюнь, его земли тучны. Хочу, чтобы Хань послала двух военачальников создать [там] поселение и собирать урожай [для содержания поселенцев], что позволит Вашему слуге опираться на [их] силы". Поэтому Хань послала одного *сыма* и 40 воинов поселиться в г. Исюнь, чтобы охранять его. Позднее [*сыма*] заменили *дугзем*. С этого началось назначение чиновника в Исюнь»² [XIII, гл. 96/1, с. 3778].

² Город Исюнь в «Хань шу» более не упоминается. Но в биографии сановника Фэн Фэнши говорится, что тот (примерно в 67 г. до н. э.) сопровождал «гостей из Давань» и прибыл в Шаньшань, в г. Исю. Янь Шигу в своем комментарии утверждал, что это тот же город, в котором Хань основала военно-земледельческое поселение [XIII, гл. 79, с. 0558/2], т.е. идентифицировал Исюнь с Исю, что, полагаем, верно. А в «Синь Тан шу» сказано, что дорога от Янгуань на запад через 1000 ли (526 км) подходит к южному берегу оз. Пучанхай (оз. Лобнор), далее «на запад проходит через г. Цитунь, т.е. г. Исю [периода] Хань, а еще через 80 ли на запад доходит до Шичэнчжэнь, т.е.

На этом заканчивается описание Шаньшань-Лоулань в «Хань шу», что убеждает в том, что с 77 г. до н. э. это царство окончательно перешло под контроль Хань. Таким образом, впервые с начала I в. до н. э. она основала свое военное-земледельческое поселение в землях Западного края, да и то лишь в самом ближнем к ней царстве по прикуньлуньскому пути. Поселение было очень маленьким, всего в 40 человек. Но и они должны были заниматься земледелием для самообеспечения. Правитель Шаньшань, которого они охраняли, не взял их на свое содержание явно потому, что сами лоуланьцы, занимавшиеся скотоводством, закупали продукты земледелия в соседних оазисных царствах [XIII, гл. 96/1, с. 3876]. Хань же не могла снабжать их продовольствием из-за трудности и дальности пути, ведь даже от Дуньхуана до Шаньшань было 1600 ли/640 км. Наличие в Шаньшань этого маленького поселения, контингент которого по ханьским правилам периодически менялся, позволяло Хань поддерживать с этим царством регулярную связь, контролировать ситуацию в нем и не допускать сюда сюннов.

Утвердившись здесь в 77 г. до н. э., Хань совсем перекрыла Сюнну выход через Шаньшань на прикуньлуньский путь. В результате, несомненно, сильно затруднились связи сюннов с царствами к западу от Шаньшань и еще больше сократились доходы, получаемые ими от этих царств, но совсем связи Сюнну с ними не прекратились. Ведь Сюнну в то время все еще удерживала под своей властью притяньшаньский район, из которого в прикуньлунь вели другие пути, хотя более далекие и сложные.

С этого времени вековое противостояние Хань и Сюнну вступило в заключительную фазу и закончилось крушением Сюнну как державы. И едва ли не решающую роль в таком исходе сыграла победа Хань в борьбе за влияние на царство Усунь, северо-западного соседа и давнего союзника Сюнну.

История соперничества Хань и Сюнну за влияние на Усунь тесно переплеталась с внутренними событиями в последней. И потому не случайно описание Усунь в «Хань шу» оказалось самым подробным и большим по объему из

[столицы] царства Лоулань [периода] Хань» [СТШ, гл. 43/2, с. 1151]. Если это верно, то ханьское поселение в г. Исюнъ или Исю находилось по пути из Хань всего в 80 ли (32 км) не доходя до столицы Шаньшань, лежавшей в районе нынешнего Чаркыка.

описаний в ней всех других царств западного края. Наличие такого уникального источника дало возможность отдельно исследовать историю этого интереснейшего царства за II – I вв. до н. э., что и сделано в главах 10–11 данной работы. Поэтому, рассматривая здесь процесс крушения державы Сюнну, будем лишь кратко говорить о главных событиях в истории ханьско-сюннуского соперничества за влияние на Усунь, ускоривших этот процесс.

Стратегически важное значение позиции Усунь в борьбе с Сюнну У-ди понял давно. Сразу после окончания пятнадцатилетней войны с Сюнну (133–119) он отправил Чжан Цяня в самом конце 119 г. до н. э. послом в Усунь с богатыми дарами, после чего связи стали регулярными. Это настолько встревожило Сюнну, что она стала угрожать Усунь войной. Но войну не начала, опасаясь вмешательства Хань. Однако угроза Сюнну подтолкнула Усунь к тому, чтобы упрочить связи с Хань через заключение династического брака. В 107 г. до н. э. ханьская принцесса Сицзюнь стала женой куньми, правителя Усунь, но младшей женой, старшей женой он сделал дочь шаньюя. Связи с Усунь как бы легализовались, и У-ди стал ежегодно посылать принцессе богатые дары, которые она раздавала усуньской знати. Когда же старый куньми Лецяоми, основавший царство в долине Или в 161–160 гг. до н. э., решил отдать Сицзюнь в жены своему внуку и наследнику Цзюньсюйми, имевшему звание *сэньцзу*, она воспротивилась. Но У-ди приказал ей подчиниться, заявив, что хочет вместе с Усунь разгромить Сюнну. Примерно в 99–98 гг. до н. э. старый Лецяоми скончался, *сэньцзу* стал куньми. Вскоре умерла принцесса Сицзюнь, но У-ди тут же прислал ему в жены принцессу Цзею. А примерно в 95–94 гг. скончался *сэньцзу*. На трон куньми был возведен Вэньгуйми, тоже внук основателя царства, но от среднего сына. Теперь ханьская принцесса Цзею стала его младшей женой, причем, как окажется впоследствии, любимой женой. Она родит Вэньгуйми трех сыновей и двух дочерей, тогда как от старшей жены, сюннуской принцессы, у него был только один сын.

Рост влияния Цзею, совпавший с периодом резкого ослабления позиций Сюнну после десятилетней войны и последующего тяжелейшего стихийного бедствия, способствовал усилению проханьски настроенной группировки усуньской знати при дворе куньми. Правда, в 80-е годы все еще

часто, как отмечалось выше, послы Сюнну ходили в Усунь через Гуйцы.

Но в 77 г. до н. э. Хань, утвердившись в царстве Лоулань, совсем перекрыла Сюнну выход через него на прикуньдуньский путь. Тем большее значение для Сюнну приобретал теперь притяньшаньский путь на запад. И она решает укрепить свои позиции в этом районе, раз и навсегда прервав связи Хань с Усунь. Только этим можно объяснить неожиданное и ультимативное требование Сюнну к Усунь — отдать ханьскую принцессу. Получив же отказ, Сюнну вместе с подвластным ей Чеши нападает на восточные земли Усунь и захватывает район Чэяньуши. Результат столь грубого нажима на своего союзника оказался противоположным ожидаемому. Усуньский куньми Вэньгуйми, несомненно, хорошо осведомленный о тяжелом внутреннем положении в Сюнну и ослаблении ее позиций в противостоянии с Хань, предпочел пойти на открытый разрыв с Сюнну и на тесный союз с Хань.

В 75–74 гг. ханьская принцесса Цзею в письме к императору Чжао-ди обратилась с просьбой о помощи. Но ханьский двор не решился на обострение отношений с Сюнну. В 74 г. до н. э. на 21-м году жизни скончался Чжао-ди [XIII, гл. 7, с. 232]. На трон вступил восемнадцатилетний Сюань-ди (73 – 49) [XIII, гл. 8, с. 238]. «Сюнны неоднократно нападали на приграничные [земли Хань], а на западе — на Усунь» [XIII, гл. 8, с. 243]. И в 72 г. Хань отправила своего посла Чан Хуя в Усунь. Куньми с принцессой Цзею рассказали ему о стремлении Сюнну прервать их связи с Хань, о нападениях вместе с Чеши на их владения [XIII, гл. 70, с. 3003]. В письме к Сюань-ди, скорее всего, отправленном с Чан Хуем, они уже не просто просили о помощи, а сообщали о намерении куньми с отборной конницей в 50 тыс. человек нанести удар по Сюнну, если ханьские войска тоже выступят на помощь [XIII, гл. 96/2, с. 3905]. И в 1-ю луну 3 г. Бэнь-ши (начало 71 г. до н. э.) пять ханьских войск вторглись в земли Сюнну, но уже в 5-ю луну эта кампания закончилась [XIII, гл. 8, с. 244].

Четыре командующих цзянцзюня с 30-тысячной конницей каждый и один с 40-тысячной конницей выступили на север из пяти районов: (с востока на запад) из Юньчжуня (Хух-Хото), Сихэ, Уюаня (Баотоу), Чжанъе и Цзюцюаня, т.е. ханьская конница одновременно вторглась в восточные,

центральные и западные земли Сюнну. Всего Хань выставила 160-тысячную конницу. Да с запада на Сюнну напала 50-тысячная конница Усунь, которая должна была соединиться для совместного удара с 30-тысячной конницей ханьцев, вышедшей из Цзюцюаня [XIII, гл. 94/1, с. 3785]. Обратим внимание, на этот раз Хань послала против сюннов только конницу и очень многочисленную, что свидетельствует о том, что указ У-ди 89 г. до н. э. о поощрении разведения лошадей уже дал отличные результаты.

И тем не менее кампания оказалась безуспешной. Причина, как ясно из сообщения в «Повествовании о Сюнну», — та же, что и в предыдущих кампаниях:

«Сюнны, узнав о выступлении большого ханьского войска, [все, вплоть до] старых и слабых бежали далеко, уведа скот. Поэтому пять войск захватили мало добычи» [XIII, гл. 94/1, с. 3786].

Несомненно, что этим, невозможностью захватить богатую добычу на опустевших землях сюннов, и объясняется явно просматриваемое по материалам «Повествования о Сюнну» нежелание ханьских войск догонять сюннов и вступать с ними в сражение. На этот раз по указу императора они должны были углубиться в земли Сюнну более чем на 2000 ли (800 км), но все пять цзянцзюней, командовавших войсками, повернули назад значительно раньше. Один из них намеренно не пошел туда, где, как ему сообщили возвращавшиеся домой послы, находились сюнны. Другой опоздал к месту сражения, два других вернулись раньше срока. Двоим пришлось кончить жизнь самоубийством, двух других император простил [XIII, гл. 94/1, с. 3786].

Конница же усуней, возглавляемая самим куньми Вэньгуйми, прорвалась с запада до оз. Пулэйцзэ (оз. Баркуль) и, несмотря на то, что ханьское войско из Цзюцюаня к месту сражения не пришло, разгромила сюннов, взяла ставку западносюннского ю-лули-вана и пленила в ней многих близких родственников шаньюя. Всего усуни взяли в плен более 39 тыс. сюннов и захватили более 700 тыс. голов лошадей и разного скота, «а сюннов погибших, раненых и бежавших, и скота, павшего при дальних перегонах, невозможно и сосчитать. Поэтому Сюнну пришла в упадок и возненавидела Усунь» [XIII, гл. 94/1, с. 3786]. Естественно, что после этой победы над Сюнну престиж Усунь в регионе резко возрос.

В походе куньми принимал участие посланец императора сяовэй Чан Хуй, побывавший послом в Усунь в 72 г. Из всех военачальников, участвовавших в этой безуспешной войне, император наградил только его [XIII, гл. 96/2, с. 3906], пожаловав титул Чанло-хоу в 4-ю луну 4 г. Бэньши (70 г.) [XIII, гл. 17, с. 0347/4], т.е. спустя почти год после окончания войны. Объясняется задержка, по-видимому, тем, что Чан Хуй, возвращаясь из похода следом за куньми, был схвачен и ограблен какими-то усунями (полагаем, сторонниками Сюнну), отобравшими у него печать посла [XIII, гл. 70, с. 3004].

Война закончилась в 71 г. летом, а уже зимой того года шаньюй лично повел 10-тысячную конницу в поход на Усунь, но захватил в плен лишь старых и слабых и стал возвращаться. Вдруг за один день выпал снег глубиной в 1 чжан (2,3 м). Домой вернулась лишь десятая часть людей и скота. А всего зимой того года в Сюнну погибли от голода третья часть населения и половина скота. Воспользовавшись бедствием, на севере на нее напали динлины, на востоке — ухуани, на западе наносила удары Усунь (полагаем, что это произошло весной 70 г.). Они убили и захватили еще несколько десятков тысяч человек и множество скота. После этого в «Повествовании о Сюнну» сказано:

«Сюнну очень опустела и обессилела, все подвластные [ей] владения отпали, [она уже] не могла нападать и грабить. И тогда Хань двинула 30-тысячное войско, которое по трем дорогам вторглось в Сюнну, захватило несколько тысяч человек и вернулось. Сюнну не посмела отомстить [ей], и еще больше, чем прежде, хотела заключить договор о мире и родстве. В приграничных районах [Хань] происшествий стало мало» [XIII, гл. 94/1, с. 3787].

Утверждение, что уже в это время все подвластные Сюнну владения отделились от нее, представляется преувеличением ханьских дворцовых историографов, поскольку в 70 г. до н. э. против Сюнну выступили только ранее подвластные ей динлины и ухуани. Однако несомненно, что процесс распада ее после этого ускорился. Исследование показало, что в 69–68 гг. отделились два больших царства Западного края — Гуйцы (Куча) и Шаче (Яркент) (подробнее см. гл. 10). Сюнну лишилась не только доходов с них. Не менее важным было то, что эти два царства перекрыли Сюнну вообще выход в страны Средней Азии и лишили возможности получать оттуда хоть какую-то часть нужных

продуктов земледелия и ремесла. Это, несомненно, усугубило и без того тяжелое экономическое положение в Сюнну, что и доказывает сообщение в «Повествовании о Сюнну» о том, что в 68 г. до н. э. там погибли еще шесть-семь десятых населения и скота [XIII, гл. 94/1, с. 3788].

Очевидно, что экономическая разруха в Сюнну и политический кризис стали принимать катастрофический характер.

Но, согласно описанию Чеши (Турфан), в 68 г. до н. э. этот район еще оставался под контролем Сюнну:

«Сюань-ди, вступив на трон, послал пять цзян[цзюней] с войсками нанести удар по Сюнну. Находившиеся в землях Чеши сюнны испугались и бежали, а Чеши снова установило связь с Хань. Сюнну обозлилась и повелела великому наследнику [правителя Чеши] Цзюньсу прибыть в свиту [шаньюя]. Но Цзюньсу, внук правителя Яньци (Карашар. — Л.Б.) по женской линии, не захотел ехать с Сюнну и бежал в Яньци. Правитель Чеши вместо него сделал великим наследником сына Угуя. Когда же Угуй стал правителем, то вступил в брачный союз с Сюнну и убеждал ее перерезать дорогу, соединявшую Хань и Усунь» [XIII, гл. 96/2, с. 3922].

События эти произошли между 71 и 68-м годами. Сюнны бежали из Чеши, где при Чжао-ди была дислоцирована их пятитысячная конница, несомненно, во время войны Усунь и Хань против Сюнну в первой половине 71 г. до н. э., когда 50-тысячная усуньская конница через земли Чеши вторглась в западные земли Сюнну у оз. Пулэйцзэ (оз. Баркуль). И потому сомнительно утверждение дворцовых историографов, что Чеши после этого установила связь не с Усунь, а с Хань. Но так или иначе, а вскоре новый правитель Чеши Угуй снова подчинился Сюнну.

В 68 г. до н. э. умер Хуяньди-шаньюй. В обстановке разрухи и голода, царивших в стране, дворцовые распри, сопровождавшие его вступление на трон в 85 г., теперь вспыхнули с новой силой. Его противники теперь победили и возвели на трон Сюйлюйцзяньцзюй-шаньюя (68–60); а бывшие сторонники умершего Хуяньди спровоцировали вторжение ханьских войск и сорвали попытку нового шаньюя отправить послов в Хань для переговоров о мире [XIII, гл. 94/1, с. 3788].

В том же году умер фактически правивший Хань дацзянцзюнь Хо Гуан, и император Сюань-ди стал править сам [XIII, гл. 8, с. 247]. Воспользовавшись катастрофиче-

ской обстановкой в Сюнну, он предпринимает новую попытку утвердиться в стратегически важном районе при-
тяньшанья, в Чеши (Турфан): «Хань послала *шилана* Чжэн Цзи и *сяовэй-сыма*³ Си во главе освобожденных от наказания преступников заняться земледелием в Цюйли и, собрав урожай, напасть на Чеши» [XIII, гл. 96/2, с. 3922].

Сюань-ди явно не случайно послал в Цюйли не регулярные войска, а лишь отряд военнопоселенцев из бывших преступников, который, при том, что от Цюйли до Чеши было 600 км, вряд ли мог возбудить у сюннов особое беспокойство. Кроме того, Цюйли, маленькое царство с плодородными землями, было юго-восточным соседом Гуйцы (Куча). А она в 69 – 68 гг. отделилась от Сюнну и стала союзницей Усунь. Потому император был уверен, что Гуйцы не окажет противодействия его намерению.

По описанию Чеши, события далее развивались так:

«Собрав осенью урожай, [Чжэн] Цзи и Си с более чем 10-тысячным войском из всех царств с внутренними и внешними стенами (*го-чэн-чжу-го*) и с 1500 лично ими возглавляемыми военнопоселенцами сообща напали на Чеши, и, атаковав [его столицу] г. Цзяохэ-чэн, разгромили его. Но правитель [Чеши] все еще находился в его северном г. Шичэн, который взять не смогли, [так как] вдруг кончилось продовольствие. Цзи и другие, прекратив войну, вернулись в поселение в Цюйли» [XIII, гл. 96/2, с. 3922].

Достоверность данного описания представляется крайне сомнительной по следующим причинам. Во-первых, согласно «Повествованию о Сюнну», царства Западного края, которые в «Хань шу» с этого времени назывались *го-чэн-чжу-го* или сокращенно *чжу-го* – «все царства», даже если речь шла о части их, овладели Чеши не в 68-м, а в 67 г. до н. э. [XIII, гл. 94/1, с. 3788]. Во-вторых, непонятно, какие царства в этом районе могли выставить 10-тысячное войско в помощь Чжэн Цзи, поскольку нет сведений об их отделении от Сюнну и переходе на сторону Хань. Ни такие царства, ни их войска не упоминаются в описании последующих событий. В-третьих, невероятно, что почти 12-тысячное войско, овладев столицей Чеши, не смогло взять явно меньший г. Шичэн.

³ *Шилан* – должность чиновника 6-го ранга 2-й степени в Гуан-дусюнь, ведомстве дворцовой охраны [XIII, гл. 19/1, с. 727]. Низший чин – 9-й. *Сяовэй-сыма* – должность военного чиновника более высокого 4-го ранга 1-й степени в штате сяовэев [XIII, гл. 19/1, с. 738; XXIII, гл. 27, с. 3612].

Ведь в Чеши всего-то населения было 6 тысяч, а войск 1865 человек. И за помощью к сюннам Чеши почему-то не обратилось. В-четвертых, сомнительно, что это войско, разгромив Чеши и овладев его столицей, вдруг оказалось без продовольствия. Вспомним, что в 90 г. до н. э. более чем 10-тысячное войско Кайлин-хоу, разгромив Чеши, заполучило очень много продовольствия.

Недостоверность рассматриваемого отрывка из описания похода Чжэн Цзи на Чеши в конце 68 г. до н. э. подтверждают, с нашей точки зрения, и последующие сведения в описании Чеши. Согласно им, Чжэн Цзи собрал осенью 67 г. до н.э. урожай и снова предпринял поход на Чеши. Узнав об этом, правитель Чеши обратился за помощью к Сюнну и, не получив ее, сдался Чжэн Цзи [XIII, гл. 96/2, с. 3922-3923].

Очевидно, что в конце 67 г. Чжэн Цзи повел в поход на Чеши только свой отряд из 1500 поселенцев, так как о других войсках ничего не сказано. И тем не менее правитель Чеши обратился за помощью к Сюнну, тогда как в конце 68 г. он этого почему-то не сделал при наступлении против него 12-тысячного войска.

Изложенное позволяет предположить, что в конце 68 г. до н. э. Чжэн Цзи не собирал 10-тысячное войско из *чжу-го*, не брал столицу Чеши г. Цзяохэчэн, а лишь пошел на Чеши со своими 1500 поселенцами, но, не имея точного представления о дальности пути, взял с собой мало продовольствия и вернулся в Цюйли. А все остальное — «приписки» Чжэн Цзи, сделанные ради преувеличения собственных заслуг.

Но в конце 67 г. до н. э. правитель Чеши действительно сдался Чжэн Цзи, и тот без боя вошел в его столицу.

Далее, судя по описанию царств Чеши, произошло следующее:

«Сюнну, узнав, что Чеши сдалось Хань, послала войска в Чеши. [Чжэн] Цзи и Си повели войска на север навстречу им, и сюнны не осмелились наступать. Цзи и Си тут же, оставив одного хоу во главе 20 воинов охранять правителя, возвратились в Цюйли. Правитель Чеши, опасаясь, что сюнны придут и убьют его, с легкой конницей бежал в Усунь» [XIII, гл. 96/2, с. 3923].

В «Повествовании о Сюнну» говорится, что она послала свою 20-тысячную конницу в 66 г., а не в 67-м, и не в Чеши, а в свои западные земли по соседству с Чеши,

«желая оказать давление на Усунь и Западный край» [XIII, гл. 94/1, с. 3788]. Следовательно, опять Чжэн Цзи приписал себе заслугу — не останавливал он наступление сюннов на Чеши, а узнав о появлении их конницы по соседству с этим царством, бросил на произвол судьбы его правителя Угуя и ушел со своими поселенцами в Цюйли. Потому-то Угуй, опасаясь прихода сюннов, и бежал не к нему в Цюйли, а в Усунь.

Но сюнны и после этого не заняли Чеши. И тогда Чжэн Цзи, как сказано далее в описании Чеши, увез жену и детей Угуя в Цюйли, послал доклад императору, и сам с ними двинулся в Хань. Но, прибыв в Цзюцюань, получил указ вернуться в Цюйли и Чеши «для успокоения западных владений и для нападения на Сюнну». Чжэн Цзи вернулся, отправив в столицу жену и детей правителя Чеши. Там их

«...очень щедро одарили и на всех приемах иноземцев в знак почтения представляли им. А [Чжэн] Цзи впервые послал 300 воинов с чиновниками специально поселиться в Чеши. По рассказам перебежчиков, шаньюй говорил [своим] высшим сановникам: "Земли Чеши тучны, близки к Сюнну. Нельзя допустить, чтобы Хань завладела ими. Расширив поселения и запасшись хлебом, [она] непременно станет вредить нам"» [XIII, гл. 96/2, с. 3923]..

И в самом деле, шаньюй послал конницу в Чеши. Чжэн Цзи привел на помощь 1500 поселенцев из Цюйли, но и Сюнну усилила свою конницу. Ханьцы заперлись в г. Чешичэн, как в данном случае названа, видимо, столица Чеши. Находясь в осаде, Чжэн Цзи в письме императору просил увеличить число поселенцев в Цюйли. Но сановники двора решили, что лучше ликвидировать поселение в Чеши «из-за дальности дороги и обременительности расходов». А в направлении Чеши была послана конница из Чжанье и Цзюцюаня во главе с Чанло-хоу Чан Хуем. Когда он прошел уже более 1000 ли, конница Сюнну сняла осаду Чеши, и Чжэн Цзи смог вернуться в Цюйли [XIII, гл. 96/2, с. 3923].

Как видим, до тех пор пока Чжэн Цзи не пытался укрепиться в Чеши, Сюнну не посылала против него свои войска. Но как только он поселил в Чеши 300 человек, она отреагировала немедленно.

Когда же ханьцы во главе с Чжэн Цзи покинули Чеши? Согласно «Повествованию о Сюнну», через два года после того как Сюнну послала (в 66 г. до н. э.) 20-тысячную конницу в свои западные земли, она отправила в Чеши 12-тысячную

конницу, которая «напала на ханьских поселенцев в г. Чешичэн, но не смогла взять [его]» [XIII, гл. 94/1, с. 3788]. Следовательно, снятие осады войском Сюнну Чешичэна и ликвидация ханьского военно-земледельческого поселения в Чеши (Турфан) произошли в 64 г. до н. э.

Таким образом, очередная попытка Хань завладеть царством Чеши, предпринятая в 68–64 гг. до н. э., закончилась провалом.

Однако Хань, покидая его, сделала все, чтобы этот хлебный край оказался бесполезным для Сюнну, как можно заключить из описания событий в Чеши за два последующих года:

«Правитель Чеши [Угуй] бежал [ранее] в Усунь, и она оставила его [у себя], не отослав [в Хань], а в письме императору сообщала о желании оставить правителя Чеши, чтобы в случае возникновения опасности царству можно было по дороге с запада напасть на Сюнну. Хань позволила. Поэтому [теперь] призвала бывшего великого наследника Чеши Цзюньсу из Яньци, сделала его правителем, весь народ Чеши переселила в Цюйли, уступив затем [опустевшие] земли бывшего Чеши сюннам. Правитель Чеши [Цзюньсу] сблизился с чиновниками ханьского поселения [в Цюйли], порвал с Сюнну и наслаждался дружбой с Хань. После этого Хань отправила *шила* Пань Гуандэ в Усунь с требованием представить к [ее] двору [бывшего] правителя Чеши Угуя. [По прибытии в Хань] он получил в дар дом и поселился с женой и детьми. А случилось это в 4 г. Юань-кан» [XIII, гл. 96/2, с. 3924], т.е. в 62 г. до н. э.

Перетянув таким образом в 63 – 62 гг. до н. э. на свою сторону старого и нового правителей царства Чеши, переселив его народ в Цюйли, Хань оставила сюннам его плодородные, но безлюдные земли. Значит, сюнны, и без того страдавшие от нехватки продуктов земледелия, не могли теперь получать их и из ближнего Чеши.

Внимание к датировке деятельности Чжэн Цзи в районе Цюйли и Чеши проявлено не случайно, а потому, что именно она позволяет определить время, когда произошло важнейшее в истории Восточного Туркестана того времени событие – переход под контроль Хань всего прикуньлуньского пути в Среднюю Азию. Выше выяснено, что в 77 г. до н. э. она, наконец, окончательно поставила под свой контроль царство Шаньшань и начальный отрезок этого пути до него. А в биографии Чжэн Цзи сказано:

«Во времена Сюань-ди [Чжэн] Цзи, будучи *шиланом*, [основал] поселение в Цюйли, собрал хлеб, а затем собрал войска из *чжу-го* и

напал на Чеши. [После этого] возведен в должность *вэй-сыма* и послан охранять южную дорогу к западу от Шаньшань» [XIII, гл. 70, с. 3005].

Теперь мы выяснили, что деятельность Чжэн Цзи в районе Чеши закончилась в 64 г. до н. э. Следовательно, Хань послала его контролировать весь южный, прикуньлуньский, путь, скорее всего, в 63 г. А в 60 г., как увидим ниже, ему поручается охрана как южной, прикуньлуньской, дороги, так и северной, притяньшаньской.

Переходу всей южной дороги под контроль Хань к 63 г. способствовали два события. Примерно в 66 – 65 гг. до н. э. Хань удалось подавить мятеж в Шаче (Яркент) и соседних с ним царствах, лежавших по этой дороге, о чем подробно сказано в главе по истории Усунь. А в 63 – 61 гг. до н. э. вторжения динлинов в земли Сюнну сковали ее силы на северо-западе, о чем говорится в «Повествовании о Сюнну» после описания событий 64 г. в Чеши:

«[Начиная] со следующего, три года подряд (т.е. в 63–61 гг. – Л.Б.) динлины вторгались и грабили [в землях] Сюнну, убивали тысячи людей, угоняли лошадей и скот. Сюнну послала более чем 10-тысячную конницу отбить их, но не смогла» [XIII, гл. 94/1, с. 3788].

Следовательно, в 63 г. до н. э. Сюнну полностью утратила власть над царствами по прикуньлуньскому пути, т.е. над южной частью Восточного Туркестана.

Кроме того, еще в 69–68 гг. лежавшее по притяньшаньскому пути крупнейшее в Западном крае царство Гуйцы (Куча) заключило династический брак с Усунь и отделилось от Сюнну, перекрыв ей выход и по этому пути в Среднюю Азию. Затем, в 63–61 гг. динлины грабили на северо-западе собственно земли сюннов. А в 61–60 гг. усуньский куньми Вэньгуйми договорился с Хань о передаче им трона, вопреки традиции, сыну от младшей жены, ханьской принцессы Цзею, а не сыну от старшей жены, сюннуской принцессы. Это кардинально подрывало позиции ориентировавшейся на Сюнну части усуньского общества, а она была велика в силу длительности дружественных соседских связей Усунь с Сюнну со II в. до н. э.

В такой внешнеполитической ситуации последний и сокрушительный удар по разваливавшейся державе Сюнну нанесли сами сюнны. В 60 г. до н. э. умер Сюйлюйцюаньцзюй-шаньюй (68–60). Теперь его бывшие противники обманным путем провозгласили ю-сянь-вана, правителя западной части Сюнну, Уяньцзюйди-шаньюем (60–58), отстранив наследника

Сюйлюйцюаньцзюй-шаньюю и также имевшего право на трон жичжу-вана Сяньсяньчаня⁴. В стране воцарился террор:

«Вступив на трон, шаньюй, жестокий и злобный, убил всех знатных людей, служивших Сюйлюйцюаньцзюю, ...отстранил сыновей, младших братьев и близких родственников его, поставив на их места своих сыновей и младших братьев» [XIII, гл. 94/1, с. 3789].

В начале осени того же 60 г., до 9-й луны [XIII, гл. 8, с. 262], жичжу-ван Сяньсяньчань «со своим народом» ушел в Хань [XIII, гл. 94/1, с. 3790], где был принят и пожалован титулом Гуйдэ-хоу в 4-ю луну 3 г. Шэнь-цзюэ [XIII, гл. 17, с. 0348/1], 59 г. до н. э.

Произошло казалось бы обычное, не раз уже случавшееся в истории ханьско-сюннуских отношений событие — переход на сторону Хань одного из сюннуских ванов. Однако в обстановке, сложившейся в то время в Сюнну, уход жичжу-вана со своим народом в Хань стал событием исторического значения в судьбе как самих сюннов, так и народов Восточного Туркестана. Наиболее подробно оно описано в биографии Чжэн Цзи:

«В эру Шэнь-цзюэ (61–58 гг. — Л.Б.) в Сюнну началась смута. Жичжу-ван вознамерился сдаться Хань и послал человека к [Чжэн] Цзи договориться. Цзи, собрав 50 тысяч человек из Цюйли, Гуйцы и [прочих] *чжу-го*⁵ вышел навстречу жичжу-вану. 12 тысяч человек во главе 20 малых ванов следовали за Цзи до излучины Реки (Хуанхэ. — Л.Б.). Многие [сюнны] убегали, но Цзи преследовал и убивал их. Затем представил жичжу-вана в столицу. Хань пожаловала ему титул *Гуйдэ-хоу*. [Так как] Цзи прежде нанес поражение Чэши, [а теперь принял] сдавшегося жичжу-вана, что потрясло Западный край, то [он] и стал заодно охранять [как южную, так] и северную дорогу к западу от Че-

⁴ Впервые имя жичжу-вана Сяньсяньчаня упоминается в описании событий 96 г. до н. э. Там в комментарии Янь Шигу сказано, что последний иероглиф в нем произносится *чань* [XIII, гл. 94/1, с. 3788, прим. 1]. Соответственно Н. Я. Вичурин [т. 1, с. 74] и В. С. Таскин [Материалы, 1973, с. 19] так и транскрибировали его. Но в описании событий этого, 60 г. до н. э., они транскрибировали его *шань* [Вичурин, 1950, т. 1, с. 85; Материалы, 1973, с. 31].

⁵ И на этот раз Чжэн Цзи, скорее всего, преувеличил свои заслуги — не мог он в то время и за короткий срок собрать в царствах Западного края 50-тысячное войско. Ведь в притяньшаньских царствах еще находился жичжу-ван, которого он собирался встречать. А в подконтрольных тогда Чжэн Цзи царствах по прикуньдуньской дороге всего-то войск было, по данным «Хань шу», 16,5 тыс. человек (см. Приложение 4).

ши, по причине чего был прозван всеохраняющим (*духу*). Назначение *духу* началось с [Чжэн] Цзи. Император, отмечая его заслуги, издал указ о пожаловании ему титула *Аньюань-хоу* и 1000 дворов в кормление [XIII, гл. 70, с. 3005-3006].

Чжэн Цзи получил титул *хоу* одновременно с жичжу-ваном в 4-ю луну 3 г. Шэнь-цзюэ [XIII, гл. 17, с. 0348/1], т.е. в 59 г. до н. э. В указе он уже назван *духу*, что позволяет полагать, что он получил эту специально учрежденную должность уже в конце 60 г.

Согласно данному сообщению, только после сдачи жичжу-вана Хань стала «охранять» наряду с южной и северную дорогу к западу от Чэши, т.е. притяньшаньский район, который до этого входил, оказывается, во владения сюннуского жичжу-вана.

Так в 60 г. до н. э. Хань, давно и безуспешно пытавшаяся изгнать сюннов из притяньшаньского района, теперь получила его из рук самих сюннов, как это уже было с Ганьсуским коридором в 121 г. до н. э. В результате весь Западный край (Восточный Туркестан) перешел под контроль Хань.

В самой же Сюнну после ухода жичжу-вана Сяньсянь-чаня в Хань положение стало обостряться день ото дня. Уяньцзюйди-шаньюй тут же убил двух его младших братьев, что вызвало гнев части западных сюннов. Вслед за тем после смерти юйцзянь-вана он передал этот титул своему малолетнему сыну. Возмущенные подданные покойного провозгласили юйцзянь-ваном его сына, который тут же с народом переселился в восточные земли. Из этого следует, что сюнны, подвластные юйцзянь-вану, жили до этого в западных землях Сюнну. Очевидно, что большинство западных сюннов оказалось в оппозиции к новому шаньюю. Попытка Уяньцзюйди-шаньюя разгромить ушедшего на восток юйцзянь-вана провалилась.

И это не случайно. Уяньцзюйди-шаньюй восстановил против себя и восточных сюннов:

«У шаньюя, в течение двух лет правления чинившего насилия и убийства, в стране не осталось опоры. Дошло до того, что возроптали все знатные люди восточных земель, [так как] великий наследник неоднократно порочил их».

Когда же в 58 г. шаньюй решил казнить одного из них, у которого ухуани, напав, увели много людей, знать

восточной части Сюнну провозгласила своего ставленника Хуханье-шаньюем.

Так в Сюнну оказалось два шаньюя. Хуханье-шаньюй с 40-50-тысячным войском двинулся на запад против Уяньцзюйди-шаньюя, войска которого бежали, не вступив в сражение. Уяньцзюйди обратился за помощью к своему младшему брату ю-сянь-вану, главе западных сюннов, но тот отказал, назвав его убийцей. И Уяньцзюйди покончил жизнь самоубийством [XIII, гл. 94/1, с. 3791]. Таким злобным и слабым был последний шаньюй некогда великой державы Сюнну.

Но и его соперник оказался тогда не мудрее. Хуханье-шаньюй решил убить ю-сянь-вана, хотя тот не помог Уяньцзюйди. И возмущенная знать западной стороны провозгласила своего ставленника Туци-шаньюем. Он тут же предпринял поход на восток против Хуханье, нанес ему поражение и вернулся в свои земли [XIII, гл. 94/2, с. 3795].

Таким образом, в 57 г. до н. э. Сюнну перестала существовать не только как великая держава, но и как единое государство собственно сюннов.

В том же году в западной части бывшей Сюнну кроме Туци-шаньюя появилось еще три шаньюя. Начался так называемый «мятеж шаньюев». И на востоке старший брат Хуханье-шаньюя провозгласил себя Чжичжи-шаньюем. Мятеж закончился, когда в 54 г. Чжичжи разгромил последнего западного шаньюя, а затем, нанеся поражение своему брату Хуханье, поселился в ставке шаньюев [XIII, гл. 94/2, с. 3797].

Тогда, в 53 г., часть восточных сюннов, возглавляемая Хуханье-шаньюем, покорилась Хань, а Чжичжи, боясь, что брат при поддержке Хань уничтожит его, в 49 г. переселился со своим народом на запад [XIII, гл. 94/2, с. 3797].

Так закончилась история Сюнну, великой державы кочевников. Но ее распад не означал гибель создавших ее сюннов, сложная история которых продолжалась еще долго. Но так как до конца существования империи Ранняя Хань в 25 г. н. э. сюнны непосредственно уже не влияли ощути-мо на жизнь народов Западного края (Восточного Туркестана), далее мы не будем специально останавливаться на их истории. О дальнейшей судьбе Чжичжи-шаньюя до его гибели в 36 г. до н. э. говорится ниже при рассмотрении истории Усунь и Канцзюй. Здесь же необходимо остановиться

кратко на том, какой политике в отношении сюннов, изъявивших покорность Хань, стал с самого начала следовать Сюань-ди, а потом и его преемники.

Согласно хронике правления Сюань-ди (73-48), в конце 2 г. Гань-лу (52 г. до н. э.) Хуханье-шаньюй изъявил желание прибыть ко двору Хань с новогодними поздравлениями. Советники Сюань-ди предложили принять его по церемониалу подданного и посадить ниже ханьских ванов и хоу. Но император не согласился с ними и повелел принять шаньюя как гостя (*кэ*) и посадить выше всех ванов и хоу. Более того, ему были пожалованы богатейшие дары и «императорская печать (*си*)» [XIII, гл. 8, с. 271; гл. 94/2, с. 3798]. Только императорская государственная печать обозначалась иероглифом *си*. Печати же, жаловавшиеся всем титулованным особам ниже по статусу (ванам, хоу), назывались *чжан* [XIII, гл. 94/2, с. 3821]. Следовательно, Сюань-ди, дав Хуханье-шаньюю печать *си*, как бы приравнивал его статус к своему и подтвердил это на следующий день — прибыв во дворец, где тот ночевал, не позволил ему совершать коленопреклонение [XIII, гл. 94/2, с. 3798]

Таким образом, Сюань-ди, щадя гордость покорившихся сюннов, по-прежнему номинально признавал их шаньюя равным себе по статусу, а не подданным, возвеличив его тем самым перед другими сюннускими шаньюями, чем, несомненно, еще надежнее привязывал его к Хань. Он и его преемники, следуя этому курсу, жаловали Хуханье и его преемникам богатые дары, поставляли продовольствие. Благодаря такой политике, Хань добивалась сохранения мира с этой частью сюннов, поселившихся у ее северных пределов, чем облегчала себе усилия по контролю над Западным краем.

ГЛАВА 9
ГЕГЕМОНИЯ ХАНЬ НАД
ЗАПАДНЫМ КРАЕМ
(60 г. до н.э. — 15 г. н.э.)

После того как сюннуский жичжу-ван Сяньсяньчань в 60 г. до н. э. сдался Хань, Западный край (Восточный Туркестан) перешел под ее контроль за исключением земель собственно сюннов к востоку от владений Чешу. Для «охраны» края на специально учрежденную должность *духу* (всеохраняющего) был назначен Чжэн Цзи. Поскольку в его биографии сказано, что назначение духу началось с него, то очевидно, такая должность существовала и в последующие годы. Это подтверждается и многими другими сведениями.

Большинство историков нового и новейшего времени истолковали учреждение должности духу для «охраны» Западного края как свидетельство превращения его в непосредственное владение империи Хань или в ее протекторат. Еще Н. Я. Бичурин 150 лет назад перевел *духу* как «наместник». В его время так назывался глава наместничества, т. е. территориально-административной единицы Российской империи. Тун Шихэн и А. Геррманн в своих атласах включили Западный край во владения Хань [Тун Шихэн, 1919, л. 5; Геррманн, 1966, л. 10, 16]. Историки КНР объявили период Хань временем создания «единого многонационального Китая» и Западный край его неотъемлемой частью [Шан Юй, 1959, с. 85; Ван Чжилай, 1980, с. 98; Жэнь Ифэй, 1980, с. 11], а создатели последних исторических атласов КНР закрепили это на картах, включив в пределы империи Хань на западе Усунь (Семиречье) и Давань (Ферганскую долину) [Атлас к Очеркам, 1979, л. 29-30; Исторический атлас, 1982, т. 2, с. 13-14]. Юй Инши назвал духу генерал-протектором (Protector-general), а царства Западного края — данниками Хань [Юй Инши, 1967, с. 142-143]. Э. Пуллиблэнк также назвал его генерал-

протектором [1968, с. 250 и др.], а Цюрхер – генерал-губернатором – *Governor-general* [1968, с. 364 и др.]. И М. В. Крюков именовал духу генерал-протектором, оговорив, что «протекторат Хань над Западным краем означал формальное подчинение всех государств бассейна Тарима власти ханьского императора» [Крюков, 1988, с. 252-253]. А М. Лоуи, известный исследователь войн Хань с царствами Центральной Азии [см. Лоуи, 1961, 1964, 1969] пришел к выводу, что проникновение Хань в их земли было временным и никогда не принимало характер постоянной и стабильной оккупации [Лоуи, 1969, с. 92-93].

Поэтому исследуем эту проблему всесторонне.

Прежде всего необходимо выяснить, считали ли правители Хань Западный край своим непосредственным владением. Наиболее объективный ответ на этот вопрос дает раздел «Ди ли чжи» в «Хань шу», в котором описаны все территориально-административные единицы империи, в том числе и созданные на завоеванных ею землях царств Юэ, Чаосянь, и сюннуских владений в Ордосе и Ганьсуском коридоре [XIII, гл. 28/2]. Из него видно, что в Хань существовало непреложное правило, согласно которому она, завоевав то или иное царство или часть его и включив эти земли в свои владения, устанавливала на них свое территориально-административное деление и управление.

В Западном же крае, как явствует из этого раздела, Хань никогда, ни до, ни после 60 г. до н. э., не создавала своих территориально-административных единиц, т. е. никогда не рассматривала его как часть своих непосредственных владений.

Не удивительно, что и Бань Гу, составитель «Хань шу», не считал Западный край частью владений Хань, и в своем введении к «Повествованию о западном крае», дав весьма точное географическое описание Восточного Туркестана, указал, что он

«...находится к западу от Сюнну и к югу от Усунь. ... На востоке же соседствует с Хань, отделяясь заставами Юймэньгуань и Янгуань» [XIII, гл. 96/1, с. 3871].

Как видим, по мнению Бань Гу, владения Хань заканчивались у этих двух застав, находившихся чуть западнее Дуньхуана [XIII, гл. 28/2, с. 1614].

Отсюда ясно, что духу не мог быть главой местной ханьской администрации в Западном крае. Поэтому следует

выяснить, каков же был его статус в чиновной системе Хань и в чем состояли его обязанности. Общий ответ на эти вопросы находим в биографии Чжэн Цзи:

«Назначение духу началось с [Чжан] Цзи. Император, отмечая его заслуги, говорил в своем указе: "Духу Западного края *ци-дувэй* Чжэн Цзи успокоил иноземцев, ... встретил побочного брата шаньюя жичжу-вана, разгромил г. Доуцзычэн в Чэши. За великие заслуги жалую ему титул Аньюань-хоу и 1000 дворов в кормление". И тогда Цзи основал управление в центре Западного края со ставкой в г. Улэй и стал охранять и умиротворять все царства, искоренять тайные объединения их, доводить до Западного края распоряжения Хань» [XIII, гл. 70, с. 3006].

Согласно данному сообщению оказывается, что Чжэн Цзи имел две должности: *Сиюй-духу* и *ци-дувэй*. Объяснение находим в «Таблице всех чиновников», где сказано:

«*Сиюй-духу* — дополнительная должность, впервые учрежденная во 2 г. Ди-цзе (т. е. в 68 г. до н. э., но это явная ошибка, надо: во 2 г. Шань-цзюэ, т. е. в 60 г. — Л.Б.). Посылали *ци-дувэй* или *цзянь-дайфу* охранять 36 царств Западного края. Имел [в подчинении] *фу-сяовэя* 3-го ранга 2-й степени, одного *чэна* и по два *сыма*, *хоу* и *цзяньжэня*» [XIII, гл. 19/1, с. 738], т. е. всего 8 человек.

Итак, должность *Сиюй-духу* — дополнительная, ее получали *ци-дувэй* или *цзянь-дайфу*, когда их посылали охранять царства Западного края. Согласно этой же таблице, *ци-дувэй* и *цзянь-дайфу* — должности военных чиновников высокого 3-го ранга 2-й степени в Гуанлусюнь, ведомстве дворцовой охраны [XIII, гл. 19/1, с. 727-728].

Таким образом, военный чиновник высокого ранга одного из высших дворцовых ведомств получал дополнительную должность духу и отправлялся за пределы империи охранять Западный край. Ранг духу в «Хань шу» прямо не указан. Но, судя по тому, что в «Таблице всех чиновников» эта должность указана в ряду *сяовэев*, командующих войсками в мирное время и имевших 3-й ранг 1-й степени [XIII, гл. 19/1, с. 737-738], духу имел такой же ранг, т. е. на одну степень выше, чем по основной должности. Подтверждает это и то, что ему подчинялся *фу-сяовэй* (помощник *сяовэя*), имевший 3-й ранг 2-й степени. Так что духу относился к разряду высших военных сановников империи. И все восемь чиновников в штате его управления (*сыма*, *хоу*, *чэн*, *цзяньжэнь*) были военными.

Итак, управление Сиюй-духу, созданное Хань в 60 г. до н. э., было военным учреждением, предназначенным для охраны Западного края.

Это согласуется с определением функций духу, данным в том же сообщении из биографии Чжэн Цзи — «охранять и умиротворять все царства, искоренять тайные объединения их, доводить до Западного края распоряжения Хань». Сходным образом определил задачи духу и Бань Гу в своем введении к «Повествованию о западном крае»:

«Духу наблюдал за обстановкой в Усунь, Канцзюй и всех иноземных царствах, доносил об изменениях, если мог успокоить, успокаивал, если мог нанести удар, наносил» [XIII, гл. 96/1, с. 3874].

Ясно, что с помощью духу Хань установила как бы военно-полицейский надзор над царствами Западного края и его соседями, не допуская их тайных союзов, так как поодиночке могла справиться с каждым из них быстро и малыми силами.

Поскольку духу был военным и мог, по словам Бань Гу, «нанести удар», то это позволяет предполагать наличие в его распоряжении каких-то войск. Однако в «Хань шу» нет ни одного свидетельства, подтверждающего такое предположение, зато есть убедительное доказательство того, что духу под своим командованием постоянных войск не имел. В биографии Чэнь Тана подробно рассказано, как он, будучи фу-сяовзем в штате духу Гань Яньшоу, организовал вместе с ним поход против Чжичжи-шаньюя в Канцзюй в 36 г. до н. э. (об этом см. ниже в гл. 12), собрав войска царств Западного края и возглавлявшихся уцзи-сяовзем ханьских военнопоселенцев в Чэши. Но, что заслуживает особого внимания, для этого им требовался специальный указ императора [XIII, гл. 70, с. 3007-3011].

А это означает, что духу, получив широкие полномочия по надзору за обстановкой в Западном крае и у его соседей, был лишен реальной силы — войск, которые мог бы использовать по своему усмотрению. Таким способом ханьский двор предусмотрительно исключил возможность превращения духу в независимого властителя далекого и обширного Западного края.

Более того, в «Хань шу» за весь период существования Сиюй-духу вообще нет свидетельств о постоянной и даже временной дислокации ханьских войск в каком-либо царстве или районе Западного края, кроме как в единственном

военно-земледельческом поселении в Чэши. Исключительность последнего факта требует его подробного исследования, тем более что, по мнению некоторых историков, таких поселений в Западном крае было несколько. При этом перечисляются сообщения о создании поселения в землях разгромленного Луньтоу в 101–100 гг. до н. э., поселения в бывшем царстве Луньтай во главе с Лайданем в 80-х годах до н. э., поселения в г. Исюнь в Шаньшань в 77 г. (о чем говорилось выше), а поскольку об исчезновении этих поселений не говорится, постольку создается впечатление, что они существовали до конца Хань [см., например, Жэнь Ифэй, 1980, с. 9–10; Крюков, 1988, с. 254–255].

Что же касается военно-земледельческого поселения в Чэши, то необходимо выяснить, в каком из двух царств Чэши, ближнем (Турфан) или дальнем (Цицзяоцзин), оно находилось, когда было создано и ликвидировано, сколько военнопоселенцев насчитывалось в нем и вообще что оно собой представляло и какую роль играло? Не определив предназначения ханьского поселения в Чэши, войска которого духу мог по специальному указу императора использовать в исключительных случаях, вряд ли можно понять роль духу в Западном крае и вообще характер ханьского присутствия в нем.

Хронологически впервые о военно-земледельческом поселении в Чэши говорится в описании этого царства после изложения событий, происшедших в нем до 62 г. до н. э.:

«После этого создали поселение [во главе с] *уцзи-сяовзэм* в бывших землях Чэши» [XIII, гл. 96/2, с. 3924].

Поскольку перед этим речь шла о правителе Чэши со столицей в г. Цзяохэчэн, то естественно предположить, что поселение во главе с *уцзи-сяовзэм* было создано в Чэши ближнем, т. е. в районе нынешнего Турфана. Именно к такому заключению пришел Бань Гу, написав в своем введении к «Повествованию о западном крае»:

«В правление Юань-ди (48–33 гг. – Л.Б.) снова создали поселение [во главе с] *уцзи-сяовзэм* у ставки правителя Чэши ближнего» [XIII, гл. 96/1, с. 3874].

И эта его точка зрения стала априори общепринятой как древними, так и современными авторами. Поэтому рассмотрим сведения об этом поселении.

В «Таблице всех чиновников» после описания должности духу сказано: «В 1 г. Чу-юань [правления] Юань-ди (48 г. до н. э. — Л.Б.) учреждена должность *уцзи-сяовэя*, имевшего [в подчинении] одного *чэна*, одного *сыма* и пять человек *хоу* 5-го ранга 2-й степени» [XIII, гл. 19/1, с. 738].

Ранг самого *уцзи-сяовэя* здесь не определен, но ясно, что он как *сяовэй* имел 3-й ранг 1-й степени, т. е. такой же, как и духу, и это согласуется с тем, что духу не мог без особого указа императора использовать войска *уцзи-сяовэя*.

Итак, ханьское военно-земледельческое поселение, возглавляемое *уцзи-сяовэем*, было создано в Чэши в 48 г., т. е. только после того как сюнны Хуханье-шаньюя в 53 г. до н. э. покорились Хань.

Поскольку в приведенных сведениях, не считая умо-заключения Вань Гу, не сказано, в каком Чэши, ближнем или дальнем, было создано поселение *уцзи-сяовэя*, местоположение его остается не выясненным. К сожалению, в описании Чэши за период с 62 г. до н. э. до 1 г. н. э. нет никаких сведений о событиях в этих двух царствах. Но с 1 г. н. э. весьма подробно изложены сведения о событиях, связанных именно с деятельностью духу и *уцзи-сяовэя*. И потому тщательно исследуем их.

«В эру Юань-ши (1–5 гг. н. э. — Л.Б.) появилась новая дорога в царство Чэши дальнее. Начинаясь севернее Учюань, [она] связала [его] с Юймэньгуань. Путь туда и обратно стал короче. *Уцзи-сяовэй* Сюй Пу стремился открыть [эту] дорогу, чтобы сократить расстояние наполовину и избежать опасностей Байлундуй (Песков Кумтаг. — Л.Б.). Правитель Чэши дальнего Гутоу предчувствовал невыгодность того, что дорога [через его царство] должна стать постоянной. Так как [его] земли соседствовали с [владением] сюннуского южного цзянцзюня, [Сюй] Пу захотел выяснить их границу, а потом доложить двору. [Он] пригласил Гутоу показать ее, [но тот] не согласился и был ваят под стражу. Гутоу неоднократно [пытался] подкупить стражников буйволами и овцами, прося выпустить, но безуспешно. В доме Гутоу на острие меча засветился огонь. Его жена Гуцзыцзоу сказала ему: "Огонь на острие меча — знак войны, выгодно использовать войска. [Но] правителя Чэши ближнего убил *сыма* [из управления] духу, а теперь [ты] давно под стражей и непременно погибнешь. Не лучше ли сдаться сюннам?" И [Гутоу] бежал, прорвался за *гао-чан-би* и ушел в Сюнну» [XIII, гл. 962, с. 3924].

Это описание дает основание полагать, что ставка *уцзи-сяовэя* Сюй Пу находилась в землях Чэши дальнего (Цицзяоцзин), почему он и был заинтересован в открытии

более короткого и удобного пути сюда из Хань с востока. До того времени ханьцы ходили в Чэши дальнее кружным путем через Юйли (Чара), Яньци (Карашар), Чэши ближнее (Турфан) и оттуда на восток, так как земли к северу от Дуньхуана занимали сюнны. Теперь же сюнны подчинялись Хань. И Сюй Пу первым додумался до возможности пользоваться прямой дорогой, шедшей от Юймэньгуань на север, затем на запад в Чэши дальнее и оттуда на запад в Чэши ближнее (нынешний путь от Дуньхуана через Хами в Турфан).

Кроме того, данное и последующее сообщения позволяют выяснить имя еще одного духу. После фразы о бегстве Гугоу в Сюнну сказано, что в то же время в Сюнну бежал Танду, один из цянских ванов, поскольку духу Дань Цинь не помог ему защититься от нападений другого цянского вана [XIII, гл. 96/2, с. 3925]. Расчеты показывают (см. в конце книги Таблицу ханьских Сиюй-духу), что Дань Цинь занимал эту должность в 4-7 гг. н. э. Последующее сообщение о судьбе Гугоу и Танду свидетельствует о резком изменении отношений Хань с Сюнну и с царствами Западного края при малолетнем императоре Пин-ди (1 – 5 гг.), когда империей начал фактически править Ван Ман. В этом сообщении сказано, что шаньюй, приняв Гугоу и Танду, доложил об этом ханьскому двору. Ван Ман заявил, что шаньюй не имеет права принимать беглых из Западного края, подвластного-де Хань, и потребовал выдачи их. Шаньюй повиновался. Привезенные в Чанъань, они были казнены в присутствии созванных ко двору правителей всех царств Западного края [XIII, гл. 96/2, с. 3925; гл. 94/1, с. 3818-3819].

И, наконец, отметим, что в рассматриваемом сообщении о бегстве Гугоу составитель «Вэй люэ» («Обозрение [истории царства] Вэй») в III в. воспринял словосочетание *гао-чан-би* как название ставки уцзи-сяовэя – *Гаочан*. К вопросу о том, прав ли он, вернемся позже, проанализировав другие сведения об этой ставке.

В описании Чэши далее говорится о событиях 10 г. н. э. Правитель Чэши дальнего Сюйчжили, страдая от обременительных поставок продовольствия и фуража ханьским чиновникам и военачальникам, теперь часто проезжавшим по новой дороге через его царство в Западный край, решил

сдаться сюннам. Глава ханьского военно-земледельческого поселения уцзи-сяовэй Дао Ху

«...прознал об этом и призвал его на допрос. Сюйчжили пови-
нился. Тогда [его] связали и отправили к духу Дань Циню в г. Лэло-
учэн. Народ Сюйчжили понял, что он не вернется, и с плачем прово-
жал его. [Дань] Цинь сразу же по прибытии Сюйчжили казнил [его]»
[XIII, гл. 96/2, с. 3925].

То, что подданные Сюйчжили со слезами провожали его, не оставляет сомнения в том, что ставка уцзи-сяовэя, куда он был вызван на допрос и откуда увезен к духу, на-
ходилась в пределах его собственного царства Чэши дальне-
го (Цицзяоцзин), а не в Чэши ближнем (Турфан).

Кроме того, это описание доказывает, что военно-
земледельческое поселение во главе с уцзи-сяовэйм в зем-
лях Чэши дальнего, основанное Хань в 48 г. до н. э., когда
новый путь в Западный край через это царство еще не был
открыт, и даже после его открытия в первые годы I в. н. э.
не занималось снабжением ханьских посланцев в Западный
край продовольствием и фуражом. Следовательно, с самого
начала предназначение поселения было в чем-то другом.
Последующие события, изложенные в описании Чэши, по-
зволяют выяснить этот вопрос, а также то, что представля-
ла собой ставка уцзи-сяовэя, сколько человек жило в посе-
лении, когда и почему оно перестало существовать.

Итак, в 10 г. н. э. духу Дань Цинь, который вторично
был назначен на эту должность, казнил Сюйчжили, прави-
теля Чэши дальнего. Тогда старший брат казненного, Ху-
ланьчжи, с двумя тысячами своих людей, а всего в царстве
было около 5000 человек, и со скотом ушел в Сюнну.
Шаньюй, возмущенный тем, что перед этим Ван Ман заме-
нил «императорскую печать» (подробнее об этом см. ниже),
принял Хуланьчжи и послал свои войска вместе с ним на-
пасть на один из городов Чэши. Там они ранили сыма из
управления духу и вернулись.

«В это время уцзи-сяовэй Дао Ху заболел, [и] послал чиновника
[ши] Чэнь Ляна расположиться [с отрядом] в долине Хуаньцегу для от-
пора сюннуским разбойникам, чиновника Чжун Дая – собрать хлеба,
сыма-чэна Хань Сюаня – командовать всеми укреплениями. [Но они]
посоветовавшись, решили: "Все царства Западного края втихомолку воз-
мущаются, а сюнны намереваются вторгнуться [в них] большими сила-
ми, [и тогда мы] непременно погибнем. Можно убить сяовэя и с народом
сдаться сюннам". С несколькими тысячами конницы подъехали к ставке

сяовэя и угрозами заставили всех начальников сторожевых вышек (*тин*) собрать топливо для костров, а [охранявшим] все стены (*чжу-би*) объявили: "Подходит 100-тысячная конница сюннов. Всем чиновникам и воинам взяться за оружие, опоздавшим — смерть". Заполучив 300-400 человек, отошли от ставки сяовэя на несколько ли и остановились. На рассвете запалили огни [и побежали к ставке]. Сяовэй [решил, что они бегут от сюннов] и открыл ворота, впустив под барабанный бой чиновников и воинов. [Чэнь] Лян и другие [заговорщики] вошли [в ставку] и убили сяовэя Дао Ху с четырьмя сыновьями, всех [его] братьев с сыновьями, пощадив только женщин с детьми. Укрывшись за стенами [ставки] уцзи-сяовэя, [они] послали человека для переговоров с сюннуским южным цзянцзюнем. И тот с двухтысячной конницей вышел навстречу Ляну и другим. Лян и другие [заговорщики] насильно увели из [ставки] уцзи-сяовэя в Сюнну более двух тысяч человек уцелевших чиновников и воинов, женщин и детей [XIII, гл. 96/2, с. 3926].

В «Повествовании о Сюнну» сказано, что это случилось в 3 г. Цзянь-го [XIII, гл. 94/2, с. 3823], а в биографии Ван Мана — в 9-ю луну этого года [XIII, гл. 99/2 с. 0625/4], т. е. поселение перестало существовать к концу 11 г. н. э. А в 14 г. Ван Ман заставил шаньюя выдать Чэнь Ляна и других перебежчиков и сжег их в Чанъани [XIII, гл. 94/2, с. 3827; гл. 96/2, с. 3927].

Из этого описания выясняется, что все население военно-земледельческого поселения уцзи-сяовэя, включая женщин и детей, составляло около 2,5 тыс. человек (более двух тысяч уведены в Сюнну, да часть людей погибла от рук заговорщиков). По меркам Западного края того времени это было большое поселение, поскольку, например, все население царства Чэши дальше состояло из 4774 человек [XIII, гл. 62, с. 3921].

Описание не оставляет сомнения в том, что это ханьское поселение находилось, как и Чэши дальше, совсем рядом с владениями сюннусского южного цзянцзюня, что в нем опасались нападения именно сюннов и принимали на этот случай меры предосторожности. Упоминания о «всех стенах» (*чжу-би*) вокруг ставки уцзи-сяовэя позволяет заключить, что она была защищена не одной стеной, а двумя-тремя. К тому же перед внешней из них были еще какие-то укрепления (*лэй*) и сторожевые вышки (*тин*). Так что ставка уцзи-сяовэя представляла собой настоящее укрепление, в котором в случае нападения сюннов могли укрыться все поселенцы.

Итак, большое ханьское военно-земледельческое поселение было создано в 48 г. до н. э. на самом востоке царства Чэши дальнее (Цицзяоцзин) у его границы с сюннами и именно против них. Очевидно, что Хань, хотя южная часть сюннов и подчинилась ей в 53 г., все же опасалась их вторжения с востока во владения Западного края, с 60 г. до н. э. перешедшего под ее контроль. С севера их защищала от сюннов Усунь, союзница Хань.

Следовательно, ошибочно умозаключение Бань Гу в его введении в «Повествование о западном крае» о том, что поселение уцзи-сяовзя было создано в Чэши ближнем (Турфан), сделанное им на основании описания событий в Чэши в 68–62 гг. до н. э.

Составители последующих династийных историй, повторяя по традиции суждения своих предшественников, вслед за Бань Гу писали, что ставка уцзи-сяовзя находилась именно в Чэши ближнем (Турфан).

Теперь необходимо остановиться на словосочетании *гао-чан-би* в сообщении о бегстве Гугоу, правителя Чэши дальнего, из ставки уцзи-сяовзя в Сюнну, которое было воспринято позднее как собственное название ставки уцзи-сяовзя — *Гаочан*. К такому умозаключению пришел, по-видимому, первым, в середине III в. Юй Хуань, автор «Вэй люэ», содержавшего сведения за 221–239 гг. Отрывки из этого утраченного сочинения были включены в качестве комментариев в «Сань го чжи», династийную историю периода Троецарствия (221–263), благодаря чему и дошли до нас. Юй Хуань локализовал ставку уцзи-сяовзя, которую он назвал не *Гаочанби*, а *Гаочан*, по «новой дороге» «на границе с Чэши». По его сведениям, в то время существовало только одно царство Чэши — Чэши дальнее, поглотившее не только Чэши ближнее, но и ряд мелких царств к западу от него [СГЧ, гл. 30, с. 859]. Следовательно, автор «Вэй люэ» локализовал ставку уцзи-сяовзя *Гаочан* у восточной границы современного ему Чэши, которая, судя по всему, совпадала с восточной границей Чэши дальнего, существовавшего при Ранней Хань.

Фань Е же писал «Хоу Хань шу» в первой половине V в., когда существовало только царство Чэши ближнее, а Чэши дальнее исчезло вообще и забылось даже местонахождение его [о причинах этого см.: Боровкова, 1989, с. 91]. Поэтому он в своем введении к «Повествованию о западном

крае», следуя традиции, повторил фразу автора «Вэй люэ» о ставке уцзи-сяовэя под названием *Гаочан*, но локализовал ее иначе – вслед за Бань Гу в Чэши ближнем. Сконструированное им таким образом суждение о ставке уцзи-сяовэя под названием *Гаочан* в Чэши ближнем (Турфан) повторяли в своих предисловиях к «Повествованию о западном крае» составители последующих династийных историй. Но, как показало проведенное исследование [см. Боровкова, 1992, гл. 1, 2], в конкретно-исторических материалах, кроме единственного упоминания словосочетания *гао-чан-би* в «Хань шу», в последующих династийных историях ни о ставке уцзи-сяовэя *Гаочан*, ни о военно-земледельческом поселении уцзи-сяовэя в Чэши ближнем вообще не говорится.

Выяснив это и исследовав здесь все сведения в «Хань шу» о ставке уцзи-сяовэя и возглавляемом им военно-земледельческом поселении в Чэши дальнем на границе с сюннами, можно с уверенностью заключить, что автор «Вэй люэ» ошибся, приняв словосочетание *гао-чан-би* за собственное название ставки уцзи-сяовэя. Если она имела собственное название *Гаочан*, то кажется необъяснимым, почему оно ни разу более не упомянуто ни в рассмотренных весьма подробных описаниях событий в ней, ни в других сообщениях об этом поселении. И Бань Гу в своем введении, говоря о создании этого поселения в Чэши ближнем в 48 г. до н. э., не привел его названия.

Возникло предположение, что словосочетание *гао-чан-би* не было собственным названием ставки, а имело смысловое значение. Правда, исходя из наиболее распространенных значений составляющих его иероглифов, оно означало "высокие (*гао*) изобильные (*чан*) стены (*би*)". Если «высокие стены» – понятное определение, то «изобильные стены» вызывают недоумение. Видимо, странностью этого выражения и объяснялось заключение автора «Вэй люэ», что данное словосочетание является собственным названием ставки уцзи-сяовэя.

Но в словаре «Цыхай» приведены восемь значений иероглифа *чан*. Согласно шестому, он означал, что «каждый предмет появляется вслед за другим» [Цыхай, 1949 с. 630]. Поскольку выше по сведениям в «Хань шу» выяснено, что ставка уцзи-сяовэя была защищена не одной стеной (потому и упоминаются «все стены, *чжу-би*»), то это дает основание предположить, что в выражении *гао-чан-би* имелось в виду,

что Гугоу прорвался за высокие, одна за другой появлявшиеся на его пути стены ставки, т. е. за все высокие стены ставки. И все сообщение о бегстве Гугоу можно перевести так: «И [Гугоу] бежал, прорвался за все высокие стены и ушел в Сюнну». В таком случае становится объяснимым, почему никогда более в конкретно-исторических материалах «Хань шу» не приводится якобы собственное название ставки Гаочан.

Итак, Хань после перехода Западного края под ее контроль в 60 г. до н. э. и последовавшего в 53 г. подчинения ей южной части сюннов во главе с Хуханье-шаньюем основала в 48 г. свое единственное, но большое военно-земледельческое поселение во главе с уцзи-сяовзем именно у восточной границы Чэши дальнего с сюннами, безусловно, с целью предотвратить возможность их вторжения в земли Западного края. Подтверждает такое предназначение этого поселения и тот факт, что сразу после его ликвидации в 11 г., согласно сообщению Сиюй-духу Дань Циня, «сюннские южный цзянцзюнь и западный ичжицзы-ван с народом стали нападать и грабить *чжу-го*» [XIII, гл. 96/2, с. 3823], т. е. царства Западного края.

Это первое сообщение о массированном вторжении сюннов во владения Западного края со времени перехода его под контроль Хань. До сих пор, судя по отсутствию каких-либо сведений в описаниях этих царств в «Хань шу» за рассматриваемый период, обстановка в крае оставалась совершенно спокойной, не требовавшей ввода ханьских войск ни в одно из них. А если недовольство и было, то его не выказывали, понимая, что войска из поселения уцзи-сяовзя могут появиться по первому сигналу.

Но были и другие причины такого послушания царств Западного края Хань. Об этом позволяют судить общие замечания Бань Гу о характере их отношений сначала с Сюнну, а затем с Хань, во введении и заключении к «Повествованию о западном крае». Во введении он так описал положение этих царств под властью Сюнну:

«Все царства Западного края в целом оседлы, имеют города с внутренними и внешними стенами, [народ] обрабатывает землю и разводит скот. Обычай отличен от сюннских и усуньских. В прошлом они подчинялись Сюнну. Жичжу-ван, [правивший] западной окраиной Сюнну, назначал *тунпу-дуэя* управлять Западным краем. [Тунпу-дуэй] обычно проживал между Яньци (Карашар. — Л.Б.), Вэйсюй

(Курля. — Л.Б.) и Юйли (Чара. — Л.Б.), собирал налоги (*фу шуй*) со всех царств и получал богатый доход» [XIII, гл. 96/1, с. 3872].

А в заключении отметил:

«Каждое из всех царств Западного края имеет государя, войска и народы [их] раздроблены и слабы, не имеют единого управления. Хотя [все они] подчинялись Сюнну, но не сблизились друг с другом. Сюнну могла получать от них лошадей и скот, войлок и шерстяные ткани, но не могла вообще вмешиваться в назначение и смещение с должностей» [XIII, гл. 96/2, с. 3930].

Бань Гу, несомненно, представил достоверную общую картину взаимоотношений сюннов с царствами Западного края, сложившуюся у ханьцев за долгие времена тесного общения с теми и другими.

Судя по его словам, Сюнну предоставила царствам Западного края как бы административную автономию, сохранив власть их правителей и не вмешиваясь в подбор чиновников. И это вполне понятно: кочевники не умели эффективно управлять хозяйством земледельцев. Но Сюнну взимала с населения края регулярные налоги, дававшие ей богатые доходы. А это доказывает, что власть назначаемого жичжу-ваном для общего управления Западным краем тунпу-дувэя¹ была весьма конкретной. Ведь только для сбора налогов со всех царств и доставки доходов с них ему требовалось немало помощников и охранников. Так что фискальный аппарат сюннов в царствах Западного края был, надо полагать, весьма многочисленным.

¹ Название этой должности сюннуского правителя Западного края, как и многие другие должности сюннов, переданы привычными ханьскими терминами: *тунпу* ("раб") и *дувэй* ("командующий, управляющий". Исходя из буквального перевода его — "управляющий рабами" — некоторые авторы пришли к выводу, что сюнны превратили все население Западного края в рабов [Чжан Вэйхуа, 1957, с. 166; Юи Инши, 1967, с. 135; Линь Гань, 1986, с. 30]. Следуя этой логике, названия ханьских должностей *тайпу* и *пушэ* означали "великий раб" и "стреляющий рабов". Но *Тайпу* — это название одного из высших дворцовых ведомств, управлявшего императорскими конюшнями, и так же именовалась должность его главы, сановника 2-го ранга (I), а *чжун-тайпу* (букв. "средний великий раб") ведал конюшнями императрицы. *Пушэ* — название должности военного чиновника среднего ранга в дворцовом ведомстве охраны Ланчжунлинь [XIII, гл. 19/1, с. 729, 728]. Поэтому судить по названию должности о функциях чиновника, а тем более о социальном статусе подведомственных ему людей вряд ли правомерно.

Кроме того, Сюнну, согласно рассмотренным выше данным «Ши цзи» и «Хань шу», вела активную торговлю с дальними царствами Запада, в частности с Давань, особенно во II в. до н. э. А пути в них шли через царства Западного края, почему Сюнну и стремилась постоянно держать эти пути под неусыпным контролем отрядов своей конницы. По меткому выражению Бань Юна, военачальника Поздней Хань, ратовавшего в 119 г. н. э. за необходимость подчинения ей Западного края, это была кладовая сюннов, утрата которой неизбежно подрывала их мощь [XXIII, гл. 37, с. 1587]. Но раньше всех большое значение Западного края для Сюнну понял Чжан Цянь, еще в 119 г. до н. э. посоветовавший У-ди с помощью усуней завладеть им, чтобы «отсечь правую руку Сюнну» [XIII, гл. 123, с. 3168].

А взаимоотношения Хань с царствами Западного края (Восточного Туркестана) после 60 г. до н. э. Бань Гу охарактеризовал так:

«Из-за отдаленности от Хань и дальности дороги не было пользы, [когда она] заполучила их, и не понесла ущерба, [когда] отказалась от них. По великой доброте, свойственной ей, [она] ничего не взимала с них» [XIII, гл. 96/2, с. 3930].

Ясно, что Хань в отличие от Сюнну не взимала с царств Западного края ни налогов, ни какой-либо дани. И потому не создавала там ни фискального, ни административного аппарата, а лишь назначила духу с его помощниками для наблюдения за сохранением спокойствия. Такая политика Хань в отношении царств Западного края определялась отнюдь не свойственной ей «великой добротой», а тем, что отметил Бань Гу в предпоследней фразе — отсутствии выгоды от связи с ними из-за их большой отдаленности.

Хань выяснила это, скорее всего, после тщательного обследования царств Западного края, проведенного специально посланными чиновниками после 53 г. до н. э., о чем написал Бань Гу в своем введении к «Повествованию о западном крае»:

«После того как при Сюань[-ди] и Юань[-ди] шаньюй признал себя зависимым и Западный край покорился, детально выяснили, [каковы] его земли, горы и долины, сколько правителей и населения [в их царствах], расстояния [до них]» [XIII, гл. 96/1, с. 3874].

Несомненно, что по материалам этого обследования Бань Гу и составил формальные описания всех царств этого

региона с указанием численности их населения и войск, основных должностей, расстояний от Чанъани, от ставки духу и от соседей. В своем введении к «Повествованию о западном крае» он сообщил, что там (в Восточном Туркестане) 36 царств [XIII, гл. 96/1, с. 3871], а привел описания, как мы выяснили, 37. Население всех их, вместе взятых, составляло, по нашим подсчетам, около 299 тыс. человек, т. е. равнялось населению одного из средних цзюней империи (см. Приложение 4).

Результаты обследования убедили, видимо, ханьский двор в том, что возможные доходы от этих царств не покроют даже расходы на дорогу и на содержание в них нужных для управления чиновников. Отсюда — отказ Хань от прямого управления Западным краем и взимания налогов с населения, поскольку даже доставка оттуда полученных продуктов обошлась бы дороже их стоимости.

Это, разумеется, было выгодно правителям царств и, полагаем, стало одной из причин спокойствия в Западном крае в течение всего периода охраны его ханьским духу.

Но в «Хань шу» есть одно сообщение, которое, будучи процитированным усеченно, нередко используется как доказательство того, что Хань сама назначала чиновников разных царств и непосредственно управляла Западным краем. Поэтому приведем это завершающее «Повествование о западном крае» сообщение полностью и проанализируем его:

«Во всех 50 царствах всего 376 человек (чиновников и сановников. — Л.Б.) от *и-чжан*, *чэн-чжан*, *цзюнь*, *цзянь*, *ли*, *далу*, *бай-чжан*, *цян-чжан*, *дуэи*, *цзюйцзюй*, *данху*, *цзян*, *сян* и до *хоу* (титулованной знати) и *ванов* (правителей царств) носили на поясе ханьские печати со шнурами. Но Канцзюй, Большое Юэчжи, Аньси, Цзибинь, Уишаньли и другие из-за их крайней отдаленности в [это] число не входили. Прибывавшие из них с дарами взаимно одаривались, но не отбирался в число [получающих] общее руководство» [XIII, гл. 96/2, с. 3928].

Прежде всего отметим, что в Хань соответствующие определенным рангам три вида печатей со шнурами получали все сановники и чиновники, кроме чиновников низшего 9-го ранга. Из последней же фразы данного сообщения выясняется, что Хань давала такие печати лишь отобраным из числа прибывавших к ее двору с дарами сановников и чиновников иноземных царств, кроме самых отдаленных,

для общего руководства. Что означало общее руководство, покажет последующий анализ.

Таких «отобранных» оказалось 376 человек из 50 царств, среди которых, судя по приведенным названиям должностей, были Усунь и Сюнну. Следовательно, ханьские печати получили в среднем по 7 человек в каждом из 50 царств. Поскольку срок, в течение которого они получали ханьские печати, не определен, то ясно, что это происходило на всем протяжении контактов Хань с этими царствами с конца II в. до н. э. и до начала I в. н. э. Но даже если допустить, что Хань жаловала им печати только в течение 75 лет своей гегемонии над Западным краем — с 60 г. до н. э. по 15 г. н. э., — то и тогда окажется, что в среднем лишь раз в 10 лет один человек в каждом из 50 царств получал печать ханьского чиновника. К тому же это были люди разного социального статуса — от мелких чиновников (глав переводчиков, сотников и других) до титулованной знати и правителей царств.

Так что вряд ли Хань могла с помощью столь мизерного числа отобранных проводников своего влияния, которые чаще всего были к тому же лишь мелкими и средними чиновниками, управлять этими царствами.

Однако некоторые историки находят в приведенном сообщении еще одно доказательство того, что Хань управляла этими 50 царствами. Они считают, исходя из перечисления в сообщении, а также в описаниях царств ряда ханьских по названиям должностей, что их учредила Хань для управления данными царствами. Между тем в «Хань шу» не удалось обнаружить ни одного сообщения об этом, данных же, опровергающих подобное мнение, есть немало. Например: точно известно, что в 199–133 гг. до н. э. Хань была данницей Сюнну и, конечно, не могла назначать в ней чиновников, но уже в описании государственного аппарата Сюнну времен Маодуня в «Повествовании о Сюнну» в «Ши цзи» указаны в частности и такие ханьские по названиям должности, как *сян* и *дувэй*, упомянутые и в анализируемом сообщении из «Хань шу», а также *да-цзянцзюнь* (главнокомандующий). А о должности великого наследника шаньюя — *цзо-сянь-ван* (букв.: левый или восточный мудрый ван) замечено: по-сюннуски «мудрый» — *туци*, потому и должность наследника называется *цзо-туци-ван*. Так что, *цзо-сянь-ван* — это точный перевод названия великого на-

следника шаньюя с сюннуского на ханьский язык. Явно переводными были и названия таких должностей, как *бай-чжан* (сотник), *цян-чжан* (тысячник), *сяо-ван* (малый ван). А вот названия *гуду-хоу*, *лули-ван*, а также *данху* и *цзюйцзюй*, упомянутые и в анализируемом сообщении, явно просто транскрибированы [ШЦ, гл. 110, с. 2990-2991].

И в описании Усунь в «Хань шу», о превращении которой как бы в сателлита Хань можно говорить только с 60-х годов до н. э., в ряду ее высших чиновников указаны опять же *сян* и *дувэй* и такие ханьские по названиям должности, как *да-цзян*, *хоу*, *ли*. Названия же постов сыновей куньми — *саньцзю*, *далу*, упомянутые еще Чжан Цянем во время его первого визита в Усунь в 119 г. до н. э., явно переданы в транскрипции.

Нетрудно заметить, что ханьские дворцовые историографы передавали названия должностей и титулов иноземных царств тремя способами: чаще переводили буквально, реже обозначали именованиями близких по функциям ханьских должностей, наконец, транскрибировали специфические названия, как например, усуньские *далу*, *куньми*, сюннуские *цзюйцзюй*, *данху*, *гуду-хоу*, шаньюй, усуньско-юэчжийский титул знатности *сихоу*.

Проведенный анализ рассматриваемого заключительного сообщения Бань Гу в «Повествовании о западном крае» не дает, с нашей точки зрения, оснований считать, что Хань управляла 50 царствами западного края с помощью 376 их чиновников и сановников, получивших в разное время ее печати со шнурами, а никаких других чиновников она в них не назначала. Да это ей и не нужно было, судя по характеру ее интереса к Западному краю. В экономическом отношении он был бесполезен ей. Сначала, во времена У-ди, он представлял для нее интерес по двум причинам: во-первых, здесь проходили караванные пути в царства Средней Азии, с которыми У-ди стремился иметь тесные связи; во-вторых, этот край был богатой «кладовой» для сравнительно немногочисленных сюннов, и, чтобы ослабить их, надо было лишить их ее.

Но с начала I в. до н. э. связи с царствами Средней Азии, где стало господствовать великое Большое Юэчжи, утратили для Хань прежнее значение. А в середине этого века держава Сюнну распалась и Западный край перешел под контроль Хань. Она взяла его под свою «охрану», дабы

не допустить, чтобы сюнны, этот воинственный народ, который и после крушения своей державы продолжал жить у северных пределов империи, завладели опять своей бывшей «кладовой» и усилились.

Решение этой задачи значительно упростилось после того, как южная часть сюннов во главе с Хуханье-шаньюем признала зависимость от Хань. Если могущественные сюнны в конце концов покорились, то мелкие царства Западного края не могли уже и помышлять о противостоянии ей. И Хань не держала даже свои войска в этих царствах, а лишь отделила их от сюннов, основав большое военно-земледельческое поселение у восточных пределов Чэши дальнего.

Но и такой надзор за царствами Западного края стоил Хань недешево. Это ясно из следующего утверждения сановника Ян Сюна в его докладе императору в 3 г. н. э.:

«То, что в прошлом обдумывали планы [в отношении] Западного края, подчиняли Чэши, назначали духу [охранять] 36 царств с внутренними и внешними стенами, расходуя ежегодно огромные средства, разве делалось [потому, что] Канцзой и Усунь могли пересечь [пустыню] Байлундуй и разграбить [наши] западные пределы? [Нет, это делалось для того], чтобы подчинить сюннов» [XIII, гл. 96/2, с. 3816].

И до конца своего существования империя Хань не отказывалась от контроля над Западным краем. Однако при ее дворе понимали, что такой облегченный надзор возможен лишь до тех пор, пока сами сюнны, признавшие зависимость от Хань в 53 г. до н. э., будут подконтрольны ей. И сведения в «Повествовании о Сюнну» доказывают, что удержание сюннов в повиновении и сохранение мирных отношений с ними оставалось главной внешнеполитической задачей двора до последних лет существования империи. Для этого Хань, с одной стороны, продолжала держать свои войска у старой укрепленной линии, прежде разделявшей земли ее и Сюнну, отказавшись в 33 г. до н. э. от предложения Хуханье-шаньюя взять на себя защиту северных рубежей империи [XIII, гл. 94/2, с. 3803-3805], а с другой стороны, посылала сюннам продовольствие, преподносила шаньюям богатейшие дары [XIII, гл. 94/2, с. 3798, 3800, 3808, 3817]. В 33 г. до н. э. император Юань-ди пошел даже навстречу желанию Хуханье породниться с домом Хань и отдал ему в жены вместо принцессы дочь придворного [XIII, гл. 94/2, с. 3803, 3807].

Такой политики в отношениях с сюннами ханьский двор придерживался до того, как при малолетнем императоре Пин-ди (1–5 гг.) Ван Ман возглавил правительство и начал демонстративно относиться к шаньюю и правителям Западного края как к своим подданным. В 3 г. он принял постановление, предписывавшее всем ханьцам иметь только одно имя (Цянь, Тань и т.п.), а не два (Гуанли, Цюй-бин и т.п.), а вскоре заставил и Учжюлю-шаньюя (8 г. до н. э. – 13 г. н. э.) наравне с ханьскими подданными взять одно имя [XIII, гл. 94/2, с. 3819; гл. 99/1, с. 0620/2]. В это же время Ван Ман повелел шаньюю выдать бежавших к сюннам правителя Чеши дальнего Гугоу и других перебежчиков, поскольку-де Западный край – это владение Хань. Он созвал в Чанъань правителей всех царств этого края и в наказание им казнил Гугоу на их глазах. Затем утвердил четыре правила, запрещавшие сюннам принимать перебежчиков из Хань, Усунь, Западного края и Ухуань [XIII, гл. 94/2, с. 3819].

В 9 г. Ван Ман узурпировал императорский трон и переименовал империю Хань в империю Синь. В том же году он в своем указе повелел правителям всех царств Западного края, называвшимся в Хань, как и правители всех других иноземных царств, кроме Сюнну и Усунь, *ванами*, отныне называться *хоу* [XIII, гл. 99/2, с. 0625/3]. Тем самым он низвел их до статуса своих подданных, имевших лишь второй титул знатности.

У шаньюя же обманным путем была отобрана «императорская печать шаньюя Сюнну (*Сюнну шаньюй си*)», которую Сюань-ди пожаловал Хуханье-шаньюю, и заменена «княжеской печатью шаньюя [от империи] Синь (*Синь шаньюй чжан*)» [XIII, гл. 94/2, с. 3821; гл. 99/2, с. 0625/3]. Таким образом, согласно печати, пожалованной Сюань-ди, шаньюй приравнивался по статусу к императору, а согласно печати, присланной Ван Маном, он превращался в подданного империи Синь и приравнивался по статусу к ханьским вanam и хоу. Это вызвало негодование шаньюя.

В эти же годы сыма из управления духу убил правителя Чеши ближнего, а в 10 г. духу Дань Цинь казнил правителя Чеши дальнего Сюйчжили, уличенного в намерении сдаться сюннам. Поэтому не удивительно, что царства Западного края стали негодовать, о чем сказано в рассмотренном выше описании событий в ставке уцзи-сяовэя. Подвластные

ему чиновники и воины, напуганные растущим недовольством царств Западного края и угрозой нашествия возмущенных политикой Ван Мана сюннов, предпочли убить уцзи-сяовзя и со всем народом поселения сдать ся ссюннам, которые их радушно приняли, несмотря на запрет Ван Мана.

Тогда Ван Ман решил раздробить Сюнну, назначив по своему усмотрению 15 шаньюев, и собрать 300-тысячное войско для похода против них. Первому воспротивились сюнны, второе вызвало взрыв недовольства в империи. В результате ни то, ни другое реализовать не удалось, но эти намерения вызвали ярость сюннов. В «Повествовании о Сюнну» говорится, что после этого «за несколько лет северные приграничные земли опустели, поля покрылись костями погибших» [XIII, гл. 94/2, с. 3823-3826]. И хотя в последующие годы Ван Ман посылал новым шаньюям богатые дары, вторжения сюннов в земли империи не прекратились и после его гибели в 23 г.

Одновременно забунтовались и униженные им правители царств Западного края. В 14 г. в царстве Яньци был убит духу Дань Цинь. (Следовательно, в 11-14 гг. он оставался в этой должности на третий срок.) В 15 г. Ван Ман решил покарать Яньци и послал войска во главе с новыми духу Ли Чуном и уцзи-сяовзем Го Цинем. Но они там были разгромлены. Го Цинь повелел вырезать старых и малых в столице Яньци, и пока войска Яньци сражались с ханьцами в другом месте, смог вернуться в империю и был награжден Ван Маном. А духу Ли Чун с остатками своих людей бежал в издавна дружественное империи Хань царство Гуйцы (Куча), но после смерти Ван Мана был убит там. Западный край полностью прервал связи с Хань [XIII, гл. 96/2, с. 3927].

Очевидно, что Западный край (Восточный Туркестан) вступал в новый этап своей истории.

В рассмотренных материалах «Хань шу» в основном из описаний двух царств Чэши говорится только о трех ханьских Сюй-духу — Чжэнь Цзи, Дань Цине и Ли Чуне. Чжэнь Цзи был первым назначен на эту должность, а Дань Цинь и Ли Чун последними занимали ее уже в период крушения империи.

Имена некоторых других духу и сведения об их деятельности есть в материалах «Хань шу» по истории царств Усунь и Канцзюй, которые будут рассмотрены ниже.

ГЛАВА 10

ЦАРСТВО УСУНЬ. БОРЬБА ХАНЬ И СЮННУ ЗА ВЛИЯНИЕ НА НЕГО В 100 – 60 ГОДЫ ДО Н.Э.

Прежде чем рассматривать материалы «Хань шу», касающиеся царства Усунь и его роли в борьбе между Хань и Сюнну, определявшей судьбы Западного края (Восточный Туркестан) в I в. до н. э., кратко воспроизведем важнейшие события истории усуней в предшествующем столетии, выясненные нами в первых главах работы, в основном по сведениям «Ши цзи».

Примерно в 182 г. до н. э. юэчжи разгромили «маленькое царство» усуней, истари живших рядом с ними в Ганьсуском коридоре, убили его правителя – куньмо Наньдоуми. Усуни бежали в земли сюннов, а новорожденного сына Наньдоуми, наследовавшего титул куньмо, которого спас воспитатель его Буцзю-сихоу, взял растить Маодунь-шаньюй.

В 177 г. Маодунь завоевал Юэчжи, Усунь, Лоулань и 26 соседних с ними владений в Восточном Туркестане.

В 174 г., когда куньмо было 8 лет, Маодунь-шаньюй умер. Его сын Лаошан-шаньюй (174–162 гг. до н. э.) сделал со временем возмужавшего куньмо военачальником и вскоре за заслуги «вернул ему народ его отца». Затем куньмо был послан «охранять западные города», вероятно, те 26 западных владений в землях Восточного Туркестана, которые Маодунь завоевал в 177 г.

В 167 г. Лаошан-шаньюй разгромил подвластное Сюнну царство Юэчжи, убил его правителя, а народ принудил бросить родные земли и переселиться в долину р. Или, где юэчжи, победив и изгнав народ сэ (саков), поселились примерно в 165 г. до н. э. В их бывших землях в Ганьсуском коридоре поселились сюнны.

В 162 г. до н. э. Лаошан-шаньюй умер. Куньмо, которому было уже около 20 лет, постепенно переселил усуней из земель сюннов в занятую его войском долину Или, основал царство и отказался подчиняться Сюнну. Попытка Сюнну силой оружия вернуть его под свою власть оказалась безуспешной.

Таким образом, примерно в 161–160 гг. до н. э. в долине Или возникло новое царство Усунь. Историю его создания Чжан Цянь узнал, находясь в плену в Сюнну в 139–130 гг., от простолюдинов, среди которых жил. А краткие сведения об Усунь он получил в 129 г. до н. э. в Давань (Фергана), которая, видимо, поддерживала с Усунь дружественные связи.

В 119 г. до н. э. после успешной пятнадцатилетней войны с Сюнну, когда под власть Хань перешли, в частности, в 121 г. сюннуские земли в Ганьсуском коридоре, У-ди по совету Чжан Цяня решил пригласить усуней вернуться сюда на их бывшую родину. Он рассчитывал с их помощью вытеснить сюннов из Восточного Туркестана и получить безопасные пути в описанные Чжан Цянем богатые дальние страны запада, т. е. Средней Азии.

В 117 г. Чжан Цянь в качестве посла Хань прибыл в Усунь. Он обнаружил, что куньмо стар (если он родился в 182 г., то в 117-м был уже 65-летним), что из-за борьбы сына и внука за право быть великим наследником его царство разделено на три части, хотя они все же подчинялись куньмо, что в Усунь все очень боятся соседней Сюнну. Потому куньмо отказался от предложения У-ди, но стал поддерживать посольские связи с Хань. Это вызвало недовольство Сюнну, которая начала угрожать Усунь войной. В такой ситуации куньмо, получив от своих послов подтверждение сведений Чжан Цяня о богатстве и могуществе Хань, поспешил закрепить связи с нею, согласившись на заключенные династического брака.

В 107 г. до н. э. дочь Цзянду-вана из императорского рода в качестве принцессы была послана в жены усуньскому куньмо, который сделал ее «правой», т. е. младшей женой, тогда как сюннуская принцесса стала «левой» — старшей женой. Ясно, что Усунь оказывала предпочтение дружественным связям с ближней Сюнну. Но куньмо, сказав, что он стар, повелел своему внуку и великому наследнику *сэнъцзу* взять ханьскую принцессу в жены. Последнее сообщение в «Ши цзи» о связях с Усунь относится к 101 г. до н. э., когда

Хань, отправив Ли Гуанли во второй поход на Давань, предложила Усунь через своего посла направить войска против Давань. Но Усунь, явно не желая ссориться с Сюнну, выставила лишь двухтысячный отряд конницы, да и тот не пришел к месту сражения. Так Усунь начала лавировать между Хань и Сюнну.

Сведения по истории Усунь I в. до н. э. приведены в «Хань шу» в «Повествовании о западном крае» в описании этого царства. Как уже отмечалось, оно оказалось самым подробным и объемным среди описаний других царств западного края. И это не удивительно: Хань и Усунь в течение всего этого века поддерживали дружественные связи, чем и объясняется обилие и достоверность сведений об Усунь в «Хань шу».

Описание Усунь можно разделить на три части: общие сведения об этом царстве, материалы из «Ши цзи» о нем за II в. и данные за I в. до н. э.

Как и ранее, рассмотрим сначала общие сведения:

«Царство Усунь. Ставка великого кунми в г. Чигу отстоит от Чанъани на 8900 ли. Дворов 120 тысяч, человек 630 тысяч, отборных войск 188 800 человек. [Высшие сановники] сян, далу, цзо-и ю-дацзян — два человека, три хоу, один да-цзян и один дуэи, два да-цзян, один да-ли и два шэчжун-дали, один цижюнь. На восток до ставки духу 1721 ли, на запад до канцзюйской земли Фаньнэй 5000 ли. Земли равнинно-луговые, много осадков, [бывают] морозы. В горах много хвойных [лесов]. [Народ] не занимается земледелием, а кочует со скотом по воде и траве. Обычай одинаков с [обычаями] Сюнну. В царстве много лошадей, у богатых до 5000 голов. Народ жестокий, алчный, вероломный, в большинстве своем [склонен] к грабегам. [Усунь] сильное царство. Прежде подчинялось Сюнну, потом усилилось, и [куньмо], заполучив подданных (цзи-шу), не захотел вадить на собрания ко двору [шаньюя]. [Усунь] на востоке соседствует с Сюнну, на северо-западе с Канцзюй, на западе с Давань, на юге со всеми царствами с внутренними и внешними стенами (чэн-го-чжу-го), т. е. с землями за [ханьской] укрепленной линией» [XIII, гл. 96/2, с. 3901].

В этой части описания примечательно обилие географических сведений. Проведенное ранее историко-географическое исследование этих и других данных «Хань шу» [см. Боровкова, 1989, с. 61-65] позволило определить, что царство находилось в долине р. Или, его столица г. Чигу — в долине р. Текес, наиболее полноводного из трех истоков Или. Здесь действительно разнотравно-злаковые степи поднимаются до высоты 1800 м, а до 2000 м — субальпийские разно-

травные дуга [Мурзаев, 1966, с. 226], много осадков, при плавном ходе температур зима, однако, бывает суровая, но в целом «в долине Или сравнительно тепло и влажно, не случайно эта часть Синьцзяна отличается высоким развитием сельского хозяйства, хорошими пастбищами» [Мурзаев, 1966, с. 130].

Кроме того, удалось примерно определить, где проходили границы Усунь с соседями. Поскольку сказано, что она на юге соседствовала с *чэн-го-чжу-го*, т. е. с царствами Западного края (Восточный Туркестан), а конкретно — с Яньци (Карашар), Гуйцы (Куча) и Вэньсу (Аксу), — южная границы Усунь с ними проходила, вероятно, по цепи хребтов Терской, Нарат и Халыктау, восточная же граница с Сюнну — с юга на север примерно по линии Карашар — Манас. Сопоставление данных о местонахождении Усунь и Канцзюй показало, что их граница проходила чуть восточнее оз. Иссык-куль.

Следовательно, по территории и по населению (630 тыс. человек) царство Усунь в I в. до н. э. было большим и в описании оно справедливо названо «сильным» царством.

Во второй части описания Усунь Бань Гу привел все сведения о ней за II в. до н. э., разбросанно изложенные в «Повествовании о Давань» в «Ши цзи», однако некоторые уточнил и дополнил новыми деталями, неизвестными при дворе Хань во II в. и выясненными за время тесного общения с двором Усунь в I в. до н. э.

Начинается эта часть с истории создания царства Усунь в долине Или. Ее Бань Гу кратко изложил, но не по «Ши цзи», а по своей версии рассказа Чжан Цяня, исследованной нами выше в его биографии, и заключил очень важным для понимания этнополитической истории региона сообщением:

«Поэтому среди населения (*минь*) Усунь есть [люди] народа (*чжун*) сэ и народа больших юэчжей» [XIII, гл. 96/2, с. 3901].

Ясно, что часть саков (*сэ*), а также юэчжей, вероятно, этнически близких усуням, осталась жить в долине Или, чем и объясняется, скорее всего, многочисленность населения возникшего здесь царства Усунь (630 тыс. человек), тогда как царство Усунь в Ганьсуском коридоре, разгромленное его соседями юэчжами примерно в 182 г. до н. э., и в «Ши цзи», и в «Хань шу» названо «маленьким царством» (явно по сравнению с большим царством Юэчжи).

Обратим внимание, что в рассматриваемом сообщении Бань Гу уже различает понятия *минь* — народ как население и *чжун* — народ как этническая общность.

Далее во второй части описания Усунь приведены без важных изменений сведения из «Ши цзи» о посольстве Чжан Цяня в Усунь в 119–115 гг. до н. э. и его рассказ о существовавшей там политической ситуации. Бань Гу лишь уточнил: во фразах «его средний сын, называвшийся *далу* (*цзы юе далу*)» и «у великого наследника был сын, называвшийся *сэнъцзу* (*цзы юе сэнъцзу*)» он опустил иероглиф *юэ* («называвшийся»), который позволял думать, что *далу* и *сэнъцзу* были собственные имена, как их и перевел Н. Я. Бичурин [т. 2, с. 192–193]. Бань Гу сделал это потому, что в первой части составленного им описания в ряду высших должностей Усунь названа и *далу*, а в третьей части сказано, что «*сэнъцзу* — это название должности».

Затем во второй части описания Бань Гу изложил по «Ши цзи» сведения о последующих обменах посольствами между Хань и Усунь и о недовольстве этим Сюнну. Историю же заключения династического брака и жизни ханьской принцессы в царстве Усунь Бань Гу фактически написал заново, дополнив данные «Ши цзи» множеством важных и интересных подробностей:

«В середине эры Юань-фэн (107 г. до н. э. — Л.Б.) послали Сицзюнь, дочь Цяндун-вана Цяня в качестве принцессы в жены [куньмо]. Подарили ей экипажи и паланкины, одежду и императорские вещи, [а также] дали в услужение несколько сот евнухов и чиновников из императорской obsługi, да еще много [всего] для преподнесения даров [куньмо]. Усуньский куньмо сделал ее правой (младшей. — Л.Б.) женой. Сюнну тоже прислала дочь [шаньюя] в жены куньмо, и он сделал ее левой (старшей. — Л.Б.) женой.

Принцесса, прибыв в его царство, стала жить в дворцовых помещениях. Раз в год встречалась с куньмо,ставляла вина и кушанья, одаривала левых и правых знатных людей деньгами и шелковыми тканями. Куньмо был стар, языка [друг друга они] не понимали, и принцесса страдала. О себе [она] сложила песню: "Мои родственники выдали меня замуж на край Поднебесья в дальнюю чужую страну за правителя Усунь, [где] куполообразный шатер является домом, войлок — стенами, мясо — едой, кислое молоко — напитком. Мысль [что это мое] постоянное место жизни, ранит сердце. Хотела бы стать большим лебедем и вернуться на родину". Сын Неба, узнав [об этом] и пожалев ее, стал через каждый год отправлять [к ней] посланцев с шатрами и богатыми шелками.

Куньмо был стар и захотел, чтобы внук его *сэньцзу* взял в жены принцессу. Принцесса не согласилась и в письме к императору сообщила об этом. Сын Неба ответил: "Следуй обычаям их страны, [так как я] хочу вместе с Усунь уничтожить хусцев". И *сэньцзу* взял принцессу в жены» [XIII, гл. 96/2, с. 3903-3904].

Этим заканчивается вторая часть описания Усунь в «Хань шу». Остановимся на некоторых приведенных в ней деталях, поскольку они немаловажны, не упомянутых в «Ши цзи».

Бань Гу привел имена дочери Цзянду-вана, посланной в качестве принцессы в жены куньмо, — Сицзюнь и самого вана — Цзянь. Согласно его биографии [XIII, гл. 53, с. 2414-2417] и «Таблице всех хоу и ванов» [XIII, гл. 14, с. 0321/3], он был внуком императора Цзин-ди (156–140) от одного из его 14 сыновей. Титул Цзянду-вана наследовал в 127 г. до н. э., в 109 г. после неудавшегося заговора кончил жизнь самоубийством. Его-то несчастной дочерью и распорядился У-ди, отдав ее в жены правителю далеких кочевников.

Из песни Сицзюнь и из сообщения о том, что У-ди стал посылать ей шатры, очевидно, что столица куньмо в то время отнюдь не была городом в ханьском варианте, а представляла собой ставку правителя кочевников, жившего в шатрах. Но вместе с Сицзюнь сюда прибыло несколько сот евнухов и чиновников из императорских служб, надо полагать, с семьями и с множеством слуг. Так что в ставке куньми г. Чигу появилась большая колония ханьцев, которые могли начать строить там дома для себя.

Особого внимания в этом сообщении заслуживают слова У-ди о том, что он хочет вместе с Усунь разгромить хусцев, т. е. сюннов. Потому-то он уже тогда и, как увидим, позже не жалел средств для установления самых тесных связей с Усунь. И этот его долгосрочный стратегический замысел сделать Усунь союзницей Хань против Сюнну действительно последовательно проводился в жизнь и был в полной мере реализован при его преемнике.

Третья, самая большая, часть описания Усунь в «Хань шу», содержащая сведения о ней за весь I в. до н. э., начинается после сообщения о том, что *сэньцзу* взял в жены принцессу Сицзюнь:

«[Когда] куньмо умер, *сэньцзу* вступил на трон. *Сэньцзу* — это название должности, имя же его Цяюньсюйми. Куньмо — титул правителя, а имя [умершего куньмо] — Лецяоми. Потом стали писать [вместо

куньмо *куньми*. [После того как] *сэньцзу* взял в жены принцессу Цзянду, [она] родила дочь Шаофу и умерла. Хань опять прислала в жены *сэньцзу* в качестве принцессы внучку Чу-вана Моу [по имени] Цзею. Ними, сын *сэньцзу* от хуской жены, был еще мал, и *сэньцзу* перед смертью, передавая царство Вэньгуйми, сыну *далу*, младшего дяди, сказал: "Когда Ними вырастет, верни царство ему". Вэньгуйми по вступлении на трон был прозван Фэй-ван (Жирный правитель). Он также взял в жены принцессу Цзею. [И она] родила трех сыновей и двух дочерей. Старшего сына звали Юаньгуйми, второго Ваньнянь, ставшего [позже] правителем Шаче (Яркенд. — Л.Б.), а третьего Далэ, ставшего *цзо-да-цзяном* (младшим главнокомандующим). Старшая дочь Диши стала женой Цзяньбиня, правителя Гуйцы (Куча. — Л.Б.), а младшая Согуан вышла замуж за Жоху-сихоу. В правление Чжао-ди... [XIII, гл. 96/2, с. 3904].

Поскольку далее говорится о событиях периода правления ханьского императора Чжао-ди (86 — 74), то очевидно, что изложенные сведения относятся к периоду с 100 г. и до смерти У-ди в 87 г. до н. э. Их и рассмотрим сначала.

Итак, *сэньцзу* — название должности Цзюньсюйми, внука куньми Лецяоми, основателя царства Усунь в долине Или. И хотя он потом стал великим наследником, а затем и правителем, но так и остался известен под прозвищем *сэньцзу*. *Куньмо* — титул правителя Усунь, который впоследствии стали писать *куньми*. Поскольку данных о существовании усуньской письменности нет, то естественно заключить, что именно в Хань изменили написание *куньмо* на *куньми*. Почему? Скорее всего, потому, что впервые название титула усуньского правителя сообщил Чжан Цянь в 119 г. до н. э. в своем рассказе императору У-ди о ранней истории усуней. Но он узнал ее, будучи в плену в Сюнну и вряд ли от усуней, чем, видимо, и объясняется неточность произношения им этого титула. А на рубеже II — I вв. до н. э., когда связи Хань с Усунь стали тесными, ханьцы, часто бывавшие при дворе ее, выяснили, что усунь производят титул своего правителя не *куньмо*, а *куньми*, и изменили его написание.

Янь Шигу, танский комментатор «Хань шу», объяснил изменение написания *куньмо* на *куньми* тем, что вместо окончания *мо* стали писать окончание *ми*, взяв его из имени *куньми* Лецяоми [XIII, гл. 96/2, с. 3904, прим. 1]. Вряд ли с ним можно согласиться. Ведь даже из приведенного отрывка ясно, что *ми* было распространенным окончанием в усуньских именах, а не только в имени Лецяоми.

Вспомним, что и имя куньми царства Усунь в Ганьсуском коридоре было Наньдоуми.

В связи с этим отметим, что и наименования двух из пяти юэчжийских сихоу, Сюми-сихоу и Шуанми-сихоу, тоже оканчиваются слогом *ми*. Знаменательно и то, что юэчжийский термин *сихоу* в рассматриваемом отрывке встречается в описании истории Усунь в «Хань шу» уже второй раз. Ранее говорилось о Буцзю-сихоу, воспитателе новорожденного куньмо, сына Наньдоуми, здесь — о выдаче замуж младшей дочери куньми Вэньгуйми за Жоху-сихоу. Очевидно, что в Усунь термин *сихоу* обозначал высший титул знатности, что подтверждают его упоминания в сообщениях о последующих событиях в этом царстве. Видимо, и в Большом Юэчжи, где пять сихоу от имени правителя принимали иноземных послов, это был высший титул знатности.

Отмеченные два совпадения — одинаковое название высшего титула знатности — *сихоу* и одинаковое часто встречающееся окончание слов *ми* позволяют предполагать если не идентичность, то большую близость языков усуней и юэчжей, издревле живших рядом в Ганьсуском коридоре до начала II в. до н. э. Кроме того, выше были рассмотрены сведения историй, согласно которым юэчжи и усунь были белокурыми европеоидами. Так что есть основания предполагать их этническое родство.

А теперь обратимся к анализу сведений в рассматриваемом отрывке из описания Усунь о событиях периода 100–87 гг. до н. э. В самом начале этого периода скончался основатель царства старый куньми Лецяоми. Затем ряд лет трон куньми занимал его внук от рано умершего старшего сына сэньцзу Цзюньсюйми. Его младшая жена ханьская принцесса Сицзюнь, родив дочь, умерла, и У-ди прислал ему в жены принцессу Цзею, бывшую на самом деле дочерью Чу-вана Моу. Вскоре сэньцзу умер. Так как его сын и наследник от сюннуской жены Ними был мал, сэньцзу перед смертью передал трон Вэньгуйми, тоже внуку Лецяоми, но от сына, занимавшего пост *далу*. Вэньгуйми по традиции взял в жены вдову сэньцзу ханьскую принцессу Цзею, которая и родила ему пятерых детей.

Исходя из последовательности этих событий, можно хотя бы приблизительно датировать их в рамках означенного периода. На основании того, что в «Ши цзи» не сказано о смерти Лецяоми и что еще в 101 г. до н. э. из Хань в Усунь

приходил посол, можно предположить, что старый куньми Лецяоми скончался около 99 г. до н. э. Поскольку выше установлено, что он родился примерно в 182 г. до н. э., то он умер в возрасте около 83 лет.

Его внук сэньцзу Цзюньскойими правил, судя по всему, недолго, видимо, около пяти лет, и умер примерно в 94 г. до н. э.

Третий куньми, Вэньгуйми, вступил на трон в том же году и до 87 г. ханьская принцесса Цзею успела родить ему пятерых детей.

Приблизительно датировав эти важные события в истории Усунь, обратим далее внимание на некоторые детали в их описании. Выше говорилось, что усуньский куньми Лецяоми, получив в 107 г. до н. э. в качестве ханьской принцессы дочь Цзянду-вана, сделал ее младшей женой, а дочь шаньюя — старшей. В рассматриваемом отрывке сказано, что Ними, сын сэньцзу от сюннуской жены, был мал, чтобы после смерти стать куньми. Отсюда очевидно, что старшей женой сэньцзу, занявшего трон куньми, тоже была сюннуская принцесса. Из последующих сведений в описании Усунь ясно, что старшей женой и Вэньгуйми была сюннуская принцесса, родившая ему одного сына, который и стал наследником. Все это доказывает, что в тот период дружественные связи с Сюнну оставались для Усунь приоритетными.

Однако, судя по тому, что сюннуская жена родила Вэньгуйми одного сына, а ханьская принцесса Цзею одарила его тремя сыновьями и двумя дочерьми, она стала любимой женой. А это, несомненно, вело к усилению ее личного и в целом ханьского влияния при дворе Усунь, что и подтвердят последующие события.

Этому способствовало и все большее углубление экономического и политического кризиса в Сюнну, начавшееся после десятилетней войны с Хань 99–90 гг. до н. э., резкое ослабление ее позиций в противостоянии с Хань. И хотя в конце 80 — начале 70-х годов Сюнну все еще контролировала притяньшаньский район, ее конница постоянно находилась в Чэши (Турфан), а послы часто ходили в Усунь через Гуйцы (Куча), в Усунь были хорошо осведомлены о бедственном положении в ней. В свою очередь, сюннуские послы, несомненно, докладывали Хуяньди-шаньюю (85–68) о все возраставшем влиянии проханьской группировки, возглавляемой принцессой Цзею, при дворе куньми.

В обстановке общего кризиса, поразившего Сюнну, страх перед угрозой превращения находящейся в ее тылу Усунь в союзницу Хань и толкнул шаньюя на те недалеко-видные, неслыханно резкие действия по отношению к Усунь, о которых далее сказано в описании этого царства:

«В правление Чжао-ди принцесса в письме императору сообщила: "Сюнну направила конницу в земли Чеши. Чеши с Сюнну заодно, сообща нападают на Усунь. Только [мы надеемся, что] Сын Неба со-благоволит помочь нам". Хань подготовила воинов и лошадей, намереваясь нанести удар по Сюнну, как вдруг Чжао-ди скончался. В начале правления Сюань-ди (73 – 49 гг. – Л.Б.) принцесса и куньми прислали посла с письмом, в котором сообщили: "Сюнну непрерывно большими силами нападает на Усунь, завладела землями Чэяньэши, увела людей. И прислала послов с требованием привезти принцессу [Цзею в Сюнну], намереваясь оторвать [Усунь от] Хань. Куньми хочет выставить половину отборных войск [своего] царства, 50-тысячную конницу, и всеми силами нанести удар по Сюнну, [если] только Сын Неба выставит войска в помощь принцессе и куньми". И Хань направила большое войско, 150-тысячную конницу» [XIII, гл. 96/2, с. 3905].

Согласно этому описанию, в первом письме, присланном принцессой Цзею императору Чжао-ди незадолго до его кончины в 74 г. до н. э., она сообщала только о совместных нападениях на Усунь Сюнну и Чеши и выражала надежду на помощь Сына Неба. Во втором письме, императору Сюань-ди (73–49), написанном принцессой уже вместе с куньми, они сообщали о захвате сюннами земель Чэяньэши и о требовании Сюнну выдать ей принцессу, а также о намерении куньми со своей 50-тысячной конницей напасть на Сюнну, если ханьские войска поддержат его. Таково же содержание обоих писем, приведенных в биографии Чан Хуя, где к тому же сказано и о дате получения в Хань второго письма:

«Когда Сюань-ди вступил на трон, во 2 г. Бэнь-ши, (72 г. до н. э. – Л.Б.) послал [Чан] Хуя послом в Усунь. Принцесса и куньми отправили [с ним своего] посла, который вслед за [Чан] Хуем сообщил...» и далее излагается второе письмо [XIII, гл. 70, с. 3003-3004].

Но в «Повествовании о Сюнну» события, о которых говорится в письмах, изложены в иной последовательности и, с нашей точки зрения, более логично. Здесь сначала сказано о том, что ухуани на востоке Сюнну раскопали могилы шаньюев, и сюнны направили против них войска. Но ухуани, узнав об этом, ушли. Тогда Хань напала на ухуаней, что, согласно хронике правления Чжао-ди, [произошло] в 78–77 гг. до н. э.

254

[XIII, гл. 7, с. 229, 230]. В «Повествовании о Сюнну» далее говорится:

«Сюнну после этого испугалась и, не имея возможности выставить войска [против Хань], тут же отправила посла в Усунь с требованием выдать ханьскую принцессу. [Получив отказ, она] напала на Усунь и завладела землями Чэяньэши. Принцесса из Усунь обратилась с письмом к императору, повелевшему высшим сановникам обсудить [ее просьбу] о помощи. Но [вопрос] не был решен, [так как] Чжао-ди скончался. Когда Сюань-ди вступил на трон, усуньский куньмо опять обратился с письмом к императору: "Непрерывно [Усунь] подвергается нападениям и захватам [земель со стороны Сюнну], [я,] куньми, хочу выставить половину отборных войск царства, 50-тысячную конницу, и всеми силами ударить по Сюнну, только бы Сын Неба выставил войска на помощь из жалости к принцессе"» [XIII, гл. 94/1, с. 3785].

Согласно этому варианту развития событий, Сюнну после неудач в 78–77 гг. до н. э. на своих восточных рубежах, воспользовалась тем, что там ханьские войска были отвлечены войной с ухуанями, и тут же отправила своих посланцев в Усунь с требованием выдать ханьскую принцессу. Полагая, что Сюнну при этом рассчитывала на поддержку своих многочисленных сторонников при дворе куньми и вообще в царстве Усунь. Не забудем, что в 182–161 гг. до н. э. усунь, разгромленные юэчжами, жили в землях сюннов, принявших их. Потом усунь, создав свое царство и добившись независимости от Сюнну, мирно соседствовали с нею, и сюннуские принцессы становились старшими женами куньми.

Но Усунь ханьскую принцессу не выдала. Объясняется это, скорее всего, тем, что куньми Вэньгуйми был хорошим правителем, пользовавшимся поддержкой всего народа. Судить об этом позволяет более позднее сообщение в описании Усунь о том, что его царствование считалось в Усунь как бы эталоном хорошего правления [XIII, гл. 96/2, с. 3909].

Логично, что Сюнну, потерпев неудачу в попытке вырвать корень ханьского влияния в Усунь мирными средствами, решила добиться того же силой оружия. Но и на этом пути, как ясно из приведенных сведений, особых успехов не добилась. Усунь же превратилась в ее ярого врага. Активизировав свои связи с Хань, она в союзе с ней пошла на войну с Сюнну.

Достоверность изложения именно в «Повествовании о Сюнну» событий, описанных в двух письмах принцессы (в первом говорилось о требовании Сюнну выдать принцессу, а во втором — о захвате усуньских земель Чэяньэши),

подтверждается сообщением в хронике правления Сюань-ди за лето 72 г. до н. э. В нем причиной войны Усунь с Сюнну названы именно нападения сюннов на земли Усунь и Хань:

«Сюнну неоднократно грабила в приграничных районах [Хань], а на западе нападала на Усунь. Усуньский куньми и принцесса вслед за государственным послом (т. е. ханьским. — Л.Б.) в письме императору сообщали о намерении куньми выставить конницу против Сюнну, если Хань окажет помощь [XIII, гл. 8, с. 242].

А далее сказано, что уже осенью Хань начала собирать войска. Кроме того, фраза в этом тексте — «вслед за государственным послом» — подтверждает сообщение в биографии Чан Хуя об отправлении его в 72 г. до н. э. послом в Усунь и о возвращении в Хань вместе с послом этого царства. Он выяснил мощь усуньских войск и уверил в этом императора. И ханьский двор после почти двух десятилетий относительного мира с Сюнну соблазнился возможностью разгромить ее с помощью Усунь, о чем мечтал У-ди [XIII, гл. 8, с. 242].

Весной 71 г. до н. э. (в 1-ю луну 3 г. Бэнь-ши) Хань и Усунь начали войну против Сюнну [XIII, гл. 8, с. 244]. Ханьский аспект ее, исследованный в главе 8, кратко говоря, свелся к следующему. В 1-ю луну пять ханьских армий общей численностью 150 — 160 тыс. человек по пяти направлениям выступили в земли Сюнну. Но так как сюнны со всем народом и имуществом заранее отступили далеко на север, не оставив противнику ни малой надежды на захват продовольствия и трофеев, — ханьцы действовали без особого воодушевления и, не вступая в большие сражения или даже не встретив сюннов вообще, уже в 5-ю луну того же года вернулись ни с чем в империю.

Иначе развернулись события на усуньском фронте. В описании Усунь сказано:

«Хань направила сяовзя Чан Хуя в качестве посла наблюдать за войском Усунь. Куньми лично возглавил сихоу и [других знатных лиц] ниже их [по статусу] и с 50-тысячной конницей вторгся [в земли Сюнну] с запада. Дошел до ставки ю-лули-вана, захватил более 40 тысяч пленных, в их числе многих ближайших родственников шаньюя, более 700 тысяч голов лошадей и разного скота. Со всей этой добычей и пленными усунь вернулись домой [XIII, гл. 96/2, с. 3905].

В «Повествовании о Сюнну» добавлено:

«А погибших, раненых и бежавших [сюннов], а также скот, павший при дальних перегонах, невозможно и сосчитать. Поэтому

Сюнну пришла в упадок и возненавидела Усунь» [XIII, гл. 94/1, с. 3786].

Победа Усунь тем более впечатляла, что была одержана без непосредственной помощи ханьцев:

«Войско Пулэй-цзянцзюня (выступившее из Цзюцюаня. — Л.Б.) должно было соединиться с усунями и напасть на сюннов у оз. Пулэй-цзэ (оз. Баркуль. — Л.Б.). Но усунь пришли [туда] раньше и [разгромив сюннов] ушли. Ханьское войско не дошло до [места] встречи» [XIII, гл. 94/1, с. 3786].

Некоторые детали в приведенных сообщениях заслуживают быть особо отмеченными.

Во-первых, ясно, что усуньская конница разгромила сюннов в их западных землях у нынешнего оз. Баркуль. А поскольку в описании Чэши сказано, что во время этой войны сюнны бежали из данного царства [XIII, гл. 96/2, с. 3922], то выясняется, что усунь наступали на западные земли Сюнну у оз. Пулэйцзэ (Баркуль) по караванному пути через Чэши (Турфан).

Во-вторых, сообщение о том, что куньми, выступая в поход против сюннов, лично возглавил *сихоу* и других знатных лиц ниже по статусу, не оставляет сомнения в том, что *сихоу* — это высший титул знатности в Усунь. Далее будут и другие подтверждения этого.

В-третьих, обращает на себя внимание, что в походе усуньского войска на Сюнну присутствовал в качестве наблюдателя ханьский посол Чан Хуй, который с этого времени стал играть важную роль в контактах Хань и Усунь.

Сразу после описания войны в «Повествовании о Сюнну» сказано:

«Этой зимой (т. е. зимой 71–70 гг. — Л.Б.) шаньюй лично повел 10-тысячную конницу на Усунь, [но] захватив [лишь] изрядное количество старых и слабых, хотел возвращаться. Вдруг пошел снег с дождем и за день выпал глубиной в 1 чжан¹ с лишним, люди и скот стали замерзать. Менее одной десятой их вернулось домой. Поэтому динлины, воспользовавшись слабостью [Сюнну], напали на нее с севера, ухуани вторглись с востока, а усунь ударили с запада. Эти три царства убили несколько десятков тысяч человек, [угнали] несколько десятков тысяч голов лошадей и еще больше овец и буйволов. Еще тяжелее [были потери] из-за голода — умерло 3/10 людей и [пало] 5/10 скота. Сюнну очень опустела и обессилела. Все подвластные [ей] владения

¹ Согласно исследованию Ян Куаня [1955, с. 51], тогда 1 чжан равнялся 2,3 м.

отпали, нападения разбойников [она] не могла отбить. После этого Хань по трем дорогам двинула 3-тысячную конницу, которая вторглась в Сюнну, захватила в плен несколько тысяч человек и возвратилась. Сюнну так и не осмелилась отомстить, а [стала] еще больше склоняться к миру и родству* и на границах стало мало происшествий» [XIII, гл. 94/1, с. 3787].

Итак, попытка шаньюя зимой 71–70 гг. до н. э. отомстить Усунь за поражение у оз. Пулэйцзэ провалилась, а тяжелое стихийное бедствие, поразившее его страну, привело к гибели трети населения и половины скота. Тяжелым положением в Сюнну воспользовались усунь и ранее подвластные ей динлины и ухуани, которые в 70 г. с трех сторон напали на нее и еще больше опустошили ее земли. Это означало, что динлины и ухуани отделились от державы Сюнну, положив начало ее дальнейшему распаду.

Но резко возрос престиж Усунь в Западном крае. Судя по последующим событиям, это встревожило Хань, и она приложила немало дипломатических усилий, чтобы не допустить расширения и углубления влияния Усунь в этом регионе, действуя в основном по двум направлениям. С одной стороны, Хань старалась усилить свои позиции в самой Усунь, вербуя сторонников и подрывая авторитет просюннуски настроенной группировки знати при дворе куньми, издавна сильной и сплоченной вокруг сюннуской принцессы, старшей жены куньми. А с другой, — принимала меры, чтобы не допустить установления тесных связей между Усунь и царствами Западного края. Хань не устраивало, что набиравшая силы Усунь вытесняла из этого региона слабеющую Сюнну.

Первые шаги такого рода прослеживаются по весьма подробным сведениям за этот период в биографии Чан Хуя. Сообщается, что он, будучи ханьским послом при войске куньми во время войны с Сюнну (71 г. до н. э.), когда войско возвращалось домой, следовал за куньми с более чем десятком своих людей. Но по дороге какие-то усунь ограбили его, отобрали печать посла, за утрату которой, по ханьским законам, полагалось тяжелое наказание [XIII, гл. 70, с. 3004]. Скорее всего, это было дело рук сторонников Сюнну, пытавшихся таким способом не только избавиться от

* О стремлении правителей Сюнну к заключению с Хань договора о мире и родстве после десятилетней войны см. главу 8 данной работы.

самого Чан Хуя, который стал своим человеком при дворе куньми, но и поссорить Хань с Усунь. Однако при дворе Хань, видимо, разгадали этот замысел и возвратившегося Чан Хуя не только не наказали, но и щедро наградили, пожаловав ему титул Чанло-хоу, и тут же он был опять отправлен в Усунь с поручением наградить золотом и деньгами знатных усуньцев, отличившихся в походе на Сюнну [XIII, гл. 70, с. 3004].

Сообщение о том, что Чан Хуй из похода вернулся в Усунь, где был задержан, и лишь потом прибыл в Хань, — а на это потребовалось несколько месяцев, — доказывает, что достоверно указание в «Таблице заслуженных сановников» о пожаловании ему титула хоу только в 4-ю луну 4 г. Бэнь-ши [XIII, гл. 17, с. 0347/4], т. е. в начале лета 70 г. до н. э., а датировка этого события в описании Усунь 3 г. Бэнь-ши [XIII, гл. 96/2, с. 3905], т. е. 71 г. до н. э. ошибочна. Следовательно, он мог снова отправиться в Усунь не ранее лета 70 г. и, значит, уже после того, как на Сюнну обрушились все описанные беды.

В биографии Чан Хуя говорится, что он, получив повеление отправиться в Усунь,

«...в докладе императору попросил разрешения по пути напасть на царство Гуйцы, которое убило сяовзя Лайданя и [до сих пор] не наказано. Сюань-ди не позволил, [но] да-цзянцзюнь Хо Гуан (фактически правивший при малолетнем императоре. — Л.Б.) намекнул [Чан] Хую, [чтобы он] действовал по своему усмотрению. С отрядом в 500 человек [Чан] Хуй сходил в Усунь, а возвращаясь, собрал 20-тысячное войско в царствах к западу [от Гуйцы], приказав помощнику посла собрать 20-тысячное войско в царствах к востоку от Гуйцы и 7-тысячное войско из Усунь, чтобы с трех сторон напасть на Гуйцы. Войска еще не собрались, а заранее отправленный [в Гуйцы] посланец обвинил ее правителя в совершенном ранее убийстве Лайданя. Правитель стал извиняться: "Это мой предшественник был введен в заблуждение знатным человеком Гуи, я же не виноват". [Чан] Хуй сказал: "Если так, [пусть] свяжет и пришлет Гуи, правителя же я освобождаю [от обвинения]". Правитель арестовал Гуи и отправил к нему. [Чан] Хуй казнил Гуи и вернулся [в Хань]» [XIII, гл. 70, с. 3004].

Анализ этого описания миссии Чан Хуя в Усунь, сделанного столь подробно, скорее всего, со слов его самого, вызывает сомнение в достоверности некоторых сообщенных в нем фактов. Не мог Чан Хуй, действуя по своему усмотрению, даже с согласия Хо Гуана, собрать 50-тысячное войско, во-первых, потому, что не имел на руках специального

указа императора, — а Сюань-ди не разрешил ему нападать на Гуйцы — и, во-вторых, потому, что в то время все царства к востоку и к западу от Гуйцы все еще были подвластны Сюнну. А фраза — «войска еще не собрались» и последующий рассказ о переговорах с правителем Гуйцы через заранее отпущенного к нему посланца доказывают, что нападения на Гуйцы не было и что Чан Хуй, скорее всего, вообще не был в столице этого царства и не встречался с его правителем.

Между тем в описании царства Цюйли говорится, что Чан Хуй,

«...возвращаясь из Усунь, собрал 50-тысячное войско и напал на Гуйцы, наказав [ее] за убийство в прошлом сюэя Лайданя. Правитель Гуйцы стал извиняться, ... арестовал Гуи и выдал [Чан] Хую, который казнил его» [XIII, гл. 96/2, с. 3916].

Здесь уже констатируется как факт, что Чан Хуй собрал войско, напал на Гуйцы, сам говорил с правителем, выдавшим ему Гуи. Так под пером древних историков из сомнительных сведений военачальников рождались сообщения о фактах, которых не было. В этих сообщениях верно, по-видимому, только то, что Чан Хуй, подкрепив дорогими дарами от имени ханьского двора дружественные отношения с Усунь, осмелился теперь, когда Сюнну была обессилена, поехать в обратный путь через земли подвластного ей царства Гуйцы (южного соседа Усунь) и напугал его угрозой ханьского вторжения.

В заключение отметим, что Чан Хуй, выехав в Усунь летом 70 г. до н. э. возвращался через Гуйцы явно уже в 69 г.

Однако последствия его шантажа Гуйцы оказались неблагоприятными для Хань. Крупнейшее царство Западного края Гуйцы поспешило, как показывают дальнейшие события, покинуть своего обессилевшего сюзерена Сюнну и вступить в союз с победоносной Усунь, дальнейшее усиление которой отнюдь не радовало Хань. А произошло это так.

В описании царства Цюйли после сообщения о поездке Чан Хуя в Усунь сразу же изложена следующая история:

«В это время ханьская принцесса в Усунь [решила] послать свою дочь в столицу [Хань] учиться игре на цине. Хань послала *шилана* Ля Фэна сопровождать дочь принцессы. Поехали через Гуйцы. Но перед этим Гуйцы отправила посла в Усунь просить дочь принцессы [в жены правителю], и [он] еще не вернулся. И вдруг дочь едет через Гуйцы. Правитель Гуйцы задержал ее и снова послал посла доложить [об этом]

принцессе. И принцесса согласилась на этот [брак]* [XIII, гл. 96/2, с. 3916].

Очевидно, что здесь говорится о том браке правителя Гуйцы Цзянбиня с Диши, старшей дочерью кунми Вэньгуйми и ханьской принцессы Цзею, о котором кратко сказано в описании Усунь [XIII, гл. 96/2, с. 3904]. И состоялся он вскоре после того, как Чан Хуй в 69 г., возвращаясь из Усунь в Хань, проехал через Гуйцы, т. е., вероятно, в 68 г. до н. э.

Итак, Гуйцы (Куча), крупнейшее царство в Западном крае (Восточный Туркестан), лежавшее по притяньшаньскому пути, заключило династический брак с Усунь, ставшей злейшим врагом Сюнну. Значит, Гуйцы отделилось от утратившей свою мощь державы Сюнну, перекрыло ей выход по этому пути в царства Средней Азии и лишило возможности получать из них хотя бы немного продуктов земледелия и ремесла. Вместе с тем этот брак способствовал росту престижа Усунь во всем крае.

Более того, примерно в то же время в союзниках Усунь оказалось Шаче (Яркенд), третье по численности населения крупное царство на прикуньлуньском пути, что выясняется из следующего сообщения в его описании:

«В правление Сюань-ди правитель Шаче полюбил Ваньняня, младшего сына усуньской принцессы. Правитель Шаче умер бездетным. Во время его смерти Ваньнянь находился в Хань. Знатные люди Шаче, стремясь добиться благорасположения Хань и сблизиться с Усунь, тут же обратились с письмом к императору с просьбой сделать Ваньняня правителем Шаче. Хань согласилась и отправила посла Си Чунго сопроводить Ваньняня. [Однако] по вступлении на трон Ваньнянь стал чинить злодейства, и знать не возрадовалась. Хутучжэн, младший брат [покойного] правителя Шаче, убил Ваньняня, а заодно и ханьского посла, сам вступил на трон и договорился с чжу-го отвернуться от Хань. Вдруг *вэйхоу*² Фэн Фэнши, [в качестве] посла сопровождавший гостей из Давань, тут же по своему усмотрению собрал войска из чжу-го и, напав, убил его, сделал правителем Шаче его племянника. По возвращении [в Хань] Фэн Фэнши был пожалован [должностью] *гуанлу-дайфу*. А случилось это в I г. Юань-кан* [XIII, гл. 96/1, с. 3897-3898], т. е. в 65 г. до н. э. Очевидно, что все описанные события в Шаче и вокруг него произошли до этого года.

² *Вэйхоу* — название третьестепенной должности военных чиновников в Вэйвэй, управлении охранных войск на территории дворцовых комплексов. Вместе с сыма их в нем было 22 человека [XIII, гл. 19/1, с. 728]. Так что Н. Я. Вичурин ошибся, переведя *вэйхоу* титулом "князь" (т. 2, с. 189).

Итак, Ваньнянь, сын усуньского кунми и ханьской принцессы Цзею, какое-то время жил при дворе царства Шаче и стал любимцем правителя и, вероятно, знати, иначе бы она после смерти правителя вряд ли призвала чужеродного принца на трон из Хань.

В свете этого факта последующие сведения в данном описании представляются сомнительными. Почему полубившийся знати Шаче усуньский царевич, став правителем, вдруг оказался таким злодеем, что та же знать убила его? Почему она убила и ханьского посла, создала антиханьскую коалицию царств, хотя, приглашая на трон Ваньняня, добивалась не только сближения с Усунь, но и благорасположения Хань? Каким образом проходивший через Шаче ханьский посол в Давань в чине третьеразрядного военного чиновника смог заставить какие-то царства дать ему войска, чтобы разгромить антиханьскую коалицию других царств во главе с Шаче и сделать все это легко и быстро, более того, — убить Хутучжэна и возвести на трон Шаче своего ставленника?

Прояснить в какой-то мере эти вопросы и определить хотя бы примерно время, когда Ваньнянь стал правителем Шаче, позволяют сведения из биографии Фэн Фэнши:

«В должности *вэйхоу* с верительной грамотой посла [он] сопровождал гостей из Давань и *чжу-го* (царств Западного края. — Л.Б.). Когда прибыл в г. Исю (где с 77 г. до н. э. существовало ханьское военно-земледельческое поселение. — Л.Б.), дувэй Сун Цзян сообщил, что Шаче и соседние царства сообща напали и убили поставленного Хань правителя Шаче Ваньняня вместе с ханьским послом Си Чунго. В то время Сюнну снова подняла войска и напала на г. Чешичэн, но взять не смогла и ушла. Разосланные же Шаче послы разглашали, что все царства по северной дороге подчиняются Сюнну. Поэтому [Шаче] разбойничало на южной дороге и с союзниками отвернулось от Хань. Связь [с царствами] к западу от Шаньшань прервалась. Духу Чжэн Цай и сяовэй Сыма И находятся в царствах по северной дороге.

И Фэнши со своим помощником Янь Чаном решили: если вскорости не нанести удар по Шаче, то оно будет с каждым днем усиливаться, [тогда] остановить его будет трудно, возникнет угроза [империи] из Западного края. [Ссылаясь] на верительную грамоту посла, повелели правителям *чжу-го* выслать их войска по южной и северной дорогам. Собрав 15 тыс. человек, напали на Шаче и овладели его городом. Правитель кончил жизнь самоубийством и [Фэн Фэнши] отправил его голову в Чанъянь. Все царства успокоились, а его (т. е. Фэн Фэнши. — Л.Б.) слава потрясла Западный край. Фэнши закончил войну ... и пошел на запад в Давань. В Давань уже знали, что он убил

правителя Шаче, и отнеслись к нему с большим почтением, чем к другим послам. Получив ее знаменитых лошадей, подобных дракону, [он] вернулся [в Хань]*.

Далее сказано, что император повелел сановникам обсудить действия Фэн Фэнши. Одни считали, что за заслуги ему надо дать титул *хоу*, другие настаивали на его наказании за самовольный сбор войск и убийство правителя Шаче. В итоге император титула не дал, но пожаловал Фэн Фэнши высокую должность *гуанлу-дайфу* [XIII, гл. 79, с. 0558/2].

Итак, первый заслуживающий доверия факт состоит в том, что Фэн Фэнши прибыл в шаньшаньский город Исючэн, когда Ваньнянь уже был убит и занявший трон Шаче Хутучжэн успел создать антиханьскую коалицию царств и установить контроль над прикуньлуньским путем к западу от Шаньшань. К сожалению, ни время его отправления из Чанъани, ни время прибытия в г. Исю неизвестны. Сообщение о том, что в то время Сюнну напала на г. Чешичэн, приведено явно по ошибке, ибо, как показано выше по данным «Повествования о Сюнну» и описания Чешпи, это произошло в 64 г. до н. э., т. е. уже после 65 г., когда Фэн Фэнши вернулся в Хань. Но верно сообщение о том, что тогда Чжэн Цзи находился в царствах по северной дороге, куда он был послан в 68 г. основать поселение в Цюйли и напасть на Чешпи, но в должности *шила*на, ибо *духу* он стал только в конце 60 г. Следовательно, события, описанные в рассматриваемом отрывке из биографии Фэн Фэнши, случились между 68 и 65 гг.

Теперь, зная это и последовательность событий, можно хотя бы примерно определить время свершения основных из них. Отсчет времени начнем с последнего события — пожалования Фэн Фэнши должности *гуанлу-дайфу*, так как только оно точно датировано 65 г. Допустим, что в середине этого года он вернулся в столицу Хань, прибыв в нее из Давань (Фергана). А в Давань Фэн Фэнши отправился после «умиротворения» Шаче. С учетом времени, необходимого ему на дорогу от Шаче (Яркент) до Давань и оттуда до столицы Хань и на пребывание в Давань, поход занял не менее восьми месяцев. Значит, Хутучжэн погиб и Фэн Фэнши выступил в Давань примерно осенью 66 г. до н. э. А до этого Фэн Фэнши после прибытия в шаньшаньский г. Исю собрал 15-тысячное войско в неясно каких царствах, разгромил возглавляемую Шаче антиханьскую коалицию царств, рас-

положенных, несомненно, по прикуньлуньскому пути к западу от Шаньшань, дошел до Шаче, а это от Шаньшань 700 км (месяц конной езды) и взял столицу последнего. Все это заняло у него не менее 4-5 месяцев. Так что в г. Исю он прибыл, скорее всего, в начале 66 г. А еще до его прихода сюда Хутучжэн убил Ваньняня, вступил на трон правителя Шаче, создал антиханьскую коалицию царств, безусловно, лежавших по прикуньлуньскому пути, ибо именно его к западу от Шаньшань они контролировали. Так что, можно полагать, что все это он мог совершить в течение года. Следовательно, Ваньнянь был убит примерно в начале 67 г. до н. э. и вряд ли он правил Шаче менее полугода. Значит, Ваньнянь был возведен на трон правителя этого царства примерно в середине 68 г., возможно, немного раньше или позже.

Заключение в 68 г. династического брака между Усунь и Гуйцы, возведение в том же году на трон Шаче усуньского царевича свидетельствовали о необычайном росте влияния Усунь во всем Западном крае (Восточный Туркестан). И то, что в описании Усунь совсем нет сведений о ее контактах с Хань за 70-64 гг. до н. э., доказывает, что отношения между ними в этот период осложнились.

Естественно, что усиление Усунь и установление ею контроля над Западным краем вместо ослабевшей Сюнну не отвечало интересам Хань. И она немедленно начинает действовать, чтобы не допустить расширения сферы влияния своего союзника. Уже в 68 г. она посылает 1500 военнопоселенцев во главе с шиланом Чжэн Цзи в Цюйли, маленькое царство с плодородными землями у юго-восточных границ Гуйцы (Куча). Судя по тому, что существование в нем ханьского поселения не волновало сюннов, пока Чжэн Цзи не основал поселение в Чэши (Турфан) в 64 г. до н. э., есть основания полагать, что поселение в Цюйли служило скорее кордоном против расширения влияния Усунь в этом районе, чем для вытеснения сюннов. Только после создания поселения в Чэши сюнны немедленно послали туда свои войска и в итоге все-таки вынудили ханьцев покинуть и Цюйли.

Итак, уже в 68 г. до н. э. Хань выдвинула свой форпост к границам ставшей союзницей Усунь Гуйцы. А в начале 67 г. в Шаче был убит недавно ставший его правителем усуньский царевич Ваньнянь. Судя по описанию событий в Шаче и вокруг него, складывается впечатление,

что в какой-то мере их инициировала Хань. На эту мысль наводит то, что Ваньнянь, завоевавший всеобщую любовь при дворе правителя Шаче, сам став правителем, вдруг оказался злодеем, а созданная его убийцей Хутучжэном антиханьская коалиция легко рассыпалась в результате усилий всего лишь ханьского посла, мелкого военного чиновника, действовавшего якобы по своему усмотрению без специального указа императора, что считалось в Хань тяжким преступлением. Он же не только не был наказан, но и получил награду. Все это позволяет предполагать, что убийство усуньского царевича, ставшего правителем Шаче, а потом возведение на трон этого царства ставленника Хань было результатом хорошо закамуфлированных усилий Хань. Теперь, когда рост влияния Усунь в царствах по прикуньлуньской дороге был предотвращен, оставалось ослабить ее позиции в царствах по притяньшаньскому пути.

В эти годы правитель Усунь куньми Вэньгуйми и его младшая жена, ханьская принцесса Цзею оказались в сложном положении. С одной стороны, заключенный ими союз с Хань и победа в войне с Сюнну еще более упрочили влияние проханьской группировки и оттолкнули, несомненно, от них многочисленную просюннуски настроенную часть знати и населения царства, сплоченных вокруг старшей жены куньми, сюннуской принцессы. А с другой, — рост влияния Усунь в Западном крае после ее победы над Сюнну в 71 г. породил недовольство Хань и привел к прекращению прямых контактов с нею. Выход для них был только в нормализации отношений с Хань, и они стали искать пути к ней.

Это выясняется из сообщения в описании Цюйли о том, что принцесса Цзею послала императору письмо, в котором испрашивала позволения приехать ко двору в качестве родственницы императорского рода ее дочери Диши с мужем Цзянбинем, правителем Гуйцы, и получила согласие. В 1 г. Юань-кан, 65 г. до н. э., они прибыли ко двору Хань «с поздравлениями», явно, новогодними. Император «подарил» обоим печати со шнурами, пожаловал Диши звание принцессы, осыпал их богатейшими подарками. Они прожили при дворе год, т. е. до начала 64 г. до н. э., а возвратясь домой, Цзянбинь стал вводить при своем дворе ханьские одеяния и порядки, за что «хусцы иноземных царств» (ясно, что здесь хусцами названы не сюнны, а дру-

гие народы) насмехались над ним. После смерти Цзянбиня его сын Чэндэ называл себя внуком дома Хань по женской линии. До конца существования империи Хань правители Гуйцы часто ездили к ее двору, где их ласково принимали [XIII, гл. 96/2, с. 3916-3917]. Потому-то в 15 г. н. э. последний ханьский духу Западного края Ли Чун, разгромленный царством Яньци, бежал именно в Гуйцы [XIII, гл. 96/2, с. 3927].

Успешный визит правителя Гуйцы с женой, усуньской принцессой, в Хань стал прологом к восстановлению и углублению связей Усунь с императорским двором, что доказывает следующее сообщение в описании Усунь:

«Во 2 г. Юань-кан (64 г. до н. э. — Л.Б.) усуньский куньми, полагаясь на [сообщение Чан] Хуя, написал императору: "Хочу сделать наследником Юаньгуйми, внука Хань по женской линии, и получить позволение на [его] брак с ханьской принцессой, укрепить родство с Хань и порвать с Сюнну. Хочу [дать в качестве] сговорных даров по тысяче лошадей и лошаков"* [XIII, гл. 96/2, с. 3905].

Выше показано, что по традиции, заложенной основателем царства первым куньми Лецяоми, старшей женой куньми была сюннуская принцесса, сын которой и становился наследником трона. Династический брак до сих пор оставался той единственной цепью, что еще связывала Усунь с Сюнну. И вот теперь куньми Вэньгуйми вознамерился разорвать ее, сделав своим наследником вопреки традиции, сына от младшей жены, ханьской принцессы Цзюэ, и просил для него ханьскую принцессу, скорее всего, в старшие жены.

Вэньгуйми правил Усунь уже около 30 лет, хотя обещал умирающему сэньцзу, куньми Цзюньсюйми, что уступит трон его сыну и наследнику Ними, когда тот вырастет. Ними был сыном сэньцзу от сюннуской принцессы. Но вопрос об этом до сих пор не ставился, видимо, потому, что Вэньгуйми оказался хорошим правителем, обеспечившим мир и процветание царства. Теперь же он, объявляя наследником Юаньгуйми, сына от младшей жены, лишал надежды стать правителем не только Ними, но и своего наследника от сюннуской принцессы. Вряд ли он не понимал, что тем самым вызовет острое недовольство их и подвластных им людей, что это может разделить царство на два враждующих лагеря.

Должно быть, Вэньгуйми и принцесса Цзею надеялись избежать этого с помощью Хань, о чем позволяет судить фраза: «полагаясь на [сообщение Чан] Хуя». Очевидно, что Чан Хуй находился в Усунь, когда Вэньгуйми писал письмо императору Сюань-ди. Этот ханьский посол прибыл сюда, несомненно, по поручению императора, видимо, после того как сопровождал из Хань в царство Гуйцы его правителя с женой, усуньской принцессой, дочерью Вэньгуйми и Цзею. Вероятно, она-то во время своего пребывания при дворе Хань и сообщила Сюань-ди о желании своих родителей передать трон Усунь Юаньгуйми и об их опасениях. И император послал к ним их старого знакомого Чан Хуя заверить в том, что Хань предоставит им помощь. Тогда-то Вэньгуйми, полагаясь на сообщение Чан Хуя, и написал письмо императору с официальным предложением и переслал его с возвращавшимся домой Чан Хуем. Согласно биографии Ван Сяочжи, тот привез письмо в 3 г. Юань-кан, 63 г. до н. э., и оно тогда же было обсуждено сановниками [XIII, гл. 78, с. 0556/4].

В описании же Усунь говорится, что выступивший на том совещании глава правительства Ван Сяочжи

«...считал, что нельзя принимать [предложение куньми, так как] Усунь далека и в случае переворота [в ней] трудно будет защитить [ханьских принцесс и их сторонников]. Но император, восхищенный новой великой услугой Усунь и затрудняясь порвать прежние отношения [родства], отправил послов в Усунь прежде получить сговорные дары».

А тем временем выбрали в жены Юаньгуйми в качестве принцессы Сянфу, дочь младшего брата Цзею. Ей дали свиту в 100 человек, поселили в одном из дворцов и стали обучать усуньскому языку. Заметим, что это единственное упоминание о конкретном чужом языке в рассматриваемых материалах «Хань шу». Когда за ней прибыло усуньское посольство в 300 человек со сговорными дарами, после торжественного пира с участием послов Сюнну и владетелей других иноземных царств караван новой принцессы двинулся в путь. Сопровождал его все тот же Чанло-хоу Чан Хуй. Но, когда караван прибыл в Дуньхуан, не выйдя еще за пределы Хань, пришло известие о том, что Вэньгуйми умер и знать Усунь по общему согласию возвела на трон куньми Ними, сына сэнцзу, а не Юаньгуйми. Вопреки мнению Чан Хуя, по настоянию Ван Сяочжи, считавшего, что прибытие новой принцессы в Усунь чревато войной,

император приказал каравану вернуться [XIII, гл. 96/2, с. 3905-3906].

В биографии Ван Сяочжи отправление каравана из Чанъани датировано 2 г. Шэнь-цзюэ [XIII, гл. 78, с. 0556/4], 60 г. до н. э. Поскольку же послы Сюнну, участвовавшие в пиру по случаю проводов принцессы, прибыли в Хань в 9-ю луну того года [XIII, гл. 8, с. 262], — очевидно, что караван покинул столицу в самом конце 60 г., а в Дуньхуан прибыл в начале 59 г. Тогда и пришло известие о смерти Вэньгуйми и воцарении Ними. По-видимому, это случилось в середине 60 г. до н. э. после того как усуньское посольство со стоворными дарами уже выехало в Хань за принцессой.

Приход к власти в Усунь просюннуской группировки не мог уже повлиять на события в Сюнну. В ней началась междоусобица в связи с вступлением на трон в том же году шаньюя Уяньцзюйди. Он сразу же стал жестоко расправляться со своими конкурентами, в результате чего в том же году жичжу-ван, правивший тогда Западным краем, перешел на сторону Хань, и она, не затратив никаких усилий, заполучила Западный край под свой контроль. В последующие годы еще несколько представителей высшей знати Сюнну провозглашали себя шаньюями и вели борьбу друг с другом. Сюнну как единая держава прекратила свое существование. В 53 г. до н. э. один из шаньюев Хуханье, возглавивший сюннов, которые обитали к северу от излучины Хуанхэ, заявил о своем подчинении Хань.

Стратегический план У-ди — вместе с Усунь разгромить Сюнну — был реализован. Но для Усунь, расколовшейся в последующие годы на два владения, этот успех Хань обернулся утратой могущества, которого она достигла за долгое правление Вэньгуйми.

ГЛАВА II

ПОБЕДА ХАНЬ И РАСКОЛ В УСУНЬ

(60 г до н. э. – 25 г. н. э.)

Смерть Вэньгуйми в середине 60 г. до н. э. подвела черту под целой эпохой процветания Усунь во время долгого, более чем 30-летнего пребывания у власти этого правителя, которому удалось добиться внутреннего мира и согласия и поднять престиж царства вне его. К сожалению, в «Хань шу» нет сведений о внутренней политике Вэньгуйми, но внешняя, во многом способствовавшая усилению Усунь, как видно из предыдущей главы, освещена довольно подробно.

По традиции, заложенной основателем царства куньми Лецяоми (160–99 гг. до н. э.), Вэньгуйми, вступив на трон примерно в 94 г. до н. э., продолжал политику лавирования между великими державами Сюнну и Хань. Сохраняя разносторонние тесные связи с ближним соседом и давним партнером – державой Сюнну, он поддерживал дружественные отношения и с ее противником – империей Хань. Но по мере того, как с 80-х годов до н. э. Сюнну беднела и слабела, Вэньгуйми стал придавать гораздо большее значение связям с Хань, богатевшей при Чжао-ди (86–74). Как уже отмечалось, расширять и углублять эти отношения ему помогала младшая жена, ставшая любимой женой, ханьская принцесса Цзею с ее большой свитой и многочисленной обслугой, присланными с нею из империи.

А когда Сюнну, недовольная ростом влияния Хань в Усунь, пошла на резкий демарш, потребовав от куньми в 77–76 гг. выдать ей ханьскую принцессу и получила отказ, после чего предприняла военные акции против Усунь, Вэньгуйми и Цзею в 72 г. до н. э. пошли на открытый разрыв отношений с Сюнну и военный союз с Хань против нее. По-

беда Усунь в войне с Сюнну в 71 г. нанесла тяжелейший удар по ослабевшей державе Сюнну и резко повысила престиж Усунь в регионе.

Уже на рубеже 69–68 гг. до н. э. крупнейшее царство Западного края (Восточный Туркестан) Гуйцы (Куча), лежавшее по притяньшаньскому пути, южный сосед Усунь, заключив с нею династический брак, становится ее союзником, выходит из-под власти державы Сюнну и перекрывает ей доступ к притяньшаньскому пути. Потеря доходов от Гуйцы и возможности торговать с царствами Средней Азии была еще одним тяжелым ударом по экономике и престижу Сюнну. И почти в то же время правителем Шаче, одного из трех крупнейших царств по прикуньлуньскому пути, становится усуньский царевич, сын Вэньгуйми и Цзею. Таким образом, Усунь получала возможность контролировать главные караванные пути в царства Средней Азии.

Однако полный разрыв отношений с Сюнну, несомненно, вызвал внутри самой Усунь недовольство просюннуски ориентированной знати, группировавшейся вокруг сюннуских принцесс, и части народа, особенно в пограничных с Сюнну районах. А эта часть была велика, поскольку усунь после того, как их царство в Ганьсуском коридоре около 182 г. до н.э. разгромили юэцжи, бежали в земли Сюнну и жили там до создания царства Усунь в долине Или около 160 г. до н. э., а затем в течение почти века мирно соседствовали и дружили с сюннами.

Но рост могущества Усунь и распространение ее влияния в Западном крае были неприемлемы для Хань. После 70 г. до н. э. сошли на нет прямые контакты между ними. Когда же в 68 г. Гуйцы и Шаче стали союзниками Усунь, Хань начала исподволь бороться за ограничение ее влияния в Западном крае. Уже в 68 г., создав военно-земледельческое поселение в Цюйли и пытаясь затем завладеть Чеши (Турфан), Хань блокирует юго-восточный и восточный выход Усунь через Гуйцы в Западный край. В начале же 67 г. до н. э. в царстве Шаче, которое лежало по прикуньлуньскому пути, был убит усуньский царевич, ставший его правителем, а года через полтора на трон возведен ставленник Хань.

Недовольство внутри Усунь и потеря поддержки со стороны Хань поставили Вэньгуйми и Цзею в сложное положение. Для них конфронтация с империей, неприемлемая по личным мотивам, стала опасной политически. И они ищут и

находят путь для восстановления с Хань в 65 г. до н. э. самых тесных связей. Более того, уже состарившийся Вэньгуйми идет дальше. Он намерен в нарушение традиции передать трон не законному наследнику от сюннуской принцессы, а своему сыну от младшей жены, ханьской принцессы Цзею, которому и просит Хань отдать в жены принцессу и оказать поддержку. Император соглашается. Но вдруг в 60 г. Вэньгуйми умирает, и знать Усунь возводит на трон законного наследника — Ними, сына сэньцзэ (т. е. куньми Цзюньской-ми) от его старшей жены, сюннуской принцессы. Это была победа просюннуски настроенной части знати и народа Усунь.

Далее события в этом царстве, согласно его описанию в «Хань шу», развивались так. Ними, став куньми, также взял в жены ханьскую принцессу Цзею, и она родила ему сына, названного Чжими. Однако Ними

«...не достиг согласия с принцессой и из-за [своего] неистовства потерял [доверие] множества людей».

Недаром, видимо, он был прозван Куан-ваном, Бешеным правителем [XIII, гл. 96/2, с. 3906]. Все это произошло (судя по тому, что Цзею успела родить ребенка), скорее всего, в течение двух лет, т. е. до середины 58 г. до н. э.

Ними, взяв в жены шестидесятилетнюю Цзею, конечно, намеревался успокоить ее сторонников, но напрасно. Проханьски настроенная часть знати не смирилась с его водворением, как и ханьский двор, что видно из последующих событий.

Под благовидным предлогом проводов на родину какого-то усуньского царевича, находившегося в свите императора, Хань отправила в Усунь свое посольство. Когда послы Вэй Хэи и Жэнь Чан прибыли,

«...принцесса [Цзею] сказала, что Куан-ван стал бедствием для Усунь и [его] легко убить. Затем [они] сговорились и устроили пир и по окончании [пира] послали воина заколоть его мечом. Но меч соскользнул, и раненый Куан-ван вскочил на коня и бежал. Его сын Сишэньсоу собрал войска и окружил в г. Чигу [Вэй] Хэи, [Жэнь] Чана и принцессу. Через несколько месяцев духу Чжэн Цзи направил войска чжу-го им на помощь, и [осада] была снята» [XIII, гл. 96/2, с. 3906].

Эти события, потрясшие Усунь, начались, вероятно, с середины 58 г. до н. э. и закончились еще во время пребывания Чжэн Цзи в должности духу в Западном крае. Согласно сведениям, рассмотренным ниже, она давалась на

три года. Следовательно, Чжэн Цзи, назначенный духу в конце 60 г., был им до конца 57 г. Ханьские послы прибыли в Усунь, вероятно, к концу 58 г. Неудавшийся заговор их и принцессы против Куан-вана был быстротечным и провалился уже в самом начале 57 г., но заговорщики в г. Чигу были в осаде несколько месяцев — примерно до середины этого года.

Приведенные далее в описании Усунь сведения позволяют судить о некоторых методах ханьской дипломатии того времени. Император сразу послал в Усунь своих людей с лекарствами для исцеления Куан-вана и с дарами ему. Один из прибывших чиновников тут же, заковав в колодки, увез в Хань заговорщиков Вэй Хэи и Жэнь Чана, где они были казнены. Другой, допрашивавший принцессу Цзею, якобы бил и ругал ее, за что был отозван и казнен. Но и вылечивший Куан-вана лекарь по возвращении в Хань был осужден и посажен в шелководню, поскольку, «зная, что Куан-ван должен быть убит, не воспользовался благоприятными обстоятельствами» [XIII, гл. 96/2, с. 3906].

Следовательно, ханьский двор, демонстрируя усуням заботу об исцелении их правителя, на самом деле посылал лекаря убить его.

Но после бегства Куан-вана пока его лечили, а осада заговорщиков продолжалась, развернулись другие события:

«Когда Куан-ван был ранен, Уцзюту, сын Фэй-вана Вэньгуйми от сюннуской жены, испугался и со всеми сихоу бежал, обосновался в северных горах и стал разглашать, что подходят сюннуские войска из дома [его] матери. Поэтому многие подчинились ему. Потом он, неожиданно напав, убил Куан-вана и сам занял трон куньми. Хань [узнав об этом,] послала *поцян-цзянцзюня* Синь Усяня с 15-тысячным войском в Дуньхуан, а посла — осмотреть указатели пути к западу от колодца Битихоуцзин, намереваясь на повозках с ободами завести [туда] продовольствие и создать запасы для карательного похода против него» [XIII, гл. 96/2, с. 3907].

Когда же Уцзюту убил Куан-вана Ними и сам стал куньми? Уцзюту бежал «со всеми сихоу», т. е. с высшей знатью, в северные горы, когда Куан-ван был ранен — в начале 57 г., а убит последний был уже после того, как прибывший ханьский лекарь вылечил его, и многие усунь в ожидании подхода сюннуских войск подчинились. Поскольку на дорогу из Усунь в Хань и обратно требовались месяцы, — есть основание полагать, что Уцзюту, сын Вэнь-

гуйми от старшей жены, сюннуской принцессы, убил Ними и вступил на трон примерно в 57 г. до н. э. Через некоторое время Хань узнала об этом и, угрожая Уцзюту войной, выдвинула, судя по всему, во второй половине года свое 15-тысячное войско в Дуньхуан.

Итак, Ними, прозванный Куан-ваном, правил Усунь в 60–57 гг. до н. э.

Заслуживает внимания сообщение о том, что Сишэньсоу, сын раненого и бежавшего Куан-вана, осадил столицу Усунь г. Чигу, где находились ханьские послы и принцесса Цзею, но и за несколько месяцев не смог взять город. Он снял осаду, должно быть, тогда, когда пришло известие только о том, что духу Чжэн Цзи направил против него войска из царств Западного края, поскольку о прибытии этого войска к Чигу нигде не сказано. Скорее всего, в то время вокруг столицы Усунь уже были возведены с помощью ханьцев прочные стены. А усунь в главе с Сишэньсоу, как и другие кочевники, не умели брать их, и ханьцы из окружения принцессы Цзею и ее сторонники из усуньской знати смогли организовать многомесячную оборону. Но дало о себе знать, несомненно, и то, что у Сишэньсоу оказалось мало войск, так как многие подчинились Уцзюту, бежавшему в северные горы со знатью. Из-за неудачной осады столицы Сишэньсоу позиции Куан-вана стали еще слабее, что облегчило Уцзюту расправу с ним.

С воцарением Уцзюту, сына Вэньгуйми от сюннуской принцессы, власть в Усунь осталась в руках просюннуской группировки. И Хань немедленно начала борьбу за восстановление своего влияния в этом царстве, воспользовавшись благоприятствовавшей этому смутой в державе Сюнну. В ее западной части, т. е. рядом с Усунь, бушевал мятеж пяти шаньюев, западные сюнны к тому же воевали с восточными. О помощи Усунь не могло быть и речи.

Выдвинув войска в Дуньхуан, и запугивая Уцзюту войной, Хань мобилизовала своих агентов в столице Усунь, чтобы заставить его подчиниться своим требованиям.

Вот как описан примененный Хань к Уцзюту дипломатический шантаж и его итог:

«Изначально в свите принцессы [Цзею, дочери] Чу[вана], служила Фэн Лао, которая умела читать истории и разбираться в [государственных] делах. С верительной грамотой ханьского посла принцесса посылала [ее] раздавать награды и дары во все царства с

внутренними и внешними стенами (т. е. в царства Западного края. — Л.Б.), где ее уважали и [почтительно] называли Фэн-фужэнь (госпожа Фэн). [К тому же она] была женой усуньского ю-да-цзяна (младшего главнокомандующего. — Л.Б.). А ю-да-цзян и Уцзюту любили друг друга. [И вот теперь] духу Чжэн Цзи через Фэн-фужэнь передал Уцзюту, что ханьские войска готовы выступить [против него, и тогда он] непременно встретит свою гибель, что [ему] лучше сдаться. Уцзюту испугался и заявил: "Хотел бы получить меньший титул". Сюань-ди вызвал Фэн-фужэнь [в Хань], сам расспросил [ее] о положении [в Усунь] и послал эчжэ¹ Чжу Цзи и сымэнь Гань Яня его помощником сопроводить Фэн-фужэнь [в Усунь]. Она приехала в шелковой коляске с верительной грамотой [ханьского] посла и с указом императора, [повелевавшего] Уцзюту явиться к Чанло-хоу [Чан Хуя] в г. Чигу, возвести Юаньгуйми на трон великого куньми, а Уцзюту — на трон малого куньми. Обоим была пожалована печать со шнуром. [После этого] поцян-цзянцзюня [с войском] отозвали [из Дуньхуана, и он так и] не выступил за рубежи [империи]. Позднее, [поскольку] Уцзюту не полностью вернул всем сихоу [их] людей, Хань снова отправила Чанло-хоу [Чан] Хуя во главе трех сяо[взев] и низшего подразделения войск (тунь) в Чигу², и он разделил их людей и разграничил земли.

¹ Эчжэ и сымэнь — чиновники Гуанлусюнь, которых там было по несколько десятков. Эчжэ имели 6 — 1-й ранг 2-й степени, ранг сымэнь не определен [XIII, гл. 19/1, с. 727].

² Эту фразу древние авторы не комментировали. Но в биографии Чэнь Тана, где тоже упоминаются сяо, Янь Шигу в комментарии написал, что сяо — одно из подразделений войск [XIII, гл. 70, с. 3911, прим. 9]. И Таскин переводил сяо как "полк или отряд войск" [ч. 2, с. 127]. Согласно же переводу Вичурина, Хань отправила Чан Хуя «в Чигу с гарнизоном из трех отрядов военнопоселян» [т. 2, с. 196]. А Жэнь Ифэй полагает, что он создал там три военно-земледельческих поселения [Жэнь Ифэй, 1980, с. 9]. Но, согласно описанию структуры, войск в «Хоу Хань шу», — а Поздняя Хань в целом сохранила установления Ранней Хань, — войско дацзянцзюня, названное ин, делилось на пять бу, каждое из которых возглавлял сяовэй; бу подразделялось на цюи, возглавляемые цзюнь-хоу; цюи же подразделялось на тунь, возглавляемые туньчжанами [XXIII, гл. 24, 3564]. Так что подразделения сяо в ханьских войсках не было, но бу командовал сяовэй. Тунь же называлось низшее подразделение войск, о котором, полагаем, и говорится в рассматриваемом сообщении. А о том, что такое сяо, позволяют судить сведения в биографии Вэй Цина в «Ши цзи», повторенной в «Хань шу». В ней говорится, что за заслуги в успешном походе против Сюнну в 124 г. до н. э. император очень щедро наградил его как да-цзянцзюня. Вэй Цин же, благодаря его, сказал, что победа — «результат военных заслуг всех сяо». Император ответил, что «не забыл заслуг всех сяо». И далее приведен его указ о наградах группе

Великий куньми [получил] более 60 тысяч дворов, а малый куньми — более 40 тысяч. Но симпатии многих были на стороне малого куньми. [Потом] Юаньгуйми и Чжими заболели и умерли. И тогда их мать, семидесятилетняя принцесса Цзею, испросив разрешение у императора, с тремя внуками вернулась в Хань в конце 3 г. Гань-лу, 51 г. до н. э., и через два года умерла [XIII, гл. 96/2, с. 3007-3908; гл. 8, с. 272].

Согласно этому сообщению, Хань сначала установила казалось бы полный контроль над Усунь, но затем, всего через 2–3 года ликвидировала оплот своего влияния в ней — ханьскую колонию в столице, возглавлявшуюся принцессой Цзею.

Но рассмотрим события по порядку и попытаемся хотя бы примерно датировать основные из них, так как из приведенного описания ясно только, что все они произошли до 51 г. до н. э.

Судя по тому, что ханьский ультиматум передал новому правителю Усунь Уцзюту (через Фэн-фужэнь) духу Чжэн Цзи, а он был в должности духу до конца 57 г., это случилось не позднее. А о согласии Уцзюту на титул малого куньми император — им в то время был Сюань-ди (73–49) — получил сообщение от посланца, прибывшего в Хань, по-видимому, в начале 56 г. Но он пожелал точнее выяснить ситуацию в Усунь, получив сведения из первых рук, и решил пригласить в Хань Фэн-фужэнь. Ясно, что за ней был послан человек, прибывший в Усунь примерно в середине 56 г. А Фэн-фужэнь соответственно появилась в Хань к концу этого года. Оставаясь там, пока двор на основании ее сведений решал, какие меры надо предпринять в Усунь, она затем уже с указом императора в качестве посла Хань вернулась туда, вероятнее всего, в начале 55 г. до н. э. Так что акт разделения власти между великим и малым куньми, изменивший политическое устройство Усунь, состоялся в первой половине 55 г. до н. э.

Итак, Уцзюту был единовластным куньми Усунь примерно с начала 57 до середины 55 г. до н. э., после чего стал одним из двух и при этом младшим правителем ее. Поскольку для коронации на трон малого куньми ему повелевалось прибыть к Чанло-хоу Чан Хую в столицу Усунь Чигу, — ясно, что он в ней до того не находился, а, бежав в северные горы, там и основал свою ставку.

крупных военачальников — *цзянцзюней, дувзев и словзев* [XIII, гл. 55, с. 2475]. Очевидно, что *сяо* — это сокращенное название *словзев*.

Позже в Хань узнали, что большинство усуней поддерживает именно его, а не большого куньми Юаньгуйми. Потому-то туда снова был послан (вероятно, в 54 г. до н. э.) все тот же многоопытный в делах Усунь Чан Хуй с тремя сяовзями и небольшим отрядом войск с задачей разделить людей и земли между двумя куньми. Большую часть их получил великий куньми Юаньгуйми, а меньшую — Уцзюту.

Таким образом, в 55–54 гг. до н. э. царство Усунь по воле Хань оказалось поделенным на два внутренних владения. Поскольку ставка великого куньми Юаньгуйми и его матери ханьской принцессы Цзею осталась в г. Чигу, столице Усунь, то и земли его владения располагались, несомненно, вокруг нее. На основании рассмотренных сведений можно предположить, что ставка малого куньми Уцзюту и его владение находились в северо-восточных землях Усунь, примыкавших к Сюнну, на поддержку которой он первоначально и рассчитывал. Более точные сведения о местонахождении владений обоих куньми будут приведены ниже, при рассмотрении истории Канцзюй.

Казалось бы, Хань добила то, что большое царство Усунь стало подвластно ей. Однако последующие события в Усунь доказывают, что это была пиррова победа. Вскоре, в 53–52 гг. как-то уж очень дружно заболели и умерли два сына Цзею, великий куньми Юаньгуйми и ее сын от Куанвана Чжими. А сама она в 51 г. просит у императора позволения вернуться в Хань и к концу года приезжает уже туда вместе с тремя внуками. Из дальнейших сведений выясняется, что с нею вернулась на родину и ее помощница Фэнфужэнь. Видимо, вместе с Цзею покинули Усунь и почти все ханьцы из ее многочисленной свиты и obsługi. Хань лишилась своей главной опоры при дворе Усунь. С тех пор Усунь никогда более не просила ханьских принцесс в жены куньми.

Таким образом, в 51 г. до н. э. Усунь освободилась от засилия ханьцев при своем дворе и диктата Хань и вступила в новый этап своей истории. Но раздел царства на два владения сохранился, поскольку в этом были заинтересованы сложившиеся в предыдущий период две группировки усуньской знати — просюннуской и проханьской ориентации, возглавлявшиеся соответственно потомками сюннуских принцесс и ханьской принцессы Цзею.

Хань же, после того как в 53 г. до н. э. ей подчинились сюнны во главе с Хуханье-шаньюем, оказалась надолго поглощенной заботами о расселении их, изыскании способов удержания их в повиновении. Лишь через несколько лет она снова оказала поддержку ставшему великим куньми сыну Юаньгуйми, внуку Цзею, и сплотившейся вокруг него части усуньской знати. Вот что сказано об этой ее акции в описании Усунь:

«Синми, сын Юаньгуйми, стал великим куньми малолетним. Фэн-фужэнь обратилась к императору с письмом, [в котором говорила] о желании отправиться в Усунь, чтобы поддержать Синми. Хань послала ее в сопровождении 100 воинов. А духу Хань Сюань представил доклад о желательности подарить золотые печати с фиолетовым шнуром (давалась самым знатным высшим сановникам Хань, имевшим 1-й ранг. — Л.Б.) усуньским [высшим сановникам] *да-ли, далу и да-цзянь*, чтобы [они] почитали и поддерживали великого куньми. Двор согласился с ним. Позже духу Хань Сюань в новом докладе императору [писал, что] Синми робок и слаб, что можно сместить его, заменив его дядей *цзо-да-цзяном* [Далэ (младший сын Вэньгуйми и Цзею. — Л.Б.). Но двор не согласился с ним» [XIII, гл. 96/2, с. 3908].

Синми, будучи малолетним, стал великим куньми после смерти отца Юаньгуйми в 53–52 гг. до н. э., т. е. еще во время пребывания в Усунь его бабки принцессы Цзею с ее помощницей Фэн-фужэнь. Поскольку инициатором оказания ему помощи на этот раз выступила Фэн-фужэнь, а не сама Цзею, есть основание полагать, что принцесса уже умерла (в 49 г.), и что Фэн-фужэнь поехала в Усунь в 48 г. Значит, Хань Сюань, бывший тогда духу, занимал эту должность с конца 51 до конца 47 г. Фэн-фужэнь, надо полагать, и отвезла, кроме обычных в таких случаях даров, и печати высшим сановникам, выданные по совету Хань Сюаня.

Фраза — «подарить золотые печати с фиолетовым шнуром усуньским *да-ли, далу и да-цзянь*, чтобы [они] почитали и поддерживали великого куньми» — убеждает в том, что получившие в дар ханьские печати сановники иноземных царств, тем более правители их (ранее упоминалось, что Хань подарила печати правителю Гуйцы и его жене, позже Юаньгуйми и Уцзюту) отнюдь не становились ханьскими сановниками, с помощью которых империя якобы непосредственно управляла этими царствами. Это был всего лишь способ, как бы сказали в наше время, вербовки агентов влияния, помогавших Хань добиваться ее внешнеполитических целей.

Ханьский двор отказался от идеи духу Хань Сюаня заменить малолетнего Синми на троне великого куньми его дядей, младшим сыном Вэньгуйми и Цзею по имени Дала, скорее всего, потому, что это вызвало бы недовольство малого куньми Уцзюту. А этот любимец усуней в то время сосредоточил в своих руках реальную власть в царстве, о чем свидетельствуют события 49–48 гг. до н. э., описанные в «Повествовании о Сюнну».

Там говорится, что брат Хуханье-шаньюя, провозгласивший себя еще в 56 г. до н. э. Чжичжи-шаньюем [XIII, гл. 94/2, с. 3796], но не подчинившийся, в отличие от Хуханье, Хань, увел свой народ на запад, намереваясь укрепиться в западных землях сюннов. Разгромив тамошнего Илим-шаньюя, Чжичжи-шаньюй действительно укрепился в них. Потом,

«...узнав, что Хань послала войска и зерно в помощь Хуханье, так и остался в западных землях. [Но], рассчитав, что своими силами не сможет утвердиться в Сюнну, [он двинулся] дальше на запад ближе к Усунь. Намереваясь объединить силы [с нею], отправил посла к малому куньми Уцзюту. Уцзюту, зная, что Хань поддерживает Хуханье, а Чжичжи – беглый враг, решил напасть на него, чтобы отличиться перед Хань. Затем [он], убив посла Чжичжи и отправив его голову в ставку духу, вывел 8-тысячную конницу навстречу Чжичжи. Чжичжи видел, что усуньское войско многочисленно и что его посол не вернулся, дал встречный бой усуням и разгромил их. А затем [повернул] на север и напал на Уцзе. Уцзе сдалось. Выступив с его войском на запад, разбил Цзянькунь, [а лежавшее от них] к северу Динлин сдалось. Объединив три царства, [Чжичжи] неоднократно нападал на Усунь и всегда побеждал ее. ... Прежде, как только Юань-ди вступил на трон, Хуханье-шаньюй в новом письме императору говорил, что [его] народ бедствует из-за недостатка [продовольствия]. И [император] Хань повелел цзяням Юньчжун и Уюань доставить [ему] 20 тысяч *ху* зерна. Чжичжи-шаньюй, находясь в такой дали и злобясь на Хань за поддержку Хуханье, отправил посла с письмом императору, прося [вернуть] сына, находившегося в его свите» [XIII, гл. 94/2, с. 3800–3801].

Отсюда видно, что малый куньми Уцзюту фактически выступал как глава царства – принимал посла, решал вопросы войны и мира. Не желая ссориться с Хань, он, зная, что она поддерживает Хуханье-шаньюя, отказался от союза с Чжичжи-шаньюем, убил его посла и даже вступил в сражение. Чжичжи, в свою очередь, хотя и разгромил 8-тысячный отряд войск Уцзюту, но, зная о силе войск Усунь, на большую войну с ним не решился, а завоевал к

северу от Усунь три явно более слабых царства — Уцзе, Цзянькунь и Динлин, — обосновался там и стал нападать и грабить ее северные земли.

Однако, надо выяснить, когда все это происходило.

В хронике правления Сюань-ди сказано, что в 3 г. Гань-лу, 51 г. до н. э., «Чжичжи-шаньюй бежал далеко» после того как император принял Хуханье-шаньюя как равного по статусу, подарил ему «императорскую печать» и повелел приграничным районам оказать ему помощь продовольствием [XIII, гл. 8, с. 271]. Очевидно, что именно тогда Чжичжи бежал в западные земли сюннов. А своего сына из свиты императора он затребовал, согласно биографии Чэнь Тана, в 4 г. Чу-юань, 45 г. до н. э. [XIII, гл. 70, с. 3008]. Следовательно, все остальные события произошли между 51-м и 45 гг. до н. э.

Чжичжи-шаньюй переселился ближе к Усунь и вступил в контакт с Уцзюту, после того как узнал, что Хань опять оказала Хуханье помощь продовольствием. В хронике после 51 г. такого рода сведений нет. Но в рассматриваемом сообщении из «Повествования о Сюнну» сказано: «Прежде, как только Юань-ди вступил на трон», он оказал Хуханье помощь продовольствием. Так что именно после этого Чжичжи переселился ближе к Усунь, т. е. в 48 г. до н. э., а завоевал Уцзе, Цзянькунь и Динлин, видимо, на рубеже 48–47 гг., после чего начал нападать на северные земли Усунь.

В описании Усунь об этих и каких-либо других событиях в ней сведений нет до середины 30-х годов до н. э. А так как история Чжичжи-шаньюя оказалась связанной с историей Усунь, — ниже мы и рассмотрим материалы о нем из других глав «Хань шу».

Итак, в 45 г. до н. э. Чжичжи-шаньюй затребовал у Хань своего сына, находившегося с 53 г. в свите императора. Но, когда сын в сопровождении ханьского посла Гу Цзи прибыл, шаньюй убил Гу Цзи [XIII, гл. 70, 3009]. В хронике правления Юань-ди за конец 44 г. до н. э. говорится, что Гу Цзи, посланный в Сюнну, не вернулся [XIII, гл. 9, с. 287].

В «Повествовании о Сюнну» после сообщения об отправлении Гу Цзи к Чжичжи с его сыном сказано, что на следующий год, т. е. в 44-м, Хань вернула и находившегося в свите императора сына Хуханье. Послы, сопровождавшие его, возвратившись в Хань, рассказали о том, что людей у шаньюя стало еще больше, но к югу от укрепленной линии

(т. е. в северных районах Хань, отданных под расселение сюннам Хуханье) не осталось даже птиц и зверей, что большинство советников шаньюя убеждает его вернуться в свои земли на север. И действительно

«...после этого Хуханье в конце концов перенес [свою] ставку на север, и в его владениях установилось спокойствие. Чжичжи, убив посла и сознавая вину перед Хань, узнав к тому же, что Хуханье еще больше усилился и опасаясь [его] неожиданного нападения, захотел уйти [еще] дальше». Как раз в то время правитель Канцзюй, страдавший от нападений Усунь, прислал к нему послов с предложением переселиться в его земли, сообщая разгромить Усунь и завладеть ею. И Чжичжи после тяжелейшего переселения обосновался в землях Канцзюй [XIII, гл. 94/2, с. 3801-3802].

Поскольку послы Хань сопровождали сына Хуханье в его земли в 44 г. до н. э., Хуханье перенес свою ставку на север после их возвращения, вероятно, в 43 г. А Чжичжи-шаньюй, узнав об этом, переселился в Канцзюй примерно в 42 г.

Следовательно, в 47 – 42 гг. до н. э. Усунь страдала от вторжений и грабежей Чжичжи с севера, а сама в то же время опустошала восточные земли Канцзюй. После же того как Чжичжи переселился в 42 г. в эти земли, он

«...неоднократно, используя [канцзюйские] войска, наносил удары по Усунь, углублялся [в ее земли] до г. Чигу, убивал и уводил людей, угонял скот. Усунь не осмеливалась преследовать [его]. Западные приграничные земли [ее] опустели и обезлюдели на 1000 ли» [XIII, гл. 70, с. 3009].

Из других сведений, приведенных и рассмотренных ниже в главе по истории Канцзюй, выясняется точно, что западная часть Усунь была владением великого куньми, а владение малого куньми начиналось к востоку от г. Чигу, т. е. занимало восточную часть Усунь по соседству с Сюнну. Так что до 42 г. от набегов Чжичжи с севера страдали в основном земли малого куньми, а позже от его набегов из Канцзюй – земли великого куньми. Поэтому не удивительно, что в 36 г. до н. э., когда ханьский духу Гань Яньшоу и его помощник Чэнь Тан предприняли поход против Чжичжи-шаньюя в Канцзюй, Усунь охотно пропустила их туда через свои земли [XIII, гл. 70, с. 3011].

Подробнее отношения Чжичжи с царством Канцзюй и поход Чэнь Тана рассмотрены в следующей главе.

Чэнь Тан в 36 г. до н. э., спешивший с войском в Канцзюй, проходя через Усунь, не имел времени выяснять положение в ней, тем более за предшествующий период. Так что те краткие и недатированные данные о смене правителей Усунь, великих и малых куньми, которые приведены в описании Усунь, были, несомненно, получены позже, когда, наконец, послы Хань снова побывали там:

•[Когда великий куньми] Синми умер, сын Цылими сменил [его], [когда] умер малый куньми Уцзюту, [его] сменил сын Фули, который был убит младшим братом Жиэром. Отправленный Хань посол возвел на трон малого куньми Аньжи, сына Фули. Жиэр бежал в Канцзюй. Хань послала в Гумо (Аксу. — Л.Б.) своего сяо[взя], намереваясь выждать благоприятный момент и покарать Жиэра. [Но] Аньжи заслал [в Канцзюй своих] знатных людей Гумони и трех других, которые, прикинувшись сторонниками Жиэра, убили его. Духу Лянь Бао подарил Гумони и другим 20 цзинь золота и 300 кусков шелка. [XIII, гл. 96/2, с. 3908].

Отсюда ясно только, что посол Хань прибыл в Усунь после узурпации трона малого куньми Жиэром и что он возвел на трон Аньжи.

Но об Аньжи говорится в биографии духу Дуань Хуйцзуна, и потому сведения в ней заслуживают подробного рассмотрения. Дуань Хуйцзун, в эру Цзин-нин (33 г. до н. э.), начальник уезда (*лин*), был возведен в должности *ци-дунзя* и *Сиюй-дучу* и в Западном крае завоевал уважение и доверие.

•[Спустя] три года был заменен и вернулся [в Хань], получив назначение на пост главы (*тайшоу*) Пэй-цзюня. Через несколько лет был осужден, но освобожден от наказания. [Так как] все царства Западного края в письмах императору [заявляли] о желании получить [Дуань] Хуйцзуна [в качестве духу], в эру Ян-шо (24–21. — Л.Б.) [он] снова стал духу. Когда Хуйцзун выехал [в Западный край], все царства послали сыновей или младших братьев [правителей] встретить и приветствовать его. Малый куньми Аньжи, прежде возведенный на трон Хуйцзуном, хотел из признательности [лично] отправиться на встречу [с ним]. Все *сихоу* категорически возражали, [но он] не послушался и прибыл на встречу в Гуйцы. [XIII, гл. 70, с. 3029–3030].

Эра Цзин-нин продолжалась всего один год, 33 г. до н. э. Следовательно, Дуань Хуйцзун получил впервые должность духу в этом году. Сообщение же о том, что через три года он был заменен и вернулся в Хань, доказывает, что должность духу давалась на три года. Чжэн Цзи первым получил должность духу в конце 60 г. и следовательно, занимал ее до конца 57 г., а Дуань Хуйцзун — с конца 33 до конца 30 г. до н. э.

А сообщение о том, что малый куньми Аньжи, прежде возведенный Дуань Хуйцзуну на трон, из признательности лично поехал на встречу с ним в год его вторичного назначения на должность духу (в эру Ян-шо), не оставляет сомнений, что именно Дуань Хуйцзун возвел Аньжи на трон малого куньми во время своего первого пребывания на этом посту в 33 – 30 гг. до н. э. Примем условно, что Аньжи стал малым куньми в 32 г. В то время престиж Хань в Западном крае резко возрос благодаря тому, что Чэнь Тан совершил поход в Канцзюй и там разгромил и убил Чжичжи-шаньюя.

Узурпатор Жиэр, правивший явно недолго, убил Фули, скорее всего, лишь за год до воцарения Аньжи, т. е. примерно в 33 г. до н. э. А Уцзюту умер и его сын Фули стал малым куньми, должно быть, уже после похода Чэнь Тана 36 г., – в 35 или 34 г. до н. э.

Судя по последовательности изложения в описании Усунь, великий куньми Синми умер раньше Уцзюту. Так как Синми стал великим куньми в 52 г. до н. э., будучи малолетним, то очевидно, что и его сын Цылими стал великим куньми еще ребенком. Ведь, если даже допустить, что он родился в 50-м, то в 36 г. ему было только 14 лет. Несомненно, что и при «слабом» Синми, и при его юном сыне Цылими власть в Усунь была фактически в руках опытного, пользовавшегося поддержкой большинства народа Уцзюту, к тому же лояльного по отношению к Хань. Именно его полновластие в Усунь позволило ему пропустить войско Чэнь Тана в 36 г. через земли великого куньми и его ставку Чигу. Великий же куньми, будь то Синми или Цылими, вряд ли смог бы без согласия Уцзюту решиться на этот шаг. Поэтому примем условно, что Синми умер в 36 г., а Уцзюту в 35 г. до н. э.

Когда же вскоре после смерти Уцзюту Жиэр убил его сына и узурпировал трон малого куньми, Хань стала опасаться, как бы при юном великом куньми трон малого куньми не захватили ее противники. Пользуясь тем, что после похода Чэнь Тана престиж империи в регионе возрос, Хань послала духу Дуань Хуйцзуна вернуть трон малого куньми послушному ей Аньжи, сыну Фули и внуку Уцзюту, тем более, что тот был законным наследником.

Следующее событие в истории Усунь описано в приведенном сообщении из биографии Дуань Хуйцзуна и относится к эре Ян-шо (24–21 гг. до н. э.), когда он по просьбе царств

Западного края вторично стал духу. Исходя из трехлетнего срока пребывания в этой должности, можно заключить, что он снова занимал ее с конца 24 до конца 21 г. до н. э. Встречать Дуань Хуйцзуна правители царств послали своих сыновей или младших братьев, а малый куньми Аньжи, благодарный ему за возведение на трон, отправился сам на встречу с ним в Гуйцы (Куча), несмотря на решительный протест подвластных сихоу.

Но в биографии Чэнь Тана есть сведения, позволяющие заключить, что сихоу подняли вооруженный мятеж и осадили столицу Гуйцы, где находились Аньжи и Дуань Хуйцзун. Там сказано, что через несколько лет после вступления на трон императора Чэн-ди (в 32 г. до н. э.) Сиюй-духу Дуань Хуйцзун был окружен усуньскими войсками и просил двор прислать войска на помощь. Чэнь Тан, за советом к которому по предложению да-цзянцзюня Ван Фэна император обратился, сказал, что этого делать не надо, так как войска будут идти туда долго, а усунь, между которыми нет согласия, не смогут долго выдержать осаду. И действительно, через несколько дней в Хань узнали о снятии осады [XIII, гл. 70, с. 3022-3023]. Так как Ван Фэн в 22 г. до н. э. умер [XIII, гл. 10, с. 314], то очевидно, что здесь описан мятеж усуньской знати во время встречи Аньжи с Дуань Хуйцзуном в Гуйцы.

Мятеж подвластных малому куньми сихоу, осада ими столицы Гуйцы, где Аньжи встречался с духу, снятие ее — все это доказывает, что издавна сложившиеся в Усунь две группировки знати, просюннуской и проханьской ориентации, продолжали существовать и играть большую роль в жизни и политике царства. Хань старалась поддерживать свое влияние в нем, ибо рядом с владением малого куньми в восточной части Усунь жили сюнны, которые не признавали шаньюев, покорившихся Хань.

О дальнейшей череде событий в Усунь говорится опять же в ее описании и в биографии Дуань Хуйцзуна. Сведения в них, иногда противоречивые, дополняют друг друга. Поэтому сначала приведем оба текста.

В описании Усунь сказано:

«Впоследствии Аньжи был убит сдавшимися [ему после мятежа] людьми, и Хань возвела на трон малого куньми его младшего брата Мочжэньцзяна. В то время великий куньми Цылими был в силе. Все сихоу боялись [его] и повиновались ему. А народу [он] объявил, чтобы выпасая лошадей и скот, [никто] не смел вторгаться [в чужие владения].»

ния]. В царстве [установилось] великое спокойствие, как во времена Вэньгуйми. Малый куньми Мочжэньцзян, опасаясь, что [Цылими] объединит [оба владения], послал знатного человека Ужилина прикинуться перешедшим на сторону Цылими и заколоть его. Хань хотела с помощью войска покарать его, но не смогла, [лишь] послала *чжун-лан-цзяна* Дуань Хуйцзуна с золотом и деньгами вместе с духу беспристрастно навести порядок. Великим куньми стал Ичжими, внук младшего дяди Цылими. Хань долго задерживала в столице находившегося в свите императора сына малого куньми (Аньжи? — Л.Б.). [Когда же] сихоу великого куньми [по имени] Наньци убил Мочжэньцзяна, малым куньми стал Аньлими, сын Аньжи, старшего брата Мочжэньцзяна. Хань, сожалея, что не сама наказала Мочжэньцзяна, опять послала [в Усунь] Дуань Хуйцзуна. Казнив его (Мочжэньцзяна. — Л.Б.) великого наследника Фаньцю, [он] возвратился и был награжден титулом *Гуаньнэй-хоу*. Это было во 2 г. Юань-янь (11 г. до н.э. — Л.Б.). Дуань Хуйцзун в докладе императору предложил дать сихоу Наньци [должность] *цзиньшоу-дуэя* за то, что [он] убил Мочжэньцзяна, хотя и без указания Хань, но в соответствии [с ее желанием] покарать преступника. А *далу, да-ли, да-цзянь*, замешанных в убийстве Цылими, наказать, отобрав [у них] золотые печати с фиолетовым шнуром и заменив медными печатями с черным шнуром* [XIII, гл. 96/2, с. 3909].

Здесь нет дат, кроме одной, доказывающей, что все описанное произошло до 2 г. Юань-янь, 11 г. до н.э.

В биографии Дуань Хуйцзуна — сведения более краткие, но содержат ряд временных указателей, позволяющих довольно точно датировать главные события. После сообщения о возвращении его в Хань из Западного края (несомненно, на рубеже 21–20 гг. до н.э.) говорится:

*Через год с лишним малый куньми [Аньжи] был убит знатью, все сихоу подняли великий мятеж [против него]. [Снова] призвали Хуйцзуна, назначили его [на должности] *цзо-цао, чжун-лан-цзян, шу-анлу-дайфу* и послали успокоить и сплотить усуней. [Он] возвел на трон Мочжэньцзяна, старшего брата (явная ошибка, он был младшим братом Аньжи. — Л.Б.) [убиенного] малого куньми, умиротворил его владение и вернулся. На следующий год (т. е. в 19 г. до н.э. — Л.Б.) Мочжэньцзян убил великого куньми [Цылими], но [сам] вдруг заболел и умер. Хань сожалела, что не сама наказала [его]. В эру Юань-янь (12–9 гг. до н.э. — Л.Б.) [она] снова послала Дуань Хуйцзуна с войском *уцзи-сяовзя* и из *чжу-го* наказать Фаньцю, наследника Мочжэньцзяна*.

Далее подробно рассказано, как он убил Фаньцю, за что по возвращении был пожалован титулом *Гуаньнэй-хоу* [XIII, гл. 70, с. 3030–3031].

Согласно обоим описаниям, Аньжи был убит взбунтовавшимися подданными, по биографии, — зная во главе с сихоу через год с лишним после возвращения Дуань Хуйцзуна в Хань из Западного края, т. е., получается, в начале 19 г. до н. э. Следовательно, Аньжи занимал трон малого куньми примерно с 32 по 19 г. до н. э. Утверждение же в них, что сама Хань возвела Мочжэньцзяна на трон малого куньми, представляется неверным. Сообщение в биографии Дуань Хуйцзуна о том, что он после убийства Аньжи в должности *чжун-лан-цзяна* был послан в Усунь, где, якобы, и возвел Мочжэньцзяна на трон малого куньми, вызывает сомнения потому, что вряд ли Хань могла отправить его туда, где бушевал мятеж против ее ставленника и вряд ли восставшие сихоу, убив Аньжи, могли и хотели дожидаться прибытия ханьского посла, чтобы возвести на трон своего главу. Скорее всего, здесь, в биографии, к этому времени ошибочно отнесено событие, случившееся позже и изложенное в описании Усунь. В нем сказано, что *чжун-лан-цзян* Дуань Хуйцзун с золотом и деньгами вместе с духу был послан в Усунь после того, как Мочжэньцзян на следующий год после своего вступления на трон малого куньми — т. е., получается, в 18 г. до н. э. — убил великого куньми Цылими, что, кстати, более чем убедительно говорит об антиханьской позиции Мочжэньцзяна. Гибель Цылими, правнука Вэньгуйми и ханьской принцессы Цзею, потомки которых оставались главной опорой Хань в этом царстве, действительно могла подвигнуть ханьский двор оказать материальную поддержку Ичжими, наследовавшему трон великого куньми, поскольку он был дядей Цылими.

Итак, Цылими, сын Синми, внук Вэньгуйми и Цзею, занимал трон великого куньми примерно с 36 по 18 г. до н. э. Сменивший его на троне Ичжими правил, согласно последующим сведениям, еще и в первые годы новой эры.

Сведения о смерти Мочжэньцзяна тоже противоречивы. В биографии Дуань Хуйцзуна говорится: Мочжэньцзян, убив Цылими, «вдруг заболел и умер», т. е. можно думать, что это случилось вскоре после убийства Цылими. А в описании Усунь сказано, что Мочжэньцзяна убил сихоу Наньци, подосланный великим куньми Ичжими, и что Дуань Хуйцзун, побывав в Усунь в 11 г. до н. э., предлагал императору наградить Наньци за убийство Мочжэньцзяна.

Верно, видимо, то, что Мочжэньцзян был убит Наньци вскоре после гибели в 18 г. до н. э. Цылими, возможно, — уже в 17 г. Примем эту условную дату для ориентировки в событиях тех лет.

После Мочжэньцзяна на трон малого куньми, явно под давлением великого куньми Ичжими и Хань, был возведен сын Аньжи по имени Аньлими, (так он назван в описании Усунь) или Улими (согласно биографии Дуань Хуйцзуна). Скорее всего, он и был тем самым сыном Аньжи, которого Хань долго задерживала в своей столице в свите императора. Значит, он, как и Ичжими, правил примерно с 17 г. до н. э. до первых лет нашей эры.

В рассматриваемом пассаже из описания Усунь особо-го внимания заслуживает характеристика положения в царстве при Цылими:

«В то время великий куньми Цылими был в силе. Все сихоу боялись и повиновались ему. А народу [он] объявил, чтобы, выпасая лошадей и скот, [никто] не смел вторгаться [в чужие владения]. В царстве [установилось] великое спокойствие, как во времена Вэньгуйми».

Как видим, положение в царстве в период его правления одновременно с малым куньми Аньжи сравнивается с тем, что было в царствование Вэньгуйми, которое представляется как бы эталоном хорошего правления. На этом сообщении и основано высказанное нами выше суждение о процветании Усунь при Вэньгуйми.

Упрочению внутреннего положения в Усунь в 20-е годы до н. э., несомненно, способствовало установление с конца 30-х годов дружественных связей между нею и Канцзюй и между Хань и Канцзюй, о чем подробнее говорится далее.

Мир и спокойствие во всем царстве в течение многих лет правления Цылими отвечали интересам всего населения. Поэтому, когда Мочжэньцзян в 18 г. убил Цылими, он, безусловно, потерял поддержку даже значительной части народа своего владения. Это подтверждается тем фактом, что новый великий куньми Ичжими, поддержанный Хань, вскоре, видимо, уже в 17 г, расправился с Мочжэньцзяном и без какого-либо сопротивления даже подвластных ему сихоу возвел на трон малого куньми Аньлими (Улими), сына Аньжи. Так что победа антиханьской группировки усуньской знати во главе с малым куньми Мочжэньцзяном в 19 г. до н. э. оказалась недолгой. Уже с 17 г. в Усунь снова

стали править ориентировавшиеся на Хань великий и малый куньми. Однако, как свидетельствуют последующие события, их противники не смирились окончательно со своим поражением.

В этом отношении интересно событие 11 г. до н. э., последнее в рассматриваемых пассажах из описания Усунь и биографии Дуань Хуйцзуна. В описании Усунь кратко сказано, что Хань, сожалея, что не сама наказала Мочжэньцзяна за убийство Цылими, послала в том году Дуань Хуйцзуна в Усунь казнить его наследника Фаньцю. По возвращении Дуань Хуйцзун был награжден титулом *хоу*. В биографии же его это событие в отличие от предыдущих описано очень подробно. Оказывается, он отправился в Усунь впервые с большим войском. Однако, «опасаясь, что вступление в Усунь большого войска спугнет Фаньцю, [он] убежит и его нельзя будет схватить», Дуань Хуйцзун оставил его на подступах к Усунь и прибыл в ставку малого куньми с 30 отборными лучниками. Пригласив Фаньцю в ставку и объявив императорский указ, повелевавший наказать его за преступление его отца Мочжэньцзяна, Дуань Хуйцзун неожиданно тут же сам заколол Фаньцю. Придворные в испуге бежали, а малый куньми Улими с конницей в несколько тысяч человек окружил Дуаня в ставке. Тот заявил, что, если будет убит, то Хань поступит с куньми так же, как с правителем Давань и с Чжичжи-шаньюем. И Улими повиновался и признал право Хань покарать сына Мочжэньцзяна [XIII, гл. 70, с. 3030-3031].

Чем же было вызвано решение Хань впервые за все время отношений с Усунь послать туда большое войско, не останавливаясь перед обременительными для себя, особенно в то время, расходами? Неужели только для того, чтобы наказать Фаньцю за преступление его отца? Вряд ли. По поручению Хань куньми могли сделать это сами привычным способом — подослать убийцу. Но они явно не осмелились на такой шаг, скорее всего, потому, что возглавляемая Фаньцю оппозиция была уже настолько сильна, что тут же уничтожила бы, если не обоих куньми, то во всяком случае малого куньми. Не исключено поэтому, что Хань послала в Усунь большое войско по тайному сговору с малым куньми Аньлими, чтобы под предлогом наказания Фаньцю предотвратить назревавший мятеж просюннуской группировки. А то, что малый куньми осадил Дуань Хуйцзуна, должно бы-

ло снять с него, Аньлими, подозрение в соучастии в убийстве Фаньцю. Прибытие же большого войска Хань к границам Усунь стало грозным предупреждением для оппозиции.

Но Хань предприняла столь дорогостоящую акцию и по другим, видимо, причинам. Согласно сведениям в описании Канцзюй, двор в период правления Чэн-ди (32–6 гг. до н. э.) получил информацию о том, что Усунь, Канцзюй и Сюнну, хотя и не всегда доверяют друг другу, все же по-прежнему обмениваются товарами и взаимосвязаны, а в Канцзюй послам Усунь оказывают предпочтение перед ханьскими (подробнее об этом см. в след. главе). Так что вполне возможно, что Хань отправляла в Усунь большое войско также и для того, чтобы предостеречь эти царства от дальнейшего сближения между собой. Кроме того, поход Дуань Хуйцзуна давал двору, начавшему с конца 20-х годов терять контроль над империей, все чаще сотрясаемой народными восстаниями, возможность представить его как крупную победу и поднять свой престиж в стране.

Сведения о последующих событиях в царстве Усунь доказывают, что Хань опять удалось лишь приглушить, но не остановить борьбу в нем двух группировок. Вскоре после убийства Фаньцю главой противников куньми становится сихоу Биюаньчжи, младший брат Мочжэньцзяна. Хронологически первое сообщение о нем в «Повествовании о Сюнну» гласит:

«Во 2 г. Цзянь-пин правления Ай-ди (5 г. до н. э. — Л.Б.) сын наложницы усуньского [куньми] Биюаньчжи со [своими] людьми вторгся в западные приграничные земли Сюнну, захватил скот и убил очень много ее людей. Шаньюй, узнав об этом, послал *цзо-да-данху* Уилина с пятитысячной конницей напасть на Усунь. Убив несколько сот человек и уведя в плен более тысячи, угнав скот, [он] вернулся. Биюаньчжи испугался и отправил сына Цюйлу в Сюнну в свиту [шаньюя]. Шаньюй принял [его], но довел до сведения императора. Хань отправила *чжун-лан-цзяна* Дин Елиня и *фу-сяовэя* Гун Чэнина послами в Сюнну высказать упрек шаньюю и объявить повеление вернуть сына Биюаньчжи. Шаньюй, получив указ императора, отослал [его] домой» [XIII, гл. 94/2, с. 3811].

Сихоу Биюаньчжи вторгся из владений малого куньми в западные земли сюннов с целью завоевать авторитет в Усунь. Встретив отпор сюннов, он не растерялся и отправил сына в свиту шаньюя, а тот, польщенный, принял его. По тем временам это фактически означало, что шаньюй признал Биюаньчжи независимым правителем. Пока усунь и

сюнны воевали, Хань была спокойна, но она не могла допустить их союза и появления конкурента малому куньми.

Однако это не остановило Биюаньчжи. О дальнейшей его деятельности сказано в описании Усунь:

«Младший брат Мочжаньцзяна Биюаньчжи изначально задумал убить великого куньми. Уведя более 80 тысяч человек на север [я земли] прилегающие к Канцзюй, [он] планировал воспользоваться его войсками, чтобы завладеть и объединить [владения] двух куньми. Оба куньми, боясь его, всецело положились на духу. Во 2 г Юань-шоу [правления] Ай-ди (1 г. до н. э. — Л.Б.) великий куньми Ичжими одновременно с шаньюем прибыл ко двору, и Хань приняла [их] с почетом. В середине эры Юань-ши (1-5 гг. н. э., т. е. в 3 г. — Л.Б.) Биюаньчжи убил Ужилина (убийцу Цылими. — Л.Б.), чтобы выслужиться перед Хань, и Хань пожаловала [ему] титул *Гуйи-хоу*. Оба куньми ослабели, и Биюаньчжи стал притеснять [их]. [Тогда] духу Сунь Цзянь неожиданно убил его. Со времени разделения Усунь и возведения на трон двух куньми у Хань из-за забот и трудов не было ни [одного] спокойного года» [XIII, гл. 96/2, с. 3909-3910].

Ясно, что Биюаньчжи, не сумев усилиться за счет сюннов, вскоре задумал разгромить обоих куньми с помощью Канцзюй. Угроза была, видимо, настолько серьезна, что великий куньми Ичжими предпринял то, чего усуньские куньми не делали до этого — отправился в Хань (в 1 г. до н. э.). Торжественный прием, оказанный ему там, явно укрепил его престиж в Усунь и послужил предостережением царству Канцзюй, которое, вероятно, потому так и не поддержало Биюаньчжи.

Однако этот хитрец снова находит выход: чтобы нейтрализовать успех своих соперников, он казнит в 3 г. н. э. Ужилина, убившего в 19 г. до н. э. великого куньми Цылими, и получает от Хань титул *хоу*, но вместо послушания Хань начинает нападать на нее. И тогда обманутая им Хань снова прибегает к услугам уже старого, но многоопытного в делах Усунь Дуань Хуйцзуна и отправляет его туда вместе с духу:

«В то время, когда Биюаньчжи, младший дядя по отцу малого куньми [Аньлими], захотел погубить [обоих] куньми, Хань опять отправила Хуйцзуна послом, чтобы общими усилиями с духу успокоить и сплотить [Усунь]. Но на следующий год Хуйцзун умер в Усунь 75 лет от роду». И все царства Западного края оплакивали его [XIII, гл. 70, с. 3031].

Очевидно, что Дуань Хуйцзун отправился в Усунь с духу Сунь Цзянем, который, как сказано в описании ее,

неожиданно убил Биюаньчжи. Смерть знаменитого в Западном крае и в Усунь Дуань Хуйцзун не помешала, а может быть даже предоставила Сунь Цзяню удобный случай неожиданно убить Биюаньчжи. По нашим расчетам, Сунь Цзянь занимал должность духу с конца 1-го до конца 4 г. Но Биюаньчжи убил Ужилина и стал притеснять обоих куньми в 3 г. Следовательно, Дуань Хуйцзун с духу Сунь Цзянем отправились в Усунь в конце того же года, поскольку в следующем Дуань там умер. Так что, он умер в Усунь в 4 г. и тогда же Сунь Цзянь убил Биюаньчжи.

Как видим, даже незадолго до своего крушения Хань по-прежнему стремилась удерживать Усунь под своим контролем и не допустить восстановления ее связей с сюннами. Сначала и Ван Ман придерживался этого курса — так, примерно в 4 г. он запретил шаньюю принимать перебежчиков из Усунь, Ухуань, Хань и Западного края [XIII, гл. 94/2, с. 3819].

Но затем Ван Ман в 9 г. узурпировал трон, империю Хань переименовал в Синь и кардинально изменил ее внешнюю политику, в частности, отношения с сюннами. В результате эти отношения настолько обострились, что шаньюй отдал приказ своим войскам грабить приграничные земли империи. Вот в такой обстановке в 13 г. ко двору Ван Мана вдруг прибыли великий и малый куньми. Вероятно, они рассчитывали, что так как они давно порвали с шаньюем, то теперь получают поддержку и помощь от императора. Но Ван Ман поступил наоборот. Желая, вероятно, хоть как-то угодить шаньюю, он на приеме посадил малого куньми, потомка сюннуской принцессы, выше великого куньми, потомка ханьской принцессы [XIII, гл. 99/2, с. 4133].

Таким образом, Ван Ман отказался от своих союзников в Усунь, отдав тем самым власть в ней сторонникам просюннуской ориентации. Не удивительно, что после этого Усунь совершенно порвала связи с Китаем на несколько веков и оказалась вовлеченной в отношения с сюннами и другими народами к северу от Хань. Поэтому в последующих династийных историях, в которых освещены события I–IV вв., есть лишь несколько упоминаний об Усунь, позволяющих судить, что она продолжала существовать. И только в «Вэй шу» появилось сообщение о том, что в 435–436 гг. послы Северной Вэй побывали в Усунь и в 437 г. в Вэй прибыло ее ответное посольство [VIII, гл. 102, с. 2259; гл. 4/1, с. 88].

Несомненно, по сведениям этих вэйских послов и было составлено очень краткое описание царства Усунь в «Вэй шу». Оно доказывает, что и в первой половине V в. это царство находилось на том же месте, что и в I в. до н. э., и что столицей его оставался г. Чигу [ВШ, гл. 102, с. 2267].

Но это и последнее сообщение о связях Усунь с Китаем. Далее в описании сказано, что усунь, страдая от набегов жужаней, «переселились на запад в Цунлин», а Цунлином в те времена китайцы называли регион Памиро-Алая. Никаких других сведений о дальнейшей судьбе переселившихся усуней в династийных историях нет. Весьма многочисленный по меркам того времени и региона народ, имевший семивековую историю, как-то тихо и мирно и вроде бы бесследно исчез с исторической арены в середине V в. н. э. Это событие остается еще одной загадкой истории, ждущей своего исследования.

ГЛАВА 12

ЦАРСТВО КАНЦЗЮЙ В I ВЕКЕ ДО Н.Э.

Первые сведения о царстве Канцзюй, зафиксированные в «Ши цзи», в империи Хань получили от Чжан Цзяня, побывавшего, в частности, и в нем в 129 г. до н. э. Они рассмотрены в третьей главе настоящей книги. Новые и более подробные данные о Канцзюй, приведенные в его описании в «Повествовании о западном крае», стали известны в Хань, несомненно, после установления между ними посольских отношений в конце 30-х годов до н. э. и заслуживают тем большего внимания, что в последующих династийных историях есть лишь редкие упоминания об этом государстве.

По описанию Канцзюй в «Ши цзи», оно предстает в последней трети II в. до н. э. сравнительно небольшим царством кочевников с войском в 80–90 тыс. человек, с такими же обычаями, что и в Большом Юэчжи; оно поддерживает тесные связи с соседними царствами: юго-восточным – царством Давань (Фергана), южным – Большое Юэчжи и восточным – державой Сюнну. Связи же с Усунь в долине Или не отмечены.

Во время ханьско-даваньской войны 104–101 гг. до н. э. Канцзюй занял ясную позицию: он выступил против Хань, послав свои войска на помощь дружественной ему Давань. В отличие от него другой сосед Давань, граничивший и с Канцзюй, – царство Усунь – выступило на стороне Хань, хотя отправленный им лишь двухтысячный отряд конницы так и не прибыл к месту сражения. Естественным, что после окончания ханьско-даваньской войны Канцзюй оказался противником как Хань, так и Усунь, но союзником Сюнну, главного врага Хань. Не удивительно поэтому отсутствие в последующий период контактов Хань с ним.

В «Хань шу» за первую половину I в. до н. э. сведений о Канцзюй нет, за исключением одного упоминания в «Повествовании о Сюнну». Там в описании междоусобицы в Сюнну в 60 г. до н. э. об одном из ее участников сказано:

«Учаньму был изначально [правителем] маленького царства, [лежащего] между Усунь и Канцзюй, не раз нападавших и притеснявших [его]. [Поэтому он] со своим народом в несколько тысяч человек ушел [оттуда] и сдался Сюнну. Хулугу-шаньюй отдал ему в жены старшую сестру сына своего младшего брата *жичжу-вана* и послал с народом жить в [своих] западных землях» [XIII, гл. 94/1, с. 3790].

Хулугу-шаньюй правил Сюнну в 96–85 гг. до н. э. Значит, в то время Усунь и Канцзюй соперничали в грабеже зажатого между ними владения Учаньму, а когда он с народом переселился в Сюнну, – скорее всего, продолжили борьбу за его опустевшие земли. Так что, есть основание полагать, что в первой четверти I в. до н. э. отношения между Усунь и Канцзюй были враждебными.

Следующие сведения о Канцзюй тоже оказались в «Повествовании о Сюнну», но они относятся уже к началу второй половины I в. до н. э., когда и были получены данные, изложенные в описании Канцзюй и позволяющие узнать, что же представляло собой это царство в то время.

В описании выделяются три части. В первой приведены общие сведения о царстве Канцзюй, во второй – о его связях с Хань, начиная с 36 г. до н. э., а в третьей перечислены пять зависимых от него владений.

В первой части говорится:

«Царство Канцзюй. Зимняя ставка (*чжи*) правителя в земле Ляюэни, в г. Витянь, который отстоит от Чанъяни на 12 300 ли. Не подчиняется духу. До [Лэ]юэни семь дней конной езды, до летнего местопребывания правителя в Фаньнэй 9104 ли. [Население состоит из] 120 тысяч дворов, 600 тысяч ртов, а отборное войско – из 120 тысяч человек. На восток до ставки духу 5500 ли. По обычаю одинаково с Большим Юэчжи. На востоке тесно связано с Сюнну» [XIII, гл. 96/1, с. 3891–3892].

А в третьей части приведены сведения о зависимых от него владениях, дополняющие представление о протяженности земель Канцзюй:

«Канцзюй имеет пять малых правителей: 1) Сусе-ван, [его] ставка г. Сусе отстоит от [ставки] духу на 5776 ли, а от Янгуань на 8025 ли; 2) Фумо-ван, ставка г. Фумо отстоит от [ставки] духу на 5767 ли, а от Янгуань на 8025 ли; 3) Юйни-ван, ставка г. Юйни отстоит от [ставки] духу на 5266 ли, а от Янгуань на 7525 ли; 4) Цзи-ван, ставка г. Цзичэн

отстоит от [ставки] духу на 6296 ли, а от Янгуань на 8555 ли; 5) Юйцзянь-ван, ставка г. Юйцзянь отстоит от [ставки] духу на 6906 ли, а от Янгуань на 8355 ли. Все пять ванов подчиняются [правителю] Канцзюй [XIII, гл. 94/1, с. 3894].

По сравнению с описанием в «Ши цзи» здесь все данные о Канцзюй новые, за исключением сообщения о тождестве обычаев в нем и в Большом Юэчжи. Но в «Ши цзи» кочевое царство Большое Юэчжи по обычаям приравнено к кочевой державе Сюнну, а в «Хань шу» оно приравнено уже к земледельческой державе Аньси. Такое кардинальное изменение обычаев в Большом Юэчжи объяснялось тем, что на рубеже II – I вв. до н. э. оно завладело огромной земледельческой страной Дася (Бактрия) с более чем миллионным населением, ставшей основной его территорией. Но подобной причины превращения Канцзюй в земледельческое царство не отмечено. Очевидно, что Вань Гу по привычке просто повторил эту фразу из «Ши цзи», подразумевавшую, что Канцзюй, как и Большое Юэчжи, во II в. до н. э. было царством кочевников.

Имеющиеся в данном описании географические сведения о Канцзюй, не всегда ясные, иногда противоречивые, все же позволили, будучи исследованы вместе с данными о его соседях, выяснить, что его граница с Усунь проходила немного восточнее оз. Иссык-куль, что его столица Битянь находилась в глубине царства в районе нынешнего г. Джамбул, что на запад одно из подвластных ему владений простиралось примерно до района Ташкента [см. Боровкова, 1989, с. 62 – 65]. Уточнить протяженность владений Канцзюй на север позволяют сведения о соседнем царстве Яньцай, находившемся в 2000 ли (800 км древнего дорожного расстояния) к северо-западу от него. Описание Яньцай в «Хань шу» точно повторяет его описание в «Ши цзи», опущено лишь определение «кочевое царство» (*син-го*), но обычаи приравнены к канцзюйским [XIII, гл. 96/1, с. 3893]. Столица Яньцай, согласно ранее проведенному исследованию [Боровкова, 1989, с. 65], находилась примерно в районе нынешнего г. Кызыл-Орда, а владения простирались до юго-восточного берега Аральского моря.

Следовательно, владения Канцзюй на севере начинались значительно южнее Аральского моря, на юге доходили до Большого Юэчжи, занимавшего земли к северу от р. Гуйшуй (р. Сырдарья), а с востока на запад простирались

вдоль караванного пути от восточного берега оз. Иссык-куль примерно до Ташкента.

По-видимому, Канцзюй в I в. до н. э. покорил ряд мелких царств и расширил свои владения, о чем косвенно свидетельствует увеличение численности его войска (и соответственно населения) по сравнению с концом II в. до н. э. примерно на треть, с 80 – 90 тыс. до 120 тыс. человек. По численности населения (600 тыс.) он стал почти равен Усунь (630 тыс.), в два раза превзошел Давань (300 тыс.), но намного уступил Большому Юэчжи, завладевшему Дася, с его примерно 1,5 млн человек.

В описании Канцзюй в «Хань шу» упомянуто только о его связях с Сюнну, о чем сказано и в «Ши цзи». Но в «Ши цзи» отмечены его тесные связи с Большим Юэчжи и Давань, которой он даже помог в войне против Хань. Скорее всего, их связи продолжались и в I в. до н. э., но в Хань о них не знали.

Вторая часть описания Канцзюй в «Хань шу», событийная, начинается с очень краткого сообщения о походе в 36 г. до н. э. ханьского духу Гань Яньшоу и его помощника Чэнь Тана в Канцзюй и разгроме и убийстве ими там сюннуского Чжичжи-шаньюя:

«Во времена Сюань-ди (73–49. – Л.Б.) в Сюнну были раздоры и беспорядки, пять шаньюев одновременно боролись [за трон]. Хань поддержала Хуханье-шаньюя, а Чжичжи-шаньюй в злобе [на нее] убил ханьского посла и закрепился на западе, в Канцзюй. Позднее духу Гань Яньшоу и Чэнь Тан, собрав войска уцзи-сяовэя и всех царств Западного края, пришли в Канцзюй и уничтожили Чжичжи-шаньюя. [Об этом] сказано в биографиях Гань Яньшоу и Чэнь Тана, а случилось это в 3 г. Цзянь-чжао» [XIII, гл. 96/1, с. 3892], т. е. в 36 г. до н. э.

Но предыстория и история этого похода подробно изложены в биографии именно Чэнь Тана, который был его инициатором и фактическим командующим. Прежде чем перейти к анализу сведений в ней, напомним, почему и когда сюннуский Чжичжи-шаньюй оказался в Канцзюй.

Согласно «Повествованию о Сюнну», в 56 г. до н. э., после того как в Сюнну в основном было покончено с мятежом пяти шаньюев, старший брат Хуханье-шаньюя Чжичжи тоже провозгласил себя шаньюем и начал враждовать с ним. Хуханье (58–31) в 53 г. признал зависимость от Хань и с ее позволения поселился со своим народом у северных границ империи и даже южнее их в ее пределах. А Чжич-

жи ограничился тем, что отправил в 53 г. послов и сына в свиту императора [XIII, гл. 94/2, с. 3797]. В 51 г. он, узнав, что брат Хуханье получил помощь от Хань, ушел от него на запад [XIII, гл. 8, с. 271], а в 49 г. до н. э., напуганный продолжавшимся усилением Хуханье, двинулся далее на запад к границам Усунь, надеясь на союз с нею. Но малый куньми Уцзюту, фактически правивший Усунь в то время, боясь Хань, отказался поддержать его. Тогда Чжичжи повернул к северу от восточных границ Усунь и завоевал три владения — Уцзе, Цзянькунь и Динлин, которые были покорены прежде Маодунем и входили в Сюнну до 70 г. до н. э., когда, воспользовавшись бедственным положением ее, отделились. Теперь Чжичжи снова завладел ими и, обосновавшись здесь, стал грабить северные земли Усунь [XIII, гл. 94/2, с. 3800]. Проведенное ранее исследование вопроса о местонахождении этих трех царств, указанных к северу от восточных земель Усунь, позволило предположить, что они занимали район к северу от хр. Боро-хоро, отделявшего их от Усунь, и к западу от пустыни Дзосотын-Элисун, т. е. в Котловине Больших озер Западной Монголии [Боровкова, 1989, с. 61-65].

Отсюда Чжичжи-шаньюй в 45 г. до н. э. отправил посла в Хань с просьбой вернуть его сына, состоявшего в свите императора с 53 г. И он был отправлен в сопровождении ханьского посла Гу Цзи. Но по их прибытии в 44 г. Чжичжи в злобе на Хань за поддержку Хуханье убил ее посла и, опасаясь возмездия, задумал бежать еще дальше [XIII, гл. 94/2, с. 3801, гл. 9, с. 287].

В «Повествовании о Сюнну» после этого сказано:

«Как раз в то время правитель Канцзюй находился в затруднительном положении из-за частых нападений Усунь. Посоветовавшись со всеми сихоу, [он] рассудил: "Сюнну — великая держава, Усунь же первоначально подчинялась ей. Теперь Чжичжи-шаньюй находится в бедственном положении за пределами [Сюнну]. Можно пригласить [его] расположиться у [нашей] восточной границы и, объединив [его и наши] войска, завладеть Усунь, возвести [его] на трон ее правителя и надолго избавиться от беспокойства [со стороны] Сюнну (явная ошибка: по логике текста — со стороны Усунь. — Л.Б.)". Немедленно отправили посла в Цзянькунь для переговоров с Чжичжи. Чжичжи, живя давно в страхе и злобясь на Усунь, очень обрадовался, узнав о плане Канцзюй, заключил договор и повел войска на запад. Канцзюй тоже послал знатных людей с несколькими тысячами верблюдов, ослов и лошадей навстречу Чжичжи. По дороге много людей Чжичжи погибло от мороза и до Канцзюй дошли только 3000 человек» [XIII, гл. 94/2, с. 3802].

Как видим, вражда Чжичжи-шаньюя с Усунь, северные земли которой он систематически грабил, и ненависть Канцзюй к Усунь, терзавшей его восточные земли, привели к союзу Канцзюй и Чжичжи с целью завоевать Усунь объединенными силами. И Чжичжи-шаньюй примерно в 42 г. до н. э. предпринял переселение из Цзянькунь в восточные земли Канцзюй по соседству с Усунь. Но поход оказался настолько трудным, что он прибыл туда лишь с тремя тысячами своих людей, что необходимо учитывать при анализе последующих событий.

А они, согласно биографии Чэнь Тана, развивались так:

«Правитель Канцзюй отдал Чжичжи в жены свою дочь, а он свою — в жены правителю Канцзюй. В Канцзюй очень уважительно относились к нему, намереваясь использовать его престиж для устрашения всех царств. Чжичжи, используя войска [Канцзюй], не раз нападал на Усунь, углубляясь [в ее земли] до г. Чигу, убивал и уводил людей, угонял скот. Усунь же не осмеливалась преследовать его. Западные пределы [ее] опустели и обезлюдели на 1000 ли. Чжичжи, полагаясь на свой престиж и уважение в большом царстве, а также на [свои] победы, возгордился и перестал [соблюдать] церемониал [в отношениях] с правителем Канцзюй. [Однажды] в гневе убил дочь правителя Канцзюй и несколько сот знатных людей и простолюдинов, некоторым отрубили руки и ноги и бросили в реку Дулай. Были выделены люди сооружать стены [вокруг его ставки]. Ежедневно работали 500 человек и закончили их за два года. А еще [он] отправил послов потребовать от царств Хэсу и Давань ежегодных подношений, и [они] не посмели отказаться. Хань трижды присылала послов [к нему] в Канцзюй, прося отдать тела [посла] Гу Цзи и других [убитых им]. Но Чжичжи оскорблял послов и не желал почтительно принимать указы императора, вслед же за тем в письмах заявлял: "Живу трудно, хочу обратиться за советом к могущественной Хань и послать сына в свиту императора". Вот до чего дошел [он в своем] высокомерии!» [XIII, гл. 70, с. 3009].

Итак, Чжичжи-шаньюй оказался в Канцзюй всего с тремя тысячами своих людей. Так как в их числе была его дочь и, значит, другие женщины и слуги, то воинов насчитывалось и того меньше. Все они, естественно, обосновались в его ставке. Здесь же поселилась его жена, дочь правителя Канцзюй, с несколькими сотнями знатных канцзюйцев и простолюдинов.

Для походов на Усунь Чжичжи-шаньюю предоставлялась какая-то часть канцзюйских войск. Успешные набеги, добыча от которых обогащала не только его, но и войска, и

правителя Канцзюй, прославили его среди канцзюйцев и устрасили соседние царства. Воспользовавшись этим, он стал отправлять туда своих послов, требуя прислать в ответ послов с подношениями, т. е. стал вести себя как независимый правитель. По-видимому, прежде всего в этом состояло нарушение им этикета по отношению к правителю Канцзюй. Кроме того, опустошаемые им западные земли Усунь с каждым новым набегом давали, надо полагать, все меньше и меньше добычи, которой он все более скупой делился с правителем. Скорее всего, жившие в ставке Чжичжи его жена, дочь правителя Канцзюй, и знатные канцзюйцы сказали ему о недовольстве правителя, за что Чжичжи и повелел (судя по всему, суннам) перебить их. Этим поступком он превратил в своих врагов многих канцзюйцев, начиная с правителя, который, однако, уже не мог изгнать его из-за поддержки войска, обогатившегося в походах на Усунь.

Так как сказано, что часть убитых канцзюйцев была брошена в р. Дулай, то очевидно, что ставка Чжичжи располагалась на ее берегу. Принято считать, что это нынешняя р. Талас. Но согласующиеся данные о расстоянии и от Чанъани и от столицы Давань до столицы Канцзюй г. Битань доказывают, что именно этот город находился в центре царства в районе нынешнего г. Джамбул у р. Талас. Ставка же Чжичжи-шаньюя была основана, несомненно, в восточных землях Канцзюй по соседству с Усунь, где ему и было предложено поселиться. Но граница между ними проходила по восточному берегу оз. Иссык-куль, а единственная река в этом районе — это Или, в долине которой и были самые богатые земли Усунь.

Так что река Дулай, на берегу которой устроил свою ставку Чжичжи-шаньюй по соседству с Усунь, была Или.

Именно близость ставки Чжичжи к границе Усунь и побудила построить вокруг нее оборонительные стены. И, безусловно, из-за наличия этих стен (чэн) она далее в тексте «Хань шу» называется городом (чэн), «городом шаньюя» или «городом Чжичжи». Получается, что кочевники построили город со стенами, хотя по многочисленным сведениям из династийных историй известно, что кочевники не умели строить и брать штурмом города, окруженные стенами. Правда, Чань Тан, излагая Гань Яньшоу свой план разгрома Чжичжи, отметил, что у того «[как у всех] иноземцев

(мань и) нет прочных стен (*цзинь чэн*) и тугих самострелов для обороны» [XIII, гл. 70, с. 3010].

Поэтому сведения о том, что представлял собой город Чжицжи с такими «непрочными стенами», содержащиеся в описании последующего взятия его войсками Чэнь Тана, заслуживают особого внимания. Они позволяют понять также, почему столицы Усунь и Канцзюй, т. е. ставки вождей кочевников, назывались ханьцами тоже городами.

Но прежде изложим кратко подробный рассказ из биографии Чэнь Тана о том, как он организовал и осуществил этот поход.

В 36 г. до н. э. Хань назначила на пост духу Западного края Гань Яньшоу, а его помощником, фу-сяовзем, Чэнь Тана. Чэнь Тан, выходец из бедной семьи, но образованный и честлюбивый человек, получив после ряда неудач эту высокую должность, прибыл в Западный край и быстро выяснил и оценил положение Чжицжи-шаньюя в царстве Канцзюй. Он пришел к выводу, что в интересах Хань его нужно и можно разгромить. Духу Гань Яньшоу одобрил предложенный им план похода и хотел обратиться с докладом к императору за позволением реализовать его. Но Чэнь Тан считал, что двор не разрешит и что надо действовать «по своему усмотрению». Гань Яньшоу не согласился с ним, но неожиданно заболел и послать доклад не успел.

Воспользовавшись этим, Чэнь Тан как его заместитель, ссылаясь на полученный якобы (а в действительности подделанный им самим) указ императора, собрал войска из царств Западного края, а также ханьских военнопоселенцев из Чэши дальнего, возглавляемых уцзи-сяовзем. Узнав об этом, больной Гань Яньшоу встал, намереваясь остановить Чэнь Тана, но увидел, что тот успел собрать войска, за что уже полагалось тяжелое наказание.

«И Гань Яньшоу согласился с ним. Войска построили в походный порядок, дополнительно назначили *яньэй-байху* и *хэци-сяовзев*]. Ханьских и хуских войск собралось более 40 тысяч человек. Яньшоу и Тан написали императору доклад, в котором донесли о своем преступлении — подделке указа, доложили о состоянии войск и в тот же день повели войска [в поход]» [XIII, гл. 70, с. 3010-3011].

В этом описании подготовки похода особого внимания заслуживает то, что духу Гань Яньшоу, чтобы собрать войска для задуманного похода, должен был обратиться за разрешением к императору и получить его указ. Чэнь Тан, по-

нимая, что таковой получить не удастся, собрал войска на основании сфабрикованного им указа императора и поход осуществил. После их возвращения из царства Канцзюй все сановники двора были согласны в том, что за самовольное использование войск и подделку указа императора оба военачальника подлежат казни. Но одни полагали, что победа над Чжичжи позволяет разве что избавить их от казни, другие же считали их героями, заслуживающими награды даже больше, чем Ли Гуанли и Чжэн Цзи [XIII, гл. 70, с. 3016, 3020].

Все это доказывает, что у духу Западного края не только не было непосредственно ему подчиненных войск, но он и не имел права использовать без указа императора войска царств и военнопоселенцев уцзи-сяовзя. Потому и духу Дуань Хуйцзун за самовольное использование военнопоселенцев уцзи-сяовзя в годы своего вторичного пребывания на этом посту был по указу императора осужден, но откупился [XIII, гл. 70, с. 3030].

В этом описании следует отметить и то, что войска из царств Западного края названы *хускими*. Выше говорилось, что с начала II в. до н. э. ханьцы называли хусцами сюннов. В конкретных материалах «Хань шу» примерно с 80-х годов I в. до н. э. они уже так не назывались. Здесь же под *хусцами* явно подразумевались народы Западного края (Восточный Туркестан). Очевидно, что конкретное содержание термина *ху* ("инородец") становилось иным.

Поскольку выше выяснено, что все население ставки ханьского военно-земледельческого поселения в Чэши дальнем, возглавляемого уцзи-сяовзем, состояло из 2,5 тыс. человек, а воинов было немного меньше, то очевидно, что более чем 40-тысячное войско Чэнь Тана состояло почти полностью из *хуских* войск, т. е. войск царств Западного края, но возглавляемых ханьскими военачальниками и называемых далее в описании ханьскими войсками.

Итак, Чэнь Тан и Гань Яньшоу, отправив доклад императору о своем преступлении,

«...в тот же день повели войска, разделив [их] между шестью сяо[взями]. Три сяо[взя] последовали по южной дороге, преодолели Цунлинь и пошли через Давань. Три других сяо[взя] во главе с самим духу выступили из царства Вэньсу (Аксу. — Л.Б.) и по дороге на север вступили в [столицу Усунь] Чигу. Пройдя [далее] через [земли] Усунь, [они] пересекли границу с Канцзюй и дошли до [района] к западу от

оз. Тяньчи (оз. Иссык-куль. — Л.В.). Помощник правителя Канцзюй Баотинь, разбойничавший [в то время] с конницей в несколько тысяч человек к востоку от города Чигу, убивший и уведший в плен более тысячи человек великого куньми и угнавший очень много скота, настиг [здесь] с тыла ханьские войска и основательно разграбил обозы. [Чэнь] Тан поспешно с *хускими* войсками напал на него, убил 460 человек, захватил 470 уведенных им в плен людей и вернул великому куньми, а его лошадей, овец и буйволов отдал войскам на пропитание. А еще схватил Инуду, знатного человека Бао Тяня. [Чэнь Тан], вступив в Канцзюй через восточную границу, запретил войскам грабить. Тайно пригласил на встречу знатного человека Тумо и, добившись, чтобы [тот] поверил в силу [его войск], выпил вина, скрепив договор, и отпустил. Продолжили поход и, не доходя 60 ли до города Чжичжи, стали лагерем* [XШ, гл. 70, с. 3011-3012].

Ясно, что войско Чэнь Тана направилось из Западного края в Канцзюй двумя путями. Одна его часть пошла по южному, т. е. прикуньлуньскому пути через Давань (Фергана) и оттуда, несомненно, на север, вторая же — из царства Вэньсу (Аксу) на север явно по самому удобному здесь пути, что и ныне проходит через Музартский перевал, которым пользовались ханьские послы еще в конце II в. до н. э., ходившие в столицу Усунь г. Чигу (район нынешнего поселения Шаты в долине Текеса).

К сожалению, о дальнейшей судьбе первой части войска сведений нет. Скорее всего, это объяснялось тем, что возглавляли ее люди низких рангов, не имевшие доступа ко двору, и потому данные о них не были зафиксированы дворцовыми историографами. Но эта часть войска, видимо, все же прибыла к месту сражения, иначе либо сам Чэнь Тан для большего самовосхваления упомянул бы о ее отсутствии, либо, попади она в беду, сановники двора попрекнули бы его.

Особый интерес представляет описание дальнейшего пути второй части войска, возглавляемого самими Гань Яньшоу и Чэнь Таном, так как дает возможность хотя бы примерно определить, где проходила граница между Усунь и Канцзюй и соответственно местонахождение ставки Чжичжи-шаньюя. Согласно этому описанию, войско Чэнь Тана из г. Чигу пошло далее через ее земли явно на запад, так как оно затем пересекло границу с Канцзюй и вышло в район к западу от оз. Тяньчи, т. е. Иссык-куля. Так как они сначала пересекли границу, а уже потом вышли к озеру, то есть основание полагать, что граница между Усунь и Канцзюй проходила немного восточнее его.

Тот факт, что в крайне общей, короткой фразе о пути войска от границы в какой-то район к западу от оз. Тяньчи озеро упомянуто просто как ориентир, а также то, что Чэнь Тан называл озеро *чи* (прудом), а не *хай* (озером), как ханьцы называли большие озера (*Пучанхай* — оз. Лобнор, *Пулайхай* — оз. Баркуль, *Бэйхай* — Аральское море), свидетельствует, что сам он его не видел, а только слышал о нем. Войско пошло, скорее всего, по равнинной дороге к северу от озера, по которой теперь проходит автодорога от Нарынкола на Алма-Ату. Она огибает с севера горы Кунгей-Алатау, что лежат к северу от Иссык-куля, и проходит примерно в 40-50 км к югу от р. Или у г. Чилик [Атлас автодорог, л. 133]. Где-то в этом районе, благоприятном для кочевников-скотоводов, не доходя 60 ли (24 км) до ставки Чжичжи на р. Дулай (р. Или), войско Чэнь Тана остановилось. Он же, не имея представления о протяженности озера на запад, решил, что находится в районе уже западнее его.

Успешному продвижению войска Чэнь Тана по землям Канцзюй способствовал введенный им запрет грабить население.

И, наконец, остановимся на сведениях в этом описании, касающихся истории Усунь. Уже из того факта, что войско Чэнь Тана вступило в Усунь с юга и прошло через Чигу, ставку великого куньми, которым был тогда Цылими, правнук Вэньгуйми и ханьской принцессы Цзею, ясно, что оно шло через владение Цылими. Сообщение же о том, что помощник правителя Канцзюй грабил в землях великого куньми к востоку от Чигу и что Чэнь Тан разгромил его, выйдя из Усунь в Канцзюй, доказывает, что владение великого куньми начиналось к востоку от Чигу и простиралось на запад до границы с Канцзюй, т. е. занимало западную часть царства Усунь. Значит, владение малого куньми, которым был тогда Уцзюту, сын Вэньгуйми и его старшей жены, сюннуской принцессы, занимало восточную часть царства, начинавшуюся где-то восточнее Чигу и простиравшуюся на восток до Сюнну. Следовательно, Чжичжи, опустошивший в предшествующие годы западные земли Усунь на 1000 ли (400 км), разграбил именно владение великого куньми.

А теперь вернемся к описанию похода Чэнь Тана в его биографии. После сообщения о том, что его войско остановилось в 60 ли от ставки Чжичжи, там сказано:

«Здесь также взяли сына знатного канцзюйца Байсэ, Каймоу. Сын Байсэ был младшим братом матери Тумо (с которым Чэнь Тан ранее заключил соглашение. — Л.Б.). Все [они] ненавидели шаньюя и [сообщили] все, что знали о положении у него. На следующий день продолжили поход и остановились в 30 ли от города» [XIII, гл. 70, с. 3012].

Далее, после подробного изложения переговоров, которые Чэнь Тан вел с Чжичжи через своих посланцев в течение дня, и которые не дали, однако, результатов, описано взятие ханьцами его города-ставки. Детали этого описания позволяют составить представление о том, каким же был этот город. Поэтому приводим его полностью:

«На следующий день прямо подошли к городу Чжичжи на реке Дулай, остановились в 3 ли (1,2 км. — Л.Б.) и заняли позиции. Было видно, что над городом шаньюя водружены пятицветные знамена. Несколько сот латников находились на стенах, более ста конников скакали туда — сюда под стеной и более ста пехотинцев у ворот строем, [подобным] рыбьей чешуе, упражнялись с оружием. Находившиеся на стенах то и дело кричали: "Подходите, сразимся!" [Вдруг] более ста конников устремились к лагерю [ханьцев], но, встреченные лавиной стрел, повернули назад. [После этого Чэнь Тан] послал множество командиров и воинов обстрелять конницу и пехоту у городских ворот, но те ушли внутрь [города]. [Воспользовавшись этим], Яньшоу и Тан приказали войскам под бой барабанов подойти к стенам и окружить город со всех сторон. Каждый знал свое место: [одни] прорывались через ров (*сянь*), [другие] заваливали ворота, щитоносцы вышли вперед, за ними стали лучники и начали стрелять вверх в людей на вышке (*лоу-шан-жэнь*), и люди с вышки спустились вниз.

Перед земляной стеной (*ту-чэн*) была двойная деревянная стена (*чжун му-чэн*). Из-за деревянной стены [осажденные] убили и ранили многих осаждавших. Осаждавшие стали подносить хворост, чтобы поджечь деревянные стены. Ночью несколько сот конников хотели выехать [из города], но [осаждавшие] стрелами перебили их.

Сначала шаньюй, узнав о походе ханьских войск, хотел бежать, но засомневался: канцзюйцы ненавидят его и поддержат ханьцев изнутри, [а извне] выставили, как он узнал, войска Усунь и все царства, бежать некуда. И Чжичжи, уже выехавший [из ставки], вернулся, сказав: "Лучше упорно обороняться. Ханьские войска пришли издалика и не смогут долго нападать". Затем шаньюй, облачившись в латы, поднялся на вышку. [Даже] жены шаньюя (*яньчжи*) и несколько десятков наложниц стреляли [с вышки] в осаждавших. [Вдруг] стрела осаждавших попала в нос шаньюя, погибли и многие наложницы. Шаньюй спустился [с вышки], сел на коня и, передав [командование] сражением, [удалился] в свои покои (*да-нэй*). За полночь ханьцы прорвались за деревянные стены. Осажденные ушли за земляную стену и

с нее стали кричать, [так как] в то время более чем 10-тысячная канцзюйская конница с десятка направлений [подошла] и окружила город. При поддержке [осажденных] она ночью несколько раз нападала на лагерь [ханьцев], но безуспешно, и отступила.

На рассвете [ханьцы] со всех сторон подожгли [деревянные стены], командиры и воины от радости громко закричали. От барабанного боя задрожала земля. Канцзюйские войска ушли. Ханьские же войска под прикрытием щитоносцев прорвались через земляную стену внутрь [ставки]. Более ста сынов и дочерей шаньюя укрывались в покоях, и ханьские войска подожгли [их]. Когда командиры и воины с боем ворвались [в покои шаньюя], он уже умер от раны. Цзюнь-хоу-цзячэн (о цзюнь-хоу см. стр. 274, прим. 2; цзячэн — начальник канцелярии. — Л.Б.) Ду Сюнь отсек голову шаньюя (которую затем доставили в Чанъань. — Л.Б.). Были обнаружены две верительные грамоты ханьских послов и написанные на шелке письма Гу Цзи и других. Все захваченное имущество было отдано тем, кто его добыл. Убили жен [шаньюя], великого наследника, известных ванов и [знатных людей] ниже [их по статусу] — всего 1518 человек; 145 человек взятых в плен живыми, более 1000 сдавшихся были переданы правителям 15 царств Западного края, выставивших [войска в этот поход] [XIII, гл. 70, с. 3012-3014].

На этом описание похода Чэнь Тана заканчивается. Далее в его биографии приведены материалы дискуссии, как мы уже знаем, развернувшейся при дворе, о том, достойны ли они награды за победу, не потребовавшую от Хань ни малейших затрат, или они подлежат наказанию за самовольный сбор войск по подложному указу императора. Обсуждение длилось долго. В конце концов император Юаньди (48-33) все-таки наградил Чэнь Тана и Гань Яньшоу, пожаловав обоим титул *хоу* [XIII, гл. 70, с. 3015-3020]. Но случилось это только три года спустя, в 33 г. до н. э. [XIII, гл. 9, с. 298; гл. 17, с. 0348/1].

Согласно данному описанию похода, составленному, несомненно, со слов самого Чэнь Тана, ставка Чжичжи-шаньюя в царстве Канцзюй, названная городом, была окружена рвом и стенами. Но ров (*цян*) был без воды, а стены — двойная деревянная и одна земляная. О «тройных стенах» вокруг нее говорили сановники двора, обсуждавшие поход [XIII, гл. 70, с. 3021]. В ставку был один вход.

Внутри же города-ставки в описании упомянуты только вышка (*лоу*) и покои (*да-нэй*) самого шаньюя и его детей. В. С. Таскин полагает, что *да-нэй* — это дворец Чжичжи, а *лоу* — бойница [Материалы, 1973, с. 129], подразумевая, видимо, башню с бойницами. Но в описании говорится только о том, что за два года ежедневной работы 500 человек были

построены стены. Вряд ли у Чжичжи были еще люди и средства, чтобы всего за пять лет своего пребывания в землях Канцзюй построить еще и дворец, и башню с бойницами. К тому же известно, что кочевники не умели возводить такие сложные сооружения. Здесь уместно вспомнить, что, когда в столицу Усунь Чигу, названную также городом, приехала ханьская принцесса, отданная в жены правителю этого царства кочевников, то она в своей песне-жалобе говорила, что живет в войлочном шатре. И император У-ди, жалев ее, стал через год посылать ей шатры и шелковые ткани. Очевидно, что куньми и все его жены жили в войлочных шатрах, а не во дворцах, хотя у него, правителя большого царства, в отличие от Чжичжи возможностей построить их было больше. Так что покои Чжичжи, конечно, размещались в войлочных шатрах.

Что же касается башни (*лоу*), то она, судя по тому, что люди «находились на ней» (*лоу-шан*), а не внутри, и осаждавшие стреляли в них из-за стены вверх и видели, когда они спускались, представляла собой открытую деревянную вышку. Сообщения о том, что осаждавшие из-за деревянных стен убивали людей на вышке, а те в свою очередь убивали осаждавших, доказывают, что вышка находилась в центре ставки, не далее от деревянных стен, чем на расстоянии полета стрелы с убойной силой, т. е. на 90 м. Приняв это за радиус окружности ставки шаньюя по деревянным стенам, узнаем, что она равнялась всего 600 м, в действительности, видимо, около 630 м. Такой длины стены — двойную деревянную и земляную — 500 человек строили изо дня в день два года.

В том, что ставка-город Чжичжи-шаньюя могла быть такого размера, убеждают данные 97-й главы «Вэй шу» о величине столиц древних царств Западного края (Восточный Туркестан) в V в. н. э., имевших в окружности: Шаньшань (Чарклык) 1 ли (0,55 км) [с. 2261], Яньци (Карашар) 2 ли (1 км) [с. 2265], Гуйцы (Куча) 5 ли (2,6 км) [с. 2266], Юйтянь (Хотан) 8-9 ли (ок. 4,5 км) [с. 2262], Шулэ (Кашгар) 5 ли [с. 2268]. Если таковы были крупнейшие столичные города, то размеры «больших» и «малых» городов, существовавших кроме того в этих царствах (в Юйтянь — 5 больших и несколько десятков малых, в Шулэ — 12 больших и несколько десятков малых городов), были еще меньше и меньше.

Население же ставки Чжичжи во время ее осады составляло, судя по сообщению Чэнь Тана о 1518 убитых и 1145 пленных, около трех тысяч человек. Примерно столько же, напомним для сравнения, было в ставке уцзи-сяовзя, возглавлявшего ханьское военно-земледельческое поселение в Чэши дальнем (Цицзяоцзин).

Таким образом выясняется, что ставка вождя кочевников Чжичжи-шаньюя была стационарным поселением с довольно значительным по меркам того времени населением и имела оборонительные, хотя и примитивные, стены. Из-за наличия этих стен ханьцы, скорее всего, и называли ее городом, как, видимо, и подобные ей ставки правителей кочевых царств Усунь и Канцзюй, имевшие даже собственные названия. Ставки же сюннуских шаньюев, судя по всему, никогда не были даже такими городами и не имели собственных названий. Во всяком случае, в древнекитайских историях за все века тесных китайско-сюннуских связей сведений об этом нет.

Нападение ханьцев на Чжичжи было воспринято в царстве Канцзюй сдержанно. И это понятно. Ведь в ханьско-даваньской войне Хань и Канцзюй стали противниками. Врагом Канцзюй оказалась и союзница Хань Усунь, которая стала нападать на его земли. И теперь их войска пришли в канцзюйские владения. Но они намерены были разгромить Чжичжи, ставшего угрозой прежде всего для самого царства Канцзюй. В определении поведения Канцзюй немалую роль с самого начала сыграло то, что Чэнь Тан оказался не только талантливым военачальником, но и политиком. Он сразу же по вступлении в земли Канцзюй строго запретил своему войску грабить население; затем, захватив двух знатных канцзюйцев, ненавидевших Чжичжи и рассказавших о положении в его городе-ставке, отпустил их.

Тем не менее правитель Канцзюй все-таки прислал войска к ставке Чжичжи как бы на помощь ему, и они окружили ханьцев. Но из 120-тысячного войска прибыла всего 10-тысячная конница, хотя канцзюйцы, конечно, уже знали, что у Чэнь Тана 40 тысяч человек. Да и подошла эта подмога спустя сутки после начала штурма ставки, когда ханьцы уже прорвались через ров и деревянные стены, и успех их был предрешен. Не потому ли канцзюйская конница, ночное нападение которой было легко отбито ханьцами, сразу отступила и ушла? А Чэнь Тан, взяв город-ставку

Чжичжи и уничтожив его, тут же увел свои войска из Канцзюй.

Политический эффект от столь молниеносного разгрома Чжичжи-шаньюя, ставшего за несколько лет грозой всего региона, был велик. Его гибели обрадовались все: правитель Канцзюй, получивший в лице Чжичжи не помощника, а соперника; Усунь, изнемогавшая от его грабежей; Давань, вынужденная отправлять к нему послов с подношениями; сюннуский Хуханье-шаньюй, избавившийся от брата-соперника. И конечно Хань, которой досталась слава победителя, хотя разгромили Чжичжи войска пятнадцати царств Западного края, как сказано в конце описания похода, но во главе с ханьскими военачальниками, причем действовавшими без санкции императора.

Эта неожиданная и совершенно даром доставшаяся победа снова повысила престиж Хань в Центральной Азии. Упрочилось влияние империи в Усунь, ослабевшее в предшествующие два десятилетия. Еще более покорным стал сюннуский Хуханье-шаньюй. Далекое и большое, но ранее враждебное царство Канцзюй вскоре впервые установило с Хань посольские отношения.

О связях Канцзюй с Хань говорится в его описании сразу после рассказа о походе Чэнь Тана:

«При Чэн-ди (36 – 6 гг. до н. э. – Л.Б.) Канцзюй прислал сына [правителя] в свиту императора с дарами из местных изделий. Однако [это царство] из-за своей отдаленности держится оскорбительно независимо и надменно и не хочет быть приравненным ко всем царствам [Западного края]. Духу Го Шунь не раз докладывал двору: "Изначально Сюнну возвысилась не потому, что имела [в подданстве] Усунь и Канцзюй, и признала зависимость [от Хань] не из-за утраты [этих] двух царств. Хань хотя и принимает их сыновей в свиту, однако три царства по взаимной традиции по-прежнему поддерживают связи между собой. [Но они сохраняют] также взаимное недоверие и при благоприятном случае выступают [друг против друга]. Объединяясь, [они] не могут доверять друг другу, расходясь, не могут подчинить друг друга. Поэтому ныне докладываю: родственные связи с Усунь в конце концов принесли не пользу, а много забот Срединной империи. Однако связавшись с Усунь ранее, ныне, [когда] она и Сюнну подчинились, нельзя, по чести [говоря], порвать [с нею]. Но [правитель] Канцзюй высокомерен и хитер, ни за что не хочет совершить коленопоклонение перед послами [императора], а чиновников духу, прибывающих в его царство, сажает ниже послов Усунь и всех [других]. Правитель и знать сначала [сами] пьют и едят, а потом уже угощают чиновников духу, не упуская таким образом случая выказать перед соседними

царствами [свою независимость]. Судя по этому, зачем [он] послал сына в свиту? Это хитрый предлог, под которым он желает прибыльно торговать на [наших] рынках. Сюнну, величайшее из иноземных царств, ныне с готовностью служит Хань. Но шаньюй, слыша, что [правитель] Канцзюй не совершает коленопреклонение, чувствует себя униженным. Следует вернуть его сына, находящегося в свите императора, и ни в коем случае не [принимать его] новых послов, чтобы показать, что дом Хань не имеет отношений с царствами, не [признающими ее] церемониал. К тому же малые цзюни Дуньхуан и Цзюцюань и восемь царств по южной дороге терпят лишения, поставляя [его] послам, снующим туда — сюда, лошадей, ослов, верблюдов и продовольствие. Это нерасчетливо — тратиться попусту на встречи и проводы [послов] высокомерных и хитрых [правителей] далеких царств". Но Хань из-за того, что отношения [с Канцзюй] установлены впервые, и дорожа [тем, что слава об этом] доходит до дальних народов, не прерывала [с ним] тесных связей (цзими)* [XIII, гл. 96/1, с. 3692-3693].

Из этого описания ясно, что Канцзюй впервые в своей истории установил связи с Хань и, видимо, с Усунь лишь после 32 г. до н. э., а не сразу после похода Чань Тана в 36 г. Причину задержки хорошо объясняют рассмотренные ранее отношения Усунь, Канцзюй и Хань. Если Хань после даваньской войны просто считала Канцзюй своим противником, то Усунь даже воевала с ним. До 42 г. до н. э. она вторгалась в восточные земли Канцзюй, и он призвал для борьбы с нею Чжичжи-шаньюя. Затем Чжичжи, используя войска Канцзюй, стал нападать на ее западные земли. Поэтому не удивительно, что Канцзюй после разгрома Чжичжи, опасаясь возобновления вторжений Усунь, продолжал относиться к ней враждебно. Это подтверждается тем, что он принял бежавшего из Усунь Жиэра, убийцу малого куньми Фули. В 32 г. до н. э. Хань, воспользовавшись победой Чань Тана, решает упрочить свое пошатнувшееся влияние в Усунь. Изгнав Жиэра и сделав малым куньми послушного ей Аньжи, она кроме того посылает отряд своих войск в Гумо (Аксу), чтобы при случае вторгнуться в Канцзюй и убить Жиэра. Упрочение позиций в регионе Усунь и Хань и подвигло Канцзюй наладить отношения с ними. Судя по тому, что в Канцзюй послов Усунь принимали с большим почетом, чем посланцев ханьского духу, в нем большее значение придавали дружественным связям с соседней Усунь.

Описание отношений Канцзюй с Хань в донесениях духу Го Шуня, занимавшего эту должность либо в 27-24 гг.,

либо после 21 г., но ранее 12 г. до н. э., особенно интересно тем, что показывает, насколько по-разному в двух странах воспринимали и оценивали эти отношения. По данным Го Шуня, связи их реально сводились к обмену посольствами и прибытию сына правителя Канцзюй в свиту ханьского императора. При этом цели они преследовали разные. Канцзюй использовал свои многочисленные посольства для прибыльной торговли на рынках Хань. Она же, расходуя большие средства на прием и снабжение их, делала это, как ясно из заключительного сообщения, в основном ради своего престижа у дальних народов.

В Хань, как явствует из рассуждений Го Шуня, отношения с Канцзюй рассматривали как «тесные связи» (*цзими*), предполагавшие свершение правителем царства ханьского церемониала коленопреклонения перед ханьскими послами. Но он категорически отказался это делать, «держался независимо», не желая быть приравненным к правителям царств Западного края. Так как далее сказано, что тем не менее император не прервал отношений с ним, а в начале описания царства Канцзюй говорится, что оно «не подчинялось духу», то получается, что в Хань считали Канцзюй независимым именно по причине отказа его правителя совершать церемониал коленопреклонения перед ханьскими послами. А поскольку Хань все же продолжала «тесные связи» с независимым царством Канцзюй, то очевидно, что само по себе наличие «тесных связей» с таким царством не считалось ею показателем его подчиненности, если правитель не совершал ханьский церемониал коленопреклонения.

Только после анализа этих сведений удалось понять и перевести ранее приведенное сообщение Сыма Цяня о том, что прибывавшие во множестве ко двору У-ди послы царств к западу от Давань

«...из-за их отдаленности держались высокомерно и своевольно, не желали кланяться [согласно] церемониалу тесно связанных, а ведь были послами (*вэй кэ цюй и-ли цзими эр ши е*)» [ШЦ, гл. 123, с. 3173].

Н. Я. Бичурин в своем переводе эти слова пропустил, видимо, ввиду их неясности [т. 2, с. 161]. Однако из сообщения следует, что сам факт прибытия ко двору У-ди послов дальних царств рассматривался как установление «тесных связей», предполагавшее исполнение послами церемониала коленопреклонения перед императором. Но не вызывает со-

мнений и то, что на практике послы таких царств отказывались следовать этому церемониалу и что их отказ не приводил к их изгнанию и разрыву «тесных связей».

Однако правители не столь и больших и далеких от Хань царств, соблазняемые возможностью получать богатые дары, привозимые ханьскими послами, соглашались на эту церемонию, тем более, что она не налагала на них каких-то реальных обязательств. Показателен в этом отношении случай с правителем Усунь. Когда в конце 117 г. до н. э. первый ханьский посол Чжан Цянь с дарами от Сына Неба прибыл в это царство, куньми принял его «как шаньюй», т. е., как независимый правитель, но после угроз Чжан Цяня отправить дары назад в Хань он вместе со знатью совершил коленопреклонение [ШЦ, гл. 123, с. 3168-3169]. Но это не заставило куньми принять предложение У-ди переселиться в Ганьсуский коридор и не наложило на него каких-то других обязательств.

Из сообщения о том, что правитель Канцзюй отказался совершать коленопреклонение перед ханьскими послами, держался независимо и не хотел быть приравненным к правителям царств Западного края, следует, что те совершали такую церемонию и, значит, считались подчиненными Хань. Потому-то в «Повествовании о западном крае» в «Хань шу» только в описаниях таких больших и далеких царств, как Канцзюй, Цзибинь, Уишаньли, Большое Юэчжи и Аньси сказано, что они «не подчинялись духу», т. е. Хань, да еще в описании Цзибинь отмечено, что 4-5 царств по пути из нее в Хань к юго-западу от Пишань (Гума), что находилась на прикуньлуньском пути, «не подчинялись Хань» [XIII, гл. 96/1, с. 3886]. А кроме них оставались как раз мелкие царства Западного края, да еще Усунь и Давань. В чем реально выражалась их «подчиненность» Хань, показано выше.

По-видимому, последний раз царство Канцзюй упоминается в «Хань шу» в описании Усунь, в сообщении о том, что Бюаньчжи между 5 и 1 гг. до н. э., желая захватить власть в ней, расправившись с обоими куньми, ушел со своим народом в земли рядом с Канцзюй, надеясь на его помощь. Но Канцзюй на этот союз, судя по всему, не пошел, опасаясь, должно быть, ссориться с обоими куньми и с поддерживавшей их Хань.

В заключение обратим внимание на еще одну загадку истории этого региона: в Канцзюй, как в Усунь и Большом

Юэчжи, высший титул знатности также назывался *сихоу*. Но если усунь и юэчжи издревле жили рядом в Ганьсуском коридоре, что позволяет предполагать сходство, а то и тождество, их языков, то Канцзюй в те времена находился далеко от них, рядом с сэ (саками), которые в 167 г. до н. э. были изгнаны из долины Или переселившимися в их земли юэчжами, в свою очередь изгнанными отсюда усунями. Так что Канцзюй стал непосредственно соседствовать с юэчжами и усунями только в середине II в. до н. э.

И, наконец, в качестве своеобразного эпилога приведем те единичные краткие сведения о дальнейшей судьбе Канцзюй, которые встречаются в последующих династических историях.

По данным «Хоу Хань шу», империя Поздняя Хань (25–220) вообще не имела связей с Усунь, Канцзюй и Давань, по причине чего в ней нет даже кратких описаний этих царств. Но отдельные сведения о Канцзюй в ее материалах все же встречаются. Так в сверхкратких описаниях царств Яньдай, Янь, что к северу от него, и Суи отмечено, что все они «подчинялись Канцзюй» [XXIII, гл. 78, с. 2922–2923]. Следовательно, Канцзюй снова расширил свои владения. А в описании Шаче (Яркенд), правитель которого Сянь к 46 г. н. э. подчинил многие царства Западного края, говорится, что Давань (Фергана) платила ему налоги местными изделиями, что он затем даже заменил ее правителя Яньлю своим ставленником Цяосайти, бывшим ранее правителем Цзюйми (Керия).

«Но Канцзюй стал часто нападать на него, и Цяосайти, процарствовав более года, бежал». Тогда Сянь вернул трон Давань Яньлю и обязал его всего лишь, как прежде, присылать дары местными изделиями [XXIII, гл. 78, с. 2925]. В биографии же Вань Чао говорится о том, что в 84 г. Канцзюй прислал свои войска на помощь правителю Шулу (Кашгар), противостоявшему наступлению ханьских войск, что в то время Канцзюй и Юэчжи заключили династический брак и сблизились» [XXIII, гл. 47, с. 1579].

Все это не оставляет сомнения в том, что в I в. н. э. Канцзюй стал еще более могущественным царством, играл большую роль в регионе наравне с Большим Юэчжи (Кушанским царством) и опять оказывал помощь Давань.

Затем сведения о Канцзюй появляются только в «Цзинь шу». По этим данным, он дважды присылал послов в Западную Цзинь (265–317), второй раз в 287 г. [ЦШ,

гл. 3, с. 78]. Явно по их сведениям было составлено краткое описание его:

«Царство Канцзюй находится примерно в 2000 ли к северо-западу от Давань, соседствует с Янь и Иле. Его правитель живет в г. Сусе. [В нем] обычаи и облик людей, одежда почти такие же, как в Давань. Земли тучные, [климат] теплый [произрастают] тунг, ива, виноград. Много буйволов, овец. Выращивают хороших лошадей. В эру Тай-ши (265–274 гг. – Л.Б.) его правитель Наби прислал посла с письмом и подарил прекрасных лошадей» (ЦШ, гл. 97, с. 2544).

Очевидно, что местонахождение Канцзюй к северо-западу от Давань не изменилось, но столицей вместо Битянь назван г. Сусе, бывший в I в. до н. э., по данным «Хань шу», столицей зависимого от Канцзюй владения. А царства Янь и Иле (возможно, так стало называться Суи), как и вообще не упомянутое Яньцай, уже не подчинялись ему, т. е. налицо признак падения бывшего могущества Канцзюй к III–IV вв. н. э. И особенно интересно в этом описании указание на то, что в то время канцзюйцы по облику, обычаям и одежде были подобны даваньцам. Даваньцы же, по сообщению в «Ши цзи», повторенном в «Хань шу», были европеоидами, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Получается, что и канцзюйцы были европеоидами, что во II – I вв. до н. э. они были кочевниками, а к IV в. н. э. перешли на оседлый образ жизни, но, судя по описанию, занимались отгонным скотоводством.

В «Вэй шу» появляется сверхкраткое описание царства Чжэшэ, в котором только и сказано:

«Царство Чжэшэ, бывшее царство Канцзюй, находится к северо-западу от Полоны» [ВШ, гл. 102, с. 2274].

А Полоной в V в. называлась бывшая Давань, т. е. местоположение царства Канцзюй к IV – V вв. не изменилось. И есть сообщение, что примерно в 436 г. в Чжэшэ побывал вэйский посол, войдя в это царство из Усунь [ВШ, гл. 102, с. 2260], а в 437 г. прибыло в Вэй посольство Чжэшэ [ВШ, гл. 4/1, с. 88].

Таким образом, в династийных историях последнее конкретное свидетельство о существовании царства Канцзюй относится к 287 г., а его преемника, царства Чжэшэ, – к 437 г. Следовательно, царство Чжэшэ, бывшее Канцзюй, исчезло с исторической арены, как и Усунь, со второй половины V в., т. е. в то время, когда в Восточном Туркестане

и Средней Азии появились *гаоче* (протоуйгуры) и *яда* (эфталиты).

А древнее царство Яньцай, согласно «Вэй шу», превратилось в царство Сутэ [ВШ, гл. 102, с. 2270]. Его послы прибывали в Вэй с 435 по 479 г. восемь раз [ЦФЮГ, 1960, гл. 969, с. 11388-11389]. После этого только в «Чжоу шу» появляется одно сообщение о прибытии послов Сутэ в 564 г. [ЧШ, гл. 5, с. 2272]. Так что сложившееся мнение, будто Сутэ есть Согд, явно ошибочно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. РАННЯЯ ХАНЬ

Годы и эры правлений императоров

Император	Годы правления	Названия эр правления	Годы
Гао-цзю	206-195 до н. э.		
Хуй-ди	194-188		
Гао-хоу	187-180		
Вэнь-ди	179-157		
Цзинь-ди	157-141		
У-ди	140-87	Цзянь-юань	140-135
		Юань-гуань	134-129
		Юань-шо	128-123
		Юань-шоу	122-117
		Юань-динь	116-111
		Юань-фэн	110-105
		Тай-чу	104-101
		Тянь-хань	100-97
		Тай-шин	96-93
		Чжэн-хэ	92-89
		Хоу-юань	88-87
Чжао-ди	86-74	Ши-юань	86-81
		Юань-фэн	80-75
		Юань-пин	74
Сюань-ди	73-49	Бэнь-шин	73-70
		Ди-цзэ	69-66
		Юань-кань	65-62
		Шэнь-цзюэ	61-58
		У-фэн	57-54
		Гань-лу	53-50
		Хуан-лу	49
Юань-ди	48-33	Чу-юань	48-44
		Юн-гуань	43-39
		Цзянь-чжао	38-34
		Цзинь-нин	33
Чэн-ди	32-6	Цзянь-шин	32-29
		Хэ-пин	28-25
		Ян-шо	24-21
		Хун-цзя	20-17
		Юн-шин	16-13
		Юань-ян	12-9
		Суй-хэ	8-7
Ай-ди	6-1	Цзянь-пин	6-3
		Юань-шоу	2-1
Пин-ди	1-5 н. э.	Юань-шин	1-5
Жу-цзы-пин	6-8	Цзюй-шэ	6-7
		Чу-шин	8
Ван Ман	9-22	Шэнь-цзянь-го	9-13
		Тянь-фэн	14-10
		Ди-хуань	19-22
Гэн-шин-ди	23-24	Гэн-шин	23-24

2. СЮННУ

Правления шаньюев периода Ранней Хань

	Имя	Годы	Родство с предшественником
1.	Тоумань	?-205 до н. э.	
2.	Маодунь	205-174	сын
3.	Лаошан	174-162	сын
4.	Цзюньчань	162-126	сын
5.	Ичисе	126-114	младший брат
6.	Узэй	114-105	сын
7.	Эр (Ушилу)	105-102	сын
8.	Гоулихоу	102-101	дядя
9.	Цаюйдихоу	101-96	младший брат
10.	Хулугу	96-85	сын
11.	Хуяньди	85-68	сын
12.	Сюйлюйцюаньцзюй	68-60	младший брат
13.	Уяньцзюйдн	60-58	внук Узэя
14.	Хуханье	58-31	сын Сюйлюйцюаньцзюя
15.	Фучжулэй	31-20	сын
16.	Соусе	20-12	младший брат
17.	Цзюйя	12-8	младший брат
18.	Учжулю	8 г. до н. э. — 13 г. н.э.	младший брат
19.	Улэй	13-18	младший брат
20.	Худуэрши	18-46	младший брат

3. УСУНЬ

Правления куньми периода Ранней Хань
(годы определены примерно)

Куньми	Родство	Годы
Наньдоуми	последний куньми царства Усунь в Ганьсу	7-182 до н. э.
Лецяоми	сын Наньдоуми, основатель царства Усунь в долине Или	180-99
Цаюньсюйми (сэньцзэу)	внук Лецяоми	99-94
Вэньгуйми (Фэй-ван)	внук Лецяоми	94-80
Ними (Куан-ван)	сын сэньцзэу и сюннуской принцессы	80-57
Уцзэюту	сын Вэньгуйми и сюннуской принцессы	57-55

Великий куньми	Годы	Малый куньми	Годы
Юаньгуйми, сын Вэньгуйми и ханьской принцессы Цаю	55-52 до н. э.	Уцзэюту	55-35 до н. э.
Синьми, сын Юаньгуйми	52-36		
Цылими, сын Синьми	36-18	Фули, сын Уцзэюту	35-33
		Жиэр, младший брат Фули	33-32
		Аньжи, сын Фули	32-19
Ичжики, внук младшего брата Цылими	18-? н. э.	Мочжэньцзян, младший брат Аньжи	19-17
		Аньлими, сын Аньжи	17-? н. э.

4. ЦАРСТВА, ОПИСАННЫЕ В «ПОВЕСТВОВАНИИ О ЗАПАДНОМ КРАЕ»¹

Восточный Туркестан

Царство		Число дворов	Население, чел.	Войско, чел.
Прикуньлуньский район				
1.	Жоцян	450	1750	500
2.	Шаньшань/Лоулань	1500	14000	2912
3.	Цемо/Цзюймо	230	1610	320
4.	Сяовань	150	1050	200
5.	Цзинцаюв	480	3360	500
6.	Жунлу	240	1600	300
7.	Юйми	3340	20040	3540
8.	Цюйла	310	2170	300
9.	Юйтянь	3300	19300	2400
10.	Пишань	500	3500	500
11.	Шаче	2339	16373	3049
12.	Шула	1510	18647	2000
	Всего	14349	103400	16521
Притяньшаньский район				
1.	Юйтоу	300	2300	800
2.	Гумо	3500	24500	4500
3.	Вэньсу	2200	8400	1500
4.	Гуйцы	6970	81317	21076
5.	Улэй	110	1200	300
6.	Цюйли	130	1480	300
7.	Юйли	1200	9600	2000
8.	Вэйсюй	700	4900	2000
9.	Шаньго	450	5000	100
10.	Яньци	4000	32100	6000
11.	Чешн ближнее	700	6050	1865
12.	Чешн дальнее	595	4774	11890
13.	Пулэй	325	2032	799
14.	Пулэй дальний	100	1070	334
15.	Цзе	99	500	150
16.	Хуху	55	264	45
17.	Даньхуань	27	194	45
18.	Юйлиши	190	1445	331
19.	Вилу	227	1387	422
20.	Билу дальнее	462	1137	350
21.	Цеми западное	332	1926	738

Продолжение на след. странице

¹ Царства перечислены в порядке расположения их по караванным путям из Хань.

Продолжение табл.

22.	Цеми восточное	191	1948	572
23.	Утаньцзыли	41	231	57
24.	Чеши дувэй-го*	40	333	84
25.	Чеши-хоу чанчанго*	154	960	260
Всего		23098	195098	46518
В Восточном Туркестане в целом		37447	298498	63039

* Скорее всего, это не царства, а два владения, о которых никаких других упоминаний нет.

Вне Восточного Туркестана

Царство		Число дворов	Население, чел.	Войско, чел.
1.	Уча	490	2733	740
2.	Сне	350	4000	1000
3.	Пули	650	5000	2000
4.	Инай	125	670	350
5.	Улэй	1000	7000	3000
6.	Наньду	5000	31000	8000
7.	Цзибинь	многонаселенное		
8.	Уишанья	многонаселенное		
9.	Тяочжи	многонаселенное		
10.	Аньси	многонаселенное		
11.	Большое Юэчжи	100000	400000	100000
12.	Канцзюй	120000	600000	120000
13.	Яньцай			100000
14.	Давань	60000	300000	60000
15.	Таохуай	700	5000	1000
16.	Сюсюнь	358	1030	480
17.	Цзюаньду	380	1100	500
18.	Усунь	120	630000	188000

В целом в «Повествовании о западном крае» описано 55 царств.

5: ХАНЬСКИЕ СИЮЙ-ДУХУ

Годы пребывания в должности	Имя	Примечание
60-57 до н. в.	Чжэн Цэн	Должность учреждена в конце 60 г. до н. в.
57-54	Хань Сюань	
54-51		
51-48		
48-45		
45-42		
42-39	Гань Яньшоу Дуань Хуйцзун Лянь Бяо	
39-36		
36-33		
33-30	Дуань Хуйцзун	
30-27		
27-24	Дуань Хуйцзун	
24-21		
21-18		
18-15 ?	Го Шунь	Точная дата не установлена
15-12		
12-9		
9-6		
6-3		
3 г. до н. в. - I г. н. в.	Сунь Цзянь Дань Цинь	
1-4		
4-7	Дань Цинь Дань Цинь Ли Чун	Убит в Яньци в 14 г. Разгромлен, бежал в Гуйцы, убит в 20-е гг.
7-10		
10-13		
13-14		
15-?		
Всего 26 человек		

6. РАНГИ ЧИНОВНИКОВ РАННЕЙ ХАНЬ

Существовавшая в империи Ранняя Хань система рангов чиновников не получила в «Хань шу» специального освещения. Но в «Хоу Хань шу» описана система рангов Поздней Хань [XXIII гл. 28, с. 3632-3633], которая в целом восприняла государственные институты Ранней Хань, внося в них частные изменения. Явно основываясь на нем, комментатор «Хань шу» Янь Шигу в начале VII в. составил таблицу этих данных рангов Ранней Хань и предпослал ее тексту главы «Таблица всех чиновников, гунов и цинов»:

«По ханьским установлениям [ранг] трех гунов (самых высоких сановников. - Л.Б.) назывался «10000 даней», а их ежемесячное жалованье [составляло] 350 ху зерна. Следующие [ранги] назывались: средний 2000 даней с ежемесячным жалованьем 180 ху; 2000 даней - 120 ху, а приравненный* 2000 даней - 100 ху; 1000 даней - 90 ху, а приравненный 1000 даней - 80 ху* и т.д. до ранга 100 даней с жалованьем 16 ху [XIII, гл. 19/1, с. 721].

Ранг/степень	Название ранга	Месячное жалованье в ху
1	10000 даней	350
2	средний 2000 даней	180
3/1	2000 даней	120
3/2	приравненный*	100
4/1	1000 даней	90
4/2	приравненный*	80
5/1	600 даней	70
5/2	приравненный*	60
6/1	400 даней	50
6/2	приравненный*	45
7/1	300 даней	40
7/2	приравненный*	37
8/1	200 даней	30
8/2	приравненный*	27
9	100 даней	16

* «Приравненным» в тексте «Хань шу» называется тот или иной ранг чиновников 2-й степени.

Отсюда ясно, что «10000 даней», «2000 даней» и т.д. - это наименования рангов, заимствованных Ранней Хань, как и других названий и институтов, у своей предшественницы Цинь, в которой ранги продавались и потому назывались по количеству уплаченного за них зерна. А ежемесяч-

ное жалование обладателей рангов в Хань исчислялось в ху (1 дань равен 2 ху; в современных мерах 1 дань равен 103,5 л). Согласно описанию Янь Шигу, как и по «Хоу Хань шу», рангов было девять, но с 3-го по 8-й они подразделялись на основной и приравненный*, т.е. на 1-ю и 2-ю степень. В тексте работы для ясности ранги называются по их номерам и степени, например, 3-й ранг 1-й степени, 4-й ранг 2-й степени. Два высших ранга, 1-й и 2-й, и низший, 9-й ранг, на две степени не подразделялись.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- ХШ – *Бань Гу*. Хань шу (История Хань). Пекин, 1964.
- ХШ – *Бань Гу*. Хань шу (История Хань). Эршиу ши. Т. 1. Шанхай, 1933.
- ШЦ – *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1975.
- ШЦ – *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Эршиу ши. Т. 1. Шанхай, 1933.
- ВШ – *Ли Яньшоу*. Бэй ши (История Севера). Пекин, 1974.
- ВШ – *Вэй Шоу*. Вэй шу (История Вэй). Пекин, 1974.
- СТЧ – *Чэнь Шоу*. Сань го чжи (Описание Трех царств). Пекин, 1959.
- СТЧ – Циньдин сиюй ту чжи (Императором утвержденное «Описание и карты западного края»). Сянган, 1969.
- СТШ – *Оуян Сю*. Синь Тан шу (Новая история Тан). Пекин, 1975.
- ХХШ – *Фань Е*. Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Пекин, 1965.
- ЦТШ – *Ли Сюй*. Цяо Тан шу (Старая история Тан). – Эршиу ши. Т. 4. Шанхай, 1933.
- ЦФЮГ – *Ван Циньжо*. Цефу юаньгуй (Сокровищница книжной палаты). Пекин, 1960.
- ЦШ – *Фань Сюаньлин*. Цзинь шу (История Цзинь). Пекин, 1974.
- ЧШ – *Линху Дэфэнь*, Чжоу шу (История Чжоу). – Эршиу ши. Т. 3. – Шанхай, 1933.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Акишев, 1980 – Акишев К. А. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). М., 1980.
- Акишев, Кушаев, 1963 – Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А., 1963.
- Аристов, 1900 – Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире и в припамирских странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям. Русский антропологический журнал. 1900, кн. 3-4.
- Бартольд, 1916 – Бартольд В. В. Грекобактрийское царство и его распространение на северо-восток. – Известия Императорской Академии наук. [или: ИАН]. СПб., 1916, № 10.
- Бартольд, 1963 – Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. – Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2, ч. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1902 – Бартольд В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. СПб., 1902.
- Бернштам, 1947 – Бернштам А. Н. К вопросу об усунь, кушанах, тохарах. – Советская этнография. М.-Л., 1947, № 3.
- Бернштам, 1947 а – Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана. – Вестник древней истории, М., 1947, № 2.
- Бернштам, 1950 – Бернштам А. Н. Н. Я. Бичурин и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». – Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. 1. М.-Л. 1950.
- Бернштам, 1951 – Бернштам А. Н. Очерк истории гунов. Л., 1951.
- Бернштам, 1950 а – Бернштам А. Н. Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины. – Чуйская долина. М.-Л., 1950.
- Бернштам, 1952 – Бернштам А. Н. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952.
- Бичурин, 1950-1953. – Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, 2. М.-Л., 1950; Т. 3, М.-Л., 1953.
- Бичурин, 1960 – Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточного Туркестана и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
- Боровкова, 1990 – Боровкова Л. А. Где и когда сюнну вышли на историческую арену. – XXI научная конференция «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 2. М., 1990.

- Боровкова, 1989* – Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Боровкова, 1991* – Боровкова Л. А. Когда умер Лаошан-шанью? – XXII научная конференция «Об-во и гос-во в Китае». Ч. I. М., 1991.
- Боровкова, 1992* – Боровкова Л. А. О времени создания царств Усунь и Большое Юэцзи. – XXIII научная конференция «Об-во и гос-во в Китае». Ч. I. М., 1992.
- Боровкова, 1984* – Боровкова Л. А. О двух владениях Чэши в Восточном Туркестане (I в. до н. э. – III в. н. э. – XV научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 2. М., 1984.
- Боровкова, 1992a* – Боровкова Л. А. О точности метода научного исследования. – Восток. 1992, № 1.
- Боровкова, 1985* – Боровкова Л. А. Об одной ошибочной историко-географической идентификации. – XVI научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 2. М., 1985.
- Боровкова, 1992b* – Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992.
- Боровкова, 1983* – Боровкова Л. А. Установление политических связей ханьского Китая с государствами Центральной Азии. – XIV научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 2. М., 1983.
- Бронников, 1913* – Бронников Н. А. К исторической географии тохаров. М., 1913.
- Васильев, 1859* – Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. – Труды Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества. Т. IV. СПб., 1859.
- Вайнштейн, 1976* – Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища кочевников Евразии. – СЭ. 1976, № 4.
- Вайнштейн, Крюков, 1966* – Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков. – Тюркологический сборник. М., 1966.
- Воеводский, Грязнов, 1938* – Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней. ВДИ. 1938, № 3.
- Восточный, 1988* – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988.
- Восточный, 1984* – Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
- Гинзбург, Трофимова, 1972* – Гинзбург В. В., Трофимова В. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Горбунова, 1975* – Горбунова Н. Г. Фергана в кушанское время. – Центральная Азия в кушанскую эпоху (ЦАКЭ). Т. 2. М., 1975.
- Григорьев, 1967* – Григорьев В. В. Греко-бактрийское царство. – Журнал Министерства народного просвещения. СПб. СXXXVI, 1867.

- Григорьев, 1873 – Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
- Григорьев, 1871 – Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
- Грум-Гржимайло, 1909 – Грум-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. СПб., 1909.
- Грум-Гржимайло, 1896 – Грум-Гржимайло Г. Е. Вдоль Южного Тянь-Шаня. Т. 1. СПб., 1896.
- Грум-Гржимайло, 1926 – Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия Урянхайский край. Т. 2. М., 1926.
- Грум-Гржимайло, 1898 – Грум-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бай-шаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.
- Гумилев, 1959 – Гумилев Л. Н. Динлинская проблема. – Известия Всесоюзного географического общества. Л. Т. 91, вып. 1. 1959.
- Гумилев, 1960 – Гумилев Л. Н. Хунну: Средняя Азия в древние времена. М., 1960.
- Дебец, 1931 – Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. – СЭ. Вып. 5-6. 1931.
- Дебец, 1947 – Дебец Г. Ф. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири. – СЭ. 1947, № 1.
- Дебец, 1948 – Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.
- Думан, 1970 – Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. – Китай и соседи. М., 1970.
- Думан, 1970 а – Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I – III вв. – Китай и соседи. М., 1970.
- Заднепровский, 1971 – Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода (II в. до н. э. – V в. н. э.). – Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
- Заднепровский, 1975 – Заднепровский Ю. А. Опыт региональной классификации погребальных памятников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. – VI в. н. э.) – Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
- Зеймаль, 1968 – Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Иакинф, 1829 – Иакинф (Н. Я. Бичурин), Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. 1 – 3.
- Иакинф, 1851 – Иакинф (Бичурин Н. Я.). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1851.

- Иностранцев*, 1926 – *Иностранцев К.* Хунны и Гунны. – Труды Тюркологического семинара Ленинградского ин-та живых вост. языков. Л., 1926.
- Киселев*, 1951 – *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кроль*, 1984 – *Кроль Ю. Л.* О традиционной китайской концепции «равных государств». – XV научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 1. М., 1984.
- Кроль*, 1987 – *Кроль Ю. Л.* Ханьская концепция слабого руководства варварами «цзими». – XVIII научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 1. М., 1987.
- Кроль*, 1989 – *Кроль Ю. Л.* Ханьский термин «хэ цинь» и связанные с ним представления. XX научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 1. М., 1989.
- Кроль*, 1993 – *Кроль Ю. Л.* Еще раз о формировании нравов и обычаев в теории Бань Гу. – XXIV научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 1. М., 1993.
- Крюков*, 1988 – *Крюков М. В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
- Крюков*, 1980 – *Крюков М. В.* Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений. – XI научн. конф. «Об-во и гос-во в Китае». Ч. 2. М., 1980.
- Крюков*, 1972 – *Крюков М. В.* Сыма Цянь и его «Исторические записки». – Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972.
- Крюков*, 1983 – *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Крюков*, 1978 – *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Кучера*, 1977 – *Кучера С.* Некоторые проблемы истории Турфана в Ханьскую эпоху (III в. до н. э. – III в. н. э.). – Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. 2. М., 1977.
- Лившиц*, 1974 – *Лившиц В. А.* Кушаны: письменность и язык. – Центральная Азия в кушанскую эпоху (ЦАКЭ). Т. 1. М., 1974.
- Литвинский*, 1984 – *Литвинский Б. А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии. – Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Литвинский*, 1988 – *Литвинский Б. А.* История изучения. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
- Литвинский*, 1981 – *Литвинский Б.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960-1981). – Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 1. М., 1981.

- Литвинский, 1976* – *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. – История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Малькевич, 1953* – *Малькевич Б. А.* Материалы и библиография трудов Н.Я. Вичурина. – *Вичурин Н. Я.* Собрание сведений. Т. 3. М.-Л., 1953.
- Мандельштам, 1957* – *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.
- Массон, 1957* – *Массон В. М.* К вопросу о чекане юэчжийской Бактрии. – Известия Отделения общ. наук АН Тадж. ССР. Вып. 14. 1957.
- Материалы, 1968* – Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.
- Материалы, 1973* – Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Минаев, 1879* – *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
- Мурзаев, 1952* – *Мурзаев Э. М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. Изд. 2. М., 1952.
- Мурзаев, 1966* – *Мурзаев Э. М.* Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
- Панов, 1916* – *Панов В. А.* К истории народов Средней Азии. Т. 1. Сюн-ну (хунну). Турецкое происхождение народа сюн-ну (хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916.
- Паркер, 1903* – *Паркер Э. Г.* Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903.
- Переломов, 1962* – *Переломов Л. С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221 – 202 гг. до н. э.). М., 1962.
- Позднеев, 1899* – *Позднеев Д. М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
- Рерих, 1963* – *Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема. – Народы Азии и Африки. [или: НАА]. 1963, № 6.
- Риттер, 1869* – *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 1. СПб., 1869; Вып. 2. Отд. 1. СПб., 1873.
- Синицын, 1959* – *Синицын В. М.* Центральная Азия. М., 1959.
- Синицын, 1975* – *Синицын Е. П.* Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.
- Смолин, 1987* – *Смолин Г. Я.* Источниковедение древней истории Китая. М., 1987.

- Ставиский, 1977* – Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. Проблемы культуры. М., 1977.
- Ставиский, 1961* – Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского царства. – ВДИ. 1961, № 1.
- Сыма Цянь, 1972* – Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Т. 1. М., 1972; Т. 2. М., 1975.
- Сыма Цянь, 1984* – Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р.В. Вяткина. Т. 3, 4, 5, 6. М., 1984, 1986, 1987, 1992.
- Таскин, 1980* – Таскин В. С. Материалы по истории ухуаней и сяньби. – Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Таскин, 1976* – Таскин В. С. Отношения Китая с северными соседями в древности. – Проблемы Дальнего Востока. 1975, № 3.
- Толстов, 1948* – Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1948а* – Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Умняков, 1940* – Умняков И. Тохарская проблема. – ВДИ. 1940, № 3-4.
- ЦАКЭ* – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1, 2. М., 1974, 1976.
- Шан Юэ, 1959* – Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959.
- Юль, 1873* – Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Перевод О.А. Федченко. – Известия Имп. Русского географического общества. СПб., [или: ИИРГО]. Т. VI. 1873.

На китайском языке

- Ань Цзочжан, 1959* – Ань Цзочжан. Лян Хань юй сиюй гуаньси ши (История связей обеих Хань с западным краем). Цзинань, 1959.
- Бай Фэнци, 1958* – Бай Фэнци. Шилунь Сюнну юй сиюй-ды гуаньси (О связях Сюнну с западным краем). Каогу сюэбао. 1958, № 1; Най Мангу дасюэ сюэбао. 1981, № 2.
- Ван Живэи, 1936* – Ван Живэи. Динлин миньцзу ши (История народа динлин). – Бэйпин яньцзююань шисюэ цзикань. 1936, № 2.
- Ван Минчжэ, 1983* – Ван Минчжэ. Лунь Хань-дай усунь цзу Илихэ лююй-ды кайфа (Об освоении усунями долины реки Или в эпоху Хань). – Синьцзян шэжуй кэсюэ. 1983, № 1.
- Ван Ниншэн, 1977* – Ван Ниншэн. Хань-Цзинь сиюй юй цзуго вэньмин (Западный край и цивилизация родины в период Хань-Цзинь). – Каогу сюэбао. 1977, 1, 6.

- Ван Чжилай*, 1980 – *Ван Чжилай*. Чжун Я ши (История Центральной Азии). Пекин, 1980.
- Вэй Цин*, 1975 – *Вэй Цин, Хо Цюйбин* (Вэй Цин и Хо Цюйбин). Шанхай, 1975.
- Ду Чэнсян*, 1928 – *Ду Чэнсян*. Вэй Цин Хо Цюйбин синь чжуань (Новое повествование о Вэй Цине и Хо Цюйбине). Шанхай, 1928.
- Жэнь Ифэй*, 1980 – *Жэнь Ифэй, Анвар*. Синьцзян дицзюй юй цзэуго изйди (Регион Синьцзяна и внутренние земли родины). Пекин, 1980.
- Лао Гань*, 1956 – *Лао Гань*. Хань-дай-ды Сиюй-духу юй уцзи-сяовэй (Сиюй-духу и уцзи-сяовэй эпохи Хань). – Чжунъян яньцзюань лиши юйянь яньцзюсо цзикань. 1956, т. 28, № 1.
- Ли-дай*, 1958 – *Ли-дай* гэ-цзу чжуань цзи хуйбянь (Свод материалов из повествований о разных народах). Под ред. Цзянь Воцзая. Т. 1. Шанхай, 1958.
- Линь Гань*, 1984 – *Линь Гань*. Сюнну лиши няньбао (Хронология истории сюннов). Пекин, 1984.
- Линь Гань*, 1986 – *Линь Гань*. Сюнну тун ши (Общая история сюннов). Пекин, 1986.
- Линь Гань*, 1982 – *Линь Гань*. Усунь цзи ци юй Си Хань ванчао-ды гуаньси (Усунь и ее связи с династией Западная Хань). Синьцзян шэхуй кэсюэ. 1982, № 3.
- Лю Гуанхуа*, 1981 – *Лю Гуанхуа*. Ю тань Хань-дай-ды Усунь (Еще раз об Усунь эпохи Хань). – Синьцзян дасюэ сюэбао. 1981, № 3.
- Лю Хоушэн*, 1958 – *Лю Хоушэн*. Чжан Цянь чжуань цзи (Записки о биографии Чжан Цяня). Шанхай, 1958.
- Лю Сигань*, 1984 – *Лю Сигань*. Гуаньюй Сиюй-духу юй тунпу-дувэй вэньти-ды чжии (К выяснению вопроса о Сиюй-духу и тунпу-дувэй). – Синьцзян дасюэ сюэбао. 1984, № 4.
- Лю Сысянь*, 1982 – *Лю Сысянь*. Сюнну цзу-миня юаньшаньюань (О происхождении этнонима «сюнну»). – Нэй Мэнгу шиюань сюэбао. 1982, № 2.
- Ма Чаншоу*, 1962 – *Ма Чаншоу*. Вэй ди юй сюнну (Северные ди и сюнны). Пекин, 1962.
- Сиратори Куракити*, 1939 – *Сиратори Куракити*. Мэнгу миньцзу циюань као (Исследование о происхождении монгольского народа). – Сюнну миньцзу као (Исследования о народе сюнну). Шанхай, 1939.
- Сюнну*, 1977 – Сюнну ши луньвэнь цзи (1919-1966) (Сборник статей, по истории сюннов, опубликованных в 1919-1966 гг.). Нэй Мэнгу юйвэнь лиши яньцзюсо. 1977.
- Сюнну*, 1983 – Сюнну ши луньвэнь цзи (1919-1979) (Сборник статей по истории сюннов, опубликованных в 1919-1979 гг.). Пекин, 1983.

- Тун Шихэн, 1919 – Тун Шихэн. Ли-дай цзяньюй синши ([Атлас]. Границы [Китая] в исторические эпохи). Шанхай, 1919.
- Фан Хао, 1974 – Фан Хао. Чжун-Си цзяотун ши (История связей Китая с Западом). Т. 1-4. Изд. 3. Тайбэй, 1974.
- Фань Фуюань, 1960 – Фань Фуюань. Хань У-ди (Ханьский У-ди). Пекин, 1960.
- Фэн Чэнцзюнь, 1955 – Фэн Чэнцзюнь. Сиюй ди мин (Географические названия западного края). Пекин, 1955.
- Фудзита. 1935 – ФудзитаТоёхати. Юэчжи гу-ди юй ци си и няйдай (Древние земли юэчжей и датировка их переселения на запад). – Си-бэй гу-ди яньцзю (Исследования о древних землях северо-запада). Шанхай, 1935.
- Хань, 1976 – Хань У-ди (Ханьский У-ди). Пекин, 1976.
- Цзинь Иньчуань, 1984 – Цзинь Иньчуань, Цю Фукэ. Чжунго диту ши хуа (Об истории китайской картографии). Пекин, 1984.
- ЦХ, 1948 – Цыхай (Море слов). Шанхай, 1948.
- Цэнь Чжунмянь, 1962 – Цэнь Чжунмянь. Чжун-вай ши-ди каочжэн (Исследование по исторической географии [стран] вне Китая). Пекин, 1962.
- Цэнь Чжунмянь, 1981 – Цэнь Чжунмянь. Дань шу сиюй-чжуань ди ли цзяоши (Сопоставление географических названий и расстояний в «Повествовании о западном крае» «Хань шу»). Т. 1-2. Пекин, 1981.
- Чжан Вэйхуа, 1957 – Чжан Вэйхуа. Лунь Хань У-ди (О ханьском У-ди). Шанхай, 1957.
- Чжан Синлан, 1930 – Чжан Синлан. Чжун-Си цзяотун ши ляо хуйбянь (Сборник материалов по истории связей Китая с Западом). Пекин, 1930; Тайбэй, 1962.
- Чжоу Лянькуань. 1957 – Чжоу Лянькуань. Динлин-ды жэньчжун хэ юйянь цзи ци мобэй чжу-цзуды гуаньси (Раса и язык динлинов и их отношения со всеми народами к северу от пустыни). - Чжуншань дасюэ сюэбао. 1957, № 2.
- Чжоу Чжэнхэ, 1985 – Чжоу Чжэнхэ. Си Хань Сиюй-духу со-се чжунго као (Исследование о всех царствах, которыми управлял Сиюй-духу Западной Хань). – Синьцзэн дасюэ сюэбао. 1985, № 2.
- ДМДЦД, 1931 – Чжунго гу цзинь ди-мин да-цыдянь (Большой словарь китайских древних и современных географических названий). Шанхай, 1931.
- Шан Юэ, 1954 – Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1954.
- Ян Куань, 1955 – Ян Куань. Чжунго ли-дай чи-ду као (Исследование китайских мер длины разных исторических эпох). Шанхай, 1959.

- Ян Цзяньсинь, 1981* – *Ян Цзяньсинь*. Сиюй бяньчжэн (Уточнение [значения названия] «Сиюй»). – Синьцзян дасюэ сюэбао (шэ кэ). 1981, № 1.
- Ян Цзяньсинь, 1981 а* – *Ян Цзяньсинь*. Чжан Цянь тун сиюй (Чжан Цянь установил связи с западным краем). – Синьцзян дасюэ сюэбао (шэ кэ). 1981, № 1.

На японском языке

- Исэ Сэнтаро, 1967* – *Исэ Сэнтаро*. Вага куни-ни окэру сэйики си кэнкю (Изучение истории западного края в Японии). – Рэкиси кёнку. 1967, № 9-10.
- Исэ Сэнтаро, 1954* – *Исэ Сэнтаро*. Кандай-но сэйики кэнэй (Управление западным краем при династии Хань). Сигаку. Т. 42. 1954, № 1.
- Исэ Сэнтаро, 1955* – *Исэ Сэнтаро*. Сэйики кэйэй си-но кэнкю (Исследование по истории управления западным краем). Токио, 1955.
- Катани Накао, 1969* – *Катани Накао*. Соку то дай гэсси (Сэ и большие юэджи). – Тоёси кэнкю. Т. 28. 1969, № 3.
- Като Сигэру, 1931* – *Като Сигэру*. Усон-но кёдзюти-ни цуйтэ (О местонахождении усуней). – Сигаку дзасси. 1931, № 7.
- Кита, 1971* – *Кита миндзоку си* (История кочевых народов). Т. 1-3. Токио, 1971.
- Кувахара, 1915* – *Кувахара*. Дайэн коку-но Кисандзё ни цуйтэ (О г. Гуйшань в царстве Давань). – Гэйбун. Т. VI, сент. 1915.
- Кувахара, 1916* – *Кувахара*. Тё Кэн-но энсэй (Дальний поход Чжан Цяня). – Дзоку ситэки кэнкю. Февр. 1916.
- Кувахара, 1916 а* – *Кувахара*. Фудзита-кун-но Кисандзё оуби Кансидзё ко во суми (Читая исследование г. Фудзита о г. Гуйшань и о г. Цзяньши). – Гэйбун. Т. VII, ноябрь-дек. 1916.
- Кувахара, 1916 б* – *Кувахара*. Футатаби Дайэн коку-но Кисандзё ни цуйтэ (Еще раз о г. Гуйшань в царстве Давань). Сигаку дзасси. Т. XXVII. Июль-сент. 1916.
- Мацуда, 1970* – *Мацуда Хисао*. Кодай Тэндзан-но рэкиси тиригаку тэки кэнкю (Исследование по исторической географии древнего Тянь-Шаня). Токио, 1970.
- Нагасава, 1983* – *Нагасава Кадзутоси*. Кодай Сэйики нандо ко (Исследование о древнем южном тракте в Западном крае). – Нэйрику Адзия Ниси Адзия-но сэкай то бунка. Токио, 1983.
- Нагасава, 1979* – *Нагасава Кадзутоси*. Сироку родо си кэнкю (Исследование истории шелкового пути). Токио, 1979.

- Самадзаки, 1977* – *Самадзаки Акира*. Сэйики коцу сидзе-но синдо то Ива ро (Новый и Хамийский путь в истории путей сообщения в Западном крае). Токио, 1977.
- Сиратори, 1907* – *Сиратори Куракити*. Мёко миндзоку-но кигэн (Происхождение монгольского народа). Сигаку дзасси. Т. 18. Март 1907.
- Сиратори, 1981* – *Сиратори Куракити*. Сэйики си кэнкю (Исследования по истории западного края). Т. 1-2. Токио, 1981.
- Сиратори, 1912* – *Сиратори Куракити*. Сэйики сидзё-но син кэнкю (Новое исследование по истории западного края). – Тоё гакухо. Т. II. Январь 1912.
- Сиратори, 1900-1901* – *Сиратори Куракити*. Усон ни цуйтэ ко (Исследование об усунях). Сигаку дзасси. Т. XI-XII. 1900-1901.
- Фудзита, 1916* – *Фудзита Тоёхати*. Гэсси-но коти то соно сэй и-но нэндай (Древние земли юэчжей и датировка их переселения на запад). – Тоё гакухо. Т. VI. Октябрь 1916.
- Фудзита, 1916 а* – *Фудзита Тоёхати*. Дайэн-но Кисандзё то гэсси-но отэй (Г. Гуйшань в царстве Давань и ставка правителя Юэчжей). – Тоё гакухо. Т. VI. Май 1916.
- Ханеда, 1930* – *Ханеда Тору*. Дай Гэсси оуби Кисо ни цуйтэ (О Большом Юэчжи и Гушуань). Сигаку дзасси. Т. XII. Сентябрь 1930.
- Эноки, 1982* – *Эноки Кадзую*. «Кансю» сэйики тэн-но кэнкю (Исследование главы о западном крае «Хань шу»). – Тоё гаку. Т. 64. 1982.
- Эгами, 1967* – *Эгами Намио*. Гэсси то гёку (Юэчжи и нефрит). – Адзиа бунка си кэнкю. Токио, 1967.
- Ясума, 1932* – *Ясума Яитиро*. Гэсси-но сэйхо идо ни цуйтэ (О переселении юэчжей на запад). – Сигаку дзасси. Т. XLIII. Май 1932.

На западных языках

- Альтхайм, 1959* – *Altheim F. Geschichte der Hunnen*. Bd. I. Berlin, 1959.
- Альтхайм, 1970* – *Altheim F. Geschichte Mittelasiens um Altertum*. Berlin, 1970.
- Альтхайм, 1947* – *Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter*. Bd. I. Halle, 1947.
- Андерсен, 1847* – *Andersen W. An attempt to identify some of the places mentioned in the itinerary of Huan Tsang*. – *Journal of Asian Society of Bengal*, t. 16, pt. 2. 1847.
- Бейли, 1947* – *Baily H.W. Recent Works in Tokharian*. – *Transaction of the Philological Society*. 1947.

- Бил*, 1914 – *Beal S.* The life of Hiuen-Tsang. London, 1914.
- Бил*, 1884 – *Beal S.* Si-Yu-Ki. Buddhist records on the Western World. Vol. 1-2. London, 1884, 1906; New Delhi, 1969.
- Бил*, 1869 – *Beal S.* Travels of Fa-Hian and Sun-Yun, buddist pilgrims from China to India (400 ad and 518 ad). London, 1869.
- Чжан Цюньшу*, 1966 – *Chang Ch'un-shu.* Military Aspects of Han Wu-t'i's Northern and Northwestern Campaigns. – Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 26. 1966.
- Шаванн*, 1907 – *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après Heou Han chou. – T'oung Pao. Ser. II, vol.8, 1907.
- Шаванн*, 1905 – *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après Weillio. – T'oung Pao, Ser. II, vol. 6. 1905.
- Кордье*, 1920 – *Cordier H.* Histoire Générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, Paris, 1920.
- Каннинхэм*, 1892 – *Cunningham A.* Coins of Cushans, or Yue-ti. – Numismatic Cronicle, Ser. 3, t. 9. 1889.
- Каннинхэм*, 1848 – *Cunningham A.* Verfyication of itinerary of Hwan Thsang ththrough Afghanistan and India. – Journal of Asiatic Society of Bengal. T. XVII, pt. 2. 1848.
- Каннинхэм*, 1848a – *Cunningham A.* Verfyication of itinerary of Hwan Thsang ththrough Ariana and India. – Journal of Asiatic Society of Bengal, T. XVII, pt. 1. 1848.
- Дэббс*, 1963 – *Dabbs J.A.* History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. Hague, 1963.
- Даффина*, 1969 – *Daffina P.* Le migrazione del Wu-sun. Revista delgi studi orientali. Vol. 44. 1969.
- Дегинь*, 1756 – 1758 – *Deguignes J.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. T. 1-5. Paris. 1756-1758.
- Де Гроот*, 1921-1926 – *De Groot J. J. M.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Bd. 1, 2. Berlin, 1921, 1926.
- Де Гроот*, 1921-1926 – *De Groot J.J.M.* Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Bd. 1, 2. Berlin, 1921, 1926.
- Дабс*, 1940 – *Dubs H. H.* Chinese Histories and the first Dinastic History. – The South Atlantic Quarterly. Vol. 39, 1940, № 2.
- Эберхард*, 1969 – *Eberhard W.* History of China. Berkeley and Los Angeles, 1969.
- Эноки*, 1956 – *Enoki Kadzuo.* Sogdiana and Hsiung-nu. – Central Asiatic Journal. 1956, № 1.
- Фэрбанк*, 1942 – *Fairbank J. K.* Tributary Trade and China's Relations with the West. – Far Eastern Quarterly, 1942, vol. 1.
- Фейст*, 1920 – *Feist S.* Der gegenwartige Stand des Tocharerproblems. – Zeitschrift fur Fr. Hirth. Berlin, 1920.

Франке, 1904 - *Franke O.* Beiträge zur chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. - Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften Philologisch historische Klasse B. Berlin, 1904.

Джайльс, 1877 - *Giles H.* The travels of Fa-hsien (399- 414) or record of the buddhist kingdoms. London, 1877, 1923.

Грюнведель, 1920 - *Grünvedel A.* Alt-Kutscha. Berlin, 1920.

Халоун, 1926 - *Haloun G.* Seit wann kanten die Chinesischen der Tocharer oder Indogermanen überhaupt. Leipzig, 1926.

Халоун, 1937 - *Haloun G.* Zur Üe-tai-Frage. - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wien, 1937, Bd. 91.

Ханеда, 1933 - *Haneda Toru.* A propos des Yue-tche et des Kouei-chouang. - Bulletin de la Maison Franko-Japonaise. Tokyo, 1933, IV.

Германн, 1966 - *Herrmann A.* An historical Atlas of China. New ed. by N. Ginsburg. Chicago, 1966.

Германн, 1935 - *Herrmann A.* Historical and Commercial Atlas of China. Cambridge, 1935.

Хирт, 1885 - *Hirth Fr.* China and Roman Orient. Shanghai, 1885.

Хирт, 1917 - *Hirth Fr.* The Story of Chang K'ien, China Pioneer in Western Asia. - Journal of the American Oriental Society. Vol. 37, 1917.

Хирт, 1900 - *Hirth Fr.* Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu. - Sitzungsberichte der Deutschen Academic der Wissenschaften zu München. 1900, Bd. 2.

История, 1938-1955. - History of the Former Han Dynasty of Pan Ku. A critical translation with Annotation by Homer Dubs. Vol. 1-3. Baltimore - London, 1938-1955.

Исторические, 1978 - Historical studies on Central Asia in Japan. - Bulletin of the Institute of the Eastern culture. Tokyo, 1978.

Гумбольдт, 1843 - *Humbold A.* L'Asie Centrale. P., 1843.

Юар, 1881 - *Huart C. I.* Recueil du documents sur l'Asie centrale. Paris, 1881.

Хулсе, 1975 - *Hulsewe A. T. F.* The Problem of the Autenticity of Shih-chi ch. 123, the Memoir on Ta Yuan. - T'oung Pao, vol. LXI, № 1-3, 1975.

Хулсе, Лоуи, 1979 - *Hulsewe A. T. F., Loewe M. A. N.* China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. - 23 A.D. An Annotated Translation of Chapter 61 and 96 of the history of the Former Han Dynasty by A. T. F. Hulsewe with Introduction by M.A.N. Loewe. Leiden, 1979.

Егер, 1973 - *Jäger F.* Zum heutigen Stand der Schi-ki- Forschung. - Asia major. № 9, 1933.

Жюльен, 1853 - *Julien S.* Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hoei-Li et

- Yen-Thsong: suivie de documents et d'éclaircissements géographiques, tires de la relation originale de Hiouen-Tsang. P., 1853.
- Жюльен, 1857 - *Julien S.* Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Tsang. T. 1-2. P., 1857-1858.
- Жюльен, 1846 - *Julien S.* Notes sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois. - *Journal Asiatique*. Ser. 1846, t. VIII.
- Жюльен, 184 - *Julien S.* Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des annales chinois. V. 3. Ouigours. - *JA*. Ser. 4. 1847, t. IX.
- Кингсмилл, 1882 - *Kingsmill W.* The intercourse of China with Eastern Turkestan and adjacent countries in the second century before Christy. - *Journal Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. New Ser., XIV, 1882.
- Клапрот, 1820 - *Klaproth J.* Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren. P., 1820.
- Клапрот, 1823 - *Klaproth J.* Asia Polyglota. P., 1823.
- Клапрот, 1824 - *Klaproth J.* Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Vol. 1-3. P., 1824-1825.
- Клапрот, 1826 - *Klaproth J.* Tableaux historiques de l'Asie depuis la monarchie de Gyros jusqu'à nos jours. P., 1826.
- Латтимер, 1939J - *Lattimore O.* Inner Asian frontiers of China. London, 1939; 1962.
- Легге, 1886 - *Legge J.* A record of buddhist kingdoms being an account by Chinese monk Fa-kien of his travels in India and Ceylon (ad 399 - 414). Oxford, 1886.
- Лю Маоцай, 1969 - *Liu Mau-tsai.* Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jh. v. bis 6 Jh. n. Chr. Bd. 1-2. - *Asiatische Forschungen*, Bd. 27. Wiesbaden, 1969.
- Лоу, 1969 - *Loewe M.* Chinese relations with Central Asia. - *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*. Vol. 32, 1969, № 1.
- Лоу, 1961 - *Loewe M.* Military Operations of the Han Period. L., 1961.
- Лоу, 1964 - *Loewe M.* Some Military Despatches of the Han Period. - *T'oung Pao*, vol. 51, 1964.
- Лоу, 1967 - *Loewe M.* Records of the Han Administration. Vol. 1-2. Cambridge, 1967.
- Лоу, 1960 - *Loewe M.* The Order of Aristocratic Ranks of Han China. - *T'oung Pao*, vol. 48, 1960.
- Мак-Говерн, 1939 - *McGovern W. M.* The Early Empires of Central Asia. - The University of North Carolina Press, 1939.

- Маенхен-Хелфен*, 1945 - *Maenchen-Helfen O.* Huns and Hsiungnu. - Byzantion, vol. 17, 1945.
- Маенхен-Хелфен*, 1939 - *Maenchen-Helfen O.* The Ting-ling. - Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. IV, 1939.
- Маенхен-Хелфен*, 1973 - *Maenchen-Helfen O. J.* The World of Huns. L., 1973.
- Маенхен-Хелфен*, 1939 - *Maenchen-Helfen O.* The Yüeh-chih problem reexamined. - Journal of American Oriental Society, vol. 65, 1945.
- Майя*, 1775 - *Mailla J.A.M.* Histoire générale de la Chine. T. 1-12. Paris, 1775-1785.
- Маркварт*, 1901 - *Marquart J.* Eransšahr nach der Geographic der Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901.
- Маркварт*, 1938 - *Marquart J.* Werhot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Нарайн*, 1968 - *Narain A. K.* The Date of Kaniska. A Postscript on the Date of Kaniska. - Paper on the Date of Kaniska (PDK). Leiden, 1968.
- Окада*, 1973 - *Okada Hidehiro.* History of Inner Asia. - Oriental Studies in Japan. Tokyo, 1973.
- PDK*, 1968 - Papers on the Date of Kaniska, submitted to the Conference on the Date of Kaniska, London, 20-22 April, 1960. Ed. by A.L. Basham. Leiden, 1968.
- Пеллио*, 1934 - *Pelliot P.* Tokharien et le Koutchéen. - Journal of Asiatique, vol. CCXXIV, 1934.
- Пуллиблэнк*, 1966 - *Pulleyblank E.* Chinese and Indo-Europeans. - Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, № 1-2, 1966.
- Пуллиблэнк*, 1968 - *Pulleyblank E. G.* Chinese Evidence for the Date of Kaniska. - PDK. Leiden, 1968.
- Пуллиблэнк*, 1983 - *Pulleyblank E.* The Chinese and their neighbours in prehistoric and early historic times. - The origins of Chinese civilization. Berkeley - Los Angeles, 1983.
- Пуллиблэнк*, 1970 - *Pulleblyank E.* The Wu-sun and Sakes and the Yüeh-chih migration. - Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Vol. 33, pt. 1, 1970.
- Раулинсон*, 1872 - *Rawlinson H. G.* Monograph on the Oxus. - Journal of the Royal Geographic Society. T.XLII, 1872.
- Ремюза*, 1836 - *Rémusat A.* Foe Koue Ki ou relation des royaumes budhiques. Paris, 1836.
- Ремюза*, 1827 - *Rémusat A.* Histoire de la ville de Khotan tirée des annales de la Chine et traduite du Chinois. P., 1827.
- Ремюза*, 1825 - *Rémusat A.* Mélanges asiatiques. T. 1. P., 1825.

- Ремюза*, 1825a – *Rémusat A.* Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. P., 1825.
- Ремюза*, 1829 – *Remusat A.* Nouveaux mélanges asiatiques. T. 1-2. P., 1829.
- Ремюза*, 1820 – *Remusat A.* Recherches sur les langues tartares. P., 1820.
- Рихтгофен*, 1878 – *Richthofen F.* China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Bd. 1-4. Berlin, 1878.
- Риттер*, 1837 – *Ritter K.* Erkunde von Asien. T. VII. Berlin, 1837.
- Самолун*, 1964 – *Samolin W.* East Turkestan to the twelfth century. A brief political survey. – Central Asiatic Studies. Ser. 9. Mouton, 1964.
- Шотт*, 1865 – *Schott W. J.* Über die ächten Kirgisen. – Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Berlin, 1865.
- Швентер*, 1935 – *Schwenter E.* Tocharisch. Berlin – Leipzig, 1935.
- Сирамори*, 1956 – *Shiratori Kurakiti.* The geography of the Western Region. – Memoires of the Researches department of the Tokyo Bunko (Oriental Library). Tokyo, 1956, № 15.
- Сирамори*, 1930 – *Shiratori Kurakiti.* On the territory of Hsiung-nu Prince Hsiu-t'u wang. – Memoires Toyo Bunko V, 1930.
- Сирамори*, 1957 – *Shiratori Kurakiti.* On the Ts'ung-ling traffic route described by C. Ptolemaios. – Memoires of Researches department of the Tokyo Bunko (Oriental Library). Tokyo, 1957, № 16.
- Сирамори*, 1902 – *Shiratori Kurakiti.* Über den Wu-su Stamm in Central Asia. – Keleti Szemle, III, 1902.
- Синор*, 1971 – *Sinor L.* Inner Asia. History – Civilisation – Languages. Syllabes. Mouton, 1971.
- Синор*, 1982 – *Sinor L.* The legendary origin of the Türkes. – Folklorica: Festschrift for Felix J. Qinas. Bloomington, 1982.
- Стейн*, 1907 – *Stein A.* Ancient Khotan. Vol. 1-2. Oxford, 1907.
- Стейн*, 1928 – *Stein A.* Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1-4. Oxford, 1928.
- Стейн*, 1925 – *Stein A.* Innermost Asia: its geography as a factor in history. – Geographical Journal, vol. 65. 1925, № 5.
- Тарн*, 1938 – *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge University Press (Engl.), 1938, 1951.
- Ван Юйцзюань*, 1949 – *Wang Yu-ch'uan.* An Outline of the Central Government of the Former Han Dynasty. – Harvard journal of the Asiatic studies, vol. 12, 1949.
- Уилсон*, 1839 – *Wilson H.* Account of Foe Koue Ki or travels of Fa-hien in India. – Journal of the Royal Asiatic Society, t. V, 1839.

- Уайли*, 1874 – *Wylie A.* History of Heung-noo in Their Relation with China. – Journal of the Anthropological Institute : of Great Britain and Ireland, 3:3, 1874; 5:1, 1875.
- Уайли*, 1881 – *Wylie A.* Notes on the Western Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», b. 96, pt. 1. – Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1881, vol. X.
- Уайли*, 1882 – *Wylie A.* Notes on the Western Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», b. 96, pt. 2. Introductory note by H.H. Howorth. – Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1882, vol. XI.
- Юй Инши*, 1967 – *Yu Ying-shih.* Trade and Expansion in Han Period. A study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley and Los Angeles, 1967.
- Юль*, 1866 – *Yule H.* Cathay and the way thither. London, 1866.
- Юль*, 1872 – *Yule H.* The geography and history of the upper waters of the Oxus. – Wood J. A personal narrative of Journey to the Source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul and Badakshan. London, 1872. 2-d ed. В 1-м изд. книги Вуда этого предисловия Юля не было.
- Юль*, 1872 – *Yule H.* Notes on Hwen Tshang account of the principality of Tokharistan. – Journal of the Royal Asiatic Society, vol. VI, 1873.
- Цюрхер*, 1968 – *Zürcher E.* The Yüeh-chih and Kaniska in Chinese Source. – PDK. Leiden, 1968.

Карты и атласы

- Атлас автомобильных дорог СССР. М., 1984.
- Карта «Азия». Сочинена и гравирована в 1807 г.
- Карта «Афганистан». ГУГК, 1978. 1:2 000 000
- Карта «Китай». 1974. 1:4 000 000.
- Карта к истории народов, обитавших в Средней Азии в древние времена (приложение к «Собранию сведений...» Н.Я. Вичурина). Спб., 1851.
- Карта «Китайская империя». Сост. Н. Никитин, З. Матусовский (приложение к «Географическому обозрению Китайской империи» З. Матусовского). Спб., 1888. 1 дюйм:250 верст.
- Карта мира, л. Пекин, Улан-Батор, Алма-Ата. ГУГК, 1976. 1:2 500 000
- Карта «Семипалатинск». 1969. 1:2 000 000.
- Карта СССР, лл. 28–30. ГУГК, 1946–1947. 1:2 500 000.
- Карта среднеазиатских республик. 1965. 1:2 000 000.
- Карта «Ташкент». 1969. 1:4 000 000.
- Карта «Хами». 1959. 1:1 000 000.

- Ван Шуши*. Чжунго лиши диту (Исторические карты Китая). Шанхай, 1955.
- Тун Шихэн*. Ли-дай цзяньчюй синши (Границы в разные исторические эпохи). Атлас. Шанхай, 1919.
- Чжунго лиши диту цзи (Исторический атлас Китая). Ред. Тань Цисянь. Т.2. Пекин, 1982.
- Чжунго ши гао диту цзи (Атлас к очеркам истории Китая). Ред. Го Можо. Т. 1. Шанхай, 1979.
- Asia*. 1744 (по заказу двора Российской империи).
- Imperii Russici et Tatarum Universae. Tabula opera ton Matthiae Hassii*. 1739 (по заказу двора имп-цы Анны Ивановны).
- Herrmann A.* Historicat and Commercial Atlas of China. Cambridge, 1935.
- Herrmann A.* An historical atlas of China. New ed. by N. Ginsburg. Chicago, 1966.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август 169
- Ай-ди 288, 289, 314
- Антоний 169
- Аньжи 281-286, 308, 316
- Аньлими, Улими 284, 286-289, 316
- Ань Цаочжан 27
- Аристов Н. А. 18, 19, 28, 33
- Байер Б. З. 13
- Байсэ 303
- Бань Гу 11, 12, 234-238, 294
- Бань Юн 238
- Бань Чао 311
- Бао Тянь 301
- Бернштам А. Н. 16, 26, 28
- Бил С. 17, 18
- Бичурин Н.Я., Иакинф 15-17, 21, 28, 33, 45, 54, 59, 72, 76, 83, 96, 103, 104, 122, 126, 129, 130, 143, 150, 159, 164, 165, 169, 195, 199, 221, 261, 274, 309
- Биюаньчжи-сихоу 288-290, 310
- Боровкова Л. А. 32
- Бретшнейдер Е. 18
- Бронников Н. А. 25
- Будзю-сихоу 170, 245, 252
- Ван Живэй 24
- Ван Ман 290, 314
- Ван Минчжэ 31
- Ван Сяочжи 267, 268
- Ван Фэн 283
- Ван Хуй 68, 125, 127, 137, 139
- Ван Чжилай 31
- Ван Чжун 208, 209
- Ван Шэньшэн 144, 151
- Ваньнянь 251, 261-265
- Вань Чжэнь 155
- Васильев В. П. 18
- Висделу К. 14
- Воеводский М. В. 26
- Вэй Хэи 271, 272
- Вэй Цин 12, 69-74, 77, 79-81, 88, 117, 119, 194
- Вэньгуйми, Фэй-ван 170, 211-213, 220, 253, 255, 261, 265-268, 269-271, 278, 286, 316
- Вэнь-ди 53, 55-57, 60-65, 113, 314
- Вэньюйду-ван 185
- Вяткин Р. В. 28, 59
- Габлентц 18
- Гань Фу, см. Танъи Фу
- Гань Янь 274
- Гань Яньшоу 228, 280, 295, 299-301, 303, 304, 319
- Гаофу-сихоу 164
- Гао-хоу Люй-тайхоу 52, 157, 314

Гао-цзю, Гао-ди, Хань-ван Лю
Бан 35, 43, 45, 48, 50-52, 54,
91, 157, 314
Геррманн А. 25, 54, 69, 94,
189, 225
Го Цинь 244
Го Шунь 307, 309, 319
Григорьев В. В. 18, 33
Грум-Гржимайло Г. В., Грумм-
Гржимайло Г. Е. 25
Грязнов М. П. 26
Гугоу 230, 231, 234, 236, 243
Гун 259, 260
Гуйшуан-сихоу 164, 174
Гумбольдт А. 15
Гумилев Л. Н. 28
Гунсунь Хэ 69
Гуньсунь Ао 69, 74, 183-185,
192, 193
Гу Цзи 279, 296, 297, 304
Гэн-ши-ди 314
Дабс Х. 21
Далэ 277, 278
Дань Цинь 231, 232, 236, 244,
319
Дао Ху 232, 233
Дебец Г. Ф. 25
Дегинь Ж. 14
Де Гроот Дж. 21
Деметрий 105
Джайльс Х. 17
Дин Елинь 288
Диши 251, 261, 265
Доу Сянь 200

Дуань Хуйцзун 281-290, 300, 319
Думан Л. И. 16, 29
Евкратид 105, 114
Жиэр 281, 282, 308, 316
Жоху-сихоу 170, 251, 252
Жу Шунь 82
Жу-цзы-ин 314
Жэнь Вэнь 191
Жэнь Ифэй 274
Жэнь Чан 271, 272
Жюльен С. 18
Заднепровский Ю. А. 30
Иакинф, см. Бичурин
Илиму-шаньюй 278
Иностранцев К. 25
Инуду 301
Ин Шао 188
Ичжими 285, 286, 289, 316
Ичисе-шаньюй 71, 315
Кайлин-хоу 190-192, 201-203,
217
Каймоу 303
Кан Тай 155
Катани Накао 30
Като Сигэру 23
Кингсвилл У. 18
Киселев С. В. 28
Клапрот Ю. 15-17
Красс 169
Кроль Ю. Л. 32
Крюков М. В. 32, 226
Куан-ван, см. Ними

Кувахара 22, 23, 25
Кучера С. 29
Лайдань 148, 207, 229, 259
Лао Ган 27
Лаошан-шаньюй 21, 22, 45, 57-
66, 73, 75, 76, 103, 105, 107,
109-112, 119, 163, 245, 246, 315
Легге Дж. 17
Лецяоми 211, 251-253, 266,
269, 316
Ли Гуан 12, 69, 74, 79, 185
Ли Гуанли, Эрши-цзянцзюнь
12, 137-146, 148, 150-152, 158,
160, 182-187, 191-194, 197-201,
207, 247, 300
Ли Лин 12, 145, 148, 183,
185-191, 198
Ли Му 39, 40
Ли Си 72
Ли Чи 138, 143
Ли Чун 244, 266, 319
Линь Гань 23, 31-32, 45, 70, 80,
82-84, 184, 185, 188, 194
Литвинский Б. А. 16, 20, 21
Лу Бодэ 141, 184, 185
Лю Ван, см. Гао-цзю
Лю Гуанхуа 31
Лю Маоцай 29
Лю Сигань 31
Лю Хоушэн 27
Лю Цзин 49-51
Лэ Фэн 260
Лянь Бао 281, 319
Ма Дуаньлинь 14

Ма Хун 208
Ма Чаншоу 82
Маенхен-Хелфен О. 24
Майя Ж. 14
Мая Тун 197, 198, 201-203
Маядельштам А. М. 28
Маодунь-шаньюй 44-50, 52, 53,
55-57, 64, 66, 73, 77, 87, 106,
107, 109, 111, 113, 153, 157,
163, 240, 245, 296, 315
Матусовский З. 81
Митридат I 114, 115
Митридат II 168
Моцай 143, 146, 152, 158
Мочжэньцзян 284-287, 316
Мугуа 142, 143, 146, 151, 158
Мэн Тянь 40-43, 45, 46, 70, 77
Наби 312
Наньдоуми 108, 109, 245, 252,
316
Наньци-сихоу 286
Ними, Куан-ван 271-273, 316
Панов В. А. 25
Пань Гуандэ 219
Пин-ди 314
Позднеев Д. М. 18
Птолемей 18
Пуллиблэнк Э. 12, 30, 225
Пэнхоу 185
Ремюза А. 15
Риттер К. 15
Рихтгофен Ф. 15
Сидунь-сихоу 164

Синми 277, 278, 281, 282, 316

Синь Усянь 272

Сиратори Куракити 22

Сицзюнь 211, 249, 250, 252

Си Чунго 261, 262

Сишэньсоу 271, 273

Согуан 251

Страбон 168

Су У 182, 208

Сун Цзянь 262

Сунь Цзянь 289, 290, 319

Сыма Гуан 14

Сыма И 262

Сыма Цянь 5, 8, 9, 11-13, 36-40, 42, 47, 48, 53, 56, 58, 61, 63, 73, 76, 84, 85, 88, 90-92, 97, 98, 102, 103, 107, 108, 119, 121-125, 128, 131-155, 157, 160, 167, 181, 182, 186, 309

Сыма Чжэнь 39, 96, 97, 103, 104

Сюань-ди 129, 130, 212, 215, 216, 219, 224, 238, 254-256, 259, 260, 261, 267, 274, 275, 314

Сюй Гуан 63, 65, 66, 126, 128, 131

Сюйлюйцюаньцзюй-шаньюй 215, 220, 221, 315

Сюй Пу 230, 231

Сюйчжили 231, 232, 243

Сюми-сихоу 164, 252

Сючу-ван 75, 77

Сяньсяньчань, жичжу-ван 221, 222, 225, 236

Сян Юй 45, 91

Танъи Фу, Гань Фу 90-93, 95

Тарн В. 25

Таскян В. С. 28, 39, 45, 75, 76, 80, 82, 83, 143, 194, 195, 221, 274, 304

Толстов С. П. 26, 101

Тоумань-шаньюй 42, 44, 76, 315

Тревер К. В. 28

Тумо 301, 303

Тун Шихэнь 225

Туци-шаньюй 223

Тянь Шунь 195

У-ди 27, 51, 66-72, 74, 75, 77, 78, 84, 88, 89, 91, 97, 106, 116-119, 121, 123, 124, 127, 134, 135, 137, 138, 140, 157-159, 161, 166, 167, 180-184, 190, 192, 195-197, 202, 203, 205, 206, 209, 211, 213, 241, 246, 250-252, 256, 305, 309, 310, 314

Уайли А. 18, 19, 33

Угуй 215, 218, 219

Ужилин 284, 289

Улими, см. Аньлими

Улин-ван 37, 38, 41

Уцзюту 170, 272-279, 281, 282, 296, 316

Учаньму 293

Учжюлю-шаньюй 243, 315

Уяньцзюйди-шаньюй 220, 222, 223, 268, 315

Фа Сянь 15, 17

Фан Хао 27, 123

Фань Е 86, 234

Фаньцю 284, 287, 288

Франке О. 21
 Фудзита Тоёхати 22, 23
 Фули 281, 282, 308, 316
 Фу Цзецзы 162, 207-209
 Фэй-ван, см. Вэньгуйми
 Фэн Лао, Фэн-фужэнь 273-277
 Фэн-фужэнь, см. Фэн Лао
 Фэн Фэнши 209, 261-263
 Фэн Чэнцзюнь 28
 Халоун Г. 23-25, 30
 Ханеда Тору 23
 Хань Аньго 68
 Хань-ван, см. Гао-цэу
 Хань Синь 48-50
 Хань Сюань 232, 278, 319
 Хань Сюань, духу 277, 278
 Хань Юэ 193
 Ханьдань 73
 Хирт Ф. 18, 21
 Хо Гуан 206, 215, 259
 Хо Цюйбин 12, 74, 75, 78-87, 92, 119
 Ху Чунго 143
 Хуй-ди 52, 314
 Хулсве А. 29
 Хулугу-шаньюй 51, 196, 206, 207, 293, 315
 Хунье-ван 23, 24, 27, 75-78, 88, 118, 119, 121, 156
 Хутучжэн 261-265
 Хуханье-шаньюй 29, 223, 224, 230, 236, 242, 243, 268, 277-280, 295, 296, 307, 315

Хуяньди-шаньюй 207, 215, 253, 315
 Цзею 211, 212, 220, 252-254, 261, 262, 265-267, 269-273, 275-278
 Цзи Ву 52
 Цзин-ди 62, 65, 250, 314
 Цзин Кэ 39
 Цзюйдихоу-шаньюй 182, 196, 315
 Цзюньсу 215, 219
 Цзюньсюйми, сэньцэу 211, 251-253, 266, 271, 316
 Цзюньчэнь-шаньюй 62-66, 71, 107, 315
 Цзянбинь 251, 261, 266
 Цзянду-ван Цзянь 249-251, 253
 Цылими 282, 284-287, 289, 302, 316
 Цяосайти 311
 Чангуй 209
 Чанло-хоу, см. Чан Хуй
 Чан Хуй, Чанло-хоу 212, 214, 218, 254, 256-261, 266, 267, 274, 276
 Чаньфэн 158, 159, 161
 Чжай Вэйхуа 27
 Чжан Синлан 24
 Чжан Цигун 72
 Чжан Цянь, Бован-хоу 10, 12, 15, 21, 27, 31, 67, 71, 73, 74, 89-108, 110, 113-123, 125, 127, 132-134, 146, 150, 154, 155, 159, 161, 166, 170, 172, 180, 211, 238, 241, 246, 248, 249, 251, 292, 310
 Чжан Шоуцзе 75, 82, 83, 126, 155

Чжан Янь 82

Чжао-ван 37

Чжао-ди 206, 207, 212, 216,
251, 254, 255, 269, 314

Чжао Пону 126-128, 131-133,
137, 139, 140, 147, 182, 187-
189, 198

Чжао Синь 72, 73, 78, 80, 169,
170

Чжао Шичэн 138, 143

Чжими 271, 275

Чжичжи-шаньюй 162, 223, 228,
278-280, 282, 287, 295-299, 301-
308

Чжоу Лянькуань 24, 27

Чжоу Чжэнхэ 32

Чжу Си 14

Чжу Ци 274

Чжун Дай 232

Чжунхан Юэ 57, 58, 60

Чжэн Цзи 129-131, 150, 216-
221, 225, 228, 244, 263-264, 271-
274, 281, 300, 319

Чжэн Цяо 14

Чу-ван Моу 251, 252, 273

Чэ Лин 136

Чэ Цяньцю 205, 206

Чэн-ди 283, 288, 307, 314

Чэндэ 266

Чэнь Ин 91

Чэнь Лян 232, 233

Чэнь Си 49, 50

Чэнь Тан 162, 228, 274, 281-
283, 295, 297-304, 306-308

Чэнь Чжунгун 27

Шаванн Э. 21

Шангуань Цзэ 144

Шотт В. 18

Шуанми-сикхоу 164, 252

Эгами Намно 30

Эноки Кадауо 31

Эр (Ушилу) 315

Эрши-хуанди 43

Эрши-цзянцзюнь, см. Ли Гуанли

Юань-ди 229, 230, 238, 242,
278, 279, 304, 314

Юаньгуйми 251, 266, 267, 274-
277, 316

Юар К. 18

Юй Инши 29, 225

Юй Хуань 234

Юйтуци 209

Юйцзянь 71

Юль Г. 18

Ян Куань 28, 257

Ян Сюн 242

Ян Цзяньсинь 31

Яньлю 311

Янь Чан 262

Янь Шигу 143, 156, 169, 209,
221, 251, 274, 320

Яо Динхань 137

Ясума Яихиро 23

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аксу, оазис, см. Вэньсу, Гумо

Алашань, пустыня 54, 185

Алма-Ата, г. 302

Алтай 24

Амасия (Амасья), г. 168

Амударья, см. Джейхун, Окс,
Уху, р. 23, 25, 27, 31, 115

Амур, р. 82, 83, 87

Аньдин-цзюнь 58, 59

Аньси, Парфия, царство 31,
101, 114-116, 120, 122, 125,
128, 133, 134, 154, 161-163,
166, 168, 169, 177-179, 208,
239, 294, 310, 318

Аньхоухэ, р. 200

Аральское море, см. Бэйхай

Ашхабад, г. 177

Ба (Сычуань), обл. 122, 124,
150

Байкал, оз. 82, 83, 87

Байлундуй (Пески Кумтаг),
пустыня 196, 230, 242

Бактрия, см. Дася

Баотоу, см. Уюань

Баркуль, г. 184, 189

Баркуль, оз., см. Пулэйхай

Баркультаг, см. Тяньшань

Бекабад, см. Гуйшуан-сикхоу

Битихоудэин 272

Битянь, Битяньчэн (Джамбул),
г. 178, 293, 294, 298, 312

Бишкек (Фрунзе), г. 113

Большое Юэчжи, Юэчжи, цар-
ство 44, 53, 54, 56, 59, 74, 90-
94, 96-106, 108, 109, 112-115,
120, 121, 124, 133, 134, 140,
153-155, 157, 159-167, 169-
181, 192, 195, 239, 241, 248,
252, 292-295, 310, 311, 318

Боро-хоро, хр. 296

Богдошань, см. Тяньшань

Буир-нур, оз. 82, 84, 87

Бутао, царство 178

Бохань, см. Давань

Бухара, г. 172

Бэйди, Бэйди-цзюнь 37, 55,
57, 75, 76

Бэйхай (Аральское море) 100,
294

Великая Гоби 80

Венгрия 22

Внутренняя Монголия 27, 32,
70, 80, 82, 87, 184, 194, 195,
199, 200

Восточное Цао, см. Эрши

Вэй, царство 39, 43, 313

Вэньсу (оазис Аксу), царство
248, 300, 301, 317

Вэйской (Курля), царство 202, 203, 236, 317

Ганьсу, пров. 17, 21, 22, 23, 24, 27, 30, 37, 316

Ганьсуский коридор 31, 37, 54, 56, 59, 60, 75-78, 87, 89, 92, 107, 109-114, 118, 119, 121-123, 134, 155, 170, 182, 183, 198, 208, 222, 226, 245, 246, 248, 252, 270, 310, 311

Ганьцюань 57, 59

Ганьчжоу, см. Чжанъе

Гаоче, владение 156

Гаофу-сихоу, владение, Янь-фоцзе 171-174, 176-178

Гаоцюз 70, 71

Гашунь-нур, см. Цзюйяньцзе

Гобийский Алтай 188

Гобийский Тянь-Шань, см. Цзюньцзишань

Горно-Бадахшанская АО 171

Греко-Бактрийское царство, Греко-Бактрия 14, 105, 114

Гуаньчжун 51

Гуйшань, Гуйшаньчэн (Ош), г. 160, 162, 163, 177

Гуйшуан-сихоу владение, Цяньдунь, Хэ (район Бекабада) 171-176

Гуйшуанское царство, см. Кушанское царство

Гуйшуй, Нами, Яксарт (Сырдарья), р. 14, 101, 103, 113-115, 164, 168, 169, 171, 172, 174

Гуйцы (Куча), царство 94, 148, 192, 205, 207, 214, 216, 220, 221, 244, 248, 251, 253,

259, 260, 264, 265, 267, 270, 277, 281, 283, 305

Гума, см. Пишань

Гумо (оазис Аксу), царство 308

Гуши, царство 27, 95, 125-133, 137, 139, 146, 147

Давань, Полона, Бохань, Нинъюань (Фергана), царство 9, 10, 12, 14, 27, 29, 30, 32, 90-106, 113-116, 120-126, 128, 132-134, 136-148, 150-152, 154, 157-168, 171, 176, 177, 179-182, 191, 192, 195, 205, 208, 209, 225, 238, 246, 247, 262, 263, 287, 292, 295, 297, 298, 300, 301, 307, 309-312, 318

Дай, царство 128, 133

Дай, Дай-цзюнь 38, 45, 46, 53, 55, 57, 69, 74, 79, 81, 86

Дайлинь 55

Далай-нур, Хулуньху, оз. 82, 84, 87

Дася, Бактрия, страна 14, 74, 92-98, 101-105, 108, 113-125, 132, 133, 140, 150, 154, 157, 159-168, 172, 174-176, 179-181, 192, 294, 295

Джейхун (Амударья), р. 13

Джизак, г. 172, 178

Джунгария 16, 18, 24, 110

Дзосотын-Элисун, пустыня 296

Ди, владение 53, 54

Динлин, владение 47, 278, 279, 296

Динсян, г. 71, 72, 79, 81

Дулай (Или), р. 297, 298, 302, 303

Дуньхуан, Дуньхуан-цзюнь
22, 36, 77, 88, 102, 108, 113,
119, 131, 137-143, 145, 147-
148, 150, 152, 158, 163, 169,
171, 182, 191, 210, 231, 268,
272, 273, 308

Душанбе, г. 174

Евкратидия, г. 114

Заалайский хр., см. Цунлин

Западная Цзинь, империя 311

Жоцян, царство 317

Жунлу, царство 317

Или, р. 17, 21-23, 30, 31, 109-
113, 155, 170, 211, 245-248,
251, 270, 292, 298, 302, 311,
316

Индия, см. Шэньду

Иньшань, см. Чжоешань

Иссык-Куль, см. Тяньчи

Исюньчэн, Исючэн, Цитунь-
чэн, г. 209, 262-264

Ичжоу (Хами), г. 150, 184,
201

Калганский тракт 80-82, 194,
199

Канцзюй, Чжэшэ, царство 92,
94, 96-102, 115, 120, 134, 144,
152, 154, 160, 167, 177-180,
223, 228, 239, 242, 247, 248,
276, 280-282, 286, 288, 289,
292-302, 304-312, 318

Карашар, см. Яньци

Карлыктаг, см. Цзюньцзишань

Кашгар, см. Шулэ

Керия, см. Юйми

Кзыл-Орда, г. 294

Коканд, см. Эрши

Котловина Больших озер 296

Кульджа, г. 110

Кунгей-Алатау, хр. 302

Курля, см. Вэйсуй

Куча, см. Гуйцы

Кушанское, Гуйшуанское цар-
ство 172, 173, 176

Ланьши (район Душанбе), г.
103, 104, 114, 163, 165, 174-
177, 180

Лигань, Рим 18, 115, 125,
169, 179

Линцзюй, г. 122, 123, 126

Лобнор, оз., см. Яньцзэ

Лоулань, Шаньшань (Чаркык),
царство 24, 27, 56, 95, 113,
125-127, 305, 317

Лоян 6

Лулэ, р. 187

Лунся, Лунси-цзюнь (район
Ланьчжоу) 37, 59, 67, 70, 74-
77, 95

Лунчэн 55, 69, 70, 94, 189,
190, 207

Луньтай, царство 148, 149, 229

Луньтоу, царство 140, 142,
146-148, 149, 158, 229

Лэлоучэн, г. 232

Лэюэни 293

Лянчжоу, см. Увэй

Ляодун 37, 88

Ляоси 37, 88

Маверранахр 14

Май, г. 48, 49, 68, 69

Малое Юэцжи 75, 92, 101, 164

- Малайя Азия 9
 Манас, г. 17, 24, 248
 Мандал-гоби 184
 Месопотамия 169
 Монголия 5, 16, 25, 78, 85, 88, 194
 Музартский перевал 301
 Нами (Сырдарья), р., см. Гуйшуй
 Наньду, царство 318
 Наньшань, Южные горы 150
 Нарат, хр. 248
 Нарынкол, г. 302
 Небесные горы, см. Тянь-Шань
 Ниса 177
 Нинъюань, см. Давань
 Ноён, хр. 189
 Окс (Амударья), р. 14, 17
 Ордос, см. Хэ-нань-ди
 Ош, см. Гуйшань
 Памир 19, 27, 28, 94, 171
 Памиро-Алай 28, 291
 Парфия, см. Аньси
 Пекин 32, 37, 38, 53, 69, 72, 81
 Пинчэн, г. 49, 50, 52, 157
 Пишань (Гума), царство 310, 317
 Полоня, см. Давань
 Пулэйхай, Пулэйцзэ (Баркуль), оз. 25, 30, 112, 113, 213, 215, 257, 258
 Пучанхай, см. Яньцзэ
 Пэйшуй, р. 54
 Пэнъян 57, 58
 Рим, см. Лигань
 Рихтгофена хр., см. Циляншань
 Россия 13, 19
 Река (Хуанхэ) 41, 46, 75
 Самарканд, г. 172
 Селенга, р. 195
 Северная Вэй, империя 290
 Северная Индия, см. Цзибинь
 Семиречье 26
 Сидунь-сихоу владение, Фудинша (район Хаваста) 171-174, 177, 178
 Синли 47
 Синьцинъюнь, см. Хэ-нань-ди
 Сихэ, Западная река 38, 41, 46, 54
 Сихэ, Сихэ-цзюнь 71, 75, 183, 184, 197-199, 201
 Согд 28, 313
 Сого-нур, оз., см. Цзюйяньцзэ
 Средняя Азия 5, 6, 10, 12, 16, 17, 31, 33, 66, 77, 78, 89, 90, 97, 105, 114, 118, 119, 126, 153, 154, 159, 166, 170, 172, 173, 179, 214, 220, 241, 246, 261, 270, 313
 Судуйшана, см. Эрши
 Суи, царство 311
 Сусе, г. 293, 312
 Сусе, царство 128, 133
 Сучжоу, см. Цзюцзюань
 Сутэ, см. Яньцзай
 Сычуань, см. Ба, Шу

Сырдарья, р. см. Гуйшуй
Сюми-сихоу владение, Цзябэй
171, 173, 175, 177
Сюнхэшуй, Сюннухэ (Эдзин-
гол), р. 74, 126, 127
Сянпин 37
Сяогуань 57
Тайюань, г. 48
Талас, р. 298
Ташкент, г. 178, 294, 295
Теке, р. 247
Терскей, хр. 248
Тола, р. 194
Тоуманьчэн, г. 76
Турфан, см. Чешу близнее
Тяньчжу, см. Шэньду
Тяньчи (Иссык-Куль), оз. 106,
294, 295, 298, 301, 302
Тяньшань (хр. Баркультаг и
Богдошань), горы 183, 184,
191, 197, 201
Тянь-Шань, Небесные горы
17, 28, 150
Тяньяншань, гора 79, 80, 86
Тяочжи 115, 122, 125, 178,
318
У, царство 43
Увэй, Увэй-цзюнь (Лянчжоу)
17, 77, 121, 188
Уишаньли, царство 178, 239,
310, 318
Улан-Батор, г. 69, 81, 82, 94,
189, 194
Улэй, владение 227, 317
Ура-Тюбе (Гаофучэн), г. 174

Урга (Улан-Батор), г. 81
Урумчи, г. 110, 183
Урянхайский край 25
Усунь, царство 24, 28-32, 34,
56, 94, 98, 105-109, 113, 119-
126, 132-134, 140, 144, 152-
156, 170, 195, 196, 207, 211-
215, 218-220, 223, 225, 226,
228, 234, 240, 242-261, 264-
303, 305-308, 310-312, 316,
318
Ухуань 243, 290
Уцзе, владение 278, 279, 296
Уюань (Баотоу), г. 71, 75, 184,
190, 193-195, 197, 199, 200, 212,
278
Фаньнэй 247, 293
Фергана, см. Давань
Фудиша, см. Сидунь-сихоу
Фумо, г. 293
Фуши 45
Хаваст, см. Сидунь-сихоу
Халыктау, хр. 248
Хами, г. 189, 231
Хань, царство 39
Ханьчжун 90
Хорезм, царство 26, 28
Хотан, см. Юйтянь
Хуанхэ, Река, р. 40-47, 70, 75,
87, 113, 185, 189, 190, 194,
195, 197, 221, 268
Хуаньцзянь, царство 128, 133
Худжанд, Ленинабад, г. 172,
175, 177
Хуйхэ, царство 53
Хулуныху, см. Далай-нур

Хуньюй, владение 47
Хух-хото, см. Юньчжун
Хуцзе, владение 24, 56, 113
Хэ, см. Гуйшуан-сихоу
Хэнтай, горы 84
Хасу, царство 297
Хэ-нань-ди, Синьдиньчжун (Ордос) 37, 41, 43, 46, 54, 55, 57, 69-71, 75-77, 88, 113, 118, 153, 198, 226
Центральная Азия 5, 6, 8, 10, 13-16, 19-21, 23, 25, 26, 28-35, 172, 226, 307
Цзаоян 70, 71
Цзибинь (Северная Индия), царство 9, 163, 165, 178, 239, 310
Цзиньчан, г. 76
Цзюйми (Керия), см. Юйми
Цзюйянь, г. 74, 141, 183, 186, 187
Цзюйяньцзе (Гашунь-нур), оз. 74, 141, 182, 184, 189
Цзюньцзишань (Гобийский Тянь-Шань, хр. Карлыктаг), горы 186, 187
Цзюцюань, Цзюцюань-цзюнь (Сучжоу) 14, 22, 77, 88, 121, 122, 124, 131, 134, 138, 141, 142, 147, 166-167, 182-184, 187, 188, 191, 197, 198, 201, 208, 213, 218, 257, 308
Цзябай, см. Сюми-сихоу
Цзянькунь, владение 278, 279, 296, 297
Цзяохэчэн (Турфан), г. 216, 217, 229
Ци, царство 43

Циляньшань (хр. Рихтгофена), горы 17, 36, 74, 75, 102, 108, 113, 119, 163, 186
Цинь, империя 35, 40-43, 45, 54, 70, 77, 143
Цинь, царство 35, 37, 39-43, 46, 54
Цитуньчэн, см. Исюньчэн
Пунлин, Заалайский хр., горы 291, 300
Цюйли (Пахтаюлгун), царство 130, 131, 148, 192, 203, 205, 216-219, 221, 260, 263-265, 270, 317
Цюйшэ, владение 47
Цян, владение 53, 54, 113
Цяньдунь, см. Гуйшуан-сихоу
Чанъань, г. 5, 49, 57-59, 94, 95, 160, 162, 163, 201, 231, 233, 239, 243, 247, 263, 293, 298
Чаншань 37
Чаосянь (Корея), царство 53, 54, 73, 88, 205, 226
Чарклык, см. Лоулань
Чеши, Чеши ближнее (Турфан), царство 29, 94, 126, 128-131, 150, 190-192, 197, 202, 204, 207, 215-222, 225, 227-235, 244, 253, 257, 263, 264, 317
Чеши дальнее (Цицзяоцзинь), царство 129, 190, 204, 228-236, 242-244, 299, 300, 306, 317
Чэшичан, г. 218, 219, 262
Чжанъе, Чжанъе-цзюнь (Ганьчжоу, Сучжоу) 14, 74, 77, 121, 141, 147, 187, 188, 208, 212

Чжао, царство 37-40, 42, 43, 46, 54

Чжаона 45, 57, 58

Чжаосиньчэн, г. 79, 194, 198, 199

Чжицзюйшуй, р. 194, 198-201

Чжешань (Иньшань), горы 184, 185, 200

Чжуншань, царство 37

Чжусецзин 198

Чжалучжан 187

Чжэнь, см. Канцзюй

Чигу, Чигучэн (Шаты), г. 247, 271-274, 276, 280, 282, 291, 297, 300-302, 305

Чилик, г. 302

Чхончхонган, р. 54

Чэяньуши, Чэяньши 212, 254, 255

Шангу 37, 53, 69, 71, 88, 197

Шанцзюнь 37, 53-55, 57, 62, 71, 75

Шаньго, царство 203, 317

Шаньшань, см. Лоулань

Шаты, см. Чигу

Шаче (Яркед), царство 94, 214, 220, 251, 261-265, 270, 311, 317

Шичэн, г. 216

Шичэнчжэнь, г. 209

Шоусянчэн, г. 188, 189, 195

Шофан, Шофан-цзюнь 70, 71, 75, 87, 122, 184, 185, 188, 193, 194, 195, 198, 200

Шу (Сычуань), обл. 116, 117, 122, 124, 150, 166

Шуанми-сихоу, владение, Чжэ-семосунь 171-173, 175, 177

Шулэ (Кашгар), царство 94, 123, 145, 151, 173, 305, 311, 317

Шэньду, Тяньчжу (Индия) 15, 17, 103, 116, 117, 120, 122, 125, 155, 165, 166

Эдзин-гол, р., см. Сюньхэшуй

Эрши, Эршичэн, Судуйшана, Восточное Цао (Коканд), г. 136-138, 143, 145, 146, 152, 160, 162, 172, 177, 179

Юбэйпин, г. 72, 88

Юйли (Чара), царство 202, 203, 231, 237, 317

Юйми, Цзюйми, (Керия), царство 95, 98, 120, 128, 133, 146, 148, 207, 311, 317

Юймэнь, Юймэньгуань 131, 134, 138, 147, 191, 226, 230, 231

Юйни, г. 293

Юйтянь (Хотан), царство 15, 30, 94, 95, 98, 120, 146, 305, 317

Юйушуй, р. 193-195, 199

Юйчэн, г. 137, 138, 140, 142, 144, 151, 167

Юйцзянь, г. 178, 294

Юйян 37, 88

Юнь 57, 58

Юньчжун (Хух-хото), г. 38, 53, 55, 57, 62, 69, 70, 75, 79-81, 88, 182, 194, 198, 212, 278

Юфуфан-цзюнь 58

Юэ, царство 73, 88, 90, 122, 205, 226

Юэчжи, см. Большое Юэчжи

Яксарт (Сырдарья), р., см. Гуйшуй

Ялуцзян, р. 54

Янгуань 145, 169, 171, 172, 175, 209, 226, 293, 294

Янь, царство 311, 312

Янь, царство кит. 37, 39, 43, 45, 54, 57

Яньжаньшань, гора 199-201

Яньмэнь, Яньмэнь-цзюнь 40, 46, 69, 74, 192

Яньфоцзе, см. Гаофу-сихоу

Яньцай (Сутэ), царство 99, 100, 114, 122, 154, 294, 311, 312, 313, 318

Яньцзэ, Пучанхай (Лобнор), оз. 22, 24, 56, 76, 77, 113, 128, 136, 209, 302

Яньци (Карашар), царство 203, 215, 219, 231, 236, 244, 248, 305, 317

Яньшуй (Черчен), р. 136, 138, 139, 147, 148, 159

Яркенд, см. Шаче

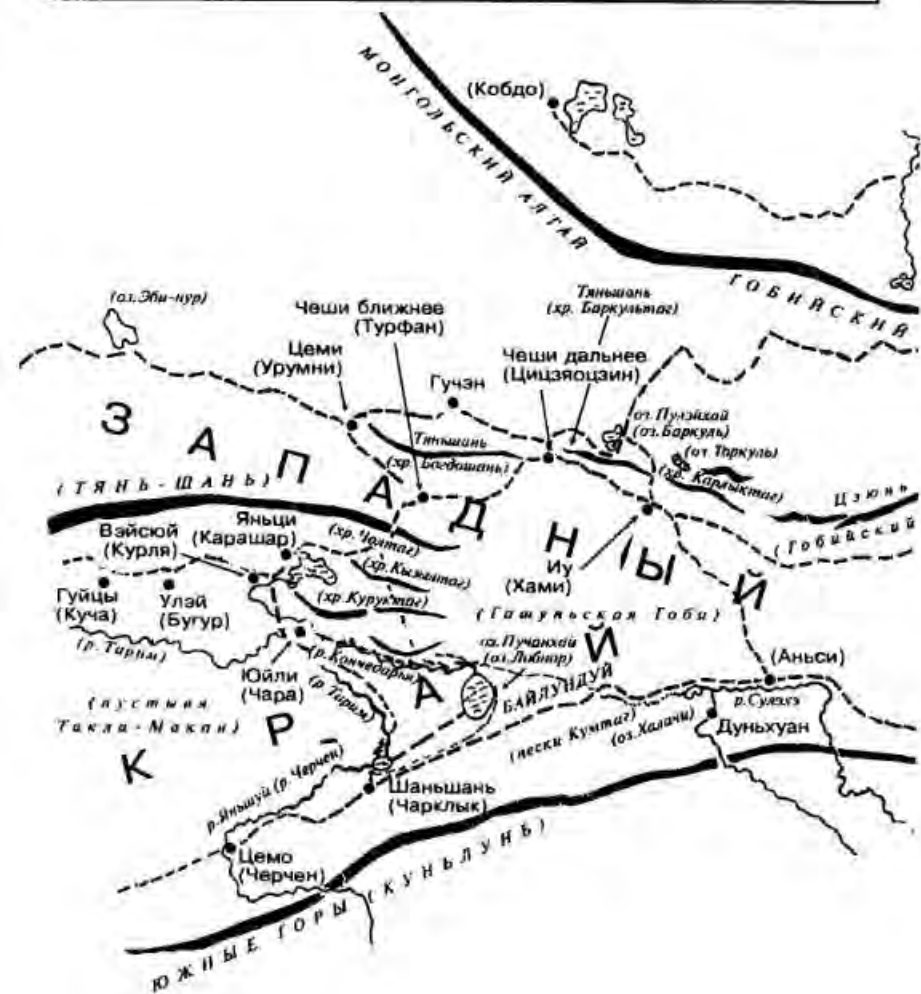
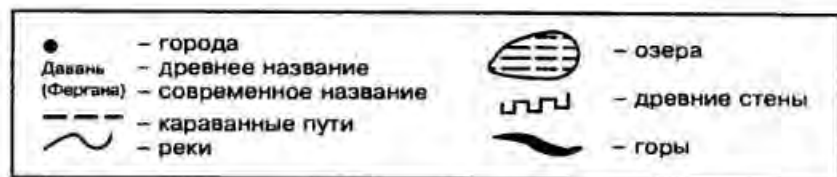

Рис. 1. Хань, Сюнну, Западный край.

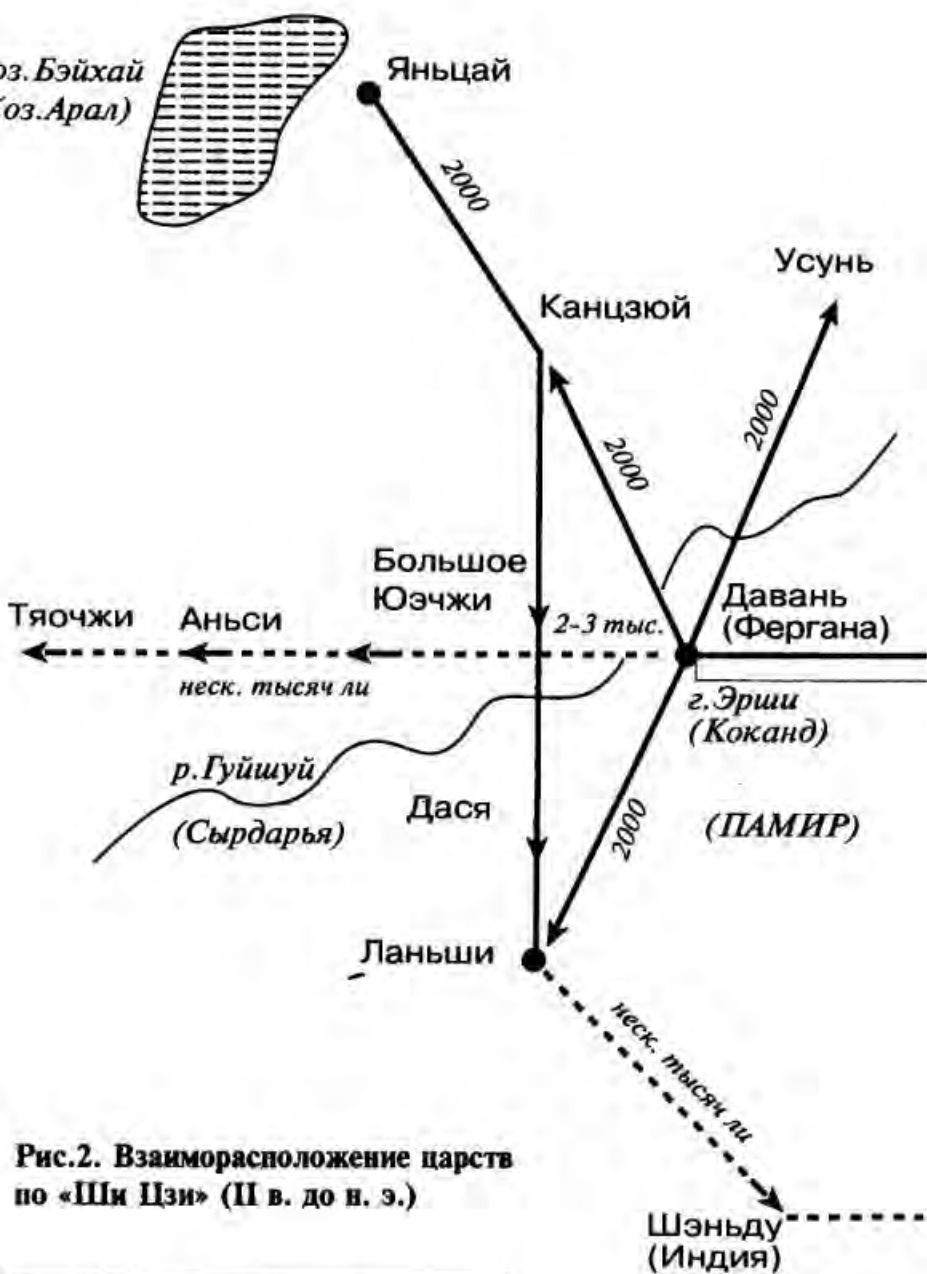

Рис.2. Взаиморасположение царств по «Ши Цзи» (II в. до н. э.)

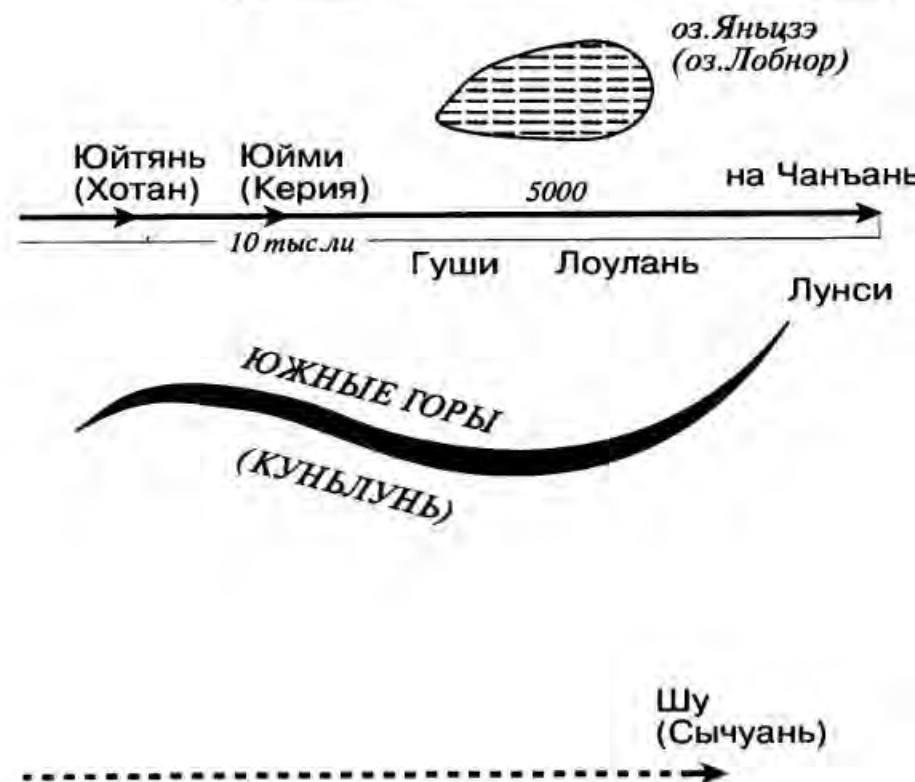
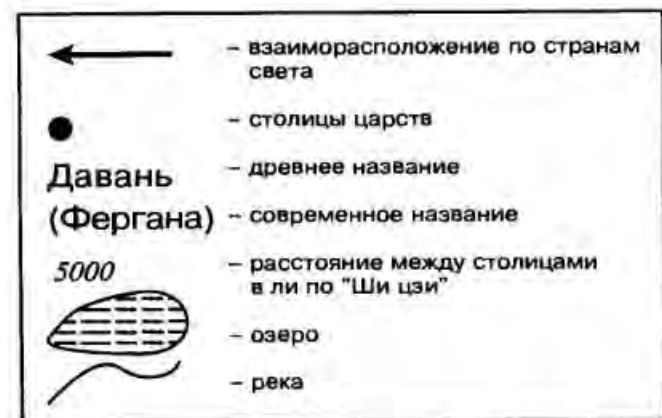
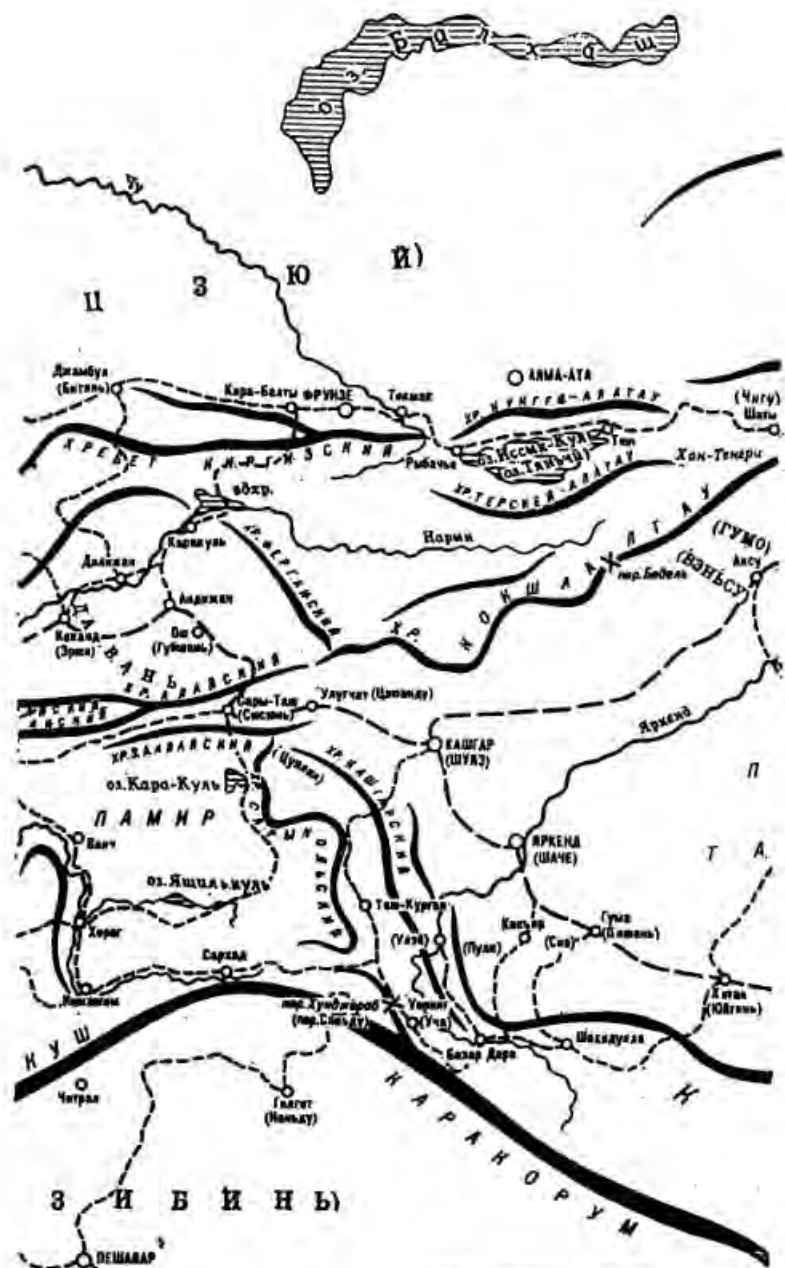

Рис. 3. Локализация государств по «Хань шу» (I в. до н.э. — 25 г. н.э.)

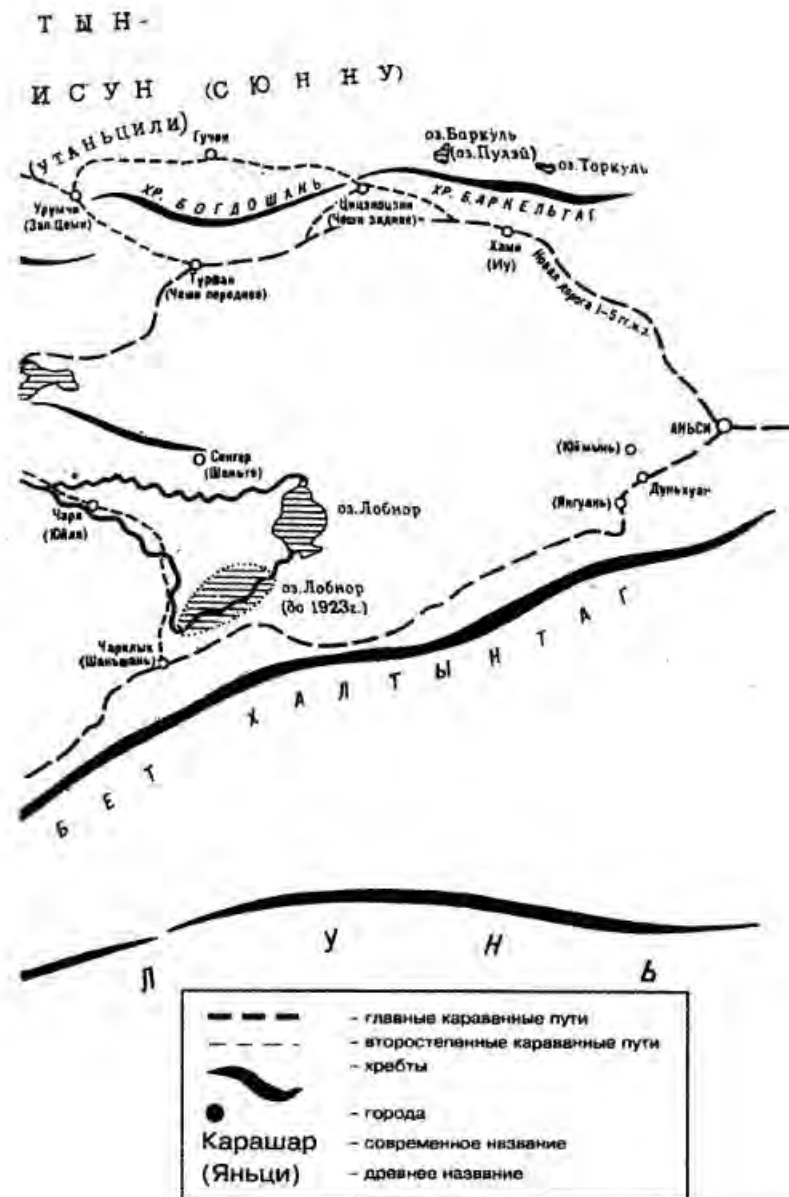
© Л. А. Боровкова, 2000
© Институт востоковедения РАН, 2000

© Л. А. Боровкова, 2000
© Институт востоковедения РАН, 2000

Продолжение рис. 3.

© Л. А. Боровкова, 2000
© Институт востоковедения РАН, 2000

